М. Ф. ОРЛОВ

КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ПИСЬМА

М. Ф. ОРЛОВ — КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

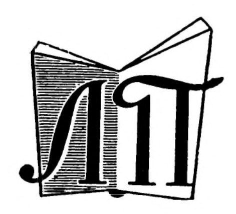

М. Ф. Орлов

Миниатюра работы А. Ф. Легрене. 1822—1826 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Литературные Памятники

М. Ф. ОРЛОВ

КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ПИСЬМА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
С. Я. БОРОВОЙ и М. И. ГИЛЛЕЛЬСОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1 · 9 · 6 · 3

Ответственный редактор
Ю. Г. ОКСМАН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
ВОСПОМИНАНИЯ

КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

Не трудно было заключить из положения военных действий, что Наполеон, отраженный попеременно при Лаоне и при Арсисе, был решительно слабее каждой из двух союзных армий, идущих концентрически на Париж. Владея внутренней линиею, он имел полную возможность сосредоточить свои войска против того или другого из своих врагов, и несколько раз пытался воспользоваться сею стратегическою выгодою; но все усилия его остались тщетными и послужили только к тому, чтобы обнаружить вещественную слабость его сил. В этом почти отчаянном положении он прибегнул к последнему средству, уже внушенному не благоразумием, но дерзостью самой неслыханной. Итак, открыв совершенно Париж, предоставив собственным усилиям корпуса Мармона и Мортье, которые должны были следовать за ним, он середи белого дня, в глазах армии князя Шварценберга, стоявшей в боевом порядке, перешел смело через Обу и направился к своим рейнским пограничным крепостям, надеясь этим дерзким стратегическим движением вынудить неприятеля к отступлению, в чем не мог успеть повторенными усилиями своей пламенной и бурной тактики.

Но очарование давно уже было разрушено и хитрость была так груба, что никого не обманула. Союзники следовали за ним до Витри, для обеспечения сообщений между двумя армиями, а потом вдруг повернули и быстро двинулись на Париж; они уничтожали или опрокидывали все корпуса, которые попадались им на пути, и не только угрожали сообщениям неприятеля, которые он добровольно оставил, но самой столице и средоточию его могущества. Марта 17/29 наш авангард под начальством генерала Раевского занял с бою Бондийский лес, и главная квартира российского императора была учреждена в деревне того же имени, между тем как левое крыло шло через Шарантон и Венсен, а Блюхер наступал на Бурже. В тылу генерал Винценгероде следовал с сильной кавалерией за Наполеоном, а генерал Сакен занимал Мо, будучи готов или поспешить на помощь к большой армии, которая шла атаковать Париж, или стать в отпор Наполеону, если бы он

вздумал идти на защиту столицы своей. Это общее движение на Париж решило перелом, который впредь казался неизбежным и которого все следствия неминуемо должны были обратиться в нашу пользу.

Наполеон, сказавший в Вильне генералу Балашову, что он ходит на войну как на охоту, и может ежегодно тратить по 300 000 человек, не имел в империи своей двух Парижей, чтобы ставить их на карту и проиграть.

Марта 18/30, на рассвете, все мы собрались верхом на дворе Бондийского замка и ожидали минуты, когда государь вступит в верховное распоряжение решительной Парижской битвой. Уже пушки начали греметь и колонны наши приходили в движение, когда привели французского офицера, которого имя я забыл; он объявил себя парламентером, но был, вероятно, бежавший военнопленный, сбившийся с дороги в тылу нашей армии. Его тотчас ввели к императору, который хотел сам сделать ему все расспросы и объявить волю свою. Во время этих переговоров, которые продолжались почти три четверти часа, генерал-адъютант Уваров сообщил мне, что графу Нессельроде препоручено вступить при первой возможности в переговоры о сдаче Парижа. Я заметил ему, что надобно было создать эту возможность и что для этого необходимо присоединить к нему человека военного, которому дать власть прекратить огонь везде, где он сочтет это нужным. Уваров согласился с моим мнением, пошел в замок, а через несколько минут кликнули и меня в кабинет его величества.

Положение императора было необыкновенно достопримечательно. Величаво и важно говорил он всякий раз, когда приходилось защищать общие европейские выгоды, но был снисходителен и кроток, как скоро дело шло о нем самом и его собственной славе. На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием провидения. Политический разговор его носил отпечаток этих двух положений: с уверенностью в победе он соединял заботливость почти отеческую о жребии побежденного врага. С первых слов, сказанных им мне, я понял этот двойственный характер и увидел, что день заключится решительными усилиями, за которыми последует честная капитуляция. По приходе моем император высчитал ясно и быстро все сведения, полученные им о состоянии неприятеля, присоединил к тому собственные замечания и заключил следующими достопамятными словами: «Ступайте,— сказал он мне,— я даю вам право остановить огонь везде, где вы сочтете это нужным. И для того, чтобы предупредить и отвратить все бедствия, облекаю вас властью, не подвергаясь никакой ответственности, прекращать самые решительные атаки, даже обещающие полную победу. Париж, лишенный своих рассеянных защитников и своего великого мужа, не будет в состоянии противиться. Я твердо убежден в этом. Богу, который даровал мне могущество и победу, угодно, чтобы я воспользовался тем и другим только для дарования мира и спокойствия Европе. Если мы можем приобресть этот мир не сражаясь, тем лучше; если же нет, то усту-

ним необходимости, станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже».

На этот раз мне суждено было представлять Европу, ночующую в Париже: торжественное вшествие союзников последовало не прежде, как на другой день.

Вот в каком расположении находился государь, отпуская нас. Я отправился вместе с французским офицером; с нами было два трубача. Мы отправились большим галопом к деревне Пантен, занятой русской пехотною бригадою. Огонь уже начался; все колонны были на марше, и общая перестрелка завязалась по всей линии.

Подъехав к передовым постам, я тотчас заставил прекратить с нашей стороны огонь и велел трубачам своим трубить; в то же время французский офицер, прибывший со мною, подъехал к своим и также успел прекратить их огонь. Получив этот первый успех, мы последовали за нашим парламентером и приблизились к неприятелю на 30 или 40 шагов. Вскоре парламентер смешался с французами и после кратковременного разговора пропал у нас из виду. Мы еще стояли, не зная какой успех будет иметь попытка наша, как вдруг яростные крики, сопровождаемые общим залпом, возвестили, без всякого предупреждения, о возобновлении неприязненных действий. В то же время человек двадцать конных егерей, пользуясь удалением нашим от своих, бросились во весь опор на меня и полковника Дьякова, который выехал вместе со мною. Едва успел я выхватить саблю и отбить удары, наносимые мне, а между тем Дьяков, которого лошадь ухватили за узду, отделался от противника своего ударом нагайки. Все это сделалось в одно мгновение и когда, преследуемые по пятам, мы доскакали до деревни, то войска наши двинулись опять вперед и конные егеря, гнавшиеся за нами, попались в плен. Все они были пьяны и одушевлены, как мы видели, не природным, а искусственным пламенем. Этим кончилась первая попытка наша вступить в переговоры. За нею последовало много других, но везде, при различных обстоятельствах, успех был тот же, а между тем кровь продолжала литься, новые массы приходили на поле сражения и ядра начинали падать в самые населенные части города. Впоследствии я узнал, что одно такое ядро прикатилось, обессилев, к ногам одной из самых прелестных, самых щеголеватых женщин Парижа, потрясло благотворным ужасом слишком нежные нервы одного из высших чиновников города и имело решительное влияние на этот знаменитый день.

Битва началась в центре...

⟨Здесь пропущено все, что в записках относится к движению обеих сторон, и в извлечении сохранена только дипломатическая часть рассказа⟩.

Усилия союзников и сопротивление неприятеля стоили многих жертв, прежде чем мы овладели деревней Бельвиль и Сен-Шомонским холмом

В этом успели только к четырем часам пополудни, после осьми часов боя; и в ту минуту, когда государь делал смотр своей гвардии, намереваясь пустить ее на неприятеля, явился, наконец, настоящий парламентер с предложением открыть переговоры.

Император тотчас позвал меня к себе и повелел переговорить с присланным офицером. Объяснение было коротко: он не имел никаких полномочий, и просто требовал, чтобы остановили атаку; это значило бы отложить победу, а может быть, и упустить ее из рук. Ему отказали, и я получил предписание ехать тотчас с ним вместе к герцогу Рагузскому, который командовал прямо против нас.

Итак, мы поскакали во весь опор рядом, сквозь град картечи и пуль, подвергаясь оба опасности погибнуть от огня обоюдных врагов или друзей наших.

Первый человек, которого я встретил в самой передней цепи французских стрелков, был маршал Мармон. Он стоял со шпагою в руке, ободряя разреженные батальоны свои движениями и голосом к отчаянной защите. Вид имел он твердый и воинственный, но печальное лицо обнаруживало грызущую заботу человека государственного, на котором лежит огромная ответственность. Эта ответственность тяготела на нем одном вся вполне; он, казалось, уже тогда предвидел, что сделается целью, на которую устремятся все нападки партий, и жертвою раздраженной гордости национальной. Опасность была крайняя и каждая минута драгоценна. Слова герцога были сильны и коротки: решимость его быстра и полна. Увидев меня, он тотчас подошел ко мне и сказал без всяких околичностей:

— Я герцог Рагузский. Вы кто?

— Полковник Орлов, флигель-адъютант его величества императора всероссийского, который желает спасти Париж для Франции и мира.

— Это также наше желание и единственная надежда; без того всем нам осталось бы только умереть здесь. Условия ваши?

— Огонь остановится; французские войска войдут за укрепленные заставы; тотчас назначить комиссию для переговоров о сдаче Парижа.

— Согласен, и буду с герцогом Тревизским ждать вас у Пантенской заставы. Итак, к делу; прекратим, не мешкая, огонь по всей линии. Прощайте!

Я отправился, но, отъехав немного, воротился к герцогу и сказал ему: «Высота Монмартрская также должна быть очищена французскими войсками».

Он подумал с минуту и отвечал: «Это справедливо, она вне укрепленных застав».

В это время по всей французской линии раздавались крики: «Да здравствует император! Да здравствует великий Наполеон!» — и ясно было по

виду этих храбрецов, что крик этот, возбужденный самим маршалом, более обнаруживал с их стороны усердия к бою, чем радости о минутном прекращении опасности. Зрелище это было величественно. Борьба кончилась, но неизменно и во всей полноте своей сохранилась преданность.

Наши стояли в двух стах шагах оттуда. Барабаны ударили сбор; офицеры разъезжали по рядам, и только небольшое количество самых отчаянных солдат упорно продолжали стрелять в неприятеля. Никогда не забуду комического неудовольствия одного русского гренадера, которого я не допустил выстрелить, приказав ему воротиться к его роте. Он взглянул на меня с видом упрека и сказал умоляющим голосом, указывая рукой на французского стрелка, которого, вероятно, почитал личным врагом своим: «Ваше высокоблагородие, позвольте мне только этого подстрелить». Разумеется, что я не дал свободы его мщению или гневу, и он, возвратясь в ряды, ворчал против того, что называл моей непонятной несправедливостью.

В некотором расстоянии оттуда я нашел государя и прусского короля, которые, сошедши с лошадей, стояли на одном возвышении, где император сам устроил батарею из 24-х орудий. Прусский король благодарил наших офицеров за блистательную атаку, которую они совершили, ударив из деревни Пантен на фланг и тыл французских батарей Сен-Шомонского холма. Все с нетерпением ждали, какие я принесу вести. Едва кончил я рассказ, император позвал графа Нессельроде и дал ему инструкцию, составленную заранее вместе с прусским королем и князем Шварценбергом. Комиссию тотчас назначили. Она состояла из графа Нессельроде и меня. Князь Шварценберг присоединил к нам своего адъютанта, полковника Парра, а Нессельроде взял еще с собою капитана Петерсона, русского, уроженца Лифляндии, камергера при дворе российском, вступившего в военную службу из патриотизма, при самом начале войны. Мы тотчас поехали, направляясь к Пантенской заставе, где не замедлили встретить герцога Рагузского со всем его штабом; он принял нас за укрепленной заставой. Войска французские уже вступили в город и расположились вдоль по длинным рядам палисадов, сооруженных с обеих сторон входа, который защищала батарея (tambour) из нескольких орудий. Был пятый час вечера. С этой стороны огонь был совершенно прекращен, но со стороны Блюхера, куда известие о перемирии не успело достигнуть, пушки еще продолжали греметь.

Герцог Тревизский был уведомлен, но еще не являлся. Маршал Мармон предложил нам ехать к нему навстречу; мы приняли предложение и отправились по линии палисадов, по направлению к заставе Ла-Виллет. Я имел возможность заметить, что происходило в этой части города: войска французские заняли в порядке и с быстротой свои слабые укрепления; солдаты стояли вдоль палисадов, опираясь на ружья. Было

устроено несколько исходящих углов для фланкирования длинных куртин, почти совершенно открытых. Новые мундиры, которых мы не встречали на поле сражения, свидетельствовали о присутствии национальной гвардии. Впрочем, позади войск народу было мало или почти не было; не слышно было криков, не видно ни малейшего движения, никаких необыкновенных приготовлений; одним словом, это была защита спокойная, обдуманная, устроенная чисто в военном смысле, без сильного энтузиазма со стороны народа, без революционных импровизаций со стороны начальников. Нам очень было важно собрать все эти успокоительные признаки.

Приехав к Виллетской заставе, мы нашли герцога Тревизского, который собирался ехать нам навстречу. После непродолжительного разговора между двумя маршалами, мы взошли в некоторого рода трактир, где переговоры тотчас начались. Не лишнее заметить, что во все их продолжение роль маршала Мортье ни на минуту не переставала быть страдательною. Знаком головы он изъявлял согласие на слова товарища своего или несогласие на наши предложения. Разговор поддерживал один герцог Рагузский, входя во все подробности переговоров. Надобно думать, что маршалы заранее согласились, как обоим действовать. Герцог Рагузский принял на себя политическую роль, а герцог Тревизский чисто военную: вывод войск из города и направление колонн.

Союзники выиграли сражение, и превосходство их сил и позиции было так очевидно, что самая гипотеза сопротивления чисто военного была неудобоприемлема. Итак, эту неоспоримую выгоду должно было обратить в свою пользу. Надобно было воспользоваться взятием Парижа как первым шагом ко всеобщему миру и для того уничтожить, подавить, сколько возможно, силы, которыми мог располагать Наполеон. Таким только образом можно было действовать согласно с истинным смыслом слов, сказанных императором Александром при начале этого дня, и именно в этом смысле граф Нессельроде открыл переговоры, предложив сдать город со всем гарнизоном, какой бы он ни был.

Этому предложению оба маршала воспротивились почти с негодованием. Они напоминали о прежних заслугах своих, высчитывали все сражения, в которых покрыли себя славою, и объявили единодушно, что лучше погребут себя под развалинами Парижа, чем подпишут такую капитуляцию.

Напрасно представляли мы им попеременно разные причины: и спасение Парижа, и ответственность, которую они принимают на себя; напрасно представляли, как необходимо употребить и моральное и физическое насилие, чтобы вынудить Наполеона к миру, на который он никогда не согласится добровольно. Это замечание, которого коснуться надобно было очень осторожно, не имело, как и все наши усилия, ни малейшего успеха. Маршалы

не помышляли о будущем и заботились только о том, чтобы сохранить честь свою в настоящем. Они оставались непоколебимыми; вдруг, среди самого разгара прений, пальба по крайней оконечности нашего правого крыла усилилась до чрезвычайности, а затем последовала живая перестрелка. Мы были в затруднении: в эту минуту неприятели наши могли и нас обвинить в вероломстве. По счастию, тотчас после того водворилась совершеннейшая тишина и вскоре узнали, что граф Ланжерон взял высоты Монмартрские, не получив еще известия о заключении перемирия; но что вслед за тем он прекратил атаки и уведомил даже французов о прекращении неприятельских действий. Это обстоятельство, непредвиденное ни с той ни с другой стороны, могло бы поколебать мужество менее испытанное, чем то, каким отличились оба маршала, и, доведя до отчаяния, принудить к принятию предложений наших. Но они продолжали упорствовать и граф Нессельроде решился возвратиться к союзным государям за новыми полномочиями и перенести театр переговоров на Сен-Шомонский холм. Итак, мы отправились в сопровождении одного французского генерала, помнится, Лапуанта, которому маршалы вверили судьбу войска и города; он должен был привезти им ультиматум союзников.

Сверх того, французский генерал имел при себе письмо от Наполеона к князю Шварценбергу. В этом письме силились доказать князю, что Наполеон открыл непосредственные переговоры с тестем своим, австрийским императором; что согласились уже во всех статьях и потому со стороны генерала австрийского было бы очень благоразумно тот же час прекратить нападение на Париж. Легко было видеть, что это лев в лисьей шкуре. Письмо князь отдал присутствующим государям, которые приняли на себя дать ответ самый отрицательный. После краткого совещания, к которому все мы были приглашены, решили отказаться от намерения принудить маршалов к положению оружия, но продолжать переговоры в том же смысле, т. е. с намерением подавить воинственный дух Наполеона, оковав средства, которые находились во власти его; и потому ультиматум нам не дан, и мы воротились к Виллетской заставе для возобновления переговоров на новом основании. Было уже 7 часов вечера, когда комиссары союзников явились к французским маршалам опять в то же самое место.

Граф Нессельроде после краткого предисловия, в котором выхвалял великодушие союзных государей, объявил положительно, что их величества согласны на очищение Парижа войсками, которые принадлежали к корпусам, сражавшимся под стенами Парижа, но предоставляют себе назначить этим войскам дороги, по которым они должны идти до известного расстояния. Существенно предложение это было только изменение первого.

Маршалы отошли в угол комнаты, и вскоре герцог Рагузский, подойдя к нам, представил, что Париж не окружен и не может быть окружен, что на деле все дороги открыты для французов, а потому должны быть свобод-

ны и по праву; но он желал бы, чтобы граф Нессельроде объяснил определительнее свое предложение и сказал дорогу, по которой армии французской назначено будет идти. Мы желали, чтобы она шла по дороге Бретанской, но едва назвали ее, как маршал объявил, что на этих условиях он не может переговариваться; что настоящий путь ретирады его для него открыт и очевиден; что, защищая Париж шаг за шагом, он не иначе мог быть отброшен, как на С.-Жерменское предместье, где он мог, перейдя чрез Сену и поставив ее между собою и союзниками, ретироваться на дорогу в Фонтенебло, а потому, чего нельзя отнять у него превосходством оружия, того не должно стараться приобресть условиями перемирия, несогласными с честью старого воина, и, одушевляясь постепенно, он наконец прибавил следующие слова:

«Господа, жребий оружия благоприятствовал вам; нет сомнения, что вы победили; я предвижу, что следствия этой победы будут неисчислимы. Будьте вместе и великодушны и благоразумны, не простирайте ваших требований до крайности. Советы великодушия часто бывают лучше советов силы».

Не было между нами никого, кто бы не понимал, сколько истины и чувства заключалось в представлениях маршала; на его месте каждый из нас сказал бы то же, ссылаясь на те же самые причины. Но мы действовали под влиянием данных нам инструкций. Повторим еще раз: наша миссия состояла в том, чтобы связать исполина битв, переломить в руке Наполеона меч его, а для этого надобно было разъединить, разбросать, рассеять его силы, уничтожить все стихии сопротивления и поставить его одного, обнаженного, со всем эгоизмом его гения и славы, пред лицом масс, которых могущества он так долго не признавал и которых презирал мнение, —пред лицом Европы, отвергавшей его из предусмотрительности, пред лицом Франции, которая отказывалась от него по изнеможению. Вот цель, за которой мы усердно гнались, вопреки военных сочувствий наших, которые побуждали нас уважать упрямство маршалов; мы старались достигнуть мира, обеспечить будущность человечества, и цель наша нисколько не заключала в себе суетности и желания унизить побежденного врага. В то время идея наша не была понята, а когда герцог Рагузский силою обстоятельств, при Эссоне, увидел себя в необходимости обратиться к ней, то было уже поздно. Его глубокое убеждение приняло, в глазах предубежденных французов, характер преступного отпадения — и отсюда источник всех его горестей и разных огорчений, претерпенных им на политическом поприще. Итак, начались опять представления и ответы, предложения, упорно повторяемые, и новые, еще более сильные возражения. Наконец, после многих споров и шуму, герцог Тревизский лучше согласился расстаться с нами. Обязанность, на нем лежащая, сказал он, так велика, что он не может долее медлить и принужден удалиться к войскам для устройства париж-

ской защиты; что же касается до переговоров, то он препоручает их товарищу своему, на решение которого заранее согласен.

Это решение осталось неизменно. Маршал Мармон не склонялся ни на какие представления наши; такое упорство приносит ему тем более чести, что уже со второго часа пополудни он имел при себе полномочие от короля Иосифа не только переговариваться о сдаче Парижа, но и самой армии, с ним бывшей. Итак, обе стороны стояли на своем и переговоры не подавались ни на шаг вперед.

Было уже 8 часов вечера, приближалась ночь. Я заметил графу Нессельроде, что теперь выгода останется на стороне маршалов; нельзя же было и думать о ночном нападении на Париж, а тем не менее это было единственное средство воспрепятствовать выступлению французов из города в определенном направлении и по известной дороге; и, вероятно, маршал Мортье за тем собственно и удалился от нас, чтобы совершить на деле это отступление; что завтра на заре мы найдем Париж предоставленный его собственным силам, а оба маршала будут на походе для соединения с Наполеоном. Из этого я заключил, что надобно было тотчас составить импровизированную капитуляцию или попытаться еще раз вырвать требуемые условия, прекратив переговоры; я предложил, что соглашаюсь остаться заложником в Париже до истечения перемирия. Граф Нессельроде решился на последнее. Он пресек тотчас же переговоры и, представляя меня как заложника маршалу Мармону, дал ему честное слово, что нападение на Париж не будет возобновлено до тех пор, пока я не переступлю чрез русские аванпосты.

Наши поехали в лагерь, а я последовал за герцогом Рагузским в Париж, куда мы и въехали через несколько минут после того. Мы ехали верхом и медленно, в глубочайшей тишине и темноте. Слышен был только раздававшийся топот лошадей наших, и изредка несколько лиц, беспокойных, волнуемых тревожным любопытством, являлось в окнах, которые быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, бесчисленное народонаселение Парижа бежало из него; но оно находилось только в оцепенении. Сами мы, в руках у кого находилась участь такого множества людей, сами мы походили на тихую патруль, объезжавшую улицы оставленного города. Каждый из нас был погружен в мыслях, и мне не приходит на память, чтобы сказано было в продолжение этого переезда хоть одно слово, которое бы стоило быть сохранено. Однажды маршал Мармон подозвал к себе одного из адъютантов и тихим голосом отдал ему какой-то приказ. Адъютант отправился, и чрез несколько минут мы услышали в соседней улице шум, причиняемый отрядом, идущим с пушками. Этот шум не прекращался во все продолжение переезда нашего; его направление совершенно утвердило меня в первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Париж бедствию, которое бы неминуемо навлекло на

Cantique des Marseillois

1re

Allons enfants de la patrie
Le jour de gloire est arrivé;
Contre nous de la Tyrannie,
L'étendart sanglant est levé (Bis.)
Entendez-vous dans nos Campagnes
Mugir ces féroces Soldats?
Ils viennent jusque dans nos bras
égorger nos fils, nos Compagnes.
Aux armes citoyens formés vos bataillons
Marchez marchons, qu'un sang impur arrose
nos sillons

2ème

Que veut cette horde d'esclaves
de traitres de Rois conjurés?
Pour qui ces ignobles entraves
Ces fers dès longtems préparés? (bis)
Grand Dieu par des mains enchainés
Nos fronts sous le joug ployeroient?

Список «Марсельезы» из бумаг М. Ф. Орлова.
Гос. литературный музей

Tous ces tigres qui sans pitié
Déchirent le Sein de leur Mère.

Aux armes &c . . .

5me

Tremblez tyrans et vous perfides
l'opprobre de tous les partis
tremblez! vos projets parricides
vont enfin recevoir leur prix (bis)
Tout est Soldat pour vous combattre
S'ils tombent + nos jeunes héros
la terre en produit de nouveaux
contre vous tous prets à combattre.

Aux armes &c . . .

6me

Amour Sacré de la patrie
Conduis, Soutiens nos bras vengeurs
Liberté! liberté! chérie
Combat avec tes défenseurs. (bis)
Sous tes drapeaux que la victoire
accourt à tes mâles accents

Список «Марсельезы» (окончание) из бумаг М. Ф. Орлова.
Гос. литературный музей

него сопротивление, несогласное с их силами; не желая также увидеть себя вынужденными к эксцентрической ретираде, которая могла бы их лишить возможности соединиться с Наполеоном, решились, с общего согласия, выйти из города на их естественную коммуникацию. Впоследствии я узнал, что предположение мое совершенно оправдалось событием.

Мы приехали, наконец, в отель герцога Рагузского, представлявшую разительную противуположность с улицами Парижа. Она была освещена сверху до низу. Туда собралось множество разных лиц, которые, казалось, с нетерпением ожидали прибытия нашего. Когда мы взошли в гостиные маршала, то все эти лица хлынули нам навстречу, но вскоре рассеялись на несколько отдельных групп, из которых каждая предалась разговору, до чрезвычайности одушевленному; в этих разговорах события того дня развивались в тысяче различных форм. Маршал препоручил адъютантам своим заниматься со мною, а сам удалился с некоторыми особами к себе в кабинет.

Я не совсем был чужд привычек и обращения французских офицеров. В две разные эпохи — в 1807 году, во время пребывания государя в Тильзите, и при открытии кампании 1812 года, в Вильне,— я имел случай изучить военные нравы врагов наших, составляющие счастливое смешение некоторого тщеславия с необыкновенной вежливостью. Это смешение не исключало из разговора чувствования национальной гордости, но тем не менее делало общественные отношения удобными и простыми даже тогда, когда политические были исполнены горечи и вражды. Я вскоре заметил, что последние события расстроили несколько это моральное равновесие. Оскорбленная гордость нации сделалась раздражительнее, щекотливее, а вежливость, истощенная превратностями, стала менее сообщительна, более холодна.

Это было очень понятно. Несчастье принесло горький плод свой: глубокое неудовольствие на людей и вещи и расположение, может быть, в равной степени враждебное и к самим себе, и к другим. В первые минуты заложник союзных держав должен был отразить не одну эпиграмму, выдержать не одно сражение.

«Много ли в нашем лагере казаков? — спросил один офицер,— что касается до меня, то мне показалось ныне, что на нас нападает целая армия казаков, так войска ваши сражались врассыпную».

«Это было действие вашей прекрасной защиты,— отвечал я,— а вы знаете, что русские равно не боятся битвы свалочной, как и стройного сражения».

«Знаете ли вы, где император Наполеон? — сказал мне другой.— Он ночует ныне в Мо».

«Как! — вскричал я,— у генерала Сакена, который, сколько мне известно, не думал выходить оттуда с тремя корпусами своими!»

«А! у вас еще три корпуса в Мо! — подхватил он.— Подлинно прекрасная победа раздавить 30 000 храбрых соединенными силами целой Европы».

«Послушайте,— сказал я,— не сердитесь на нас слишком за нашу вежливость. Мы хотели во что бы то ни стало отблагодарить вас за посещение, которым вы удостоили нас точно в том же сопровождении».

Такая война слов и фраз продолжалась бы еще более, если б они не заметили, со свойственной французскому народу вообще сметливостью в разговоре, что существенно ни в мыслях моих, ни в чувствованиях не было ничего особенно враждебного для их самолюбия. Мало-помалу эпиграммы заменились разговором более дружелюбным, и не более как через час мы уже беседовали так откровенно и приятельски, что все были довольны друг другом. Военные и другие анекдоты лились рекой, и много раз с обеих сторон позабывали суровость обстоятельств и взаимных отношений.

В это время и долго после того русские пользовались у французов гораздо большею благосклонностию, чем другие нации. Причину этого искали в предполагаемом сходстве характеров и вкусов; а я, напротив, приписываю стечению особенных обстоятельств. Мы любили язык, литературу, цивилизацию и мужество французов, с убеждением и энтузиазмом отдавали им во всех этих отношениях справедливую дань удивления. Мы не имели, как англичане и немцы, литературы, которую могли бы противопоставить литературе французской; наша рождающаяся цивилизация не могла хвалиться своими открытиями в науках, успехами в искусствах. Что касается до храбрости, то обе нации славно и не один раз встречались друг с другом на полях боевых и научились взаимно уважать себя. Здесь мы также уже сошлись. Ко всем этим причинам надобно еще присовокупить великодушие и благость нашего государя и географическое положение России, не допускавшее никакого слишком близкого столкновения противуположных выгод. Но, собственно говоря о характере обеих наций, мне кажется, ничто не сходствует так мало с истинным французом, как настоящий русский. Это два существа совершенно различные, сближающиеся только в двух точках: инстинктуальной сметливости ума и беспечном презрении опасности. Но и в этом они не плотно соприкасаются. Француз лучше схватывает собственно идею, ловчее ею управляет, искуснее украшает ее, более извлекает из нее остроумных выводов. Но, с другой стороны, он легко ослепляется яркостью самых блестящих предположений своих, увлекается своей склонностью к утопиям, блуждает в отвлеченных подробностях и часто пренебрегает практическими выводами или простирает далеко за надлежащие пределы логические следствия первых оснований своих. Русский, напротив, употребляет рассудок свой иначе. Горизонт его теснее, но взгляд более верен; он менее вещей усматривает вдруг, но лучше и яснее видит цель, которой хочет достигнуть. Воображение его не открывает перед ним

всех принадлежностей предмета, но ум его более упорствует в основном начале, особливо же, лучше умеет оценить систему выгод или действий, чем отвлечений или причин. Дайте обеим нациям развить какую-нибудь идею, какое-нибудь происшествие, и вы увидите, что французская отработка разовьется прекрасными листьями, великолепными цветами, но сомневаюсь, чтобы сбор плодов превзошел или даже сравнялся с тем, какой при тех же условиях будет уметь получить русский. В отношении к храбрости воинственные добродетели обеих наций более сходны, но тем не менее различествуют между собою. Русский более *твердыня*, француз более *удар;* однакож, и тот и другой доказали, что когда они находятся под начальством искусного полководца, то эти качества в них не так исключительны, чтобы они не могли с успехом и славой перейти из одного в другое. Впрочем, между обеими нациями не существует никакого тождества; самые недостатки их существенно различны. Главный недостаток русского есть беспечность, элемент бесплодный, действие которого уничтожает у нас нередко усилия ума, возвращая способности наши к жизни только при температуре крайней необходимости. Главный недостаток француза, напротив, есть бурная деятельность, беспрерывно увлекающая его в преувеличение *. Что может быть общего между этими двумя организациями, из которых одна, тревожная, пламенная, пускает беспрерывно во весь опор все соотечественные суетности по пути к успеху, а другая, сосредоточенная, терпеливая, возвращается к жизни, силе и движению только повторенными ударами крайней нужды?

Все это было обсуждаемо осторожно, с большею или меньшею силою, и доставило пищу разговору очень оживленному, который принял, наконец, оборот, исполненный радушия и вежливости. Один из этих офицеров рассказал мне, что, возвращаясь во время заключения Тильзитского мира к армии, он встретил в каком-то немецком трактире множество французских солдат, которые шли назад во Францию. Он спрашивал у них об армии и между прочим о храбрости русских. «О! о! — сказал один старый французский гренадер,— знайте, государь мой, что когда сто французских гренадеров и сто русских встретятся между собою, так только живые ступают по телам убитых». Это был благородный и откровенный шаг к сближению. Я отвечал известным анекдотом о князе Багратионе, который, защищая один из бородинских редутов, до такой степени был восторжен неустрашимостию нападающей колонны, что ударил в ладони и прокричал «Браво!» неприятелям, сорвавшим его позицию. Этот обмен вежливостей очень расположил к нам французов; но не должно было пытаться говорить им о других нациях, воевавших с ними; здесь их предубеждение пре-

* К этому месту Орлов, готовя в 1835 г. французский перевод своих записок, сделал примечание, которое печатается на стр. 28—29 наст. изд.— *Ред.*

восходило все границы умеренности. В глазах их, австриец только нетерпеливо желал воспользоваться развалинами их военной фортуны; пруссак — только возмутившийся побежденный, которого должно наказать; англичанин — существо вероломное и ненавистное по превосходству. Все эти восклицания оканчивались сожалением об отступлении от того, что французы называли Эрфуртской политикой. «Если бы,— говорили они,— оба императора остались друзьями, то они разделили бы между собою весь мир».— «Но,— прибавили некоторые вполголоса,— и весь мир был тесен для Наполеона». Это было самое смелое слово, какое только они произнесли передо мною.

Между тем комнаты маршала не пустели; множество знатных лиц беспрерывно приезжало вновь. Так постепенно прошли передо мною все современные знаменитости Франции, остававшиеся в Париже, и в том числе глава их, князь Талейран. Ко мне из этих господ подходили очень немногие. Почти все заняты были только опасностью настоящего положения своего, сомнительностью будущего, подавлены суровостью обстоятельств и бременем огромной ответственности; у всех на лицах и в приемах видны были беспрерывно возрастающие беспокойство и страх. Все это обнаруживалось торопливостью, с какой они входили, поспешностью, с какой уезжали опять. Из них никто не мешался в разговор, все они, казалось, более или менее были недовольны мерами маршала. Мне удалось подслушать несколько слов довольно значительных: они были сказаны графу Гюллению, военному губернатору Парижа. Кажется, военная власть не вполне была препоручена герцогу Рагузскому, и часть войск, называемая собственно гарнизоном парижским, находилась непосредственно у него под начальством. Надобно также предполагать, что долго было рассуждаемо, не вывесть ли этот гарнизон вместе с армией из Парижа; так и положили, вопреки мнению гражданских начальств, которые требовали, чтобы оставили, по крайней мере, хоть часть гарнизона, для содействия им к сохранению порядка в городе; на все их требования граф Гюллень отвечал в самых коротких словах, часто сопровождаемых выражениями более чем энергическими. «Черт возьми! не хотите ли вы принудить меня, чтоб я положил оружие? Не думаете ли вы, что они настолько олухи, чтобы не подцепить первый им попавшийся кивер? Разве мало у вас обмундированных и прифранченных буржуа и разве вы забываете, что тот, бешеный, осыплет меня ругательствами, если я не приведу к нему всего, что только можно привести!». Граф Гюллень говорил правду; советы, которые ему давали, были робки и несообразны с обстоятельствами. Но надобно сознаться, что он мог говорить правду и не ругаясь, или, по крайней мере, ругаясь несколько поменьше. Впрочем, этим подтверждалось мое первое мнение. Все содействовало к тому, чтобы доказать мне, что система, принятая французами, состояла в мирном очищении города, с предоставлением себе возможно-

сти защищаться за его стенами; что касается до политических прений, то о них, казалось, совершенно забыли в гостиной. Здесь все говорилось, все делалось явно, и в последствии увидят, что самые статьи капитуляции были составлены и подписаны в присутствии всех особ, которыми гостиная была набита. Итак, если в этот знаменитый вечер политика играла какую-нибудь роль, это было вне круга моего действия, в кабинете маршала, куда я не имел входа.

Туда прямо отправился князь Талейран, пройдя чрез гостиную с тем спокойным, бесстрастным видом, который всем известен. Он пробыл там довольно долго и, выходя, остановился на минуту среди толпы и сказал несколько слов присутствовавшим. Все бросились узнать, что он говорил, и я остался почти один в моем углу. Он воспользовался этой минутой, подошел ко мне и сказал с некоторой торжественностью:

«Государь мой, возьмите на себя труд повергнуть к стопам государя вашего выражения глубочайшего почтения, которое питает к особе его величества князь Беневентский».

«Князь,— отвечал я вполголоса,— будьте уверены, что я непременно повергну к стопам его величества этот бланк».

Легкая, почти незаметная улыбка скользнула по устам князя, и, будучи, вероятно, доволен тем, что его поняли с полслова, он вышел, не показывая с своей стороны виду, что понял меня, и не прибавив ничего к первой своей фразе, так официальной и, однакож, так многозначительной [1]. Впрочем, несколько человек слышали слова князя, хотя не могли слышать ответа моего; вокруг меня говорили насмешливо: «Уж не сошел ли и Талейран с ума? Что значит этот бланк, который он препровождает к русскому императору?» *.

В эту минуту в гостиной произошло чрезвычайное движение, причиненное появлением Наполеонова адъютанта, генерал-лейтенанта Александра де-Жирардена. Все почувствовали как бы предвкусие присутствия великого человека; у всех лица сделались более важны, и каждый, кто за минуту пред тем подписал бы in petto ** отдельный мир, принял гордую воинственную осанку. Разговор превратился в шопот на ушко, и те, которые было подошли ко мне, удалились, потерялись в толпе. Было уже около 11 часов вечера; пошли обедать. Мне пришлось сидеть возле г. Жирардена и мы тотчас узнали друг друга, ибо виделись и долго разговаривали в 1812 году в Вильне, у князя Невшательского. Г. Жирарден — человек очень умный и выражается с необыкновенной свободой и чрезвычайным обилием. Но положение его было так неловко, что он напрасно усиливался стать в отпор

---

* К этому месту Орлов, готовя в 1835 г. французский перевод своих записок, сделал примечание, которое печатается на стр. 29—31 наст. изд.— *Ред.*

** про себя (итал.).— *Ред.*

несчастию. Обстоятельства были до крайности суровы, и ум не мог ничего сделать там, где самый гений Наполеона был поражен бессилием.

Поручение, которое г. Жирарден долженствовал выполнить, было очень сложно и состояло в намеках и угрозах, в средствах, основанных на клевете и преувеличении. Так, возвещал он вместе и о мире и о войне; о мире, будто бы уже заключенном с Австрией, и об упорной войне с остальными европейскими державами, которые не согласятся приступить к этому воображаемому миру; так, он мечтал попеременно то остановить союзников переговорами, то выгнать их открытой силой из всех позиций, которых прежде удержать Наполеон не мог. С одной стороны, г. Жирарден должен был ободрять граждан к тому, чтобы они защищали свои домы, своих жен и детей, а с другой — ему отдан был словесный приказ велеть взорвать Гренельский пороховой магазин и в одних общих развалинах погребсти и врагов и друзей, столицу со всеми ее сокровищами, памятниками и бесчисленным умным народонаселением. Долго сомневались в истине этого варварского приказа. К несчастью, я могу засвидетельствовать о действительном существовании его; впоследствии я был очень коротко знаком с полковником Лескуром, тем самым, который с благородной твердостью отказался от повиновения г. Жирардену, пока не получит на письме от государя своего несомненного и положительного повеления. Итак, нельзя отрицать факта, свидетельствуемого самой явностью доверенностей, которые делались тогда. Фитиль, при помощи которого должно было совершиться бедствие, еще, так сказать, горел в великодушных руках Лескура, когда я известился о всех подробностях этого неудавшегося предприятия. И, однакож, Наполеон не был кровожаден! Сердце его в дружеских беседах часто открывалось для самых нежных ощущений; он тысячу раз доказал в продолжение государственной жизни своей, что эта официальная жестокость была не столько природная, как притворная. Но он приносил все в жертву пламенному честолюбию своему; оно составляло для него источник коварной политики, сообщало ему характер непоколебимости и дикого свирепства. Жизнь его естественно разделилась на два совершенно различные периода. В первом — гений его служил Франции, во втором — он употреблял уже Францию в услуги прихотливого гения своего. Приучась на сражениях видеть равнодушно уничтожение рода человеческого, он пользовался неограниченно Францией, как завоеванной землей. Он выковал из нее оружие на своих противников, цепи для порабощения мира своей владычествующей идее. Это была несбыточная идея всеобщей монархии, и ей-то постепенно принес он в жертву все, что только мог как человек и как гражданин: чистоту намерений и безукоризненность средств; покой собственной совести и покой Франции и мира; частные добродетели свои и политическую честность; благоразумие видов и действий; выгоды свободы и цивилизации; благословение брачное и благословение на царство; кровь герцога Энгиенского

и страдания испанского королевского семейства, наконец, по выражению русского поэта:

И славу прежних лет
И славу лет грядущих!..[2]

В свою очередь и Париж необходимо долженствовал быть принесен в жертву,— и был бы. В минуту морального и нервного раздражения Наполеон дал роковой приказ и, давая его, думал, может быть, дать последнее, ужасное сражение, уже не людям, а самому провидению. Преступный мятеж гения против непреложной воли небес! Горестное и жестокое отчаяние издыхающей гордости, которая находит себе наказание в самой немощности ненавистных усилий своих! Провидение приняло вызов человека сильного по превосходству; оно горько посмеялось ему, лишив его возможности совершить разрушение Парижа, и вскоре вынудило подписать собственный приговор уничижения и отречения от трона. Таков верховный закон, управляющий слабыми силами нашими: великому жребию — великие заблуждения!..

В то время, когда г. Жирарден сел за стол рядом со мною, он уже потерпел неудачу во всех попытках своих и послание его не имело более цели. Он был предупрежден в переговорах с союзниками генералом Лапуантом, а предположение отдельного мира с Австрией было средство давно уж устарелое. Он встретил войска, очищающие город, и должен был чувствовать более и более с каждой утекающей минутой невозможность предпринять снова наступательное движение на союзников, которые стояли у самых застав. Он пытался возмутить народ, чтобы сделать из Парижа вторую Сарагоссу; но Наполеон уничтожил жизнь и движение в массах — и массы остались недвижны. Наконец, в деле о Гренельском пороховом магазине предложение г. Жирардена встретило решительный отказ г. Лескура и сокрушилось об него. Будучи раздражен и приведен в уныние всеми этими неудачами, следовавшими одна за другой, он имел нужду излить на когонибудь все негодование свое и, естественно, сделал мне честь, выбрав меня в свои страдательные собеседники. Общий стол пред слушателями, принимающими участие в разговоре, представляет для человека, который заранее решился вести войну на словах, всегда особенное удобство. Там, бок о бок с противником, он поставляет его в невозможность избегнуть ударов, отказаться от сражения, приготовиться к нему или отдалить его; язвительные слова достигают к своему назначению со всей жестокостью их первоначальной злобы. Такая дробная война совсем не годилась для меня. Мне очень нужно было сохранить некоторого рода народность, приобретенную мной, и которой каждое неосторожное слово могло лишить меня. Мне более всего было необходимо хладнокровие, благоразумие и скромность; только с этими тремя условиями мог я надеяться на благосклонность многочислен-

ной и раздражительной публики, слушавшей нас. Итак, я вполне пожертвовал самолюбием моим и старался обратить разговор на предметы более важные. Мне удалось это; но как скоро г. Жирарден попал на поприще политических рассуждений, то заключился в совершеннейшем скептицизме; начал сомневаться во всем — и в силах наших, и в успехах, и в намерениях. Что касается до сил наших и успехов, то мне не трудно было отразить нападки противника моего, и самого простого исследования предмета достаточно было, чтобы доказать превосходство наше людям, которые все в течение того же самого дня принуждены были уступить этому превосходству, так сильно оспариваемому.

Напрасно г. Жирарден ссылался на победу, одержанную Наполеоном над отдельным корпусом Винценгероде 14/26 марта. Это сражение, которое могло только назваться ариергардным сражением, не могло иметь ни малейшего влияния на большие операции кампании. Превозносили очень громко пособия Наполеонова гения, но, в существе, этот великий муж, стоивший при начале кампании 500 000 человек, стоил к концу ее только 50 000, и притом участок, уделяемый мною его гению, был все еще очень велик, потому что удвоивал в глазах моих его материальные средства. Говорили также о соединении с Ожеро и маршалом Сультом, но я выставил Бернадотта, Бубну и Веллингтона! Со всех сторон и на всех точках положение наше было наступательное, преобладающее, и г. Жирарден не выиграл ничего, развивая постепенно картину, которой все подробности в отношении к числу и стратегическим расстояниям были решительно в нашу выгоду. Оставались намерения наши, которые он не замедлил оклеветать. Здесь он старался скопить против нас всевозможные обвинения и простер преувеличение до того, что приписывал союзникам намерение, будто бы уже положенное, разделить Францию. Это была поэтическая часть спора, и г. Жирарден мог дать полную свободу своим меланхолическим восклицаниям. Но по мере того как этот новый Иеремия омрачал политический горизонт отечества своего, накоплял с намерением тучи на тучу, недоверчивость к недоверчивости, бедствие на бедствие,— я усиливался обратить умы слушателей моих к идеям менее мрачным, к будущности более светлой, и громко объявил, что для положения оружия и заключения прочного, выгодного для всех мира Европа требовала от Франции только обеспечений против честолюбия ее властелина и против нападений на будущее время. По счастливому и редкому случаю, одно и то же доказательство послужило мне к убеждению и в силе и в умеренности союзников. Это доказательство заключалось именно в зрелище тесного и вместе страшного союза, при котором успели собрать столько разнородных элементов, сплавить в одну массу столько различных армий, слить в одно желание столько различных желаний. И подлинно, ни одна из прежних коалиций не представляла таких огромных сил, такого дружеского согласия, потому что ни одна не

опиралась на таких общих европейских основаниях, и все без исключения под предлогом блага общего скрывали виды корысти частной. Здесь, напротив, все виды эгоистические, исключительные, все замыслы честолюбия частного и отдельного терялись в общем стремлении к благу всего человечества. Здесь дело шло не о границах, не о приобретениях, не о завоеваниях. Чего требовала Пруссия? — 10 000 000 жителей. Австрия? — обеспечения своих областей. Англия? — уничтожения континентальной системы и освобождения торговли. Второстепенные государства? — неприкосновенности их владений. А Россия? — ничего для себя самой и всего для мира. Это благородное, высокое бескорыстие обеспечивало императору российскому верховное распоряжение и главный голос во всех европейских делах. И только эта, почти слепая, доверенность к императору Александру, эта вера, полная и безграничная, всех в одного, извлекла из общего политического хаоса два огромные результата: всеобщий мир и неприкосновенность государств. Я приглашал Францию не внимать тщетным обольщениям, принести в жертву свои мечты о славе и владычестве, будущности, исполненной счастия и спокойствия, предпочесть систему равновесия и союзов ее наступательному воинственному уединению и снова занять принадлежащее ей место и сан в общем воссоздании здания европейского, которое без ее содействия необходимо не будет иметь ни прочности, ни блеска, ни основания, ни верха. Слова мои не остались без действия. Я имел сладостное удовольствие заметить это по удвоившимся ко мне вежливостям и внимательности, с которой мои слушатели теснились вокруг меня. Все доказывало мне, что послание мое морально было приведено к исполнению. Предшественник воплощенной кротости, я направлял все мои усилия к одной только цели, именно, чтобы предуготовить парижан к вступлению Александра, окруженного милосердием, могуществом и величием... Путь был теперь проложен; осталось ему только явиться *.

Было уже очень поздно, когда мы вышли из-за стола. Отягощенный усталостью, я сел в углу залы и вскоре впал в некоторого рода усыпление, легко объясняемое трудами, мною понесенными в этот день, и сильными душевными ощущениями; впрочем, это не мешало мне прислушиваться и присматриваться время от времени к тому, что говорилось и делалось вокруг меня. «Вот сон победителя»,— сказал кто-то. «И честного человека»,— прибавил другой. Признаюсь, эта простая похвала проникла до глубины сердца моего; прибавлю к ней, что во всю жизнь мою я жадно желал заслужить славу человека честного и постоянно предпочитал ее всем обольщениям суетности.

Между тем дела не подвигались вперед. После отъезда комиссаров все

---

* К этому месту Орлов, готовя в 1835 г. французский перевод своих записок, сделал примечание, которое печатается на стр. 31—33 наст. изд.— *Ред.*

сношения между обоими главными квартирами совершенно прекратились, и я решительно не знал о намерениях нашего кабинета. Я был простой заложник, не имел никакого официального характера и не мог ничего предпринять, ничего решить. Я начинал уже беспокоиться, когда, наконец, возвестили о прибытии графа Парра. Он привез ко мне письмо от графа Нессельроде; это письмо уполномачивало нас привести к окончанию великое дело парижской капитуляции. Тогда было уж около двух часов за полночь. Вот точная копия письма, которое послужило нам полномочием:

«Господину полковнику Орлову.

Милостивый государь.

Его величество государь император по соглашению с г-м фельдмаршалом князем Шварценбергом находит более выгодным для союзных армий не настаивать на том условии, которое было прежде предлагаемо для очищения Парижа; но союзники предоставляют себе право преследовать французскую армию по дороге, которую она изберет для отступления своего. Итак, вы уполномачиваетесь вместе с г-м полковником графом Парром заключить конвенцию относительно сдачи и занятия Парижа на тех условиях, в которых мы согласились до отъезда моего с г-ми герцогами Тревизским и Рагузским.

Примите, милостивый государь, уверение в особенном моем к вам уважении.

(Подписано) Граф Н е с с е л ь р о д е.

Бонди. 18/30 марта 1814 году».

Это письмо уничтожало все препятствия. Переговорив с графом Парром, которому я рассказал содержание письма, мы послали сказать маршалу Мармону, что готовы составить и подписать капитуляцию Парижа. Герцог Рагузский явился по желанию нашему, и мы расположились в гостиной, пред всеми присутствовавшими, сочинять статьи. Не произошло ни малейшего спора, никакого затруднения. Трактат был составлен на простом почтовом листе и весь написан моей рукой. Граф Парр, опираясь на плечо мое, следовал глазами за письмом и, по мере как я писал, изъявлял согласие свое. Через четверть часа все было готово; я подал маршалу проект, в нем содержалось следующее:

Капитуляция Парижа

С т а т ь я 1-я

Французские войска, состоящие под начальством маршалов герцогов Тревизского и Рагузского, очистят город Париж 19/31 марта в 7 часов утра.

Статья 2-я

Они возьмут с собой всю артиллерию и тяжести, принадлежащие к этим двум корпусам.

Статья 3-я

Военные действия должны начаться вновь не прежде, как спустя два часа по очищении города, т. е. 19/31 марта в 9 часов утра.

Статья 4-я

Все военные арсеналы, заведения и магазины будут оставлены в том состоянии, в каком находились до заключения настоящей капитуляции.

Статья 5-я

Национальная гвардия, пешая и конная, совершенно отделяется от линейных войск; она будет сохранена, обезоружена или распущена по усмотрению союзников.

Статья 6-я

Городские жандармы разделят вполне участь национальной гвардии.

Статья 7-я

Раненые и мародеры, которые найдутся в городе после 9 часов, останутся военнопленными.

Статья 8-я

Город Париж передается на великодушие союзных государей.

Маршал Мармон взял бумагу, пробежал ее с беспокойным видом; казалось, он думал найти в предложениях наших еще причины к спорам; но вскоре лицо его прояснилось, он прочел все статьи вслух ясным голосом, с таким видом, как бы требовал от многочисленных слушателей своих замечаний и советов. Все молчали, никто не сказал ни слова. Тогда он отдал мне бумагу и объявил, что, не имея ничего сказать вопреки трактату, ни относительно формы, ни относительно содержания, он изъявляет полное свое на него согласие. В то же время он препоручил полковникам Фавье и Дюсису подписать его вместе с нами. Мы тотчас подписались на том же листе и списали с него копию, которую отдали маршалу Мармону.

Теперь осталось только назначить депутацию, которая должна была идти навстречу государю. Я заметил маршалу, что все военные дела были приведены в порядок капитуляцией, а что о гражданских делах Парижа

я с намерением умолчал для того, чтобы дать начальству города право и способ обсудить их самим пред союзными государями, которые, со своей стороны, будут иметь случай показать жителям Парижа, на первом шагу, великодушные намерения свои; что депутация может свободно объявить о своих желаниях, за исполнение которых я вперед отвечаю; что доверчивость равно приносит честь и тем, кому она оказывается, и тем, кто ее оказывает; что, наконец, я принял на себя составить осьмую статью капитуляции, в которой помещено повеление его величества избавить город Париж от унижения — передать ключи его в какой-нибудь иностранный музей. Маршал подал мне руку, и вскоре все пришли в движение, чтобы выбрать депутацию.

День уже занимался, когда депутация готова была отправиться. Я сел на лошадь и повел ее в Бонди чрез наши биваки, представлявшие огромную массу огней, при свете которых солдаты, уже отдохнувшие, чистили ружья и приготовлялись торжествовать последний акт страшной борьбы, только что приведенной к концу. Приехавши в главную квартиру, я ввел депутатов в большую залу замка и велел уведомить о их прибытии графа Нессельроде, который тотчас к ним явился. А сам я пошел прямо к государю, который принял меня лежа в постели:

«Ну,— сказал он мне,— что вы привезли нового?»

«Вот капитуляция Парижа»,— отвечал я.

Император взял ее и прочел, сложив бумагу и, положив под подушку, сказал:

«Поцелуйте меня; поздравляю вас, что вы соединили имя ваше с этим великим происшествием».

Он заставил меня рассказать подробно о вечере, который я провел заложником, и обнаружил живейшее удивление, когда я рассказал ему о князе Талейране.

«Теперь это еще анекдот,— сказал он,— но может сделаться историей».

После государь отпустил меня, и я почти тотчас же заснул глубоким сном.

Между тем мы условились с полковниками Фавье и Дюсисом быть в 8 часов у Пантенской заставы для сдачи города союзникам. Мы и явились туда, но нетерпение парижан не дозволило нам соблюсти правильно этой формальности. Все улицы, по которым союзники должны были проходить, и все примыкающие к ним улицы были набиты народом, который занял даже кровли домов. Казалось, Париж не хотел иметь посредников между собою и новыми гостями своими; народ, содержавшийся двенадцать лет в страдательном повиновении, как будто в первый раз пользовался свободным употреблением воли и громко обнаруживал своим восторгом, что принимает на себя сделать императору Александру встречу, достойную великого города.

⟨ПРИМЕЧАНИЯ ОРЛОВА, НАПИСАННЫЕ В 1835 г.⟩

⟨I⟩

Французы

Приводя в порядок эти отрывочные примечания, я снова был поражен этим существенным различием между обоими нациями. Но должно признаться, что с 1814 года, с развитием образования, русский человек сделал несколько шагов вперед и заметно сбросил с себя свою апатичную лень, тогда как француз более и более предался своей склонности к преувеличению. Ныне преувеличение есть истинный бич Франции, отсюда распространяющийся по всей Европе. Преувеличение — это великая блудница вавилонская, установившая престол свой в Париже. Она царит здесь как над безделушками моды, так и над самыми жизненными и важными вопросами науки и политики. От румян и мушек до двухвершковых каблуков и двух аршинных роброндов; от философического сомнения, систематически превращенного и безбожие, до духа свободы, доведенного до крайней разнузданности; от рыцарской любви к женщинам и битвам, перешедшей в безнравственную систему холодного обольщения и в бешеную страсть к завоеваниям,— всегда и во всем преувеличение было присуще идеям происхождения французского или усвоенным Франциею; здесь злоупотребление всегда близко следовало за пользованием чем-либо, или, вернее, злоупотребление поглощало пользу.

Посмотрите, что сделали французы со всеми новыми идеями как в литературе, так и в политике — внутренней и внешней. Прислушайтесь к тому, что проповедуют вожаки крайних партий, находящие, к несчастью, слишком много отголосков. От свободы промышленной они перешли к презрению закона и всякого политического и общественного чинопочитания; от равенства гражданского — к несбыточному равенству вещественному; от независимости печати — к гнусной системе лжи и гонений; от свободного и вежливого обхождения между обоими полами — к отвратительнейшему смешению женщин с мужчинами и к разрушению прав семейных. «Не нужно королей, в особенности же не нужно законов» — эта фраза, между тысячами других примеров невинный афоризм во вкусе крайнего преувеличения,— нашла великого писателя для своего измышления и множество безумцев для верования в нее. Поэтому-то Мольер, глубочайший моралист и самый оригинальный ум, когда-либо порожденный Францией, нападал преимущественно на эту национальную страсть к преувеличению, которая уже в его время портила все, к чему ни прикасалась. По чутью, свойственному гениальному человеку, Мольер во всех своих произведениях, в особенности образцовых, является постоянным борцом со злоупотреблениями прекраснейших правил вследствие преувеличения. Так, он ратовал против

злоупотреблений изящества, осмеивая щегольство своих маркизов; осмеивая злоупотребление науками в педантизме своих ученых женщин и врачей; злоупотребление чувством религиозным — в легковерии Оргона и в лицемерии Тартюфа; наконец, злоупотребление самой добродетели в Альцесте «Мизантропа». К несчастию, Мольеру было суждено, как и многим другим великим людям — придти, увидеть и сразиться... но не победить!

Однако, сколько таланта, ума, грации, сколько гения поглотила эта бездна французского преувеличения! Французы научили нас недоверчиво относиться к лучшим и прекраснейшим дарам природы. Можно сказать, что французы изучали их затем, чтобы уронить в мнении Европы, превознося похвалами от самых великих идей, самых великодушных чувств, самых высоких истин до невиннейших способов образования, вроде, например, взаимного обучения. Французы сделали все, чтобы правительства относились враждебно к народам, к философии, к науке, к свободе, к прогрессу (преуспеянию) вообще, потому что те же французы пытались возмутить прогресс, свободу, науку, философию и народные массы против правительств. В этом их преступление в глазах народов; этого никто не может простить им. Они имеют притязание шествовать впереди своего века; но бежать зажмурясь на встречу всем крайностям и бедствиям — значит ли стоять во главе европейского просвещения?..

Нет, нет, и настало время, когда все здравомыслящие люди восстанут массою и увеличат своими либеральными голосами европейскую партию разумно консервативную, как в былые времена Бурке, во главе фракции Портланда, предоставил в английском парламенте знаменитого Фокса с его вигами их вредным утопиям [3].

⟨II⟩

Князь Талейран

Чувствую, что значило бы слишком много брать на себя и быть почти смешным, делая заметку о князе Талейране, но я видел его столь непризнанным, оклеветанным, так низко оскорбленным и иностранцами и его соотечественниками, что не могу удержаться от гласного заявления того уважения, которое внушают мне его бесчисленные труды на политическом поприще и его ненарушимая привязанность к родине. Многочисленные его хулители могут нападать на него путем нравственных выводов из его правил или грубыми сарказмами на разные случаи его частной жизни, мне неизвестные,— я не хочу ни разведывать о них, ни извинять их, так как они не могут быть предметами моих изысканий.

В Талейране я уважаю и чту государственного мужа, с его высокою и пророческою прозорливостью; француза — с искренним чувством истинных потребностей и хорошо понятых интересов Франции.

Вступив с юных лет на поприще революционных битв, Талейран явился на нем вооруженным с головы до ног всеми выгодами ума обширного, глубокого, твердого и развитого. Все партии молили его о содействии и он поочередно содействовал многим, поддерживая их своими дарованиями, но ни одна из них не могла и не должна была подчинить его своей системе. Присутствующий и причастный — он поддерживал их всей своею мощью; отсутствующий и противодействующий — он вызывал и ускорял их падение единым влиянием своего отсутствия, которым выражал свое неодобрение. Во всех этих внезапных или предумышленных переменах, называемых его ненавистниками или завистниками вероломством и изменою, Талейран, неверный всем партиям, пребывал непоколебимо верен Франции. В этом заключается нравственная тайна его политической силы и живучести; в этом вся его слава, вся его доблесть. Никогда, во всех треволнениях бурной своей жизни, он не переставал быть сыном отечества — ни из аристократического и династического ослепления, как эмигранты; ни ради личных выгод и честолюбивого обольщения, как Наполеон и его фанатические приверженцы; ни из философической гуманитарной утопии наших современных космополитов. Повсюду и всегда он выказывал себя сыном Франции и за то, что постоянно боролся за нее, терпел попеременно изгнание в эпоху терроризма, преследования империи и опалу при реставрации.

Я сказал: доблесть Талейрана, и не отступаюсь от этого слова. Без нее он не мог бы бороться с палачами конвента; без нее не мог бы дать в день 18 брюмера властелина себе самому и Франции, не мог бы совершенно стушеваться не только перед Наполеоном — что следовало по праву,— но даже перед Сиэйсом и Камбасересом, что было уже избытком скромности и истинною жертвою, принесенною спокойствию страны. Впрочем, Талейран никогда не торговался из-за мест, ему предлагаемых; он всегда принимал с легкостью и почти с некоторого рода беспечностью должности второстепенные, потому что никто лучше его не мог возвысить их до степени ролей первоклассных. В особенности надобно было иметь много доблести, энергии и мужества, чтобы восстать против великого Байонского штукаря, который, посредством исполинского фокус-покуса, намеревался исхитить испанскую корону в пользу своего брата. Здесь не скажут, что Талейран никогда не был движим иными побуждениями, кроме личных выгод. Великодушие его поступков было столь же очевидно, как опасность и даже огласка самого разрыва. В эту достопамятную эпоху в империи Наполеона было до 40 миллионов подданных и один гражданин: этим независимым гражданином в 1808 году был Талейран.

Судя по событиям предшествовавшим, дозволено быть той веры, что точка зрения, принятая Талейраном при капитуляции Парижа, как ни казалась она антипатичною нации, была равномерно точкою зрения патриоти-

ческою. Его высокая и синтетическая прозорливость, угадывавшая, руководившая и подготовлявшая будущее, подобно тому как другие изучают, анализируют и знают прошедшее,— заставила его надеяться, что Францию, возвращенную Бурбонам, ожидает продолжительное бытие благоденствия и конституционной свободы. К этой великой и благородной цели направлены были все его усилия, и та заботливость, которую он прилагал при составлении конституции Сената, и энергия, оказанная им при восстановлении дипломатических сношений Франции. Никогда не был он более велик, более достоин удивления, как на знаменитом Венском конгрессе, на котором один, без поддержки, имея в тылу страну, упавшую духом, обезоруженную, раздираемую распрями, а перед собою — легионы дипломатов-врагов, из которых у каждого было наготове требование или мщение за обиду, он сумел с первых же шагов восстановить Францию в ее правах и с самого же начала дать ей слово обсуждать великие интересы Европы, когда Европа соединилась лишь затем, чтобы решить судьбу Франции. Это совершеннейший из всех дипломатических подвигов Талейрана, подвиг образцовый, которому никто и никогда не совершил равного, кроме разве самого Талейрана в последнее время, когда он, вопреки предусмотрительности и истинным выгодам Великобритании, в 1830 году заключил англо-французский союз между двумя народами, соперничествующими уже с лишком три века. Второе и последнее благодеяние, за которое, на этот раз, Франция заплатила не неблагодарностью, но равнодушием!

История будет справедливее, и Талейрану нечего опасаться суда потомства. Невольный посредник между королем и Европою во всех политических кризисах своей страны, он никогда не изменял Франции, никогда не отчаивался в ее спасении и каждый раз, когда отечество, его великий кумир, бывало поколеблено на своих основах, оно опиралось на мощные рамена князя Талейрана, чтобы снова возлечь на новые основы. Таково было его высокое призвание, которому он пребывал неизменно верен. Когда провидение дарует человеку судьбу исключительную, человека этого нельзя подвергать мерилу людей обыкновенных, и я говорю это с уверенностью и убеждением: отпустится ему многое за то, что любил много свою родину! [4]

⟨III⟩

Восстановление Польши в 1815 г.

Я знаю, что Венский конгресс не осуществил надежд, поданных прелиминарными парижскими конференциями, и что восстановление Польши возбудило подозрения против бескорыстия русского кабинета. Верно то, что это восстановление не было исполнено в видах интересов России и что все наши государственные люди, заодно с большею частью государственных людей Европы, противились тому всей своей силою.

Поццо-ди-Борго напал на поляков относительно их значения политического и им присущего. Он доказал, что факт раздела Польши был лишь следствием ее глубокого политического упадка; что все народы, обуянные тем же духом безначалия, подвергались той же участи; что их мнимый либерализм не помешал полякам быть первыми и самыми низкопоклонными рабами великого деспота Европы, который, испрашивая для них независимости, всегда употребляемой ими во зло, в то же время, тем не менее, боролся с независимостью Германии, России, Испании и всего света; — и что, наконец, восстановление королевства Польского было не чем иным, как сооружением нового горнила мятежей и смут. Барон Штейн, занятый преимущественно немецкими интересами, представил, с своей стороны, конфиденциальную ноту, в которой неопровержимо доказал, что император Александр, присоединив королевство Польское к своей империи, примет положение угрожающее и придаст тот же вид своим границам в отношении к Германии и, по-видимому, одной рукой разрушит то, что соорудил другою после стольких опасностей и битв.

Карамзин писал против присоединения русских областей к новому королевству и все свои доводы почерпнул из самого положения России [5]. Он объявил, что государь прежде всего обязан оказывать благодеяния и правосудие своему отечеству; что цементом для присоединения польских областей к империи послужили потоки русской крови и что никто не имеет права лишать торжествующую Россию стяжания ее побед.

Князь Талейран также восстал против восстановления Польши. Он предъявил одно затруднение за другим и доказал с обычным превосходством, что нельзя возвратить так называемые права полякам без несправедливого посягательства на права других народов.

Наконец, оппозиция на Венском конгрессе зашла так далеко, что сочла нужным заключить договор о тайном оборонительном и наступательном союзе между Австриею, Франциею и Англиею,— договор, оставленный без последствий единственно по случаю бегства Наполеона с острова Эльбы и новой революции, угрожавшей Франции и всему свету. Итак, отлично и явно доказано, что ни Россия, ни Европа не желали восстановления Польши и что никакие честолюбивые виды не руководили этим восстановлением, которое более ослабило, нежели укрепило Россию. Со стороны императора Александра это было вопросом справедливости и сентиментальной политики: в этом великая его ошибка, источник стольких бедствий. Принимая правило ненарушимости народностей, он полагал, что дает ему совершенное развитие, применяя это правило к Польше. Но в сущности не было ничего общего между неприкосновенностью народностей существующих — правилом миротворным и консервативным, и восстановлением национальности уничтоженной — принципом новым и, с точки зрения дипломатической, революционным. Первое принимает основание истинное и действи-

тельное, на котором группируются все интересы и судьбы народов; второе вскрывает и раскапывает минувшее, чтобы вызвать из его недр все сожаления и все притязания. Французы измыслили для внутренней политики очень выразительное слово: каждый раз, когда у них зайдет речь о каком бы то ни было, хотя бы и справедливом, возвращении прежних прав, они весьма разумно говорят: «Не будем разрывать пропасти минувшего!» — и, однако же, всегда готовы разрыть ее для других. Они отказывают своим кавалерам почетного легиона в пенсиях в несколько тысяч франков, но никак не хотят понять, что у России гораздо более прав и разумных причин упорствовать в ее отказах на требования Польши. И, боже мой! откройте только дорогу требованиям утраченных прав — и англичане с ирландцами, русские с поляками, австрийцы с пруссаками затеят самые бесконечные утомительные распри. На каком решении остановится весь мир, если когда-нибудь примет, во всей его безусловной обширности, принцип восстановления народностей и возврата завоеваний? Что касается до большего или меньшего участия, внушаемого Польшею, и до вопроса о заглажении проступков, так шумно вчиняемых, я скажу откровенно, что в деле политики чувствительность никогда не бывала уместна. По-моему, ею можно действовать лично на человека, взятого в частности, но не на человека в смысле гражданина, и правило это до того справедливо, что каждый раз, как оказывается, когда хотели применять чувствительность к управлению обществами, дело управления шло очень плохо. Дело в том, что принципы, которые управляют человеком индивидуально и социально, существенно противоречат друг другу. Милосердие прекрасно в человеке, взятом отдельно, но милостыня может наделать много зла целому обществу. Прощение обид само по себе превосходно, но оно несовместно с интересами народов. Презрение к богатствам — философически-разумно в человеке частном, но оно бессмысленно в муже государственном. Восстановление Польши могло быть прекрасным движением души Александра; но в смысле политическом — это была огромная ошибка. Венский конгресс, созванный по желанию России, должен был, по-видимому, быть могилою притязаний польских, подобно тому, как Вестфальский мир был могилою притязаний других государств. Этого император Александр не сознавал; он увлекся ложным великодушием и долго в том раскаивался. Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила в честолюбивых замыслах [6]. Он посеял ветры, а преемник его пожинал бурю. Прав был Шамфор: «С добрым сердцем,— говорил он,— нельзя выиграть и шахматной партии» [7].

НЕКРОЛОГИЯ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ Н. Н. РАЕВСКОГО

Сего 1829 года сентября 16 дня скончался в поместье своем Киевской губернии Чигиринского повета, в селе Болтышке, генерал от кавалерии и член Государственного совета Николай Николаевич Раевский. Память его драгоценна отечеству; имя его вечно будет славно в русской армии, а жизнь принадлежит истории.

Николай Николаевич Раевский родился 1771 года 14 сентября в Санктпетербурге, во время московской чумы. Мать его, Екатерина Николаевна Раевская, оставшаяся беременною после преждевременной кончины своего супруга, в слезах и мучениях дала жизнь младенцу, осиротевшему прежде рождения. Сии горестные обстоятельства имели вредное влияние на его молодость. Силы юноши развивались медленно, и здоровье его долго было предметом опасения для всех его родных. Не менее того на 15-м году его возраста мы следуем уже за первыми его шагами на поле опасностей и чести. Едва произведенный в гвардии офицеры, он оставляет все забавы, забывает слабость своего сложения и является в действующей армии. Дед его, генерал-фельдмаршал князь Потемкин, заметя во внуке своем [1] необыкновенные способности, поручает семнадцатилетнему юноше гетманский легкоконный полк Золотой булавы [2] и дает ему своеручное наставление. Под руководством сего славного наставника он переходит все роды службы; кочует в степях с казаками; стережет армию на аванпостах; следует за осадою в траншеях Очакова [3] и везде приобретает уважение подчиненных и одобрение начальников. По заключении мира с турками Раевский, произведенный в полковники, является в польской армии. Здесь первые его истинные отличия награждаются георгиевским и владимирским крестами. Из Польши он послан на Кавказ и назначен начальником Нижегородского драгунского полка. Под начальством Раевского началась на востоке слава сего полка, которая потом утвердилась столь блистательно под командою сына его в последних войнах против Персии и Турции.

Сим кончается первая часть службы Николая Николаевича Раевского. Оклеветанный перед государем императором Павлом Петровичем, он был выключен; но вскоре, оправдавшись, получил отставку. При вступлении на престол блаженной памяти императора Александра он снова был принят в службу генерал-майором, но частные обстоятельства и неотступные просьбы матери решили его идти в чистую отставку и посвятить жизнь свою семейственным занятиям.

Немного Николай Николаевич Раевский наслаждался спокойствием. Настало время борьбы России с Наполеоном, время испытания для храбрых наших воинов, где суждено им было надолго от судьбы не пожинать лавров победы, но приобретать одну только честь мужественного сопротивления.

В конце 1806 года Раевский разделил уже в Старой Пруссии труды и опасности своих товарищей. Место ему назначено было в авангарде, под начальством князя Багратиона, и тут началась между сими двумя полководцами тесная дружба, основанная на взаимном уважении и продолжавшаяся во все время их жизни. Ломиттен (Lomitten) [4], Гутштат (Gutstadt), Гейлсберг (Heilsberg) видели Раевского, командующего всею пехотою авангарда и удерживающего стремление сильного и искусного врага. В течение семи дней, сражаясь без отдыха, без продовольствия, без подкрепления, сам раненный в ногу и не обращающий внимания на свою рану, он мужеством своим, твердостью и решительностью удивил и русскую и неприятельскую армии. В Фридланде он первый вошел в бой и последний из него вышел. В сие гибельное сражение он несколько раз вел сам на штыки вверенные ему войска и не прежде отступил, как только тогда, когда не оставалось уже ни малейшей надежды на успех. Тильзитский мир положил временную преграду порывам его усердия и мужества.

Вскоре война загорелась на севере и на юге. На берегах Балтийского моря и за Дунаем Раевский употреблен попеременно, и везде подвиги его более и более привлекают к нему доверенность монарха и сограждан. Произведенный в генерал-лейтенанты, покрытый знаками отличия, он приобрел уже почести и общее уважение. В 1812 году предоставлено было ему достигнуть до славы и заслужить благодарность отечества. В сей роковой год защита России не была бы вполне устроена, ежели бы Раевский не стал в числе ее защитников.

При начале кампании Николай Николаевич Раевский был назначен командиром 7-го пехотного корпуса, вступившего в состав 2-ой Западной армии под главным начальством князя Багратиона. Разделение наших сил и быстрое вторжение Наполеона в пределы России пресекают всякое сообщение между двумя армиями. Напрасно князь Багратион стремится усиленными переходами предупредить неприятеля на Днепре. Пользуясь выгодами внутренней линии, Наполеон занимает Оршу 60-ью тысячами и

угрожает Смоленску. Почти вся надежда на соединение армий исчезла. В сем отчаянном положении Раевский со слабым своим корпусом берет на себя обязанность сразиться с Давустом и остановить его движение. Перейдя из оборонительного состояния в наступательное, он атакует с тыла неприятеля под Дашковкою. Заменяя число быстротою движений и стремлением натисков своих, он принуждает Давуста сосредоточить все свои силы и поставить в боевой порядок до последнего своего резерва. Целый день атака следует за атакою, и бой кровавый продолжается с переменными успехами[5]. Между тем 2-я армия поспешно переправляется чрез Днепр в Старом Быхове и скорым движением к Северу занимает Смоленскую дорогу. Тогда только Раевский начинает отступательное свое движение, а утомленный Давуст, уверенный, что отразил нападение целой армии князя Багратиона, не смеет его преследовать.

Но сего еще не довольно. В сем 1812 году Раевскому предназначено было не только обеспечить соединение двух армий, но еще спасти соединенную уже армию от явной погибели. После короткого отдохновения под стенами Смоленска Российская армия предприняла движение вперед, по направлению к Инкову и Винцентовке. Намерение наше было, уничтожив корпус Нея, разрезать армию Наполеона и стать между Оршею и Витебском. Мысль была отважная, но исполнение слабое.

При первом известии о движении нашем Наполеон быстро сосредоточивает свои войска на правом своем фланге, переправляется чрез Днепр и стремится всей массою сил своих на Смоленск. Уже слабая дивизия Неверовского после славной защиты приведена в смятение[6]. Уже со стен Смоленска видны были огни французских бивуаков, когда первый рапорт Неверовского пришел в главную нашу квартиру, расположенную за 40 верст по Винцентовской дороге. Тогда-то приказано было Раевскому подкрепить Неверовского; но с первого взгляда Раевский понял, что не один Неверовский, а вся армия находится в опасности. Ночью, на бегу внушая каждому из своих подчиненных предугаданную им важность поручения, он достигает берегов Днепра. Переправа через реку, взятая на личную его ответственность, занятие на рассвете Смоленска и обширных его предместий против неприятеля в десять раз его сильнейшего доказывают, что он решился здесь умереть или оградить наши сообщения. Сражение загорается; каждый овраг, каждая теснина, каждый дом несколько раз занят и отбит[7]. Атака неприятеля началась у предместий в 6 часов поутру; там же и кончилась в 9 часов вечера. На всех пунктах мы сохранили нашу позицию; и когда последняя пушка огласила поле сражения, то противуположные берега Днепра были уже покрыты нашими войсками, и армия была спасена[8]. Сие сражение, столь упорное, столь важное по своим последствиям, в котором горсть храбрых под начальством героя уничтожила решительное покушение целой армии Наполеона, мало известно.

Н. Н. Раевский (отец)

Акварель И. Ф. Соколова. 1820

Следуя за движением армий после трехдневных битв смоленских, мы находим Раевского на полях Бородинских, защищающего центральный редут, сохранивший имя редута Раевского в военной истории. Корпус его получил накануне 4000 рекрут, и сии рекруты сражаются со старыми солдатами Нея. Все силы Наполеона устремлены на сей пункт. Несколько раз редут переходит из рук в руки; и не прежде остается за неприятелем, как тогда только, когда две трети защитников и нападающих положили тут свою жизнь. Пункт сей столь важен в глазах Наполеона, отпор русских столь утомителен для неприятеля, что по решительном занятии оного сражение кончается и огонь начинает утихать по всей линии.

В Малом Ярославце Раевский первый поспевает на помощь 6-му корпусу и останавливает стремление французов. Едва он показался — и город опять в наших руках. Под Красным Раевский, встретившись опять с маршалом Неем, выдерживает на правом фланге нашего авангарда последнее отчаянное его нападение и берет в плен остатки сего неприятельского корпуса, которому как будто предназначено было от судьбы в течение сей кампании бороться с корпусом Раевского до совершенного своего истребления.

Во всех сих сражениях Раевский имел под своею командою двух сотрудников, достойных такового начальника, генерал-майоров: Лариона Васильевича Васильчикова (что ныне генерал от кавалерии) и Ивана Федоровича Паскевича (что ныне генерал-фельдмаршал). Донесения его начальству, частная переписка и самые разговоры его доказывают, как он умел ценить достоинство и усердие в своих подчиненных и как он предсказывал блестящую участь сих генералов на поле чести и славы, в особенности графа Паскевича-Эриванского, с коим до последней минуты своей жизни остался он в тесных связях дружбы.

Понесенные труды Николаем Николаевичем Раевским в сей 1812 год не остались без вредного последствия для его здоровья. Ужасная нервическая горячка довела его до преддверий гроба; а слабость после тяжкой болезни была так продолжительна, что он не прежде мог возвратиться в армию, как за несколько дней до Бауценского сражения.

В 1813 году поручено было Раевскому начальство над гренадерским корпусом. В Кёнигсварте (Königswartha) он поддерживал атаку Барклая де Толли и способствовал соединению его с армиею. В Бауцене он был на левом нашем фланге и прикрывал отступление всей артиллерии и всей армии. Тут он временно командовал арьергардом и отражал несколько раз покушения неприятеля.

После перемирия мы видим его занимающего под Дрезденом Тиргартен (Thiergarten) и выдерживающего жестокое сражение. Под Кульмом (Culm) он приходит на помощь гвардейскому корпусу, и его появление останавливает неприятеля. На другой день он атакует Вандама; и присут-

ствие его немало способствует к успешному окончанию сего блистательного дела. Под Лейпцигом (Leipzig) он со своими гренадерами занимает часть центра нашей линии. В сем ужасном сражении было одно роковое мгновение, в котором судьба Европы и всего мира зависели от твердости одного человека. Наполеон, собрав всю свою кавалерию, под прикрытием ужасной батареи устремил ее на наш центр. Часть оного поколебалась и временно уступила отчаянному нападению; но корпус гренадер под командою Раевского, свернувшись в кареи, стоял непоколебимо и, окруженный со всех сторон неприятелем [9], везде отражал его усилия. Сия твердость дала нашим время выстроиться и вскоре опрокинуть французскую кавалерию, которая принуждена была ретироваться под огнем непоколебимых гренадер, расстроилась и обратилась в бегство. В сию решительную минуту Раевский, тяжело раненный картечью в правое плечо, пошатнулся на лошади. Поэт Батюшков, служивший при нем адъютантом, заметил сие несчастие и подскакал к нему на помощь [10]. Раевский положил на рану левую руку и, показывая ее обагренною кровью, сказал с улыбкою сии два известные стиха:

Je n'ai plus du sang qui m'a donné la vie;
Ce sang s'est épuisé, versé pour la patrie... * [11]

Он остался на лошади и командовал корпусом до окончания сражения, хотя рана была жестокая и кость раздроблена. За сей подвиг он произведен в генералы от кавалерии.

Едва рана его закрылась и здоровье начало оправляться, Раевский спешит в армию и находит ее во Фрейбурге (Freiburg), близ Рейна. Переправившись через Рейн, он был более свидетелем, чем участником в сражении под Бриенной (Brienne) и в других частных битвах в Бар-Сюр-Об (Bar-sur-Aube), где он призван к командованию армиею раненого графа Витгенштейна. Тогда началось наше решительное движение на Париж. Встретившись под Арсисом (Arsis) с армиею Бонапарте, после кровопролитной битвы Раевский входит в город на пятах неприятеля и преследует его на Витри (Vitry). Потом, переменив свой фронт, он атакует у Фер-Шампенуаза (Fere-Champenoise) корпуса Мармона и Мортье, заставляет их поспешно отступить и после нескольких переходов является первый в виду гордой столицы Франции. На другой день начался последний кровавый бой, решивший участь Наполеона. Раевский ведет атаку на Роменвиль (Romainville) и Бельвю (Bellevue). Не взирая на упорную защиту, он мало-помалу вытесняет французов из всех их передовых позиций. В сей нерав-

---

* Во мне нет больше крови, которая давала мне жизнь; эта кровь иссякла, она пролита за отчизну (франц.).— *Ред.*

ной борьбе где на каждом шагу неприятель находил прикрытие и сражался, отступая, из-за садовых оград или казенных домов, потеря наша была довольно значительна; но когда сии препятствия ⟨были⟩ уничтожены и прусская гвардия начала выходить из селения Пантен (Pantin), Раевский увидел, что настало решительное мгновение. Он соединяет свои резервы, быстрым натиском отбивает 19 батарейных орудий и занимает высоты, повелевающие всеми входами в Париж. Сия атака решила дело; неприятель прибегает к переговорам и просит пощады *.

Таковы были подвиги Раевского в сию знаменитую войну, не имевшую себе подобной в летописях мира, в которой участвовали армии всех просвещенных народов, коей поприще простиралось до Кадикса (Cadix) до Москвы и занимало всю Европу. Судьба определила Раевскому в Дашковке и в Париже нанести Наполеону первый и последний удар и заслужить от благодарного потомства надгробную надпись, которая ни к какому другому имени, кроме его, применена быть не может:

Он был в Смоленске щит,
В Париже меч России.

Николай Николаевич Раевский соединял в себе способности государственного мужа, таланты полководца и все добродетели частного человека. Милости покойного государя Александра I глубоко были впечатлены в его душе, и он не называл его иначе как своим благодетелем. Верный друг, нежный отец, истинный сын отечества и православной нашей церкви, он сохранил до последнего своего дыхания отличительную черту своего сердца, способность любить и умирающею рукою успел еще благословить неутешное свое семейство. Он скончался на 59-м году своей жизни, не оставив на сем свете ни одного человека, который бы имел право восстать против его памяти. Похвала великая для каждого, но еще бо̀льшая для людей, облеченных силою и властью.

Раевский принадлежит семейству храбрых. Отец его, полковник Николай Семенович Раевский, лично известный государыне Екатерине II,

---

* Многие военные писатели утверждают, что участь Парижа решена была взятием высот Монмартра (Monmartre) на правом нашем фланге. Сие мнение совершенно несправедливо. Переговоры у Пантенской заставы (barrière de Pantin) были уже в полном действии и приказания остановить огонь на всех пунктах всюду разосланы, когда атака на Монмартр совершилась. Наши парламентеры слышали русское «ура!» при атаке Монмартра из самого Парижа, и французские генералы жаловались тогда же на несоблюдение данного нами слова. К счастию, не трудно было им доказать, что сие случилось ни от чего другого, как от того только, что приказание остановить военные действия, посланное с высот Роменвиля, не успело дойти до высот Монмартрских. Итак, не в Монмартре, но в Роменвиле гордый Париж был покорен.— *Прим. Орлова.*

умер от ран в Яссах на 30-м году своей жизни. Брат его, подполковник Александр Николаевич Раевский, убитый на стенах Измаила, заслужил от самого Суворова имя храброго. Сам он был без покровительства, без связей; одною службою своею достиг до чина генерала от кавалерии и получил на поле сражения следующие ордена: св. Александра Невского с знаками, украшенными алмазами, св. Владимира большого креста 1-й степени, св. Анны 1-й степени, св. великомученика и победоносца Георгия 2-го класса, прусского Красного орла 1-го класса и австрийского Марии Терезии 4-го класса. При восшествии на престол государя императора Николая Павловича Раевский получил последнюю царскую милость и был сделан членом Государственного совета.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ. ПИСЬМА. ПРИКАЗЫ. ПОКАЗАНИЯ

РЕЧЬ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В «АРЗАМАС» (1817)

Почтенные друзья!

Определив меня членом Арзамасского общества, вы думали, может быть, что в самом деле найдете во мне сотрудника, достойного разделить ваши занятия. Но рука, обыкшая носить тяжкий булатный меч брани, возможет ли владеть легким оружием Аполлона, и прилично ли гласу, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновенности или тонким наречием насмешки? Какими заслугами в словесности обратил я на меня внимание ваше? Где книги, мною изданные? Где труды мои? Где плод моих трудов? И как я, неизвестный, осмелюсь заседать в тайном судилище арзамасском, где вижу собрание столь превосходных мужей, ополченных вкусом и правдою против пигмеев Российского Парнаса? [1]

Правда, лучше совсем не писать, нежели писать, как Хвостов или Захаров; но потому что я не достоин быть вами погребенным, достоин ли погребать других? Нет, любезные друзья! Осмелюсь при первом шаге моем прийти пределы, вами установленные, и перо мое не ополчится клеветою против сочинений, коих не читал и читать не хочу и не смею. Как мне отвечать на справедливые возражения тех писателей, кои, зная мое отвращение к их книгам, не преминут обвинить меня в невежестве? Я уже в мыслях вижу с трепетом их ужасный сонм, предстающий предо мною в образе какого-нибудь нового словесного скопища...

«Как ты смел,— говорит один,— судить мои сочинения, ты, который ни одного из них не дочел до половины?» «Тебе ли,— рцет другой,— разглагольствовать языком змеиным о ангелоподобных моих женах [2], тебе, которого я видел спящего и слышал храпящего при самом начале учиненного мною чтения в усопшей, но искони бессмертной „Беседе“?» «Видел ли ты,— скажет третий,— где-нибудь подобного мне мудреца, сидящего безмолвным за трапезою ученых и определяющего достоинства сочинений одним вертикальным или горизонтальным движением головы?»

Увы! Какой мне дать ответ? Рассеянные листы без уважения и порядка в отдаленнейшей из моих комнат ясно доказывают, на какое единственное употребление определял я все сочинения сих авторов, предпочитая слогу и красноречию их книг приятную мягкость бумаги, на коей они напечатаны и с коей придавал я их вторичному тиснению. Итак, не имея права злоречить о произведениях мне неизвестных, я намерен, не погребая никого, обратить внимание ваше на собственную мою недостойность. Здесь являюсь пред вами, как грешник в час страшного суда, являюсь во всей моей нищете, и нет ни одного напечатанного листочка, коим бы мог прикрыть словесную мою наготу. Ах! Как ужасна ваша строгость! Как строга ваша проницательность! Принужденный неизвестным еще пером описывать неизвестные мои таланты, страшусь предстать пред вами бесценен, как Г.[3] без сафьянного переплета, а мерзок, как Шихматов без рубашки.

Изнемогая пред славою, мне вами ссужденною, решился дать вам полное познание о новом члене вашего общества. Сим одним могу согласить совесть мою с похвальным честолюбием. Внемлите и судите.

Я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной учености. Я признаю пользу Адрес-Календаря и почитаю его за лучшее произведение наших академиков[4], так как считаю «Беседу» худшим творением Державина[5].

Когда нахожусь в Петербурге, являюсь в точности на публичное мучение в Библиотеку и намерен даже подать вскоре напечатанное мнение для пользы публики о превращении сих ежегодных собраний в юбилей[6].

Читая басни одного члена Библиотеки[7], смотрю на него как на одного живого в царствии мертвых.

Я не признаю за брата «Сына отечества»[8], одним заглавием почтения достойного, и жалею, что столь славное имя не может внушить лучших произведений.

Я признаюсь, что «Северная почта»[9] в состоянии меня отвратить и от самого свободомыслия, ежели бы что-нибудь могло уклонить честного человека от полезных занятий.

Я торжественно объявляю, что «Дух журналов» наводит на меня дух уныния и что сия северная пчела, собирая с дурных растений ядовитые соки, составляет на место меду чистейший опиум[10].

Я от «Пустынника»[11] в пустыню рад удалиться и желаю, чтоб впредь он гулял для здоровья без замечаний, за что вся публика будет ему благодарна.

Я осмелюсь заметить сему подражателю господина Жуи, что частные статьи сего последнего удостоены были составить целую книгу, и что из целой книги «Русского пустынника» едва ли можно выбрать одну хорошую статью.

Я прощаю великодушно Хвостову оба издания его басен, *ибо сам не ведает, что делает*, но никогда не прощу ни тем, кто раскупили первое издание, ни тому, кто напечатал второе [12].

Я предпочитаю ведьму Жуковского всем красавицам Захарова.

Я опасаюсь, чтоб угрюмое воображение Шекспира Шихматова не имело для публики дурных последствий, то есть сочинения какой-нибудь новой трагедии.

Я полагаю, что меланхолическая нежность пастушки Буниной одна может усыпить пылкость российского Ротру [13].

Я советую им вступить в законный брак и определяю старца Мешкова [14] их посаженным отцом.

Я заклинаю их не производить в свет новых сочинений и ограничиться нежными упражнениями супружества с тем только уговором, чтоб публика, забывши о них, не увидела вдруг появившихся наследников их талантам.

Я уверен, что многие из наших писателей продали, как Громобой [15], душу свою черту не за успех, а за одно право печатать.

Я думаю, что нынешняя российская словесность по большей части есть отпечаток французской испорченной литературы.

Я исповедую, что не будет у нас словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не престанет вооружаться против географических лексиконов и оберточных бумаг.

Я бы мог, конечно, еще далее распространять сие описание моих отрицательных дарований и качеств, но, говоря сам о себе, боюсь, чтоб вы, почтенные друзья, обыкшие веселиться, а не скучать сочинениями ваших сочленов, не заставили меня общим негодованием прекратить сие чтение. Я сам чувствую, что слог шуточный не приличен наклонностям моим, и ежели я решился начертить сие нескладное произведение, это было единственно для того, чтобы не противиться законам, вами учрежденным. Исполняя долг повиновения, я надеюсь, что найду в вас не судей суровых, но снисходительных друзей, которые предпочитают искреннее желание угодить блистательнейшему успеху.

Итак, обращаюсь я с радостию к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской. Тогда-то Рейн [16], прямо обновленный, потечет в свободных брегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род не легкие увеселительные лодки, но суда, исполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между нами луч отечественности и начнется для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный призм предрассудков за пределы Европы.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ КИЕВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА 11 АВГУСТА 1819 года

Почтенные слушатели!

Удостоенный звания вице-президента Киевского отделения Библейского общества, я принимаю с благоговением на себя столь почтенное имя со всеми обязанностями новой моей должности, со всеми трудами с оною сопряженными. Благодарю смиренно за неожиданно сделанную мне честь. Благодарю искренне за то, что приглашен к исполнению великого подвига, в котором частная польза России сливается с общей пользою человечества.

Не ожидайте от меня, почтенные слушатели, чтоб с светским дерзновением я осмелился коснуться священного действия наших собраний в отношении той спасительной цели, для коей они основаны. Я предоставляю сей высокий предмет красноречию священных ораторов, заседающих среди нас. Им одним подобает собирать вокруг кафедры своей толпы народа, алчущего слова божия; толковать намерения всевышнего и представить, как христианский закон, возникший среди развалин древнего просвещения и разлития всех страстей, приклонил к устройству государственному буйствующих варваров, наводнивших Европу, возобновил забытую нравственность, возжег потухший было пламенник науки и воцарил тишину и добродетель там, где царствовал ужас и порок. Им одним прилично, переходя к новейшим событиям, показать ту таинственную связь, которая существует между прежними проповедниками веры и нынешними библейскими обществами; как сии последние, соглашая дух начального христианства с образованием нынешних времен, довершают великое дело распространения слова божия, разносят отголосок истинного учения по всем странам и для всех людей и, развертывая перед народами непреложную книгу вечной правды, без хитростей политических, без вооруженного насилия, заменяют

в нашем исповедании тех латинских миссионеров, кои, отправляемые в отдаленные страны, слишком часто на место мира и любви сеяли семена раздоров и на место истины оглашали честолюбивые умствования римского двора.

Но я, не касаясь сих предметов, превышающих силы мои, как простой гражданин обращу ваше внимание на действие наше в отношении гражданского устройства и народного просвещения. Я буду говорить наипаче для тех людей, кои, образованные положительными познаниями, ищут во всяком предмете не вообразительной красоты, но существенной пользы.

Типографическое ремесло находилось до сих пор у нас в младенчестве. Несовершенство произведений оного и дороговизна книг отнимают у многих и желание и способы заниматься российскою словесностию. Всем известно, что книги, печатанные на российском языке, почти столь же дороги, как и иностранные, выписываемые из дальнейших краев. Неумеренная цена оных есть одно из величайших препятствий для просвещения, она останавливает успехи и сочинителей, и читателей; одни не в состоянии печатать, другие разоряются покупкою; достойно замечания, что ни одно почти сочинение сверх трех томов не было издано в общество без помощи правительства или частных людей. Сию истину подтверждает издание не только мало известных книг, но и самой «Истории Российского государства», которая ожидаема была в публике с столь великим нетерпением. Российское Библейское общество, учредив свою типографию на новых правилах, доказало возможность понизить все цены таковых произведений. Продажа Библии за 6 рублей есть полезнейшее явление в круге ремесленничества, и со времени оного типографическая искусственность сделала важный шаг к совершенству. Сверх сего труды Библейского общества оказали еще новую услугу введением стереотипных изданий.

Вот польза для художеств; вот другая в отношении наук. Изучение языков восточных было всегда одним из занятий европейских академий, а ныне еще более распространилось оно, с тех пор как науки, взяв превосходный ход, стараются достигнуть до самого начала познаний человеческих. В сем-то намерении ученые европейские сословия изыскивают тщательно в основаниях санскритского, арабского и других образованных языков то коренное наречие, от коего все другие происходят; но их труды будут тщетны, ибо самая образованность сих языков доказывает, что они удалились от первобытной простоты. Российское Библейское общество, занимаясь переводом священных писаний на разные идиомы племен, обитающих на том месте, где полагается колыбель рода человеческого, может быть, скорее достигнет предполагаемой цели. Кто может увериться, что сравнение чувашского наречия с татарским не озарит новым светом сей части наших познаний? Кто не согласится, что изучение 20 восточных диалектов не по-

служит к усовершенствованию наук и исторических сведений? В сем-то смысле Библейское общество, так как оно основано в России, должно почитаться ученым сословием и заслуживает внимания всех просвещенных людей.

Обращаюсь теперь к сношениям России с некоторыми из прилежащих народов. Европейская Россия граничит к западу с тончайшим просвещением, а к востоку с глубоким невежеством. Сия отличительная черта нашего географического положения имела некогда вредное влияние на историю нашу; но Петр Великий, твердостию своего духа, дал нашим умам постоянное наклонение к образованию, породил науки и художества в отечестве и заставил его насильственно вступить в состав европейских держав. Со времени сего большого нравственного переворота все части нашего государства быстро подвинулись вперед и вскоре, в доказательство собственных успехов, мы почувствовали необходимость уделить часть нашего просвещения и полудиким нашим соседям. Но каким способом приступить к сему предприятию? Торговля давно открыла нам путь к степям восточным, но до сих пор не утвердила наших следов. Коммерческие сношения могут установить некоторую взаимность между образованными народами, ибо там размен товаров основан на больших исчислениях, требующих более основательности, нежели хитрости; но сии же самые сношения с калмыками, бухарцами и татарами вселяют одну ненависть и вражду, ибо обман, ими почитаемый за искусство, принуждает и наших купцов действовать слишком осторожно и недоверчиво. Итак, ежели мы хотим основать торговлю нашу в тех краях на незыблемых выгодах, то должно прежде всего взять меры для их просвещения; а какая мера может быть действительнее, какое средство сильнее распространения на их же собственных языках учения христианского?

Но говоря о соседях наших, забудем ли мы, что часть сих же самых племен и им подобных поступили в состав самой России и, следуя различным исповеданиям, признают теперь одно с нами отечество? Не должно ли обратить внимания на водворение в сих народах истинной веры, которая, не упоминая о прочих ее благодеяниях. способствует столь разительно к соединению людей в общества и к созиданию государств? Вспомним, что Кирилл и Мефодий изобретением письмен славянских и переводом на наш старинный язык Священного писания положили краеугольный камень нашего политического здания, и потщимся сделать для других то, что принесло нам самим очевидную пользу.

Наконец, благоговея пред последним трудом российского Библейского общества, воздадим ему должную благодарность за преложение Нового завета на российский язык. Счастливы те, кто избраны были к сему благословенному подвигу! Принеся согражданам неоцененный дар, они наслаждаются чистою радостию при виде совершенного ими дела. Тщетно будут

возражать, что российский язык, названный справедливо первородным сыном славянского, так сходствует с сим последним, что труд переводчиков напрасен. Сие-то самое сходство есть главнейшее препятствие к систематическому изучению славянского языка, и от предвидимых легких успехов родится у нас беспечие к успехам. Но когда дело касается до истины высочайшего разряда, до познания самого себя и своих обязанностей, до понятия о правде и добродетели, о боге, то всякое поверхностное сведение недостаточно и всякий несовершенный свет есть тьма. Но теперь чрез перевод Евангелия каждый россиянин приглашен к познанию своей веры; каждый может, так сказать, беседовать со спасителем вселенной, и ежели бы Библейское общество не оказало никаких услуг, то одна сия последняя превышает всякую человеческую признательность и дает ему право на вечное благословение современников и потомства.

Изложив таким образом все частные пользы, проистекающие от нашего священного сословия, я осмеливаюсь занять вас, почтенные слушатели, предложением, внушенным чистым стремлением к добру, и которое, ежели примется с благосклонностию, может довершить благой круг действия библейских обществ над гражданским устройством и народным просвещением. Воспитанный на бранном поле и чуждый хитростям красноречия, я мало умею повелевать вниманию и порождать уверение в сердцах. Вся сила моего слова заключится в справедливости моей мысли. Впрочем, может быть пламенная любовь к отечеству, сия страсть, пережившая во мне все прочие страсти, вознаградит недостатки в способностях и даст рвению моему всю цену, всю полезность отличных дарований.

Хотя мысль, на которую прошу вас, почтенные слушатели, обратить внимание, касаясь народного воспитания, тесно сопряжена с общим благополучием, хотя все благомыслящие писатели, все любители человечества занимались предпочтительно сим великим предметом, хотя она в другом виде была первым средством и последнею целию Петра Великого, хотя с тех пор все наследники его старались водворить просвещение в отечестве нашем, однако ж, может быть, закоснелые предрассудки восстанут против моего предложения. Во всяком времени, во всякой земле родится несколько людей, образованных как бы нарочно природою, чтоб быть противниками всего изящного и защитниками невежества. Их самих нельзя назвать невеждами: они употребляют просвещение частное, чтобы сразить просвещение общее. Их нельзя назвать злоумышленниками, они только заблуждаются и часто с чистейшими намерениями стараются достигнуть пагубнейшей цели. Они везде отличаются одними и теми же нравственными чертами. Любители не древности, но старины, не добродетелей, но только обычаев отцов наших, хулители всех новых изобретений, враги света и стражи тьмы, они суть настоящие отрасли варварства средних веков [1]. Во Франции они противятся свободомыслию и введению представительного

правления; в Германии они защищают остатки феодальных прав; в Испании они торжествуют и каждый из них приносит радостно свое дряблое полено для сооружения костров инквизиции; в Италии они восстают против распространения Священного писания и проклинают громогласно библейские собрания; в Турции они превозмогли и остановили навсегда успехи просвещения. Наконец история наша полна их покушений против возрождения России. Они были личными неприятелями великого нашего преобразователя; они неоднократно покушались на жизнь его и бунтовали стрельцов в Москве, как бунтуют янычары в Царьграде. При Елизавете они хулили уничтожение смертной казни; при Екатерине — учреждение предводительства дворянского. Они ставят «Правду Ярослава» [2] выше ее «Наказа»; они рассеяли сейм, собранный 1768 года [3], преследовали всех благомыслящих людей и теперь еще, когда луч просвещения начинает озарять отечество наше, они употребляют все усилия, чтобы обратить его к прежнему невежеству и оградить непроницаемой стеной от набегов наук и художеств.

Сии политические староверы руководствуются самыми странными правилами: они думают, что вселенная создана для них одних, что они составляют особенный род, избранный самим промыслом для угнетения других, что люди разделяются на две части: одна, назначенная для рабского челобития, другая — для гордого умствования в начальстве. В сем уверении они стязают для себя все дары небесные, все сокровища земные, все превосходство и нравственное и естественное, а народу предоставляют умышленно одни труды и терпение. От сих правил родились все уничижительные для рода человеческого системы правления, системы, коих начало должно искать не столько в честолюбии законных преемников власти, сколь в пагубных изобретениях ласкателей земных владык и друзей невежества.

С некоторых пор число сих последних чрезвычайно увеличилось. Слабый их рассудок, касаясь одной поверхности вещей, с пристрастием приписывает все бедствия невинному образованию. Они почитают философию неверием, как будто бы истинные сведения о создании не ведут к истинному познанию о создателе. Они особливо любят приводить в пример французскую революцию, как будто бы сей страшный переворот произошел от просвещения народа, а не от просвещения правительства. Они называют твердость — буйством, исключения — правилами, постоянное определение законов — беспорядком, учение — излишеством, а невежество — источником блаженства.

Вот какие враги восстанут на меня! Но презирая их заблуждения, могу ли уважить покушения их невежества? Я не думаю, почтенные слушатели, чтоб в обществе нашем нашелся один член, который был бы заражен подобными предрассудками. Все мы желаем, все мы ищем образования оте-

чественного, не того, которое родится от гордого умствования и порождает беззаконие, но того, которое ведет к познанию всех наших обязанностей гражданских и духовных. Потому-то я, говоря среди вас, смело обнажил слово истины против бессмысленных врагов просвещения, уверен будучи, что каждый из вас поспешит простерть руку помощи слабости моей и дополнить охотно мои мысли своими рассуждениями и опытами.

Давно уже правление наше старается водворить просвещение в России: то выписывает из чужих земель мудрых учителей, то сооружает повсюду университеты и гимназии, духовные академии и семинарии; здесь приглашают бедных дворян и мещан в уездные школы; там созывают народ в приходские училища; везде видны усилия, но не везде успехи соответствуют усилиям. Мы все еще стоим несколько шагов позади от иноплеменных современников. Одно из больших препятствий есть в образе преподавания и в скудности средств. Правление не довольно существенно богато, чтобы вскоре нравственно обогатить народ. Великое множество учителей, потребных для первого образования, понудило поручить оное приходским священникам. Сии, занятые богослужением, отдаленные от прихожан большими расстояниями, едва могут уделить самую малую часть их времени для столь важного предмета. Так самое рвение к добру обуздано невозможностию, и пустынная обширность России, коею гордятся столь много бессмысленных наших сограждан, воспрещает быстрому переходу наук и движению умов.

Но промысел, бдящий над отечеством нашим, ознаменовал начало века сего, ниспослав России два великие орудия для достижения истинного просвещения: Библейское общество и взаимное обучение,— одно образует умы и сердца к добродетели чрез слово божие, другое расплождает число читателей и сим самым довершает дело первого. Что просвещение без веры? Меч во власти злодея. Что Священное писание в руках невежды? Злато, сокровенное в недрах земли.

До сих пор взаимное обучение было принято только гражданским ведомством; я предлагаю Библейскому обществу завладеть сим действительным орудием образования народного и, распространяя более и более истинное учение о вере, слить в одну струю сии два источника будущего блаженства нашего. Кажется, само провидение способствует моему предложению, и в то же самое время, когда взаимное обучение начинает распространяться в России, сам бог, конечно, допустил Библейское общество довершить перевод Евангелия, как будто бы хотел показать, на чем должно основать общее просвещение.

Мне кажется, почтенные слушатели, что не нужно будет излагать преимущества взаимного обучения над другими методами. Те из вас, кои, изыскивая все полезные изобретения, благоволили удостоить присутствием своим школу, учрежденную в Киеве, могли лично удостовериться о

порядке и успехах нового заведения [4]. Они видели, так сказать, мануфактуру воспитания, которая легчайшими способами может удесятерить изделия прежних школ. Ежели бы кому-нибудь из вас угодно было вникнуть во внутреннее распоряжение оной, то легко можно усмотреть, что она столько же уменьшает издержки учредителей, сколь увеличивает успехи воспитанников.

Вот почему, предпочитая сей образ обучения всем прочим, я основал все мое предложение на сем новом открытии. Сие предложение состоит в следующем:

1. Донести от Киевского отделения Библейского общества нашему начальству о содержании сей речи.

2. Испросить у него позволения учредить здесь, в Киеве, приходскую школу по методе взаимного обучения.

3. Употребить на оную суммы, собранные и состоящие в нашем ведомстве.

4. Требовать содействия от господина министра духовных дел и просвещения, нашего президента, чтоб отведено для сего было здесь пристойное строение.

5. Преподавать учение без платежа, почему предпочтительно принимать сирот и детей бедных родителей числом до 300 человек.

6. Пригласить дворянство, чрез предводителей, и купечество, чрез магистрат, к содействию для сего полезного учреждения.

7. Обучать детей посредством составленных уже таблиц и перевода Евангелия на русский язык.

8. Составить из числа членов наших особенный комитет, состоящий из трех членов, имеющих равные голоса, и одного письмоводителя для сочинения положения сей школы и для управления оною.

9. Ежели успех будет соответствовать первому сему опыту, то предложить учреждение таковых школ при всех отделениях Библейского общества.

10. Каждая библейская школа будет стараться распространять по мере возможности и на другие места, зависящие от отделений, благодетельное влияние взаимного обучения слова божия.

11. Сие распространение школ делать, приглашая воспитанников за умеренную плату.

Предавая сие предложение мое суждению вашему, почтенные слушатели, я обязан заметить еще, что самая польза библейских обществ сопряжена с исполнением оного. С одной стороны, преподавание учения даром касается только первоучрежденных школ, ибо я думал, что библейские общества везде, где они существуют, должны ознаменовать свое бытие излиянием нравственных щедрот, без всякого денежного воздаяния. Но они не могут везде взять на себя попечение о воспитании народа, сие было

бы сверх сил и средств всякого общества, почему в отдаленных местах и предлагается учредить, судя по обстоятельствам, плату и особые кружки для посетителей. С другой стороны, мне известны многие особы, которые желают на собственном иждивении соорудить подобные заведения. Они сделаются соревнователями нашими. Они, конечно, с радостию увидят, что предупреждаем мысль их и представляем им внушать пользу, принимая на себя труды и ответственность.

Ежели бог благословит наше предприятие, то отовсюду раздастся благодарный отзыв признательности народной, число благотворителей нашего сословия значительно умножится и подаяния разольются от щедрой руки русских, кои никогда не щадили ни трудов, ни злата, ни жизни для пользы отечества. Я, с моей стороны, готовый жертвовать и своим имением и собою для исполнения сего предприятия, могу ручаться собственным моим опытом, что успехи еще превзойдут подаяния сограждан наших, как бы они велики ни были, и заключу мою речь сими словами, внушенными глубокою уверенностию:

Сколь ни славно отечество наше, сколь быстро мы ни подвигались к образованию в последнем столетии, все сии успехи справедливо бы почлись ничтожными в сравнении тех, которых можно бы ожидать, ежели бы взаимное обучение было изобретено со времен Петра Великого и введено в Россию сим чудесным мужем, который всуе ничего не предпринимал.

О КНИГЕ «РАССУЖДЕНИЯ О ФРАНЦИИ»

(письмо к Ж. Де Местру от 24 декабря 1814 г.)

Monsieur le Comte [1],

J'ai l'honneur de vous renvoyer votre ouvrage sur la France. Cette lecture a produit sur moi une sensation si vive, que je ne puis m'empêcher de vous communiquer les idées qu'elle a fait naître.

Vatre ouvrage, Monsieur le Comte, est un axiome de la classe de ceux qui ne se prouvent pas, parce qu'ils n'ont pas besoin de preuve; mais qui se sentent, parce qu'ils sont des rayons de la science naturelle. Je m'exlique; quand on me dit: «Le carré de l'hypothénuse est égal à la somme des carrés construits sur les deux côtés du triangle rectangle», j'en demande la démonstration, je la suis, et je me laisse convaincre. Mais quand on s'écrie: «Il est un Dieu!» ma raison le voit ou se perd dans une foule d'idées, mais mon âme le sent invinciblement. Il en est de même des grandes vérités dont votre ouvrage est rempli. Ces vérités sont d'un ordre élevé. Ce livre n'est point, comme on me l'a défini avant que je l'aie lu, *un bon ouvrage de circonstance*, mais ce sont les circonstances qui ont dicté le seul bon ouvrage que j'aie trouvé sur la révolution française.

«Le Moniteur» est le développement le plus volumineux de votre livre [2]. C'est là où sont consignés les efforts des hommes en actions et en paroles, et la nullité de ces efforts. S'il y avoit un titre philosophique à donner au «Moniteur», je le nommerais volontiers «Recueil de la sagesse humaine et preuve de son insuffisance». Votre livre, le «Moniteur», l'histoire, sont le développement de ce proverbe devenu commun, mais qui renferme en lui la loi la plus féconde en applications et en conséquences: «L'homme propose et Dieu dispose».

Oui, l'homme ne peut que proposer; c'est une immense vérité. La faculté de combiner a été laissée à l'homme avec la puissance du libre arbitre; mais les événemens ont été soustraits à son pouvoir, et leur marche n'obéit qu'à la main créatrice. C'est donc en vain que les hommes s'agitent et délibèrent, pour gouverner ou être gouvernés de telle ou telle manière. Les nations sont comme les parti-

culiers; elles peuvent s'agiter, mais non se constituer. Quand aucun principe divin ne préside à leurs efforts, les convulsions politiques sont le résultat de leur libre volonté; mais le pouvoir de s'organiser n'est point une puissance humaine: l'ordre dérive de la source de tout ordre.

L'époque de la révolution française est une grande époque: c'est l'âge de l'homme et de la raison. La fin est aussi digne deremarque — c'est la main de Dieu et le siècle de la foi. Du fond de cette immense catastrophe, je vois sortir une leçon sublime aux peuples et aux rois [3]. C'est un exemple donné pour ne pas être imité. Il rentre dans la classe des grandes plaies dont a été frappé le genre humain, et forme la suite de votre éloquent chapitre qui traite de la destruction violente de l'espèce humaine. Ce chapitre, à lui seul, est un ouvrage; il est digne de la plume de Bossuet.

La partie prophétique de l'ouvrage m'a également frappé. Voilà ce que c'est que d'étudier d'une manière spéculative en Dieu; ce qui n'est pour la raison qu'une conséquence obscure, devient révélation. Tout se comprend, tout s'explique quand on remonte à la grande cause. Tous se devine, quand on se base sur elle.

Vous m'avez fait l'honneur de me dire que dans le moment où je vous écris, on s'occupe à réimprimer cet ouvrage à Paris. Certainement il sera très utile tel qu'il est; mais si vous me permettez de vous dire mon opinion, je vous ferai une seule observation. Je pars de ce principe, votre ouvrage est un ouvrage classique qu'on ne saurait trop étudier; il est classique pour la foule d'idées profondes et grandes qu'il contient. Il est de circonstance par un os deux chapitres, nommement celui qua traite de la «Déclaration du roi de France», en 1795 [4]. Ces chapitres ont été faits pour l'année 1797 où l'on croyait à la contre-révolution. Maintenant quelle foule d'idées nouvelles se présentent! quelles grandes conséquences l'histoire ne fournit-elle pas à vos principes? Cette révolution concentrée en une seule tête et tombée avec elle [5]; la main de Dieu qui a sanctifié jusqu'aux fautes des alliés; cette stupeur répandue sur une nation jadis si active et si terrible; ce Roi inconnu dans Paris jusqu'à la veille de notre entrée; ce grand général vaincu dans son art même; cette génération nouvelle élevée dans les principes de la nouvelle dynastie; cette noblesse factice, qui devait être son premier appui, et qui a été la première à l'abandonner; l'Eglise fatiguée et haletante des coups qui lui ont été portés; son chef abaissé jusqu'à sanctifier l'usurpation [6], et élevé depuis à la puissance du martyre; le génie le plus vigoureux, armé de la force la plus terrible, employée vainement a consolider l'edifice des hommes: voilà le tableau que je voudrais voir tracé par votre plume, et qui serait la démonstration évidente des principes que vous avez posés. Je voudrais le voir à la place de ces chapitres que je vous ai indiqués, et alors l'ouvrage présenterait au lecteur attentif les causes et les effets, les actions des hommes et la réaction divine. Mais il n'appartient qu'à vous, Monsieur le Comte, d'entreprendre cette péroraison frappante sur vos propres principes. Ce que j'ai pris la liberté d'esquisser ici, peut devenir sous votre main un recueil de vérités sublimes; et si j'ai réussi par cette lettre à vous en-

courager à ce grand travail, je croirais par cela seul avoir mérité de ceux qui lisent pour s'instruire.

Quant à moi, je borne à faire des voeux pour que vous voulussiez bien, par un nouvel *Essai*, me procurer de nouveau la puissance de m'éclairer, persuadé qu'il ne sortira rien de votre plume qui ne soit plein de grandes et de fortes leçons.

Je vous prie d'agréer les assurances de la haute considération, et du profond respect avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Comte, de votre Excellence le très-humble et très-obéissant serviteur

M. O.....

Général au service de S. M. Empereur de toutes les Russies.

Saint-Pétersbourg, ce 24 décembre 1814.

Перевод

Господин граф [1],

Честь имею отослать вам ваш труд о Франции, чтение которого произвело на меня столь живое впечатление, что я не могу удержаться, чтобы не сообщить вам мысли, возникшие у меня по этому поводу.

Ваш труд, граф, является одной из тех аксиом, которые не доказывают, так как они не нуждаются в доказательстве; но их чувствуют, потому что они — отблески подлинного знания. Объяснюсь. Когда мне говорят: «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов, построенных с двух сторон прямоугольного треугольника», я требую доказательства этого, слежу за доказательством и меня можно убедить. Но когда восклицают: «Он бог!» — мой разум видит это или теряется в массе идей, но душа моя неодолимо чувствует это. Так же обстоит дело и с великими истинами, содержащимися в вашем труде. Это высокие истины. Ваша книга вовсе не *прекрасное произведение, написанное по поводу известных обстоятельств*, как мне его определили до того, как я его прочитал; наоборот, сами обстоятельства продиктовали единственно прекрасное произведение, которое я смог найти о французской революции.

«Монитер» является наиболее обширным развитием вашей книги [2]. В нем отражены усилия людей, усилия, проявившиеся в делах и словах, равно как и тщетность этих усилий. Если следовало бы дать философское название «Монитеру», я бы охотно его назвал «Сборником человеческой мудрости и доказательством ее ограниченности». Ваша книга, «Монитер», история,— все это развитие общеизвестной пословицы, в которой, однако, содержится закон, наиболее плодотворный в отношении применений и последствий: «Человек предполагает, а бог располагает».

Да, человек может только предполагать; это великая истина. Способность комбинировать была предоставлена человеку вместе со свободой действий; но события не подвластны ему, и их ход подчинен лишь руке создателя. Поэтому напрасно люди волнуются и *спорят*, желая управлять или быть управляемы тем или иным способом. Нации подобны частным лицам: они могут волноваться, но им не дано себя образовывать. Когда никакой божественный принцип не направляет их усилия, политические потрясения являются результатом их свободной воли; но способность себя образовывать не в человеческой власти; порядок проистекает из источника всякого порядка.

Эпоха французской революции — великая эпоха, это эпоха человека и разума. Конец ее также достоин того, чтобы быть отмеченным,— это рука божья и времена веры

Я вижу, как из глубины этой необъятной катастрофы возникает прекрасный урок для народов и королей [3]. Подобный пример дается для того, чтобы ему не следовать. Он относится к категории великих бедствий, постигших человечество, и является продолжением вашей красноречивой главы, повествующей о насильственном истреблении человеческого рода. Эта глава, сама по себе, является трудом; она достойна пера Боссюэта.

Пророческая часть книги также поразила меня. Вот что значит вести исследование путем божественного умозрительного мышления: то, что для разума представляется лишь неясным выводом, становится откровением. Все объясняется, обо всем можно догадаться, когда восходишь к великой причине всего сущего, когда основываешься на ней.

Вы оказали мне честь, сообщив, что сейчас, когда я пишу вам, в Париже заняты переизданием этого труда. Без сомнения, он будет весьма полезен и таков, каков он есть; но если вы разрешите мне высказать мое мнение, то я сделаю одно замечание. Я исхожу из убеждения, что ваш труд — труд классический, изучать который можно беспрестанно; он является классическим, так как в нем содержится множество великих и глубоких идей. Одна или две главы его посвящены обстоятельствам, а именно, те главы, в которых идет речь о «Декларации французского короля» в 1795 году [4]. Эти главы были написаны для 1797 года, когда верили в контрреволюцию. Какое множество новых идей появилось теперь! Какое великое подтверждение ваших принципов доставила история! Революция сконцентрировалась в одном человеке и пала вместе с ним [5]; рука божья освятила даже ошибки союзников; остолбенение, поразившее столь грозную и столь деятельную некогда нацию; король, которого никто в Париже не знал еще накануне нашего вступления; великий полководец, пораженный в самом своем искусстве; новое поколение, воспитанное в принципах новой династии; искусственно созданная аристократия, которая должна была служить ему главной поддержкой и которая первая покинула его; церковь, утомленная и задыхающаяся от ударов, которые ей были нанесены; ее глава, опустившийся до того, что благословил узурпацию [6], а затем поднялся до величия мученичества; наиболее мощный ум, вооруженный самой грозной силой, тщетно служит тому, чтобы упрочить создание рук человеческих,— вот картина, которую я хотел бы, чтоб вы набросали своим пером и которая стала б явным доказательством провозглашенных вами принципов. Я желал бы видеть это на месте тех глав, которые я вам указал, и тогда ваш труд представил бы внимательным читателям причины и следствия, поступки людей и божественный промысел. Но, граф, вам одному надлежит создать эту убедительную заключительную часть, связанную с вашими собственными принципами. То, что я позволил себе набросать здесь, может стать под вашим пером сборником высоких истин, а если своим письмом мне удалось бы подвигнуть вас на эту работу, то я считал бы, что тем самым я заслужил благодарность тех, кто читает с целью просветиться.

Что касается меня, то я ограничиваюсь пожеланием, чтобы новым *очерком* вы доставили мне снова возможность познавать истину, так как я вполне уверен, что из-под вашего пера не выйдет ничего, что не было бы полно великих и искусных поучении.

Прошу вас принять уверения в высоком почтении и глубоком уважении, с которыми имею честь пребывать, граф, смиренным и покорным слугой вашего превосходительства

М. О.....

Генерал на службе его величества императора всероссийского.

Санкт-Петербург, 24 декабря 1814.

ОБ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

(*письма к П. А. Вяземскому от 4 мая и 4 июля 1818 г.*)

⟨I⟩

⟨Киев. 4 мая 1818 г.⟩

Великий Асмодей! [1] Кроме тебя и Амура, никаким чертям я не поклоняюсь; да и между вами ты переживешь, вероятно, его в сердце моем. Я долго ленился к тебе писать единственно оттого, что много о тебе говорил с дьяволом Денисом и бешеным псом Толстым [2]. Они здесь — были на контрактах. Толстой уехал в Москву, к цыганкам в гости, а Денис вслед за мною сделался начальником штаба 7-го корпуса. Он скоро из Каменца Подольского переходит в Липовец или Умань и тогда будет от меня только в 200-х верстах. Слава и честь тем, кои в пользу моих увеселений сделали новое расположение квартир для 2-й армии.

Судьба, любезный Асмодей, не покровительствует нашему Арзамасу. Мы, как жиды, рассеянные по лицу света, сохраняем в молчании и терпении веру отцов наших, между тем как толпа невежд, под предводительством Мешкова [3] и других, осаждает отвсюду архив словесности. Исчезла надежда моя, и я горько оплакиваю усопшие наши собрания. Посреди невинных шуток и остроумных забав часто являлась величественная польза, и я уверен, что ежели бы мы жили все вместе, то все мои желания скоро бы сбылись, и дитя арзамасское переродилось бы в стройного и возмужалого человека. Сию надежду питаю еще во внутренности моего сердца, но не знаю, когда она сбудется [4].

Что сказать о Варшаве? Я читал речь государя, и принял с радостью душевною обеты его для России [5]. С сим словом отверзлись для него двери бессмертия, но венок лишь только тогда ему достичь от потомства, когда рука его водворит у нас закон и конституцию. Тогда провозглашу его великим, а Россию счастливой.

Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу. Он сам в предисловии говорит, что пленительнейшая черта римских историков есть то, что на каждом шагу видим в них римских граждан во всей силе сего слова. Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего отечества? Зачем говорит, что Рюрик был иноземец? Что варяги не были славянами? * Что находит он похвального в призвании иностранца на престол Новогородский? Что лестного в том, что Олег ходил по России с варяжскими войсками собирать дань для варягов? Прости, любезный друг, мое рассуждение. Ты знаешь, как я почитаю Карамзина, но первый

* Ни то, ни другое не доказано.— *Прим. Орлова.*

том его «Истории» не соответствует моему ожиданию. Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов.

В газетах варшавских — «Dodatuk Drugi» do N 29 — помещена статья о подписке на действия сейма по-французски. Сделай одолжение, подпишись за меня и перешли мне и на предбудущее время. Что стоить будет — отпиши.

Княгине Вере Федоровне Асмодеевой мой нижайший поклон. Машу поцелуй от меня в лоб [6]. Прощай, любезный друг, пиши ко мне и люби меня. Я ждал тебя в Киев, но увы!..

Михаил Орлов

Сего 4-го мая 1818-го года.
Киев.

⟨II⟩

Киев. 4 июля 1818 г.

Твое письмо, любезный Асмодей, я получил. Сожалею, что ты меня не понял. Я критик не по познаниям, но по сердцу, и сужу о сочинениях не так, как писатель, но как гражданин. Издание «Истории Российского государства» есть дело отечественное и потому, читав ее со вниманием, разбираю с строгостью. Прошу тебя не быть щедрым в разглашении сего письма [1], ибо я его диктую единственно для того, чтобы ты мог увериться, что первое мое суждение не было столь легкомысленным, как оно тебе показаться могло. По свойственному мне чистосердечию, я выбрал тебя посредником между мною и Карамзиным. Ты ему друг и знаешь, сколь я истинно почитаю его качества и дарования. Не имея никакой причины оскорблять самолюбие Николая Михайловича, я хочу только показать здесь впечатление, произведенное на меня чтением его сочинения. Я в первом сем письме не распространю мнения моего далее первых двух томов, которые я со вниманием прочитал; ежели же таковая переписка покажется тебе занимательною, то, по получении твоего ответа, могу продолжать разбор сего важного сочинения.

Я ждал «Истории» Карамзина, как евреи ждут мессию; едва она вышла из печати, как принялся я за чтение оной с некоторым благоговением, готовый унизить собственный мой рассудок пред пятнадцатилетним трудом умного писателя. Воображение мое, воспаленное священною любовию к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности, но памятника славы нашей и благородного происхождения, не критического пояснения современных писателей, но родословную книгу нашего, до сих пор для меня еще не понятного, древнего

величия. Я надеялся найти в оной ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса, уничтоженных Пинкертоном, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исландских и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет нам глаза на предрассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племен, кои наводнили Европу, докажет единоплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времен. Мне казалось, что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования.

И впрямь, ежели б основания нашего отечества, сокрытые во тьме времен, не были бы велики, ежели б единство России и могущество оной не существовали бы или в самом деле, или, по крайней мере, в живейшей памяти предков наших 9-го столетия, ежели б Рюрик был иноплеменный призванец и варяги его не были бы россиянами, то как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утвержден был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам, что Синав и Трувор также беспрекословно княжили в их уделах, что смерть Рюрика не воспретила младенцу Игорю воссесть твердо на престол, колеблемый непостоянством новгородцев, что едва Олег явился пред Киевом, и Киев пал к его стопам, что едва Киев покорился, и Олег уже прибивает щит свой на вратах Царьграда, что малолетство Игоря было спокойнее малолетства Людвика 14-го, что едва Россия явилась в истории и уже владычествовала от берегов Балтийского моря до стены Балканских гор, что едва вышли мы из варварства, и реки просвещения и обилия протекли в отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовала над междоусобиями князей и даже над самыми гонениями рока... И все вышеприведенные происшествия от Рюрика до Игоря совершились в полвека варварского столетия!!! Или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателю, то есть блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия.

Вот в каком смысле писал я к тебе, любезный друг, что Тит Ливий, основав на отечественных баснях римскую историю, заслужил признательность сограждан. Я, сообразуясь с временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России, но желал и теперь желаю, чтобы нашелся человек,

который, овладев, так сказать, рассказами всех современных историков, общим соображением преклонил насильственно все их повествования к одной и той же системе нашего древнего величия. Сомнения всякого рода я мог бы найти в чужестранных писателях, но Карамзину предоставлено было вырыть ученой рукой из недр древности угловой камень российского здания и показать на оном надпись славы нашей, начертанной временем. Сам суди, прав ли я или виноват.

Вот, любезный Асмодей, письмо скорописанное, продиктованное в гневе на твои упреки. Но оно есть также залог дружбы, ибо кроме истинного приятеля я никому бы не хотел поверить мысли, коими почтенный мною Карамзин мог бы оскорбиться. Да зачем же он дает Киеву польское происхождение? Правда: это не простительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь свою сими словами: Delenda est Carthago *.

Простираю к тебе влажные мои объятия.

Рейн[2]

О КНИГЕ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОХОДОВ РОССИЯН В XVIII СТОЛЕТИИ»

(письма к Д. П. Бутурлину от 2 ноября 1819 г. и 20 декабря 1820 г.)

⟨I⟩

⟨Киев. 2 ноября 1819 г.⟩

Любезный друг, ты не обидишься моими замечаниями. Я читал первый том большого твоего сочинения и хотя еще не совсем окончил чтение, однако же принялся писать, желая быть тебе полезным моими советами. Ежели возможно, останови издание французское, ибо оно тебе в некоторых местах не сделает чести.

Что касается до военной части, главного предмета твоего сочинения, то, по известным твоим положительным правилам, сия часть свыше всех критик. Но политические мысли не столь хорошо обработаны.

Во-первых, вступление слишком длинно и наполнено подробностями, не касающимися до твоего предмета. Ежели ты писал для образованных читателей, то вступление твое вовсе не нужно. Ежели ты писал для необразованных, то оно непонятно. Я думал, что найду некоторые мысли о тогдашней тактике, о сражении Куликовском, о осаде Смоленска и о прочих происшествиях, касающихся до военной истории. Я думал, что, не имея средств ни желания писать стратегических замечаний на военные

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).— *Ред.*

дела такого времени, в котором и сама стратегия не была еще изобретена, ты соберешь в вступлении общую картину военного тогдашнего состояния, покажешь связь между нашими средствами сражаться с современными европейцами, опишешь военный гений Чингиса и Тамерлана, образ нападения татар, как тогда защищали или брали города и подобные сему замечания. Напротив того, я нашел неполную историю российскую, в которой то сокращаешь военные действия для описания политических явлений, то сокращаешь сии последние для описания первых. Сие вступление, не имея цели, не имеет даже и основательности, ибо нигде нет ни ссылок, ни источников. Ты чувствуешь, что мои возражения справедливы вообще; коснусь теперь некоторых подробностей.

Ты говоришь в одном месте, что приобретение Казани и Сибири сделало необходимым принять меры против личной вольности крестьян. Хотя ты восстаешь против сего беззаконного действия самовластия, но сие самое не внушило тебе ни одного движения красноречивого, и ты холодно рассуждаешь о предмете, который сделался первою причиною всех наших внутренних неустройств. Да и самое рассуждение твое ложно. Ты пленился мыслию, с первого взгляда довольно вероятною, что приобретение степей должно было непременно породить переселение в оные вольных крестьян. Но если б ты занялся хотя несколько дней политическою экономиею, то увидел бы, что при вольности переходить из места в место никогда народ без отяготительного населения, коего тогда в отечестве нашем существовать не могло, не разбегается по степям и, напротив того, стекается к средоточию искусственности. Следовательно, твои степи остались бы долго степями и населялись бы постепенно, а Москва и окружные места обогащались стечением народа и изобретениями искусственности. Теперь то же самое произойдет, ежели дадут вольность крестьянам. Сие твое ложное рассуждение доказывает, что ты должен опасаться распространения о внутренней политике, которой ты не понимаешь. Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии. Я тебе советую прочитать *Сея* (Say).

В царствовании Алексея Михайловича должно было показать, что, хотя Россия и не вступила еще в состав европейский, но уже много способствовала войнами против турок и развлечением сил сих последних к установлению так называемого равновесия Европы, что Россия при Петре и исполнила против Франции, уничтожив содействие Швеции.

Наконец, общая мысль славословия, господствующая в вступлении твоем, и особливо конец оной совершенно противны нынешнему духу времени. Зачем возбуждать ненависть к отечеству в прочих народах? — Разве тебе не довольно того, что *Прад*, *Биньон*, *Герц* и прочие публицисты восстают против нашего могущества, ты хочешь также восстановить ⟨Европу⟩

против нас? С какого права вручаешь нам политические весы Европы? Друг мой! Нет никого на свете, который бы более меня привязан был чувством к славе отечества! Но не время теперь самим себя превозносить. Ты видишь все с высокой точки умозрения, с поля сражения. Войди в хижину бедного россиянина, истощенного от рабства и несчастия, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвозвещение будущего нашего величия!

К сему прибавлю, что ты писал по-французски и дал на сие самую дурную причину. Лучше было бы ничего не говорить. По крайней мере, неизвестно бы было, к какой литературе принадлежит твое сочинение.

В заключение позволь у тебя спросить, кто или что побудили тебя написать, что датчане сделали подвиг беспримерный, поддавшись безусловно деспотизму? Я сие предаю тебе на размышление и прибавлю только, что чуть ли все благомыслящие люди, отдавая справедливость твоим дарованиям, после таковых изречений не предпочтут ум твой твоему сердцу и твоим правилам. Я сам ищу, чему приписать таковое суждение, и ожидаю твоего ответа.

Твой друг М. Орлов

Сего 2-го ноября 1819 года.
Гор. Киев.

⟨II⟩

⟨Киев. 20 декабря 1820 г.⟩

Любезный друг, с прискорбием видел я из твоего письма, что мои суждения о книге твоей весьма тебе не понравились. Что ж делать? Я привык не только говорить правду, но настоять о правде и для того-то еще взялся за перо и еще раз хочу с тобой ссориться. Впрочем, я уверен, что самолюбие не заглушит в сердце твоем голоса дружбы.

Нет, мое суждение о книге твоей не слишком скоро определилось в рассудке моем. Нет, я не был ни увлечен пристрастием к свободомыслию, ниже́ вооружен против тебя противностью твоего политического мнения с моим. Я просто выражал тебе впечатление, сделанное надо мною твоим сочинением, и старался, как друг, предупредить частною критикою общую критику. Я вперед тебе ручаюсь, что сочинение твое найдет столько же одобрителей в русской публике, сколь много оно навлечет порицаний со стороны иностранных писателей. У нас так мало пишут об России, так мало занимаются собственною нашею славою, что всякое сочинение, касающееся до отечества нашего и представляющее его во всем блеске возрождающейся славы, будет принято с восхищением.

Но ты писал не для одной России. Ты писал на французском языке. Ты был, по собственным твоим словам, увлечен желанием известить всю

Европу о правах наших на общее почтение, ты выбрал для сего самую блестящую часть нашей истории, ту часть, которая, с одной стороны, определила временно степень нашего величия, а с другой, возжгла навсегда пламенник раздора между нами и Европой. Россия как военная держава, конечно, может явиться ужаснейшим феноменом. Одно поверхностное созерцание на карте обширности сего государства, одно определение неприкосновенных наших границ, один взгляд на историю Карла XII и Наполеона должны привести в трепет всех тех, которые посмеют в пределах наших вести наступательную войну. Но что справедливо в сем отношении, не столь явственно для меня, коль скоро честолюбие побудит нас искать новых приобретений и дальнейших завоеваний.

Время, в которое мы живем, может быть названо политическим соперничеством между Англиею и Россиею. Но в сем соперничестве, ежели военные сухопутные силы остаются преимущественно нашим уделом, все другие средства войны, то есть деньги и союзы, составляют удел и силу Англии. Я не привык смотреть на вещи и обстоятельства с дурной стороны и смело скажу, что в 1812 году, когда столь ужасные несчастия угрожали нашему отечеству, я был из числа тех граждан, кои не отчаивались в победе. Тогда наше положение было гораздо выше нынешнего. Некоторый дух отечественности, порождающий все великие дела, поддерживал нашу мнимую слабость и удвоивал наши силы. Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения. Вспомни согласие общих желаний, вспомни благотворное содействие всех благомыслящих людей, когда наши войска, переходя из земли в землю, основывали везде возрождение народов. Тогда-то мы были сильны, тогда-то мы были страшны общему врагу, ибо под знаменами нашими возрастало древо общего освобождения. Но теперь мы никакой новой силы не приобрели. Россия, имея под ружьем 300 000 воинов, которых может без изнурения вооружать, кормить и комплектовать, конечно, имеет более действительного могущества, нежели тогда, когда собственное ее военное состояние есть ни что иное как отечественное бремя. Ты смотришь на миллион воинов только поверхностно, а не хочешь вразумить себе, что содержанием оных мы истощаем в мирное время те силы, кои нужны нам для войны. Ты берешь усилия за силу; ты видишь огромный меч, а не думаешь о том, что нет мощной руки. Мы не можем сделать шагу, чтоб целая Европа не вооружилась против нас. Мы не можем сделать шагу, чтоб наши денежные средства не пришли в изнеможение. Я вперед знаю твой ответ: *война питает войну;* но вспомни, что насильственное собрание податей питает также и увеличивает непримиримую ненависть. И что ж мы будем предлагать завоеванным народам? Наш жестокий удел рабства? Но признайся, что сие обещание не может быть лестным для народов, которые все более или менее стремятся к свободе. Будем ли обещать соединение с Польшею? Но сим мы только усугубим

дурное наше политическое положение и силу наших внутренних врагов. Скажи теперь, какой предмет может побудить истинного россиянина, чтобы желать войны? Скажи теперь, для чего мы будем изнурять себя огромною нашею армиею, не имея в виду никакого ни постоянного, ни полезного завоевания? Вот, любезный друг, отчего я тебе писал, что скромность должна быть нашим уделом; не время теперь распространять страх и сеять везде раздоры. Россия подобится исполину ужасной силы и величины, изнемогающему от тяжелой внутренней болезни.

Я несколько распространился о сем предмете, ибо видел из твоего письма, что предубеждение твое о силе нашей есть главнейший из твоих предрассудков: перехожу теперь к другим предметам, содержащимся в ответе твоем.

Блестящая теория государственного хозяйства, изложенная господином Сеем, кажется тебе основанною более на догадках, нежели на событиях. Ты нашел, говоришь, в истории, что действительно в то время, когда рабство введено было в Россию, открытие Сибири и завоевание Казани способствовали переселению народа в новоприобретенные степи. И потому ты определяешь, что закон, тогда изданный, был столько же вредным в отношении частности, сколь необходимым в отношении общего благоденствия России. Но отчего происходят переселения вообще? Или оттого, что народы удаляются от несносного ига к спокойствию, или оттого, что покидают хорошее состояние для лучшего. При том и другом обстоятельствах не должно было ни под каким видом обращать рабство в закон. Ибо ежели народы стремились вообще от хорошего к лучшему, то сие доказывает, что переселения действительно были выгодны для них; а что выгодно по части промышленности для некоторых, то выгодно и для целого. Ежели же народы в переселении искали освобождения несносного ига, то тем паче не должно было совершенно их сему игу порабощать, но, напротив того, обуздать мудрыми законами не переселение людей, но самовластие помещиков. Итак, ты видишь, что в том и другом смысле ненавистный закон, порабощающий крестьян, был противен и человеколюбию и здравому рассудку. Ах! сколько бы бедствий было отвращено от отечества нашего, ежели б самовластие наших государей, основав внешнюю независимость, не основало вместе внутреннего порабощения России.

Я не буду распространяться о том, что я тебе говорил о войнах царя Алексея Михайловича. Я тебе никогда не советовал выдумывать событий, ни приписывать России действия, противного справедливости. Но собственная твоя история, дав мне первую мысль о сем предмете, я с сожалением видел, что ты не понял сам, к чему стремятся твои повествования. Или политика царя Алексея Михайловича была переменна без предмета, или предмет сей был восстановление равновесия на севере. Иначе не можно понять, почему сей великий государь столь часто соединял свои силы с

теми самыми, с коими он сперва вел, кажется, непримиримую войну. Что турки завоевали Кандию и Подолию, это не доказывает, что политика наша была дурна, но только то, что усилия наши были тщетны. Что Собиеский был великий человек, это отнюдь не доказывает, что Алексей Михайлович не был великий политик.

Перехожу теперь к статье о датчанах. Все твое рассуждение основано на ложном правиле. Датчане, вручив самовластие одному человеку, не исполнили сего, чтобы спасти независимость их от внешних врагов, но единственно, чтобы избавиться от самовластия многих. Они вольным переходом передались из рук нескольких олигархов в руку одного деспота[1]. Я тут ничего великого не вижу, кроме великого непонятия о достоинстве народа вообще и о достоинстве человека в частном отношении. Хотя, говоря о сем предмете, ты старался зацепить все нежнейшие струны моего сердца, но правила моей жизни, которые заключаются в истинной и непреклонной ненависти к тиранству, не позволили мне вдаться в расставленные тобою сети. Я остался непоколебим в моем мнении и ежели б был датчанином, то проклинал бы то мгновение, в которое предки мои подвергли меня игу деспотизма, так точно, как россиянин должен проклинать тот несчастный закон, который осудил на рабство бо́льшую часть наших сограждан.

Наконец, оправдавшись перед тобой во всем прочем, сознаюсь перед тобой в одной вине. Ежели я нашел при чтении в Петербурге твое вступление одобрительным, то, конечно, или я читал без внимания, или не имел тогда достаточных сведений.

Заключаю мое письмо еще одним новым замечанием. Разделение твое каждой главы на часть историческую и часть примечаний принадлежит к разряду творений дидактических. Но как твой предмет в сем сочинении не есть тот, чтобы учить военному искусству, но сделать только стратегическое описание войн того времени, то и сие разделение наводит только некоторую медленность в рассказе, которая неприятна для читателей. Оставаясь при прежнем своем мнении, предаю свое последнее примечание твоему рассуждению. Радуюсь только тому в твоем письме, что ты никем и ничем, кроме собственного уверения, не был побужден к изложению тех мыслей, коих в твоем сочинении одобрить я никак не могу. Сие для меня теперь доказано.

Я письмо сие диктовал и немного спешил. Оно заключает в себе много ошибок, но только не против здравого рассудка. Прощай, любезный друг, поверь мне, покорись советам дружбы.

Твой истинный друг
Михаил Орлов

Сего 20-го декабря 1820-го года
Киев.

О ВОЕННОМ ВОСПИТАНИИ
(*письмо к И. И. Дибичу от 1 сентября 1820 г.*)

⟨1 сентября 1820 г.⟩

Милостивый государь
барон Иван Иванович!

Я имел честь получить ваше письмо от 22 июня 1820 года. Правительство, стремящееся к образованию юношества в военных науках, найдет в каждом благомыслящем гражданине ревностного сотрудника. Я же, с моей стороны, уверен, что нет предмета, который бы теснее был сопряжен не только с выгодами армии нашей, но и гражданского благосостояния всего отечества.

До сих пор я не имел времени заняться препоручением, которое требует зрелого соображения и постоянного занятия, но общие мысли уже у меня готовы и я около конца ноября надеюсь представить нечто целое о военном воспитании на рассмотрение вашему превосходительству. Теперь же довольствуюсь изложением некоторых общих мнений, на коих основан будет весь мой проект.

Первое мое правило есть следующее: *правительство должно более пещись о количестве учеников, нежели о разборе их качеств, лучше многим преподавать посредственное воспитание, нежели стараться малое число доводить до совершеннейшего образования.*

И в самом деле, совершеннейшее воспитание есть одна только игра воображения, много ли мы видим юношей, выходящих из рук учителей совершенно образованными? Бо́льшая часть достойных мужей или сами себя воспитывали или переделывали свое воспитание; не странно ли и не смешно видеть десять профессоров трудящихся и теряющих свои труды над единородным бестолковым сыном богатого отца, тогда как каждый из них мог бы быть действительно полезен, посвятив себя на общественное воспитание? С одной стороны, все их усилия не заставят хромого ходить прямо, с другой же, напротив того, из многого числа слушателей найдутся, конечно, несколько молодых людей, коих дарования, как некое горючее вещество, закипят при первом прикосновении пламенника просвещения. Следственно, не гоняйтесь за совершенством, вы впадете или в бездействие или в лабиринт противных теорий. Довольствуйтесь малым образованием, но чтоб оно было общее. Дайте юноше здравое понятие о науках, посейте в сердце его семена добродетели, откройте путь, покажите цель и пустите идти, более от вас не требуется. Но зато умножайте число таковых молодых людей, чтоб просвещение было как расставленные сети и чтобы никто из молодых офицеров не мог оного избежать. Тогда исполнится вещь истинно полезная, и успехи будут чрезвычайны. Это была си-

стема Петра Великого, он то сделал для целой России, что я предлагаю для армии.

Второе мое правило есть следующее: *составить военные школы не для одной только выгоды армии, но иметь в виду и общее устройство отечества.*

Класс молодых людей, посвящающих себя на военную службу, не то в России, что он в других землях. Там офицер, заплативший дань свою отечеству, чрез положенное время получает свою отставную плату... * и удаляется спокойно в свое семейство, где занимается хозяйством и делами; но у нас, напротив того, часто с поприща военного он переходит на поприще гражданское, и отечество, испытав его храбрость и мужество, препоручает свое внутреннее устройство тому самому, которому препоручало сперва охранение своей независимости. У нас часто офицер, выходящий в отставку, получает места полицмейстерские, городнические и прочие тому подобные, как будто бы раны и услуги военные суть залогом его познаний, справедливости и честности. Конечно, намерение правительства в сем случае достойно похвалы, но исполнение согласно ли с предначертанием и можно ли по совести в нынешнем положении нашей армии предполагать в наших штаб- и обер-офицерах все достоинства, все познания и все добродетели, которые нужны для управления? Из сего я заключаю, что несмотря на примеры других земель, где военные школы определены для преподавания одних военных наук, в России сии же самые должно образовать другим совсем образом и к обучению военному и математическому приобщить обучение словесности и истории, которое столь много действует на сердце, и познание гражданских наук, которые должны быть ему столь полезны по окончании воинской службы. Словом сказать, надобно стараться сделать человека, а не военного профессора, и образовать его, по крайней мере, столько же для мира, сколь для войны.

Я знаю вперед, что сии мысли могут подвержены быть разным толкам, но я к сему привык. Ежели заняться каким-нибудь новым постановлением, то пусть оно будет согласно с намерениями государя, с духом времени и с будущею участью отечества. Что же касается до частных мнений, до вздорных на меня выдумок, то когда нужно вызовет на действие меня и порицателей моих, легко можно будет определить, у кого взгляд был дальновиднее и кого намерения были более исполнены чистосердечия и любви к отечеству.

Составляя общий проект военного воспитания, основанный на сих мыслях, я постараюсь определить также степени воспитания и показать те науки, кои могут преподаваться изобретенными уже методами, те, для которых должно составлять новые методы, и те, кои методами преподаваться не могут. Сии три степени соответствуют совершенно трем возрастам воспитанников и будут служить общим разделением моего предположения [1].

* Здесь в списке пропуск.— *Ред.*

ПРИКАЗЫ И ИНСТРУКЦИИ ПО 16-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Г. Кишинев

Августа 3-го дня
1820 года, № 3.

Вступив в командование 16-ю пехотною дивизиею, я обратил первое мое внимание на пограничное расположение оной и на состояние нижних чинов. Рассматривая прежний ход дел, я удивился великому числу беглых и дезертиров и устрашился, увидев, что начальство для прекращения побегов принуждено было приступить к введению смертной казни в сей дивизии, тогда как оная казнь в мирное время целой России неизвестна. Сие должно доказать каждому и всем, сколь велико то зло, для искоренения которого принята правительством столь строгая мера, противная столь общему обычаю отечества нашего.

Побеги в войсках [1] могут случиться от многих разных причин, из коих главнейшие суть:

1) Недостаток в пище и пропитании. Я не думаю, чтоб нашелся хотя один чиновник в дивизии, который осмелился бы не допустить солдату следуемую ему пищу, положенную правительством. Но ежели, сверх чаяния моего, таковые злоупотребления существуют где-либо в полках вверенной мне дивизии, то виновные недолго от меня скроются, и я обязуюсь перед всеми честным моим словом, что предам их военному суду, какого бы звания и чина они ни были. Все прежние их заслуги падут пред сею непростительною виною, ибо нет заслуг, которые могли бы в таком случае отвратить от преступного начальника тяжкого наказания.

2) Послабление военной дисциплины. Сим разумею я некоторый дух беспечности и нерадения в частных начальниках, тем более предосудительный, что пример их действует быстро на самих солдат и порождает в сих последних леность, а от лености все пороки. Я прошу гг. офицеров заняться крепко своим делом, быть часто с солдатами, говорить с ними, внушать им все солдатские добродетели, пещись о всех их нуждах, давать им пример

деятельности и возбуждать любовь к отечеству, поручившему им свое охранение и свою безопасность.

Когда солдат будет чувствовать все достоинство своего звания, тогда одним разом прекратятся многие злоупотребления и от сего первого шага будет зависеть все устройство дивизии. Бо́льшая часть солдат легко поймут таковые наставления. Они увидят попечение начальства и сами почувствуют свои обязанности. Я сам почитаю себе честного солдата и другом и братом.

3) Слишком строгое обращение с солдатами и дисциплина, основанная на побоях. Я почитаю великим злодеем того офицера, который, следуя внушению слепой ярости, без осмотрительности, без предварительного обличения, часто без нужды и даже без причины употребляет вверенную ему власть на истязание солдат. Я прошу гг. офицеров подумать о следующем: от жестокости и несправедливости в наказаниях может родиться отчаяние, от отчаяния произойти побег, а побег за границу наказывается смертью; следовательно, начальник, который жестокостью или несправедливостью побудит солдата к побегу, делается настоящим его убийцею. Строгость и жестокость суть две вещи совсем разные, одна прилична тем людям, кои сотворены для начальства, другая свойственна тем только, коим никакого начальства поручать не должно. Сим правилом я буду руководствоваться, и гг. офицеры могут быть уверены, что тот из них, который обличится в жестокости, лишится в то же время навсегда команды своей.

Из сего приказа моего легко можно усмотреть, в каком духе я буду командовать дивизиею. В следующих приказах я дам на сей предмет положительные правила. Но я желаю, чтоб прежде всего гг. начальники вникнули в мои намерения и, убедившись в необходимости такового с солдатами обращения, сделались бы мне сподвижниками в учреждении строгой, но справедливой дисциплины.

Предписываю в заключение прочитать приказ сей войскам в каждой роте самому ротному командиру, для чего, буде рота рассеяна по разным квартирам, то сделать общий объезд оным. Ежели при объезде полков солдаты по спросе моем скажут, что им сей приказ не известен, то я за сие строго взыщу с ротных командиров.

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Дивизионная квартира. Г. Кишинев

Октября 18 дня 1820 года, № 27.

С несказанным удовольствием видел я из собранных сведений по прошедшему месяцу, что число побегов чрезвычайно уменьшилось. Со всей дивизии бежало в сентябре только 16 человек, тогда когда в августе бежа-

ло 37, а в июле — 49. Столь важный успех приписываю я попечительности гг. полковых командиров, которых я от всего сердца благодарю, особливо г. подполковника Адамова 2-го, у коих ни одного человека не бежало в течение прошедшего месяца. Я не премину представить их начальству, которое, конечно, за долг себе поставит изъявить также им свою благодарность.

Теперь мы можем судить из опыта, к чему ведет доброе обхождение с подчиненными. Едва начали управлять частьми, нам вверенными, с отеческою попечительностью, и бóльшая часть побегов уже прекратилась. Еще шаг, и наша дивизия, порицаемая сперва пред всеми прочими, послужит вскоре для них примером верности и устройства. Я прошу господ полковых командиров и всех частных начальников вспомнить, что солдаты такие же люди, как и мы, что они могут чувствовать и думать, имеют добродетели, им свойственные, и что можно их подвигнуть ко всему великому и славному без палок и побоев [1]. Пускай виновные будут преданы справедливому взысканию законов, но те, кои воздерживаются от пороков, заслуживают все наше уважение. Им честь и слава, они достойные сыны России, на них опирается вся надежда отечества, и с ними нет врага, которого не можно бы было истребить.

Говорите, господа начальники, часто с солдатами, входите в их нужды, не пренебрегайте участью ваших товарищей, вспоминайте им о славных делах россиян, доведите их до того, чтоб они умели почитать память великих наших мужей — Суворова, Румянцева, Кутузова и прочих полководцев, возжигайте в сердцах их желание славы, и вы сами увидите, как скоро ваши старанья вознаградятся совершенным успехом. Чтоб каждый солдат надевал с гордостью почтенный русский мундир, чтоб он с уверением владел своим ружьем и чтоб на каждом шагу его видна бы была гордая поступь русского солдата — первого по мужеству и терпению из всех солдат вселенной.

Приказ сей прочитать во всех ротах.

Подлинный подписал генерал-майор Орлов 1-й

По секрету

КОМАНДИРУ 1-й БРИГАДЫ 16-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ И КАВАЛЕРУ БОЛХОВСКОМУ

При первом объезде моем дивизии я заметил, что во многих полках употребляемы были слишком строгие наказания, и я обещал торжественно нижним чинам, что введу новую дисциплину и буду пещись о их благосостоянии. Приступая теперь к сему делу, прошу убедительно ваше превос-

ходительство строго смотреть за исполнением приложенных к сему инструкций, которые доставить подлинниками в полки вверенной вам бригады, дабы не уронить слово начальническое пред нижними чинами.

Командир дивизии
генерал-майор

№ 788.
Ноября 13 дня 1820 года.
Г. Кишинев.

СЕКРЕТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОЛКОВЫХ КОМАНДИРОВ № 791

1-е. Всякий полковой командир должен иметь в полку и власть и силу, ибо на его единственной ответственности лежит порядок и устройство. Но из сего не следует, что он может быть тираном своих подчиненных, ибо подчиненные такие же люди, как и он, и служат не ему, а отечеству.

2-е. Следственно: сила и власть полковых командиров должна быть ограничена постановлением; вот для чего дается сия инструкция. Но они не должны быть уничтожены в глазах подчиненных. Вот почему сия инструкция сделана секретною.

3-е. Из сего полковые командиры усмотрят, что для исполнения их обязанностей должно в точности следовать сему повелению и что для собственной их выгоды они не должны разглашать сего иначе как чрез само действие и чрез перемену дисциплины.

4-е. С одной стороны, сказать: учите солдат во что бы то ни стало и поставьте их в самое скорейшее время на ту точку совершенства, которое требуется,— это значит позволить забить половину армии, чтоб плохо выучить другую. Но с другой — сказать солдатам в нынешнем их положении: вы освобождаетесь от всех телесных наказаний — это значит разрезать одним махом узел дисциплины и дать вольное стремление всем их страстям. То и другое опасно, но то и другое можно согласить.

5-е. Обыкновенно у нас думают, что тот и молодец, кто больше бьет. Оборони меня боже служить с такими молодцами. Я лучше сам откажусь от дивизии, чем иметь пред собою постоянное зрелище столь несчастных солдат и столь подлых начальников. На все есть мера. Преступления наказываются законами, обращение в пороках исправляется силою полкового командира, ошибки — властию частных начальников.

6-е. Преступления состоят в неповиновении, в смертоубийстве, в воровстве насильственною рукою и с заговором, в побеге, в насилии, в мужеложстве и скотоложстве, в неисправности на часах, в упущении арестантов и проч. На все сие есть законы, и закон один решит судьбу

преступника. Начальник только есть орудие, чрез которое закон постигает оного. Следственно, за все сии преступления должно, исследовав законным порядком, представить на разрешение начальства.

7-е. Обращение в пороках, то есть в пьянстве, воровстве такого рода, которое называют обыкновенно шалостью, в лености и проч.— все сие может быть предупреждено строгим надзором и исправлено взысканием, зависящим от полкового командира, которому позволяется наказывать до 100 палок; все случаи, требующие большего наказания, предаются на рассмотрение бригадных командиров, которым закон предоставляет даже определить наказание и за первый побег.

8-е. Ошибки составляют третий разряд, который подлежит рассмотрению того старшего начальника, который тут на месте присутствует. Сему начальнику, какого бы он чина ни был, только чтоб был офицер, позволено определять наказания от 5-ти до 30-ти палок, не повторяя оного за одну и ту же ошибку. Сие будет весьма достаточно для исправления шалунов.

9-е. Все наказания шомполами, тесаками и проч. уничтожаются. Римляне позволяли себя бить, но только виноградною или лавровою палкою. Вот пример великого народа для другого, не менее его славного победами и деяниями.

10-е. Унтер-офицеров и кавалеров от телесных наказаний вовсе освободить, в них первых должно стараться поселить дух чести и гордое познание собственного достоинства. А те из них, которые сего не почувствуют, недостойны своего звания, их судить и разжаловать.

11-е. О штрафной книге в точности исполнять повеление г-на корпусного командира.

12-е. Все полковые командиры, руководствуясь правилами сей инструкции, дадут от себя подобные сему секретные инструкции всем баталионным, ротным и учебных команд командирам и мне пришлют с оных копии, при сем же самом случае они сделают из штрафных книг выписку, сколько со времени заведения оных в каждой роте было до сих пор наказанных людей и по скольку ударов, что мне также доставить с тем же рапортом.

Вот правила дисциплины, которую я хочу ввести непременно в 16-ю дивизию. Воля моя твердая, и ничто от предмета моего меня не отклонит. Терзать солдата я не намерен; я предоставляю сию постыдную честь другим начальникам, кои думают более о собственных своих выгодах, нежели о благоденствии защитников отечества. Ежели все господа полковники вверенной мне дивизии совокупят свои труды для достижения той же цели, то я уверен, что в скором времени воспоследует совершенное преобразование дивизии. Солдаты почувствуют улучшение своего состояния, приобретут без труда и бодрый вид и добрый дух и соделаются достойны-

ми наследниками славы тех воинов, кои победами своими ознаменовали почти каждое место земли, в коей мы расположены.

Впрочем, из копий инструкций, данных баталионным командирам, я легко увижу, кто из гг. полковых командиров более вникну⟨л⟩ в мои мысли и желает действительно быть мне товарищем. Вот для чего я предоставил самим полковым командирам составить сии частные инструкции.

Г. Кишинев. — Командир 16-й дивизии

Ноября 13-го дня 1820-го года. — генерал-майор

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Дивизионная квартира. Г. Кишинев. — Декабря 21 дня 1820 года, № 50.

Побеги уменьшились, трехмесячное испытание достаточно меня уверяет, что и на будущее время они не возобновятся. В сентябре было 16, в октябре 23, а в ноябре опять 16 беглых, из коих один нестроевой. Таковой успех доказывает, что нижние чины постигли всю силу слов и приказов моих, да приймут они теперь чрез посредство частных своих начальников изъяснение истинного моего удовольствия.

Но сего не довольно. Не ослабим нашего присмотра и потщимся все вместе искоренить совсем побеги в 16-й дивизии. Для сего-то я поставляю следующие правила, которыми предписываю руководствоваться.

1-е. Правила, прежде существовавшие для исследования побегов, я нахожу недостаточными, и баталионный командир сам в своем деле не может быть судьею, почему отменяю прежде существовавшие по сему предмету частные постановления и приказ, отданный по дивизии предместником моим генерал-лейтенантом Козачковским прошлого 1818 года генваря 26 числа за № 14.

2-е. Препоручено гг. бригадным командирам иметь строгий надзор за побегами и за причинами, побуждающими к побегам.

3-е. Для исполнения сего препоручения они изберут из полков вверенной им бригады с одного полка двух, а с другого одного офицеров, которые и будут находиться при бригадной квартире, сменяясь другими по истечении двух месяцев.

4-е. Коль скоро прийдет донесение о побеге, то сии три офицера отправляются вемсте с аудитором в роту, где случился побег, и производят законное следствие.

5-е. Ежели рота собрана, то сделать следствие при роте. Есть ли ж на квартирах, то в том капральстве, из коего бежавший.

6-е. Комиссия обязывается объяснить следующие пункты: а) не было ли каких побудительных к побегу причин от начальства вообще; b) не было ли излишней строгости; с) несоразмерного с силою человека учения; d) притеснения от ротного командира, от частного офицера, от фельдфебеля или унтер-офицеров; е) из какого звания бежавший и не был ли в штрафах; f) и, наконец, сделать общую поверку по штрафным книгам, заведенным в каждой роте по приказу господина корпусного командира за № 71.

7-е. Для лучшего исследования и дабы не возникли претензии о старшинстве между следователями и ротными командирами, члены комиссии производят дело не в присутствии офицеров той роты, которые удаляются так, как сие делается при инспекторских смотрах.

8-е. Допросив нижних чинов, комиссия может требовать письменных объяснений от частных начальников.

9-е. Исполнив свое поручение, она представляет дело к г. бригадному командиру, который с своим мнением передает оное по команде.

10-е. Действие сей следственной комиссии не отменяет обязанности гг. полковых командиров доносить мне предварительно о побеге как о случившемся происшествии, упоминая в своем рапорте все обстоятельства, дошедшие до них, только не прилагая следственного рапорта баталионного и ротного командиров, как сие до сих пор водилось.

11-е. Когда бежавший будет пойман и возвращен в полк, тогда по извещению г. бригадного командира дело возвратится ему назад, поверится с показаниями пойманного и ежели откроется какое-нибудь пристрастие или упущение со стороны членов комиссии, то будет строго с них взыскано.

12-е. После поверки дела оно обращается опять ко мне для извещения, ежели, касаясь до первого побега, подлежит конфирмации г. бригадного командира, или для испрошения моего предписания о предании суду, ежели оный потребуется по существу происшествия.

13-е. Когда поступят дела о двух побегах в одно и то же время, то можно, судя по расстоянию мест, где оные случились, препоручить производство следствия одной и той же комиссии или наряжать другую особенно, что оставляю на распоряжение гг. бригадных командиров.

14-е. Ежели аудиторов нет или они слишком заняты, то можно посылать на место их за аудиторов исправных и знающих унтер-офицеров или писарей, на ответственности коих остается уже правильное произведение следствия.

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Дивизионная квартира
Г. Кишинев.

29 марта 1821 года,
№ 26.

⟨1-е⟩

При получении рекрут в полки, гг. полковые командиры, обратить особое внимание на приказ г. корпусного командира от 25 генваря 1817 года за № 16, который в копии прилагается, надеясь, что они, входя в смысл предписаний начальства, постараются приохотить рекрут солдатскому ремеслу хорошим обхождением и точным исполнением правил, предписанных в вышеупомянутом приказе. Ежели хорошее обращение с самими солдатами есть одно из непременных моих правил, то кольми паче нужно с людьми неопытными, которые, оставляя семейства их и спокойную жизнь поселян, переходят в новый и строгий круг солдатского действия. Прошу неотступно гг. штаб- и обер-офицеров не спешить ставить рекрут на ногу совершенно фронтовую и более стараться на первых порах образовать их нравственность, чем телодвижение и стойку. Мы будем иметь целую зиму для доведения их по фронту должного вида, а теперь можно заняться единственно тем, чтоб они не только старались, но и любили военное ремесло. Рекрут, образованный терпением, сделается хорошим солдатом, а тот, который выправлен одними побоями, легко может придти в отчаяние и старается уклониться бегством от лишней строгости начальства. Не позабывайте, господа, что мы стоим на границе и что прекратившиеся побеги могут легко возобновиться.

⟨2-е⟩

По истечении Святой недели при начатии снова фронтовых упражнений, господа начальники, обратить особое внимание на стреляние в цель. До сего предписываю г. поручику 32-го Егерского полка Витту, ездившему в корпусную квартиру для чтения некоторых правил, учредить в учебном дивизионном батальоне мишень и стрельбу, по правилам ему данным, и всем господам офицерам учебного батальона вникнуть в оные правила и при распущении батальона передать оные своим полковым командирам.

Господин майор Логвинов особенно займется, чтоб гг. офицеры поняли сию часть во всей точности и могли бы так же оную передать в полки.

Подлинный подписал генерал-майор
Орлов 1-й

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

8 января 1822 года

Думал я до сих пор, что ежели нужно нижним чинам делать строгие приказы, то достаточно для офицеров просто объяснить их обязанности, и что они почтут за счастье исполнять все желания и мысли своих начальников; но, к удивлению моему, вышло совсем противное. Солдаты внемлют одному слову начальника; сказал: побеги вас бесчестят, и побеги прекратились. Офицеров, напротив того, просил неотступно укротить их обращение с солдатами, заниматься своим делом, прекратить самоправные наказания, считать себя отцами своих подчиненных; но и по сих пор многие из них, несмотря ни на увещания мои, ни на угрозы, ни на самые строгие примеры, продолжают самоправное управление вверенными им частями, бьют солдат, а не наказывают, и не только пренебрегают исполнением моих приказов, но не уважают даже и голоса самого главнокомандующего.

В Охотском пехотном полку гг. майор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офицеров принужден представить я к военному суду. Да испытывают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания.

И что ж? Лучше ли был баталион от их жестокости? Ни частной выправки, ни точности в маневрах, ни даже опрятности в одеянии — я ничего не нашел; дисциплина упала, а нет солдата в баталионе, который бы не почувствовал своими плечами, что есть у него начальник.

После сего примера, кто меня уверит, что есть польза в жестокости и что русский солдат, сей достойный сын отечества, который в целой Европе почитаем, не может быть доведен без побоев до исправности? Мне стыдно распространяться более о сем предмете, но пора быть уверенным всем гг. офицерам, кои держатся правилам и примерам Вержейского и ему подобных, что я им не товарищ и они заблаговременно могут оставить сию дивизию, где найдут во мне строгого мстителя за их беззаконные поступки.

Обратимся к нашей военной истории: Суворов, Румянцев, Потемкин. все люди, приобретшие себе и отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут; вот примеры, которые ясно говорят всем и каждому, что жестокое обращение с нижними чинами противно не только всем правилам, но и всем опытам.

В заключение всего объявляю по дивизии: 1) г. майору Вержейскому отказать от баталиона, а на место его назначаю 32-го егерского полка майора Юмина; 2) г. капитану Гимбуту отказать от роты; 3) г. прапорщику Понаревскому отказать от всякого рода команды; 4) всех сих офицеров представляю к военному суду и предписываю содержать на гауптвахте под арестом впредь до разрешения начальства.

Кроме сего, по делу оказались менее виноватыми следующие офицеры, как-то: поручику Васильеву в уважение того, что он молодых лет и бил тесаками нижних чинов прежде приказов г. главнокомандующего, г. корпусного командира и моего, майорам Карчевскому и Данилевичу, капитану Парчевскому, штабс-капитанам Станкевичу и Гнилосирову, поручикам Калковскому и Тимченке и подпоручику Китицину за самоправное наказание, за битье из собственных своих рук, делаю строгий выговор. Объявляю им две вещи: первую, что так как многие из них не спрошены комиссиею, то могут они, если чувствуют себя невинными, рапортом прямо на мое имя требовать суда, но тогда подвергнутся всем последствиям оного, и второе, что, ежели еще за ними откроются таковые поступки, то подвергнутся участи Вержейского, Гимбута и Понаревского.

Предписываю приказ сей прочитать по ротам и объявить совершенную мою благодарность нижним чинам за прекращение побегов в течение моего командования.

ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА 1-го

ВСТУПЛЕНИЕ

По словам генерал-адъютантов Бенкендорфа и Левашева и по собственным всемилостивейшим изречениям его императорского величества, я чувствую в полной силе обязанность, на меня возложенную, и постараюсь за доверенность платить искренностью. Я готов говорить правду и всю правду; но ежели положение, в коем я находился, воспретит мне пояснить совершенно обстоятельства, мало мне известные, я надеюсь, что правосудие его императорского величества не допустит, чтобы приписали недоверчивости то, что принадлежит одному незнанию.

Я не удивлюсь, ежели многие из членов Общества, находящиеся теперь в руках правительства, будут отвечать основательнее и удовлетворительнее меня. Это проистекает из самого существа обстоятельств. Тайное общество было их единственным занятием; для них ничего скрытного не было; они знали все установления оного; они участвовали во всех заседаниях. Я же, напротив того, знаю только то, что мог узнать вскользь, намеками, полудовериями, догадками в то время, когда они старались меня привлечь к себе. С другой стороны, свидания мои с членами были очень редки, что в своем месте и изъяснится, и, наконец, сделались весьма сухи, ибо покушения их на приглашение меня в Общество сделались мне несносными. К сему надобно прибавить, что со дня их соединения до дня ареста дела Общества были им жизнью, а я занимался совсем посторонними предметами и доведен был до того, что одно имя Тайного общества наносило мне уныние и тоску.

Для лучшего усмотрения я разделяю сие показание на четыре части, коих содержание есть следующее:

Часть 1. О первом обществе, или о Союзе Благоденствия.

Часть 2. О втором обществе, коего имени не знаю, до моего выезда из Киева в 1825 ⟨г.⟩.

Часть 3. О событиях в Москве до моего ареста.

Часть 4. Заключения мои и розыскания, есть ли отрасли и связи Общества здесь в столице, в Польше и в чужих краях.

Приступаю теперь к самому существу дела со всею откровенностью, с усерднейшим желанием исполнить волю его императорского величества и оказать услугу отечеству.

Часть первая

О ПЕРВОМ ОБЩЕСТВЕ, ИЛИ О СОЮЗЕ БЛАГОДЕНСТВИЯ

1. Я возвратился из чужих краев 1814 года[1], уверенный, что Тугенд-Бунд было одно из деятельнейших средств, употребленных для спасения Пруссии и Германии, и вознамерился сделать тайное общество, составленное из самых честных людей, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются во внутреннем управлении России[2]. Я взошел в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым по сему предмету и, установив несколько мыслей между нами, мы готовили общий план, который хотели предложить на утверждение его императорского величества, надеясь, что государь, так же, как его величество король прусский для Тугенд-Бунда, возьмет нас под свое покровительство. Сия странная мысль, внушенная, однако же, чистым желанием добра, не долго нас занимала, ибо другие обстоятельства возникли.

2. Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастием для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генералу-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться[3].

3. Обстоятельства 1815 года[4] и пребывание мое в Париже бо́льшую часть 1816 года не позволили мне заниматься сими предметами до самого возвращения в Россию. Тогда, предубежденный будучи, что восстановление Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерениями и волею государя, я вознамерился к первому моему предмету присоединить и другой, то есть: противупоставить польскому — русское тайное общество. Из сего видно, что план оного уже предложенным на высочайшее утверждение быть не мог. Сим занимался я конец 1816 и начало 1817 года, но ни намерение мое, ни труд мой к концу приведены не были и все осталось без исполнения.

4. Стараясь приклонить к намерениям моих молодых людей, я говорил о сем бывшему правителю канцелярии малороссийского генерал-губернатора Новикову или Александру Муравьеву. Один из них, не помню кто, открыл мне, что уже Тайное общество, составленное по большей части из молодых офицеров гвардии, уже составлено, и сие открытие заставило бросить все мои прежние сочинения. Он предложил мне взойти в Общество; но когда я требовал, чтобы сказал имена, с коими буду в сообщничестве, то он отвечал, что сих имен не скажет, ибо будучи все молодые люди, они не вселят во мне никакой доверенности [5]. Он, однако же, не отказался изъяснить мне общий план, который тогда состоял в следующем.

5. Общество состояло из трех степеней: друг, брат и муж. *Другом* почитался всякий человек, имеющий свободный образ мыслей (libéral), знающий или не знающий о существовании Общества. Следственно, *другом* и внесенным на их регистр мог быть всякий, кто бы он ни был, и совершенно без ведома, ни согласия. *Братом* назывался тот, кто дал клятвенную обязанность на свою верность, но коему тайна Общества не была открыта. *Мужем* наречен был тот, кто знал тайну и дал клятву. Тогда я никакой обязанности не дал, но полагаю, что был внесен в табель *другом*.

6. После моего отъезда из Петербурга я занялся вверенными мне делами и совсем потерял из виду сие Общество. Вскоре потом оно преобразовалось без моего ведома и содействия и приняло имя *Союза Благоденствия*. Устав их рукописный был переплетен в зеленый переплет, от чего и произошло название *Союза зеленой книжки*. Сей устав, который читан мною гораздо позже и только один раз и которого в руках и в собственности никогда не имел, был написан, сколько упомню, тяжело и несвязно. Он заключал в себе много филантропических мыслей — таких, каких можно найти во всякой книге, и был почти весь выписан из устава Тугенд-Бунда. Члены сего Общества были все свободномыслящие молодые люди, старающиеся распространять свои теории, но едва ли имеющие какую-либо мысль о перевороте. Они были более немецкие идеологи, чем французские якобинцы. Изыскание средств для освобождения крестьян, статистические сведения о России, народное образование, изучение конституционального права всех других народов составляли их занятия. Противодействия правительству, кажется, не было, ибо правительство само шло тогда почти тою же дорогою. По крайней мере, я, отдаленный от круга действия, так мог понимать сие Общество. Впрочем, связь членов и устав были весьма слабы. Одна только сильная мысль взята была из учреждения иллюминатов [6], и вот в чем она состояла. Всякий член, начиная с самого первого, имел право выбрать и принять только двух членов, из коих каждый имел такое же право. Из сего следует, что на первом твердом че-

ловеке, который вознамерится взять на себя всю ответственность и сказаться начальником, вся цепь розысков прерывается. Это правило давало Обществу силу возрождения после всех гонений, но препятствовало сильному движению умов, ибо самые способные, как самые ничтожные члены, более двух принятий сделать не могли. Но и сие правило только принято было на бумаге, а в действие никогда не приводилось. Желание говорить и иметь участие в общем действии скоро познакомило всех членов и составило общую массу, или кучу, не имеющую ни истинного предмета, ниже́ начальства. Вся цель сего Общества была в умножении членов и подговоре молодых людей, кои более отличались образованностию. Самое сильное действие Общества кажется было в Москве во время пребывания двора, и все волнение происходило от того, что Александр Муравьев был арестован [7]. После он вышел из Общества, и более я уже о нем не слыхал.

7. Во время моего пребывания в Киеве начальником штаба 4-го корпуса я более, нежели когда-нибудь, был привержен свободным мыслям, тем более, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила во мне и рвение и упование. Я тогда в полном смысле следовал правилу его императорского величества, ненавидел преступления и любил правила французской революции *. Сей дух свободомыслия, управляющий всею моею перепискою и всеми моими речами, поддерживал доверенность Общества, которому я еще не принадлежал. Тогда я познакомился с некоторыми членами, а именно: с *Михаилом Фон-Визиным*, с *Охотниковым* и с *Пестелем*. Что же касается до *Астафьева*, который командовал Екатеринбургским пехотным полком и принадлежал к 4-му корпусу, я его совсем не знал и членом не почитал. Само собою разумеется, что не будучи членом Общества до самого моего выезда из Киева, я никого в Общество принять не мог.

8. Проезжающие чрез Киев члены, о коих я выше упомянул, известили меня о преобразовании первого Общества в Союз Благоденствия, о существовании нового устава, или Зеленой книжки, и назвали несколько имен.

9. В 1820 году назначен я был начальником 16-й пехотной дивизии. Проезжая чрез Тульчин, Фон-Визин, Пестель и Юшневский, которого я тут в первый раз увидел, настоятельно просили меня, чтобы я взошел в Общество, и, наконец, видя мое упорство, сказали, *что зная все их тайны и имена многих, не великодушно мне не разделять их опасности*. Я поддался на сию причину и подписал обязательство. Так я взошел в сей Союз Благоденствия в июле или августе месяце 1820 года [8]. Тут я прочитал

---

* «Il faut distinguer les crimes des principes de la révolution française». Paroles de Sa Majesté l'Empereur, prononcées du haut du trône à l'ouverture de la première Diète de

также и устав, который обещан был мне в копии, но никогда не прислан. Я особого поручения, ни занятия никакого не получил.

10. Приехавши в Кишинев, я нашел там Охотникова, и вскоре потом явился ко мне майор Раевский (тогда еще капитан), который дал мне знать, что он также член Общества. Сии два офицера были мне очень полезны, чтобы открывать злоупотребления по дивизии, а особливо во всем том, что касается до благосостояния солдат. Я нашел еще полковника Непенина, также члена Общества, посвященного Пестелем, и который тому ни душой, ни телом не виноват. Других членов Общества в дивизии не было ни одного, кроме сих трех, и во все время моего командования не прибавилось [9].

11. В конце 1820 года я поехал в отпуск сперва в Киев, а потом в Москву. Там я нашел собрание некоторых членов, а именно: Фон-Визинов обоих, Михаила и Ивана, Охотникова, Граббе, Бурцева и Тургенева. В Москву я прибыл в начале 1821 года. Кажется мне, что проездом чрез местечко Каменку я познакомил Охотникова с Василием Давыдовым, который тогда же и был принят в Общество. Это один член, коего я уговорил и к принятию коего способствовал. Из сего видно, что отъезжая из Кишинева, я еще не имел твердого намерения оставить Общество. Оно родилось во мне после и было непоколебимо.

12. Собранные в Москве члены должны были заняться преобразованием Общества, ибо все чувствовали, что в нем нет никакой связи. Они пригласили и меня быть их сотрудником. Мы имели только два заседания. В первом ничего определительного не положили, а во втором я совершенно от всего отказался и объявил, что более членом быть не хочу. На другой день они съехались ко мне меня уговаривать, но все было тщетно, и мы расстались очень сухо. С тех пор я не видел многих из них и с ними нигде не встречался, а именно: Тургенева, Ивана Фон-Визина и Граббе [10].

13. Вскоре потом я отправился в Киев, куда приехал и Бурцев. Он мне объявил, что Общество разрушилось после моего отъезда и поставило последним своим действием уничтожить все акты и бумаги, кои, впрочем, ни в чем другом не состояли, как в копиях устава и в расписках, данных членами при их принятии. Была также какая-то скудная касса, не знаю в чьем ведении и что из нее сделалось. После Бурцева приехал и Охотников, который то же самое мне подтвердил. Охотников был со мной совершенно откровенен, и словам его я мог верить.

14. Так кончилось первое Общество, к которому я принадлежал, в чем и сознаюсь. Общество сие было самое слабое и ничего предпринять не могло. Члены оного, рассеянные по всей империи, без связи, без способов

Pologne» («Необходимо отделять преступления от принципов революции»). Слова его императорского величества, сказанные в тронной речи на открытии первого польского сейма.— ***Прим. Орлова.***

сношения, без положительной цели собираясь изредка, чтоб обменять пару свободных слов, не имея другого действия, кроме распространения своего числа членов; но и тут, не находя людей их понимающих, после трехлетнего труда едва могли дойти до 70 или 80 человек [11], из коих более половины носили только одно имя члена. Я же в сем Обществе был не более 5-ти месяцев, и выход сей был довольно счастлив, ибо за оным воспоследовало разрушение Общества.

Часть вторая

О ВТОРОМ ОБЩЕСТВЕ, КОЕГО ИМЕНИ НЕ ЗНАЮ, ДО ВЫЕЗДА МОЕГО ИЗ КИЕВА 1825 ГОДА

15. Весь 1821 год стоял я вооруженный на границе турецкой и не имел ни времени, ни охоты входить ни в какие сношения, впрочем, и сих сношений нигде не существовало. Члены разрушенного Общества, находившиеся в 16-й дивизии, Непенин, Охотников и майор Раевский, все извещены были о разрушении союза и никакого действия не предпринимали. Но Раевский еще прежде во время существования Общества делал несколько попыток, чтоб уговорить некоторых офицеров 32-го Егерского полка. Все его труды оставались тщетными, но память слов его сохранилась, и когда ненависть ко мне генерала Сабанеева воспользовалась моим отсутствием и началось следствие, то явились разные доносы на майора Раевского. Все сие описано подробно в судебном его деле, которое давно препровождено в аудиториатский департамент. Но попытки, сделанные Раевским, были не полны и отстояли целым годом от времени доносов, а те, кои доносили, сами не разумели, о чем доносят. Вот почему все сие следственное и судебное дело осталось совершенно темным. Я же, с моей стороны, зная, что Общество разрушено, был спокоен, но не дал моей защите той твердости, которую бы дал, ежели б не опасался, что разрушенное Общество будет открыто. Я принял на себя все неудовольствия и решился терпеть, хотя по всему существу дела совершенно был прав. Так я наказан был лишением дивизии, прекращением дальнейших видов службы, гневом покойного государя и четырехлетним нахождением в подозрении за прежнее мое вступление в Союз Благоденствия.

16. Весь 1822 год дело сие тянулось. Я жил в Киеве и ездил в Крым на несколько месяцев. О возрождении Общества ничего не слыхал и, кажется, не было. В сей год я познакомился с Сергеем Муравьевым и с Бестужевым. Сего Бестужева с здешним смешивать не должно. Это совершенно особенное лицо, которого все считают бестолковым и которого один Муравьев превозносит гением.

17. В начале 1823 года я узнал чрез Сергея Муравьева, сколько упомнить могу, что 7 или 10 членов прежнего Союза поклялись опять соединиться и действовать в прежнем смысле. Имен сих членов я не знаю, но Трубецкой и Никита Муравьев были в числе оных. Сергей Муравьев и брат его Матвей еще ни к чему не принадлежали. Они всячески старались вовлечь меня и предлагали сделать особое общество под моим начальством. Они также уговаривали Александра Раевского, брата моего, но, видевши неуспех в сем предприятии, равно с моей стороны, как со стороны брата, они бросились к Пестелю, который тогда же на юге старался собрать несколько членов и трудился над преобразованием.

18. Едва Общество возымело новое существование в сем 1823 году, как начались мои пытки и их старания привлечь меня в оное. На сие употреблен был Пестель, который хотел и не хотел, опасаясь, чтоб мое влияние не уничтожило его собственного. Потом препоручено было сие Василию Давыдову, тогда уже моему дяде, и Сергею Волконскому, кои от всей души и думая приглашением моим принести величайшую пользу и мне, и Обществу, и самому отечеству, несколько раз и с усилием старались меня склонить. Впрочем, по той же самой причине, что они были близки со мною, кажется, положили себе правилом никаких тайн мне не открывать до тех пор, пока взойду в Общество. Это понимается: ибо положение их с прочими членами было деликатно.

19. Для обольщения меня были употреблены разные средства. 1-е: заклинания дружбы и все, что можно только исполнить посредством просьб и уговоров; 2-е: самолюбие, напоминая, что я первый в России говорил языком свободомыслия и что они без меня, как тело без души; 3-е: любовь к отечеству, говоря, что Россия стоит на краю пропасти, что надобно всем честным людям иметь тесную связь, дабы при случае раздался отечественный отголосок; 4-е: честолюбием, и для сего устроили так Общество, чтоб мне можно было принять место начальника, а именно: они разделились на две части; одна в Петербурге под начальством, кажется, Трубецкого и Никиты Муравьева, а другая на юге под начальством Юшневского и Пестеля.

Место же общего начальника предлагали мне, и сие обстоятельство есть единственное положительное понятие, данное мне об Обществе. Когда же увидели они, что ни которое из сих средств не может поколебать твердого моего намерения, то начались укоризны, и я вдруг очутился в опале. Тогда распустили слух, что я совершенно переменился, что женитьба отклонила меня от всех благородных мыслей, что я нахожусь в зависимости у брата, Александра Раевского, которого почитали себе врагом — и по делу. Тогда все мои мысли, мнения, теории казались слабыми, робкими, принужденными и пр. Само собою разумеется, что всякая доверенность исчезла в конце

сего 1823 года и едва ли с некоторыми из них, как-то с Давыдовым и Волконским, остались некоторые сношения дружеские.

20. В таковом положении мне тайн Общества знать было невозможно. Существование оного было известно, ибо без того нельзя было и приглашать меня в оное. Одно из положений, то есть разделение на две части, или отрасли, также мне было доверено; но других тайн я никаких не знал, кроме того, что мог извлечь из общих разговоров насчет политических предметов. Тогда заметил я в теориях их и в духе большую перемену. Например: книга Destutt de Tracy «Commentaire sur l'Esprit des Loix» [12] была для них высшей степенью премудрости; конституция английская казалась им чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною с пользою одной аристократии; французская хартия была для них не что иное, как лоскуток бумаги, бесполезный для граждан; но зато американский федерализм, гишпанские происшествия, неаполитанская революция играли большую ролю во всех их разговорах. Они, казалось, отвергали силу обстоятельств и постепенность дарованных прав, а руководствовались одною только умозрительною теориею, не признавающею никаких оттенок в различии нравов и обычаев народных. Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что я сказал, что Риего (Riégo) был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом, где было также много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде. Так что вскоре, заметив их заносчивость, я прекратил все с ними споры, ибо не было ни одной мысли, схожей между нами. Ежели б правительство имело одного только умного наблюдателя в том крае, то оно могло бы по сим одним приметам определить, кто принадлежит или не принадлежит Обществу.

21. Показав, как я отделился от них не только отказом вступить в Общество, но и самым образом мыслей, покажу еще, что встречи наши были очень редки. В Киеве не было ни одного члена, там обитающего. Фурнье, на которого пали также подозрения, совершенно невинен и с ними не вел ни малейшего знакомства и едва ли знает о существовании Общества. Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год друг друга хвалила наедине; но Бестужев с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его никто к себе не принимал, а Муравьев, обиженный за своего друга, перестал ездить и даже кланяться. Волконский жил в Умани и редко ездил. Василий Давыдов приезжал на контракты и занимался делами. Юшневский ездил на торги и лишней минуты не имел. Повало-Швейковского, Тизенгаузена, Барятинского я видел раза четыре во вèсь мой век. Пестель приезжал также к контрактам и во все время едва один раз ко мне заехал. Я же, с моей стороны, к ним никогда не ездил, кроме к Волконскому, когда он уже

женился, и к Василию Давыдову проездом в Одессу. Трудно ли после сего поверить, что наши свидания были весьма редки и становились еще реже от времени до времени. Других же членов Общества, приезжавших в Киев, я не припомню.

22. Весь 1824 год был для меня спокоен и я казался избавлен от их преследований. Одно только обстоятельство здесь помещу. В начале сего года вдруг входит ко мне Бестужев и, взявши в сторону, говорит: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения». Я прервал его речь и сказал ему: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не русский; прощайте». Он вышел, и вот единственное обстоятельство, по которому я могу судить, что Общество имеет некоторую связь с поляками. Кто были сии поляки, спросить не успел. Сделал ли это Бестужев от собственного своего побуждения или имел на то поручение, также не знаю. Но уверяю, что ежели б мог что-нибудь сказать, то готов всех поляков связанных притащить на ответ. Впрочем, никто по сему предмету более сведений дать не может, как сам Бестужев, Повало-Швейковский и Тизенгаузен, кои все расположены квартирами у поляков и с ними в тесной дружбе [13].

23. В 1825 году приехал Трубецкой, и как он стал часто меня посещать, то я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в Общество, но он ничего не говорил, кроме о общих предметах, и сие меня нимало удивило. Потом я уже понял, что описание моего отпора дошло из Киева в Петербург, и, ежели все бумаги членов захвачены, я надеюсь, что в них самих найдут доказательство, что я к Обществу не только не принадлежу, но в смысле их и принадлежать не достоин. У Трубецкого вскоре поселились почти без выходу Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым. Всякий раз, что я приеду, то они обыкновенно встанут и выйдут в другую комнату, делая только самую необходимую вежливость не мне, а мундиру моему. Вскоре потом я уехал на дачу, а оттуда в Крым и в Москву.

24. Но зачем, не принадлежа Обществу, будучи даже в недружеском положении со многими членами оного, видя, что всякий день заносчивость их умножается, почему я о сем не донес правительству? — Ответ на сей вопрос довольно затруднителен, но постараюсь, сколь возможно, удовлетворить требование. Сперва замечу две вещи. 1-я, что ежели это преступление, то оно уже гораздо менее сообщничества, и 2-я, что сей вопрос может быть предложен тысяче других лиц, коим они с обыкновенною своею опрометчивостию делали, вероятно, то же предложение и получали тот же отказ. Я не виновнее сих последних; напртив того, мне надобно было обороняться от дружеских нападений, что всегда трудно, и сим я, кажется, более заслужил похвалы, чем осуждения. Но приступаю к самому вопросу.

Во-первых: Что бы я донес? — Что существует Общество, но правительство неужели сего не знало? Как мог я вообразить, видя их неосторожность, их запальчивость, зная, что день ото дня правительство делается мнительнее, подозревая, что не только их поступки, но и мои все записаны и известны, как, говорю, мог я вообразить, что все их действия, все их съезды, сношения не совершенно известны и какая мне была нужда прибавлять мое донесение ко всем сведениям, собранным тайною полициею?

Во-вторых: Я тайн их не знал, не предполагал отнюдь, что они готовились к действию. Доносить ли мне было о их разговорах публичных? Но для сего есть определенные люди. О их метафизическо-политических бреднях? Но сие не стоит, или, по крайней мере, тогда казалось мне не стоящим никакого внимания. Теперь легко сказать: «должно было донести», ибо все известно и преступление совершилось. Но тогда не позволительно ли мне было отложить на некоторое время донесение? Но, к несчастию их, обстоятельства созрели прежде их замыслов, и вот от чего они пропали. Я же ежели бы и имел намерение доносить, никакой непременной нужды не видел спешить донесением, ибо они не в состоянии были ничего предпринять при жизни покойного государя.

В-третьих: С другой стороны, видя нелепость их теорий, запутанность их мыслей и соображений политических, в коих не было ни складу, ни ладу, зная ничтожное действие прежнего, мною разрушенного Общества и что те же почти члены составляют новое, не мог ли я заключить, что чад их переворотных мыслей так же рассеется, как рассеялся чад филантропических порывов первого Общества? Что все обойдется без всякого действия и кончится одними пустыми словами? Я ошибся, но сия ошибка тем более мне простительна, что я собственным опытом знал, как трудно составить и как легко разрушить тайное общество в России.

В-четвертых: Но когда мне было доносить? С самого начала,— отвечают мне. А ежели я это и сделал или хотел сделать, но остановлен был на первом шагу? Вот обстоятельство. В 1823 году я написал к начальнику штаба письмо, с коим сам хотел явиться в Тульчин, когда покойный государь осматривал 2-ю армию. Сие письмо, касающееся до моего дела по дивизии, кончалось сими словами: «Государь узнает более в полчаса разговора со мной, чем посредством всех происков и кружных донесений». К несчастию, узнал я, доехавши за несколько миль до Тульчина, что ежели туда приеду без спроса, буду неминуемо выслан. Я послал копию оного к брату моему в Петербург. Он читал ее генерал-адъютанту Дибичу, и письмо осталось без ответа. Я не говорю, чтоб я точно и твердо намерен был все открыть государю, но ежели б нашел от его императорского величества тот прием, коего сердце мое и чувства были достойны, конечно бы, не вытерпел и известил его о существовании тайного общества.

В-пятых: После сего мне ничего не оставалось делать, как молчать. Меня перестали мучить, чтоб я вступил в Общество; я уверен был, что рано или поздно их собственная неосторожность должна их погубить и что все дело их кончится на одних только рассуждениях и разговорах; я молчал. Приезд генерала Гертеля в Киев, где он основал главную квартиру своих розысков, еще более мне дало спокойствие духа, и я истинно полагал, что сей последний не имел другого предмета, как надзирать за действиями членов Общества.

Вот причины моего молчания. Прибавьте к тому отвращение, которое каждый честный человек имеет от доносов, существование в союзе некоторых членов, коих любил, не взирая на их мнения, и, наконец, мое собственное сомнительное положение, которое заставило бы думать, что я доношу не из любви к отечеству и порядку, но из личных выгод, и вы найдете все причины, кои заковали во мне слово и удержали руку.

Предавая все сие на рассуждение, желаю только одного, чтоб судили о моем поступке не с нынешней точки зрения, но перенесясь воображением в то время, когда никакой замысел не мог быть ни в помышлении зачинщиков, ни в естественной возможности.

Часть третья

О СОБЫТИЯХ В МОСКВЕ ДО МОЕГО АРЕСТА

25. Приехавши в Москву около сентября, я вел жизнь уединенную и занимался сочинением, которое намерен был представить правительству [14]. Я надеюсь, что ежели начало оного, находящееся в забранных у меня бумагах, удостоится воззрения его императорского величества, оно докажет, что правила мои далеки от всякого мятежнического покушения. Конечно, это не есть доказательство существенное, но те, кои занимались долгим трудом, над коим напряжены были все силы их ума, знают, что невозможно писать одно и думать и чувствовать другое, особливо тогда, когда сочинение должно представить нечто целое в основании и последствиях.

26. Кажется, в октябре приезжал ко мне Никита Муравьев. Вот существо нашего разговора, который, впрочем, был короток. Он мне сказал, что я всеми уважаем и что он уверен, что я сохранил все прежние мои мысли. Я ему отвечал, что я все тот же, что и был. Он у меня спросил, не намерен ли я опять просить действительной службы? Я ему отвечал, что обстоятельства мне сего не позволяют. Он мне сказал, что обстоятельства общие делаются всякий день смутнее, что государь намерен поселить гвардию, что ежели к сему приступят, гвардия взбунтуется. Я ему отвечал, что, ежели это и правда, что поселение будет делиться по полкам,

и, следственно, возмущения быть не может. Тут наш разговор был прерван, и после я его не видал до 8 ноября, в который день, возвращаясь уже назад в Москву, он у меня обедал со многими посторонними людьми и говорено ничего не было.

27. Вскоре потом получили известие о кончине государя и присягали цесаревичу Константину Павловичу. Все обошлось тихо и мирно.

28. Потом вдруг по целой Москве раздался слух, что духовная покойного государя разделяет Россию на две части, из коих одна под названием империи отходит к его императорскому величеству, а другая, составленная из королевства Польского, русско-польских провинций и Курляндии, достается его императорскому высочеству Константину Павловичу, долженствующему принять на себя титул короля польского, и, чтоб довершить, еще прибавляли, что сия духовная утверждена подписью членов Священного Союза. Сие известие поразило и меня и всякого русского, и в первый раз, может быть, моей жизни я почувствовал, что присяга может сделаться бременем. Я тем более сему обязан был верить, что еще в 1817 году сам слышал от покойного государя, что разделение Польши противно чести и выгодам России. Но тяжкое сие положение не долго продолжалось. Вскоре узнали, что не только весть сия несправедлива, но что завещание заключает в себе совсем противное расположение. Иные говорили, что этого быть не может, ибо сам ныне царствующий государь присягал цесаревичу, и они были правы. Другие же приписывали уничтожение сей меры благодетельному влиянию ее императорского величества императрицы Марии Федоровны. Но все радовались и благословляли судьбу, что отвратили от России такое несчастие. По всему кажется, что сия гибельная весть не была выдумана и распущена нарочно бунтовщиками, ибо она одним разом разнеслась по целому городу и была известна начальникам столько же, сколь и простым гражданам. Однако не худо справиться, откуда сия весть пришла, или из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург. В первом случае подозрения могут пасть на мятежников.

29. 17 декабря в собрании дворянства известно было, что его императорское величество Николай Павлович вступил на престол. Говорили также о возмущении, о смерти генерала Милорадовича и потушении бунта. Я все это узнал за обедом у графини Орловой, где я жил. Чрез несколько часов все сии известия подтвердились приездом генерал-адъютанта Комаровского, и я тогда же сказал графине и жене: «Вы увидите, что тут замешаны кто-нибудь из моих старых знакомых и я от сего пострадаю». Я отгадал. Вечером приехал Михаил Фон-Визин и показал письмо от 12 декабря, писанное на имя мне не известное, кажется, без подписи, но которое я приписываю *Пущину*. Я его едва пробежал и сжег собственными руками. Разговору не было почти никакого, и мы расстались [15].

30. Содержание письма, сколько помню, есть следующее: в начале *Когда вы получите сие письмо, все будет решено.* Из сего я заключаю, что уже 12 числа они были готовы к действию и более извещали о том, что предпринимают, чем просили содействия.

Мы всякий день вместе у Трубецкого (или с Трубецким, не помню) *и много работаем.* Тут определено место, где было их сходбище. Что же касается до работ, то, кажется, в письме не сказано. Должно полагать, что они сочиняли или конституцию, или манифест, или что-нибудь тому подобное.

Нас здесь 60 членов. Вот число бунтовщиков, ими самими определенное до 12 декабря. Это число 60 я как будто вижу и теперь собственными глазами.

Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться. За слова не ручаюсь; но смысл точно тот. Сие доказывает, что солдаты были жертвами простого обольщения для произведения мятежа, коим можно бы было воспользоваться для дальнейших предприятий. Тут удивительно только то, как они могли решиться с такими скудными средствами; но следующий параграф решил сию задачу.

Случай удобен, ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов. Следственно, вот и побудительная причина. Они так себя друг друга настроили и взволновали, что воздержаться от преступления им казалось почти преступлением.

Во всем этом я не вижу, чтоб бунтовщики были кем-нибудь поддержаны, кроме собственных своих страстей, разъяренных до сумасшествия. Но чтоб доказать, что я говорю правду и ничего из того, что письмо содержало и что помню, не утаиваю, прибавлю, что при окончании было сказано: *покажите сие письмо Михайлу Орлову.* Я чувствую, что сии слова навлекают на меня сильное подозрение, но я их нарочно помещаю, чтобы они служили залогом искренности моей. Не щадя себя, кого буду щадить?

31. 18 декабря присягали его императорскому величеству государю Николаю Павловичу. Истина уже всем была известна.

32. 19 или 20 поутру вдруг явился ко мне Гипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, в котором он приглашал меня в Петербург, но письмо им разорвано и сожжено.

33. Я чувствую, что сие письмо Трубецкого есть самая та причина, по которой я получил повеление приехать в Петербург и отдать отчет в моем поведении, и что сопряженное с тем письмом Пущина, о котором я сам донес и на существование которого не было никаких доказательств, мое обвинение приемлет еще вящшую важность. Так я был приглашаем одним членом Общества к приезду, а другой препоручил меня известить о том, что должно произойти. Но что это доказывает? Мою виновность или их заблуждение?

Во-первых. В письме Пущина сказано: *покажи Орлову.* Но этот самый Пущин, препоручающий меня известить, был ли у меня при отъезде? Говорил ли со мною? Дал ли я ему или препоручение или совет? Почему он знает образ моих мыслей? Какую могу я ему принести пользу? На что он считал? На содействие мое в Москве, но какие там были у меня средства? На прибытие мое в Петербург; но он сам сего не требует. Сии строки тем более должны были меня удивить, что я и понятия о Пущине никакого не имел, что я его никогда не видел, никогда с ним не говорил.

Во-вторых. Письмо от 12 декабря — и там сказано, что они готовы к действию и что 1000 солдат обольщены. Следственно, и само действие началось гораздо прежде. Зачем же, ежели я член их союза и сотрудник в преступлениях, зачем же прежде меня ни о чем не известили? Зачем же не известили меня ни о цели, ни о средствах, а только приглашают к одному исполнению? Заговор делается, солдаты обольщаются, члены сочиняют манифесты, раздают заблаговременно места и почести, соображают обстоятельства, назначают жертвы, а мне не дают ни малейшего известия. Отчего, ежели я действительно член их Общества, отчего я не получил ни малейшего известия от 27 ноября до 12 декабря?

В-третьих. Но письмо Трубецкого? Тот же самый ответ, что и на письмо Пущина, с тем только прибавлением, что Трубецкой знал меня и мои правила и, следственно, не от неведения, но от умышленности хотел меня погубить. Одно из двух: или письмо было писано наобум, то есть приедет — хорошо, не приедет — и без него обойдемся; или с намерением мне отмстить за то, что в течение 4-х лет я совершенно от них отдалился. Пусть прикажут расспросить Свистунова, каким он был подвержен угрозам 13 декабря, в тот же день, как и мне послано письмо Трубецкого. Я сие обстоятельство случайно узнал, будучи уже под арестом, от московского обер-полицеймейстера.

Другого разрешения сей несчастной для меня задачи дать не могу и признаюсь, что сие обстоятельство крепко бы меня огорчило и сокрушило бы сердце мое, ежели б я не вспомнил, что когда я явился к его императорскому величеству, последнее письмо было уже известно государю и не возбранило ему принять меня отцом более, чем судьею.

Часть четвертая

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

34. *Не имели ли члены сего Общества связи с поляками?* Все, что знаю по сему предмету, объявлено в 22 пункте.

35. *Не имели ли связи с иностранными обществами?* Не знаю и не полагаю, разве чрез посредничество поляков. Я помню, что давно уже мне

кто-то, только не член Общества, сказывал, что будто его величество король прусский уведомлял покойного государя о переписке русских с итальянскими карбонариями и что сия переписка была перехвачена в Пруссии. Но я думаю, что это касается более до университета дерптского и студентов немецких, чем до сего Общества. Более ничего не знаю.

36. *Не имели ли связи с иностранными посланными?* Совершенно не знаю ничего.

37. *Не было ли связи с какими-либо важными лицами Российского государства, кои могли им обещать деятельную подпору?* Я с самого начала понял, что сие подозрение тяготит сердце его императорского величества и что все его старания должны быть приложены на открытие тех лиц, коих можно почитать первыми и опаснейшими бунтовщиками. Как подумать, по истине, что несколько молодых людей без славы, без известности, без средств денежных, без опытности были сами и начальниками и орудием бунта, что их никто не поддерживал, никто им не давал ни денег, ни советов, ни надежд? Но сколь сия мысль ни естественно приходит на разум, сколь ни чудесна решимость их действовать без подкрепления и почти без всякой надежды, сколь ни желал бы истинно, от всего сердца, открыть тех, кои были или пружиною, или подпорою целого, должен сознаться, что никаких следов на то не нахожу, и вот мои причины. 1) Письмо Пущина ясно показывает, что членов не более 60, а солдат не более 1000; что сии последние спорят только о присяге одному или другому из великих князей. Сии средства суть весьма скудные и едва ли кто-нибудь из высших лиц решился с ними вместе действовать с оными. 2) Но может быть, он совсем о средствах и не спрашивал? Возможно ли принять таковое предположение и какое будем иметь понятие о рассудке такового человека? Кто из них может решиться действовать по такой записке, какую мне писал Трубецкой в Москву? 3) По слухам, дошедшим до меня уже здесь или в Москве после происшествия, цель их была так ужасна, что кажется никто не мог решиться их поддерживать, кроме их самих, посвятивших себя на таковые злодейства. 4) Предположение общей вольности, распущение армии суть также меры, несогласные с малейшей искрой рассудка. Кто из отцов семейства, кто из государственных людей, кто из русских решится на сие, кроме тех, кои, несколько лет возбуждая свои страсти, довели, наконец, себя до политического сумасшествия? 5) Судя по предприятию, по средствам, по намерениям, я уверен, что сами перехваченные их акты суть верх безумия, и кого можно подозревать, чтоб таковые дела были бы им поддержаны? 6) Наконец, возможно ли мне лично себе представить, что, употребляя все средства для моего обольщения, никто из них не признался мне, что они поддержаны сильною рукою? Я же, с моей стороны, даю честное слово, что такового признания, даже безымянного, не было.

Все сие, соединенное вместе, доказывает мне очевидно, что они действовали отдельно от всякого внушения свыше и что ежели были у них какие-нибудь покровители, то сии взошли с ними в сношения весьма поздно, после 27 ноября и даже после 12 декабря, числа письма Пущина, в коем я не помню, чтоб одно слово о сем было сказано. Да и сие я говорю противно собственному моему уверению и уважая те, конечно, важные причины, кои побудили его императорское величество объявить мне о таковом его мнении. Как бы я счастлив был, ежели б я мог только разодрать сию завесу и дать одним словом спокойствие государю и отечеству.

Всемилостивейший государь!

Я невинен. *Нет.* Я не был членом Общества. Чтоб доказать, что я действительно был таковым, конечно, для вашего правосудия до́лжно иметь больше доказательств, нежели слова и ложные обвинения бунтовщиков. Но я ищу, государь, не только того, чтобы быть правым перед буквою закона, но и перед совестью вашею таким образом, чтоб ни малейшего подозрения на мои намерения, ни малейшего пятна на имени моем не осталось.

1. Кто меня принимал в Общество? Те, коим препоручено было сие дело, сами скажут о своем неуспехе. Ежели я отказал дружбе, родству, честолюбию, на какие причины я мог согласиться? Но, говорят, это одна только игра слов, и у них никаких обрядов принятий не было и все зависело от данного слова. Согласен. Но кому я слово сие дал? Пусть он назовется и пусть приведут его на личную со мной ставку.

2. Но, может быть, и найдется такой дерзкий обманщик, который скажет, что он меня принял в Общество, сего еще мало. Пусть известит: Когда? В каком месте? Кому о сем он объявил? От кого на сие получил позволение? Какие давал мне повеления и я их исполнял? Какие препоручил дела и я их обделывал? Куда посылал и я ездил? На каких съездах я присутствовал? О чем было говорено? И какое было мое мнение? Тогда только доказано будет, что я действительно член Общества, но я сего не боюсь.

3. Сходно ли с рассудком, чтоб я отказал место начальника и сделался простым членом? В тайных обществах, которых действие всегда сопряжено с личною опасностию, тот, который дает направление, имеет много выгод, и ими жертвовать не легко. Но я сие сделал из усердия? Положим, что глупое мое усердие было так велико, что я пренебрег выгодами начальства и ополчился рядовым членом. Но неужели после сего отвержения мое усердие вдруг прекратилось и не оставило следов? Неужели я так уже мало одарен природою, что они не дали мне сказать ни одного слова, ниже́ подать одного совета, ниже́ написать одной бумаги, ниже́ иметь малейше-

го влияния? Но положим еще и то, что я ни к чему не способен по делам и по распоряжениям, другие следы ревности и усердия моего должны остаться. Я кого-либо принял в Общество? Кого-либо познакомил с членами оного? Ежели и сего я не мог сделать, надобно признаться, что никто, кроме их, такого дурного понятия о мне еще не имел.

4. Но многие на меня ссылаются. Они могут ссылаться за тем, чтоб запутать дело, вмешать в оное честных людей, прибавить себе благородства и важности, дать понять, что после их останутся мстители. Сия тактика не безызвестна во всех заговорах и тайных обществах.

5. Они могут также сделать таковое показание из одного мщения за то, что отказался от сообщничества. Кто может ручаться, что они между собою не сказали: «Орлов не хотел быть с нами, то он нас узнает и в успехе и в неудаче».

6. Нет ли тут обмана и не называли ли меня нарочно, чтобы умножить число членов в последнее время? Мое же несчастное и сомнительное положение придавало каждому их слову в сем смысле некоторую вероятность. Все сии причины должно взвесить на весах правосудия и тогда, сменивши все оные с описанными мною обстоятельствами, мой рассудок с сумасшествием их предприятия, всю жизнь добродетельного человека с злодейством их намерений, всякий судья, надеюсь, скажет: *Нет*, Орлов не причастен к злодейству; *нет*, он не член сего Общества.

Государь, вы мне приказали сказать истину — вот она.

Вы мне позволили надеяться на вас, что вы будете сами моим защитником.— Государь, надеюсь на бога, на вас и на мою невинность.

Вашего императорского величества
верноподданный Михаил Орлов

Сего 4-го генваря 1826 года.
Г. С. Петербург.

В ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ ТАЙНЫЙ КОМИТЕТ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА 1-го

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ

Вследствие повеления оного Комитета от 9 января 1826 года честь имею донести:

1. Точно вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении *кого-то* покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора; но говорил, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекратилась.

2. Что сие его объявление украшено было разными невероятными обстоятельствами, а именно: как будто Общество, вдруг и не ожидая того,

нашло *вне себя* человека (а не члена, так, как показано в повелении Комитета), который из *личной ненависти* (а не по побуждению Общества) хотел посягнуть на жизнь покойного государя; будто узнавши сие, многие члены (коих также не называл) хотели с сим злодеем драться до смерти; будто другие намерены были сами донести о сем правительству; будто, наконец, всякое опасение миновалось, ибо взяты меры удалить сего злодея. Оставляю на разрешение оного Комитета, должен ли я был взять за истину объявление такового рода, не гласящее ни о имени, ни о звании злодея, сопряженное с невероятными обстоятельствами, упоминающее в одно время и о опасности и о прекращении опасности? И не мог ли я почесть все сие вымышленным единственно для того, чтоб доказать мне, что обстоятельства всякий день делаются смутнее и что пора мне взойти в Общество и взять главное над оным управление? Я сему последнему тем более поверил, что весь разговор клонился к обольщению меня.

3. Что ж касается до того, почему я о сем не объявил начальству и не взял никаких мер для предупреждения умышленного зла, то кончина его императорского величества преградила к оному всякий путь, и сия кончина не только всякое опасение во мне должна была уничтожить, но совершенно изгладила из памяти моей сие обстоятельство, которому я никогда не верил, так что я вспомнил о нем только при получении повеления от Комитета. И вот почему я не объявил о сем в первом моем показании, ибо Комитет благоволит заметить, что я не имел никакой личной выгоды утаивать сего, а напротив, самопроизвольное показание облегчило бы мою участь.

4. Теперь, когда злодейское сие намерение кажется, по показанию капитана Муравьева, совершенно доказанным, я должен сознаться, что не прощаю себе мою недоверчивость к его словам; но тот, который знает, что ложь и обман для потрясения общего спокойствия суть одни из главнейших орудий всякого тайного общества, поймет легко мое пренебрежение к известиям, полученным от такового источника.

5. Сколь я сообразить могу, то человек, имевший сие злодейское намерение, есть никто иной, как Якубович, коего, хотя никогда не видел и не имел с ним ни малейшего сношения, знаю за человека, презирающего жизнь свою и готового оною жертвовать во всяком случае. Но твердо стою в том, что Муравьев мне именно сказать не хотел, что и послужит вящим доказательством, что он сам членом Общества меня не почитал, а говорил, напротив того, в одном намерении сими полудовериями пригласить меня к Обществу.

Генерал-майор Орлов 1-й

Сего 10-го генваря 1826 года.
Г. С. Петербург.

ДОПОЛНЕНИЕ К БУМАГЕ, ПОДАННОЙ МНОЮ 10 ГЕНВАРЯ 1826 ГОДА В ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ ТАЙНЫЙ КОМИТЕТ

Все обстоятельства, кои я описал в моей бумаге, совершенно справедливы, начиная с того, что и как говорил мне капитан Муравьев, и кончая с того, что сия часть нашего разговора совершенно изгладилась из памяти моей до получения повеления Комитета.

Как это ни странно, но это истина. Причины же другой придумать не могу, как ту, что кончина его императорского величества вскоре последовала за сим разговором.

Но ежели б я вспомнил при писании первого моего показания, то непременно бы объявил, ибо сие обстоятельство, как оно на первый взгляд и не кажется предосудительным, может при подробном рассмотрении обратиться в мою пользу.

Легко Комитету увериться, что все обстоятельства рассказаны справедливо, что посягавший на жизнь государя был вне Общества, а что члены оного готовы были жертвовать собою для спасения оной. Так-то сии люди, зная, что ни сердце мое, ни совесть, ни руки не могут посягнуть на злодейство, старались представить себя в виде даже защитников более, чем возмутителей, и тем ослепить и обольстить меня.

С другой стороны, они уверяли, что негодование так велико, что не могут ни за что ручаться, и извлекали оттуда необходимость иметь человека, который мог бы ими руководствовать.

Все сие, соединенное вместе, докажет Комитету, что в том положении, в коем я находился, я должен был быть ими повсеминутно обманутым и на счет их намерений и желаний, и на счет их повествований и рассказов. Также, что мне другого не оставалось делать, как находиться в совершенном недоверии и как можно более и более отклоняться от их знакомства. Я то и делал. Но, к несчастью, обстоятельства решили их на такие дела, кои ни я, никто не мог предвидеть.

Генерал-майор Орлов

Сего 10 генваря 1826.
С. Петербург, в 10 часов вечера.

В ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ ТАЙНЫЙ КОМИТЕТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА 1-го

ДОНЕСЕНИЕ

На повеление высочайше утвержденного Тайного комитета от 12 генваря 1826 года честь имею донести:

1. Где существует тайное Общество русских рыцарей, когда возымело свое начало и кем именно основано?

Такого Общества не существует. Оно есть то же самое, о котором я в показании моем доносил, что имел намерение составить вместе с графом Мамоновым тайное общество, коего и цель там же определена; но что впоследствии сие намерение не состоялось и Общество составлено не было.

2. Какая цель и намерение сего Общества, какими средствами полагали достигнуть цели своей?

Цель их была двоякая, что и явствует из моего показания. Сперва хотели противиться злу лихоимства в России, и в сем первом виде устав Общества должен был быть представленным на утверждение его императорского величества; потом противопоставить русское тайное общество предполагаемым польским и тогда уже на утверждение государя поступить не могло.

3. Кто именно члены сего Общества?

Никто; ибо не возымело действия. Разве можно назвать членами Мамонова и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о сем говорил в 1817 году, но который тогда нашел мысль сию неисполнительной.

4. С какими другими обществами оное имеет сношение?

Ни с какими; ибо не существует.

5. На каких правилах или законах Общество составлено?

Сколько могу вспомнить, были составлены, или, лучше сказать, начаты три градуса принятия, совершенно масонические, выбранные частью из «*Духовного рыцаря*» *, а частью из статутов храмовничества обыкновенного. Сии три градуса имели некоторую постепенность и давали чувствовать, что трудами, повиновением и приверженностью неофит может со временем узнать цель сего ордена; что масонические предметы не входят в состав сих занятий и что масоны суть не что иное, как раскольники Тамплиерства, или Ордена храмовников. Вот, сколько помню, все, что содержалось в сем проекте. Кроме сего, был еще составлен устав, совершенно подобный уставу тамплиеров. Все, что у меня было по сему предмету, предано забвению и огню с 1818 года.

В заключение имею честь положительно уверить Комитет, что такового Общества, или «Ордена русских рыцарей», в России не существует. Ежели же предание оного осталось, это оттого, что когда меня приглашали в *Союз Благоденствия* **, я часто *из одной отговорки* утверждал, что принадлежу другому обществу русских рыцарей.

Генерал-майор Михаил Орлов 1-й

Сего 13 генваря 1826.

---

* Сей «*Духовный рыцарь*» есть сочинение, кажется, Ивана Владимировича Лопухина. Он печатный и находится у всех книгопродавцев.— *Прим. Орлова.*

** Первое Общество, коему я принадлежал, как следует из моего показания.— *Прим. Орлова.*

О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ

Сочинение, писанное в начале 1832 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь новейших народов не представляется наблюдателю с той величественною простотою, которая отличает рассказы древних историков. Успехи просвещения насильственно ввели в нынешние политические общества огромное количество новых учреждений, из коих каждое есть последствие новой необходимости. Быстрое обозрение нравов, острый очерк действующих лиц, красноречивое изложение происшествий не достаточны нынче для историка. Ему прежде всего принадлежит труд критический и, следственно, сложный. Ему должно глубже вникнуть в начала, чтобы объяснить последствия, обнять теории быта народного во всей их обширности и во всем их различии, системы правления во всех их подробностях, оценить существование политических обществ, так сказать, метафизическое, составленное из могущества не самобытного, но проистекающего от союзов, из богатства не вещественного, но искусственного, основанного на отвлеченных правилах государственного кредита. Кредит, в особенности, есть главная черта, определяющая разительное различие между нынешними и древними обществами. Коль скоро история касается дó финансов, то все мысли современны, все принадлежат той эпохе, в которой мы сами живем. Явление государственного кредита в политическом мире потрясло все прежние понятия о преспеянии [1] народов и основало новые начала, бросив на рынки европейские несметные богатства, далеко превышающие и баснословные сокровища древних царей и произведения неистощимых рудников Америки.

Все писатели единогласно провозглашают важность государственного кредита в политическом быту народов; но, однако же, мы не нашли ни одного сочинения, дающего полного и удовлетворительного понятия о сем предмете. По крайней мере все сочинения ex professo *, которые имели мы

---

* знатоков (лат.).— *Ред.*

в руках, не заключают в себе, по мнению нашему, тех условий, кои нужны для распространения здравых понятий о кредите; и мы принуждены были искать оснований науки не только в трудах авторов, старавшихся собрать их в нечто целое и однообразное, но предпочтительно в разбросанных речах и мнениях государственных людей, говоривших о кредите мимоходом и занимавшихся более применением, чем исследованием его правил.

Но и тут сколько разных суждений, сколько ложных понятий о кредите и о его действиях! Не входя в подробное исчисление заблуждений авторов и самих государственных людей по сему предмету, возьмем в Англии рассуждения «Эдинбургского обозрения» [2], во Франции — речи почти всех членов оппозиции и даже некоторых других ораторов [3]. Везде мы находим или пристрастное или превратное понятие о кредите, и, что больше всего должно удивлять наблюдателя, часто в одной и той же речи, в одном и том же сочинении все мысли, касающиеся собственно до управления финансами, здравы, точны, исполнены отчетливости и высоких видов, а мысли о кредите или ложны, или недостаточны. Что сие доказывает, ежели не то, что правила кредитной науки не имеют еще твердого рационального основания, что всякий кабинетный мыслитель, всякий государственный человек, увлеченный обстоятельствами, блуждающим общемыслием или собственными своими предрассудками, видит кредит не в целости его сущности, но в отдельных частях и выводит из оных теорию местную, а не общую, согласную с выгодами временными, а не с вечными определениями рассудка и истины?

Пораженные сею зыбкостью правил кредитных в том виде, в котором они теперь везде приняты, мы старались вникнуть более в самую сущность кредита и извлечь его настоящие начала не из вымышленных соображений, но из самого естества вещей; мы рассматривали кредит менее как науку, нежели как факт, подверженный философическому исследованию; мы хотели приложить к изучению кредита ту самую методу, которая со времен славного Бакона употреблена была для определения правил и законов всех положительных наук. Сей образ изысканий дал нам несколько выводов, совершенно отличных от прежде принятых оснований, и мы не без опасения решаемся подвергнуть мысли наши строгому и беспристрастному суждению публики. Сии мысли суть следующие:

1. Все писатели полагали, что государственный кредит имеет одно и то же происхождение, как и кредит частный. Они основывали и частный и государственный кредит на доверенности. Мы доказываем, что отверждение долгов [4] (consolidation de la dette) произошло от несостоятельности правительств, а несостоятельность никогда и ни в каком случае породить доверенности не может.

2. Обязательства правительств были всегда, по мнению писателей, одного достоинства с заемными письмами частных людей. Мы доказываем,

что бумаги срочные не имеют никакого тождества с бумагами бессрочными. Скорее можно сравнять выпуск государственных обязательств с торговыми оборотами, с покупкою и продажею изменяющихся ценностей, словом сказать, с спекуляциею, чем с спокойным помещением капиталов по известным ростам.

3. Из сих двух соображений мы вывели, во-первых: изъяснение странного обстоятельства, по которому неоплатимый долг имеет и должен иметь в глазах капиталистов преимущество над частными векселями, предполагающими всегда возвращение капитала; и во-вторых: необходимость для правительств занимать не иначе, как на условии безвозвратного капитала; ибо с сим только условием они могут владеть огромными капиталами за умеренные проценты.

4. Никто до сих пор не упоминал о естественном достоинстве обязательств государственных. Все публицисты согласны были, что сие достоинство зависит от общего положения дел, от системы правительства, от успехов его соображений. Мы первые стараемся доказать, что сии обязательства по естеству своему клонятся к падению и, следственно, требуют искусственных средств для их поддержания.

5. Писатели вообще налагают проклятие на биржевую игру и видят в ней одно только пагубное и безнравственное развитие алчности к стяжанию богатств. Мы осмелились утверждать, что биржевая игра есть необходимость, против которой не должно вооружаться; что она есть источник всех движений капиталов и жизнь кредитных оборотов.

6. Публичные фонды разделяются на постоянную и переходную часть оных (partie fixe et partie flottante de la rente). Писатели уважают одну первую и стараются доказать, что сия только постоянная часть фондов полезна для государства. Как же они не видят, что, напротив того, переходная часть гораздо важнее, во-первых, потому, что по курсу оной определяется достоинство всей массы государственного долга; во-вторых, потому, что без нее никакие выкупы совершены быть не могут, и долг делается вечным во всей строгости сего слова?

7. Из естественной наклонности обязательств к падению, из нового определения биржевой игры, из важности переходной части фондов мы выводим достоинство самой кассы погашения. Другие, прежде нас, говорили о полезности сего учреждения. Мы доказываем необходимость оного; мы утверждаем, что без кассы погашения никакой отвержденный долг существовать не может. В нашей системе отверждение долга и учреждение кассы погашения не раздельны [5].

8. Представляя кассу погашения в виде биржевого спекулятора, играющего постоянно на возвышение (à la hausse), мы хотели определить настоящее назначение сего учреждения. Доказывая, что усилия сего игрока рано или поздно должны восторжествовать над усилиями всех частных спеку-

ляторов, мы достаточно показываем всю политическую важность кассы погашения. Из сего сравнения между кассой погашения и биржевыми игроками выводится последствие весьма замечательное. При первом взгляде каждый может видеть, с какой осторожностью должно приступать к уничтожению или к продаже билетов кассы погашения, ибо и то и другое, а особенно продажа, переменяет совершенно действие погашения и из игрока на возвышение образует игрока на упадок (à la baisse).

9. Возвратное действие усиленного погашения, употребление разницы в пользу уменьшения податей, наконец, касса погашения, представленная в виде огромного народного сокровища, суть мысли, принадлежащие не нам, но публицистам и государственным людям Англии. Здесь наш труд состоял в том, чтоб объяснить сии предложения, скрытые самими их сочинителями под некоторою туманною таинственностью, и чтоб довести последствия нашей теории до самых возможных границ ее действий. Впрочем, мы не без внутреннего удовольствия нашли, что сии последствия отнюдь не противоречат принятым нами основаниям.

10. Почти все писатели полагают, что кредит есть достояние исключительно одних только конституционных правлений. Но государственные люди в монархических правлениях доказали опытом противное. Здесь мы предпочли факты положительные всем отвлеченностям теории и убедились, что кредит доступен также и самодержавию, покровительствующему просвещению и образованию богатств.

11. Мы просим также обратить внимание на различие, поставленное нами между случайным и обдуманным преспеянием, на четыре вывода европейского просвещения нынешних времен, на взаимность, существующую между образованием богатств и распространением просвещения. Мы, конечно, едва только коснулись предмета огромного, требующего пространного развития; но мы смеем надеяться, что в сем кратком объеме заключаются все главные черты полной и стройной системы.

12. Наконец, мы предаем разбору и суждению людей, более нас опытных и просвещенных, окончательный наш вывод, представляющий *кредит как единственное средство, могущее закрыть навсегда ужасную эпоху политических переворотов и начать счастливую эру постепенных гражданских преобразований*. Как ни важно сие предложение само по себе, мы не могли входить в подробные доказательства оного, ибо они увлекли бы нас в рассуждения, совсем разнородные с целью сего сочинения. Мы не могли также опереться на историю, ибо никакой народ не имел еще случая применить сие начало к своей политической системе. Вопрос — *может ли преобразование хозяйственное опередить преобразование внутреннее* — остается до некоторой степени вопросом, и мы охотно сознаемся, что благоденствие народов содержится в нем *non factu sed potentia* *. Не менее того мы

* не в действительности, а как возможность (лат.).— *Ред.*

не можем не желать, чтобы благонамеренные правительства убедились полезностью нашего предложения, ибо мы глубоко уверены, что практическое развитие сей мысли во всех ее последствиях при нынешнем состоянии политических обществ может иметь благодетельное влияние на участь всего рода человеческого.

Желая обратить предпочтительно внимание общества на чистое и ясное изложение кредитной системы, мы не без намерения исключили из нашего плана многие предметы, входящие обыкновенно в состав сочинений о кредите, как-то: разбор пожизненных, лотерейных и других займов, и даже мысли, касающиеся до временного требовательного долга (dette flottante) и пр. Все сии подробности объяснены весьма удовлетворительно в тысяче разных сочинений, более или менее искусно писанных. Они составляют, так сказать, мелкую монету науки (la petite monnaie de la science), по выражению одного публициста. Впрочем, многие из сих самых предметов, пропущенные в теорической главе, помещены в истории финансов Франции и Англии, которая служит практическим пояснением и необходимым дополнением всей нашей системы.

I

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА *

Кредит вообще есть способ удобнейшего обмена ценностей

Кредит вообще есть не что иное, как изобретенный способ для удобнейшего обмена ценностей. Тот, кто первый успел посредством договора приобресть какой-либо предмет, отсрочивая плату на самое короткое время, сделался, без всякого намерения, истинным изобретателем кредита. В сем общем и первоначальном его смысле, вероятно, кредит был современником первого торгового оборота, и следы его скрываются в глубочайшей древности. Но сии слабые начала не требуют пространного разбора. В наши времена, когда ускоренный ход просвещения придал столько многосложности всем частям образованных обществ, кредит не есть то, чем он был при первом опыте гражданского устройства и торговых сношений. Ныне круг действия его так обширен и влияние его на все части благосостояния народов так велико, что полное понятие о нем составляет одну из отвлеченнейших отраслей наших познаний и государственных наук.

Он разделяется на кредит частный и кредит государственный.

Кредит разделяется на кредит частный и кредит публичный, или государственный. Сие разделение весьма важно, ибо, кроме имени и цели, кредит частный имеет мало подобия с кредитом государственным.

Кредит частный основан на доверенности

Кредит частный есть доверенность, существующая между заимодавцем и заимателем, из коих последний, по общему и вольному согласию обоих, приобретает право за условленную

---

* Для объяснения сущности государственного кредита мы предпочли систематическому выводу начал некоторое сцепление мыслей, рождающихся постепенно одна от другой. Таким образом изложение правил теряет несколько со стороны точности и порядка; но зато истины политической экономии получают более самостоятельности и жизнь, им собственно принадлежащую. Они представляются читателям в виде последствий, непременно происходящих от положительных и доказанных начал.— *Прим. Орлова.*

плату и на известное время употреблять имущество или капиталы первого для собственных своих видов.

Степень сей доверенности зависит: 1) от достоинства законов, 2) от средств и свойств занимателя, 3) от предполагаемого употребления капитала

Сия доверенность или, лучше сказать, степень сей доверенности зависит от разных обстоятельств, из которых главные суть: 1) законы государственные, более или менее охраняющие собственность. Там, где права заимодавца поддержаны твердыми законами, займы совершаются легче и с меньшими убытками; 2) мнение заимодавца на счет занимателя, или уверение, что заниматель *может* и *хочет* возвратить занимаемый капитал; ибо желание без возможности или возможность без желания не достаточны для возбуждения доверенности; 3) предполагаемое употребление капитала. Ежели заимодавец знает, что капитал будет употреблен на полезное предприятие, долженствующее богато вознаградить труды занимателя, то он более надеется на возвращение своего достояния, и тем самым условия делаются снисходительнее и доверенность усиливается.

В условиях, заключаемых между частными людьми, господствующая мысль есть возвращение капитала

Из сего видно, что в частном кредите при совершении условий господствующая мысль есть возвращение капитала (как бы, впрочем, сие возвращение ни было определено — посредством ли полного единовременного платежа или частями чрез усиленные проценты), мысль, без подразумения коей, никакое условие сего рода между частными людьми состояться не может, ибо, в противном случае, заем обратился бы в дар, то есть в такое употребление капитала, которое до кредита отнюдь не касается.

Важность частного кредита в государственном смысле состоит в том, что он распространением своим поощряет народную промышленность, делая все неупотребленные капиталы доступными для людей предприимчивых, честных и благоразумных.

Все тонкости и подробности, введенные в употребление частного кредита, не изменили основного его начала

Сии простые понятия о частном кредите с усовершенствованием политических обществ и с распространением торговли во все края вселенной не изменились в своих основаниях, но получили некоторую сложность изобретением векселей, открытых счетов, закладных обязательств, заемных, взносных и оборотных банков. Все сии изобретения пустили в общее обращение множество разнородных бумаг, заменяющих в торговле звонкую монету. Но все частные торговые обязательства имеют одно и то же торговое достоинство, без коего ни которое из них нигде принято не будет, а именно: необходимость быть уплаченным или при самой явке или, по крайней мере, в означенный, весьма короткий, срок; что еще более доказывает, что весь частный кредит основан на уверенности в скором и полном возвращении капитала.

При первом взгляде кажется, что правительство, приступающее к займу, должно пользоваться тою же и еще большею доверенностью, нежели каковою пользуется каждый частный заниматель; но подробное исследование сего вопроса дает совсем противное решение. Припомнив вышеизложенные обстоятельства, основывающие и утверждающие доверенность в частном кредите, мы находим:

Государственный кредит основан на других началах. Здесь чистая доверенность не может иметь никакого влияния на условия займов

1. Законы, сколь бы они ни были строги против безответных частных заимателей, теряют всю свою силу в отношении к правительству; и тогда как вексель частного человека в руках заимодавца есть истинный залог на его имущество и даже на его свободу, обязательство несостоятельного правительства есть не что иное, как простой клочок бумаги.

И в самом деле: 1. Законы теряют всю свою силу, когда несостоятельный плательщик есть само правительство

2. Мнение заимодавца, уже потрясенное сим недостатком законного удовлетворения, еще более делается недоверчивым, когда оно обратится к истории. Тут открывается обширное поле опасностей и сомнений. Заимодавец почти на каждой странице находит несоблюденные выгоды и нарушенные права своих предшественников; и сюда принадлежат не только явные и истинные банкрутства, кои некогда почти периодически бесчестили некоторые государства, но также все перемены в ценности монет, понижение и падение курса ассигнаций, род несостоятельности, испытанный самыми благонамереннейшими правительствами, имеющими искреннее желание, но находящимися в невозможности исполнить свои обязанности.

2. История полна примеров не только вынужденных, но даже и добровольных банкрутств правительств

3. Наконец, употребление капиталов, занимаемых правительством, также неободрительно для заимодавца. Известно, что сии займы редко делаются для какого-либо предприятия, вознаграждающего издержки: они обыкновенно назначены или для войны, или для бесприбыточной постройки, или для удовлетворения пышности и великолепия, таким образом, что заемный капитал при самом заключении условия всегда уже определен на безвозвратный расход. Следственно, все три обстоятельства, кои в частных займах столь сильно подкрепляют доверенность, в займах государственных суть не только недостаточны, но и вредны для правительства. Ежели же к сему прибавим огромность капиталов, занимаемых обыкновенно правительствами, в сравнении с умеренностию ссуд, требуемых частными людьми, необходимость для столь обширных оборотов составлять общества и посвящать себя многотрудному и сложному управлению делами и, наконец, зависимость, в которую себя поставляет заимодавец от превратности счастия, от неудачи политических со-

3. Употребление капиталов, занимаемых правительствами, обречено почти всегда на безвозвратный расход

4. Наконец, капиталы, занимаемые правительствами, кроме огромности своей и неудобства расчетов, подвержены еще всему непостоянству счастья и предначертаний политики

Следственно, должно искать основания государственного кредита не в доверенности, а в каком-либо другом начале

ображений, от перемены министерства, словом, от разных обстоятельств, кои никакая человеческая мудрость совершенно предугадать не может, то легко уверимся, что в займах государственных побудительная причина не есть доверенность и господствующая мысль не есть возвращение капитала. Посему мы вправе заключить, что государственный кредит основан на началах, совершенно отличных от тех, кои служат основанием кредиту частному.

Государственный кредит не есть систематическое изобретение людей. Он факт, подлежащий исследованию историка

Постараемся исследовать сии начала. Государственный кредит в том виде, в котором он ныне известен образованному свету, не обязан существованием своим глубокомысленному соображению какого-либо изобретателя, постигшего вдруг все его правила и последствия и представившего его удивленному свету в полном зрелом совершенстве. Как многие другие изобретения, особливо практические, он родился от необходимости и случая, подвержен был ошибкам и неудачам, и не прежде достиг до того состояния, в коем теперь мы его видим, как после многих опытов и усилий. Система публичного кредита — система сложная, касающаяся до важнейших вопросов управления и до всех отраслей народного благосостояния. Чтобы изложить ее в должном порядке и полной ясности, мы коснемся некоторых предметов, без определения коих нельзя получить о ней точного понятия.

Государственные капиталы происходят от двух источников: от налогов и займов

Рассмотрим сперва, как образуются и откуда происходят государственные капиталы. От двух источников, кои суть: налоги и займы.

Свойство налога есть насилие

Всякий налог есть пожертвование собственности, принесенное гражданином для пользы и безопасности всего общества; сим пожертвованием он теряет часть своего имущества, но приобретает уверенность в253 неприкосновенном обладании остального. Налоги более или менее истощают капиталы, им подверженные, и тем самым препятствуют полному развитию народного богатства. Сверх того, определение и собирание оных — слишком часто исполнены недоумений и злоупотреблений. Сам по себе налог слеп; он падает без разбора на все достояния, исторгает часто последнюю опору у земледелия, останавливает последний оборот торговли и не щадит даже последней надежды бедности. Он не рассматривает, полезно ли или вредно перемещение капиталов, нередко заставляет правительство прибегать к понудительным мерам и склоняет подданных к ропоту и неповиновению.

Свойство займа есть свобода

Заем, напротив того, не влечет за собой ни которого из сих пагубных последствий. Он заключается по договору и тем са-

мым более утверждает, чем нарушает священное право собственности. Неся на себе отпечаток добровольного условия, он соблюдает взаимные выгоды заимодавца и занимателя. Он не лишает земледелия и торговли тех сумм, которые полезно в оных обращаются, не расстраивает никаких соображений, не похищает у бедного последнего его достояния и пользуется только избыточными и праздными капиталами, не имеющими лучшего употребления.

Из сего должно заключить, что свойство налога есть насилие, а свойство займа — свобода.

Но налог есть неизбежное последствие существования обществ

Но без налогов правительство не имело бы ни способа, ни обязанности охранять политическое существование своих подданных. «Умирать и платить налоги,— сказал Франклин,— есть дело общее и неизбежное». Налоги необходимы в первобытном состоянии обществ, когда кредитные обороты еще мало известны; они не менее нужны и тогда, когда заемная государственная система находится в полном развитии, ибо без них нельзя ни предупредить, ни обеспечить никакого займа. Вся наука финансов состоит в том, чтоб оба сии средства — т. е. налоги и кредит — поставить в совершенное равновесие таким образом, чтоб налоги не вредили кредиту, а кредит облегчал налоги.

Он необходим также и для заемной системы

Главные усилия правительства должны быть устремлены к тому, чтоб налоги не вредили кредиту, а кредит облегчал налоги

Для достижения сей двоякой цели первое условие есть умеренность в налогах. Налоги могут тогда только назваться умеренными, когда общество, платящее оные, приобретает более чрез водворение спокойствия и безопасности, чем оно теряет от своего пожертвования. Итак, все, что принадлежит к благосостоянию общества в обыкновенном быту народов, как-то: содержание достаточной армии на мирном положении, устроение судопроизводства и благочиния, поощрение просвещения и промышленности, благодетельные заведения всякого рода, сохранение здоровья общественного, вообще все нужды государственные, ежегодно возобновляющиеся и по коим расходы остаются в отечестве, суть предметы издержек, подлежащие одним налогам. И в самом деле, как вообразить существование и процветание общества, которое не может уделить умеренной части от избытков своих, дабы оградить внутреннюю безопасность и оплатить обыкновенные свои потребности? Таковое общество клонилось бы непременно к падению, и сие, падение сделалось бы неминуемым при первой опасности, при малейшей превратности счастия. Следственно, одно из первых условий существования людей в обществе есть то, чтоб обыкновенные расходы были удовлетворены умеренными налогами.

Итак, первое условие хорошей системы налогов есть умеренность оных. Назначение их есть удовлетворение обыкновенных нужд правительства

Но, кроме обыкновенных расходов, правительства часто подвержены чрезвычайным издержкам

Но времена обыкновенных расходов, времена спокойствия и мира надолго ли бывают уделом рода человеческого? Народы, по самому естеству своей независимости, живут между собою на враждебном праве сильного. Вооруженное состояние есть для них правило общее, а мир — одно только редкое и кратковременное исключение. Везде в истории мы видим, как происки и замыслы политики, порывы честолюбия и превратности счастия потрясают существование обществ в самых его глубоких основаниях. Государство, вступившее в тесные сношения с другими государствами, при самых миролюбивых намерениях, при счастливейших обстоятельствах не может ручаться, что долго сохранит свое спокойствие. Не нам, современникам Наполеона, нужно пространно доказывать сию истину; честь, слава, свобода, независимость основаны на могуществе и политике; но беззащитному нет безопасности и слабому нет союзников. Сия внешняя жизнь, столь отличная от внутренней жизни народов, подверженная влиянию разрушительных причин, не подлежащих часто ни воле, ни расчетам нашим, требует от правительств новых усилий и от подданных новых пожертвований. Здесь верх мудрости будет состоять в том, чтобы усилия были как можно огромны и решительны, а пожертвования как можно менее обременительны для народа.

Для удовлетворения сих чрезвычайных нужд правительства могут или собирать сокровища, или усилить налоги, или прибегнуть к займам

Решение сей противуположной задачи принадлежит государственному кредиту, и ему одному.

Правительства в чрезвычайных и непредвидимых обстоятельствах для удовлетворения необходимых своих расходов имеют три средства, кои суть: сокровища, новые налоги и займы. Рассмотрим внутреннее достоинство и силу всех сих средств особенно.

Сокровища приобретаются или насилием или бережливостью

Первый способ — насилие — ненавистен и опасен

Сокровища приобретаются или насилием или строгою бережливостию. Первый способ приобретать был некогда в большом употреблении, да и в наши времена, к стыду просвещения, он не совсем еще оставлен. Он был источником обогащения правительств в средних веках, изгнал некогда евреев из большой части Европы и ограбил их достояние [6], истребил огнем и мечом туземный род американцев и присудил Монтезюму [7] к жестокой пытке, был поводом долгих и кровопролитных войн и разорил вместе побежденных и победителей. Во Франции он подвел под гильотину более жертв, чем сам фанатизм свободы, и кровью начертал ужасные законы о продаже имуществ церкви и эмигрантов [8]. Вообще сей способ принадлежит временам варварства, или похищения короны, или переворотов. Ныне он предан ненависти

О

ГОСУДАРСТВЕННОМЪ

КРЕДИТѢ,

Сочиненіе

писанное въ началѣ 1832-го года.

МОСКВА.

Въ типографіи Августа Семена,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1833.

Титульный лист первого издания книги «О государственном кредите»

Второй способ — бережливость — останавливает развитие народных богатств

и проклятию народов. Второй способ — приобретать сокровища посредством строгой бережливости — не заключает в себе ничего противного совести и добродетели; желательно бы, чтоб он был столь же удовлетворителен в своих последствиях, сколь он невинен в своих началах. Собирать сокровища в наше время есть для правительств не что иное, как бесполезное и часто гибельное предубеждение. Или налоги умеренны, и тогда сбереженные суммы будут весьма маловажны; или налоги обременительны, и тогда лучшая экономия есть облегчение налогов. С другой стороны, все золото, которым правительство обогащает свою сохранную казну, похищено из общего оборота и погребено до случая без действия и без пользы; и чем успешнее будет в сем смысле ход правительства, тем более народ будет страдать от сих успехов. Странное и удивительное средство приготовляться к чрезвычайным обстоятельствам систематическим изнурением всех сил общественных! По крайней мере, ежели б сокровища были во время нужды достаточным источником сил и сопротивления! Но и сия надежда обманчива. Огромность наших ополчений и упорная продолжительность наших войн требуют не однократного вспомоществования, но пособий, ежеминутно обновляющихся и возрастающих с опасностями. Сокровище, как бы оно велико ни было, по самой ограниченности своей не имеет сих свойств. Англия кредитом своим пять раз вооружила Европу против Франции [9]; а сокровища, собранные Фридрихом II в Берлине и Наполеоном в Тюлерийском дворце, не могли спасти ни Пруссию от Базельского мира [10], вынужденного не силою оружия, но истощением казны, ниже́ Францию от покорения после сокрушения сил ее в походе на Москву *.

Оба они недостаточны и слабы

Прибавим еще к сему, что излишняя бережливость легко может перейти в пагубную страсть к обогащению, в страсть, которая препятствует развитию предприимчивости и уничтожает

---

* Известно, что Фридерик II посвятил последние двадцать лет своей жизни на собрание огромного сокровища, и успех его был столь велик, что сии накопленные богатства составляли, в общем мнении, не малую часть могущества Пруссии и собственной его славы. Однако же война 1792 года поглотила в одну осень все сии сокровища, а прусская армия не дошла еще до роковых полей Вальми, как истощение казны было ощутительно во всех частях правления. В 1811 году Тюлерийские погреба были также наполнены сокровищами; а после двух несчастных кампаний 1812 и 1813 годов все сие богатство, плод пятнадцатилетных трудов и шестидесяти побед, исчезло, как дым, и Наполеон оставил Франции 759 000 000 требовательного долга.— *Прим. Орлова.*

стойкость в союзах политических, которая склоняет правительства к скупости в награждениях, к алчности в определении и взимании налогов и внушает предосудительное небрежение ко всем предприятиям, касающимся до общественной пользы, но требующим больших издержек.

Новые или усиленные налоги суть не что иное, как приобретение сокровищ внезапным и часто насильственным образом; следственно, они разделяют все неудобства сокровищ

Новые или усиленные налоги суть средство, которое гораздо чаще употребляется в чрезвычайных случаях правительствами; но сие частое употребление не есть доказательство, что средство сие выгоднее и вернее. Оно доказывает только то, что легче выдумать новый налог, чем посвятить постоянно несколько лет на собрание сокровища. Нет предмета, над которым люди столь бы много трудились, как над приисканием новых налогов, и можно почти уверительно сказать, что в сем роде все мысли были предложены, все средства были испытаны. Время еще недалеко от нас, в котором изобретатель новой подати был почитаем везде за полезного сына отечества и почти за великого человека. От крещения до погребения, от десятины со всех произведений, то есть десятого процента с доходов, до отобрания самых капиталов чрез насильственные займы, от всех способов пропитания до всех предметов одежды и помещения — все подвержено было взысканию налога. Здесь земледелец платит за право припречь лишнюю лошадь к своему плугу; там умирающий видит пред собою комиссара, еще заживо описывающего его имение. В иных местах правительства переступали за черту нравственности откупами газардных игр и лотереями, в других личными повинностями дошли до границ жестокости. Везде почти система налогов доведена до возможных пределов, и люди не прежде отказались от сих пагубных изобретений, как тогда только, когда увидели из опыта, что всякий новый налог приносил менее пользы, чем наносил ущерба в доходах, получаемых с какого-либо старого налога. Но сии налоги, изнуряющие силы народные, могут ли быть для правительства достаточным средством в чрезвычайных обстоятельствах? Конечно, нет. С какой бы точки зрения мы ни смотрели на новые налоги, должно сознаться, что взимание оных есть не что иное, как приобретение сокровищ внезапным и часто насильственным образом; и ежели сокровища, заблаговременно приготовленные умеренностью, тщанием, бережливостию, не могут, как мы видели, сего исполнить, то можно ли ожидать успеха от новых налогов, как бы они ни были искусно придуманы и разложены? Сокровища, по крайней мере, имеют то достоинство, что они сохраняют в целости средство налогов на время опасности. Но новые налоги, разделяя все

Сверх того, налоги нарушают единодушие между правительством и народом тогда, когда сие единодушие бывает часто единственным средством к спасению

неудобства и недостатки сокровищ, имеют еще пред сими то гибельное преимущество, что нарушают единодушие между правительством и народом именно тогда, когда сие единодушие бывает часто единственным средством к спасению *.

Остается одна система займов, которая может быть полезно употребляема в чрезвычайных обстоятельствах

Итак, в нынешнем положении больших европейских государств огромные расходы, вынужденные чрезвычайными обстоятельствами, не могут быть удовлетворены ни сокровищами, ни усиленными налогами. Налоги имеют свое назначение: они определены для обыкновенных издержек. Сокровищ собирать не должно; а единственное настоящее и неистощимое сокровище мудрых правителей есть система займов, основанная на прави-

---

* В сем деле доказательства исторические говорят громче всех теорических рассуждений. При Людовике XIV доходы Франции едва ли простирались до 75 000 000 фр., а одна война за испанское наследство стоила 2 577 873 863 фр. При Людовике XV, по исчислению Ганиля, откупщики и заимодавцы получили чистого барыша 1 182 582 617 фр. Каковы же должны были быть суммы, издержанные правительством? В том же самом царствовании налоги были доведены от 75 000 до 375 000 000 фр., и сии, усиленные в пять раз, подати так были малозначущи в сравнении с чрезвычайными расходами, что сбор большой части всех налогов был на десять лет вперед предоставлен заимодавцам. При Людовике XVI американская война стоила 1 576 000 000. Конвент и Директория издержали в течение семи лет не только все суммы, происшедшие от ограбления эмигрантов, духовенства, Голландии, Италии и самой Франции, но еще выпустили ассигнаций на ужасную сумму 48 000 000 000 фр. Наконец, при Людовике XVIII Франция, платившая уже 900 000 000 фр. податей, принуждена была еще уплатить союзникам в течение трех лет 1 300 000 000 фр., приняла на себя 600 000 000 запоздалого долга и определила целые 1 000 000 000 фр. на вознаграждение эмигрантов [11]. Ежели перейдем к английской истории, то числа не менее убедительны. Война испанского наследства [12] стоила Англии 88 307 907, а долг государственный не превышал еще тогда 52 145 361 ф. ст. В 1763 году, после Семилетней войны [13], сей долг возрос до 139 501 602 ф. ст. В течение 28 лет, при объявлении независимости Северной Америки[14], сей самый долг доходил до 268 100 379 ф. ст. С 1793 года до 1800 английское правительство заняло для войны еще 225 605 872 ф. ст.; и, наконец, в 1815 году, при окончательном замирении в Париже, государственный долг в Англии, то есть число, изображающее заемные капиталы, приобретенные правительством для поддержания разных войн с 1715 по 1815 год, простиралось до 961 000 000 ф. ст., или 23 064 000 000 рублей; а ежели отделить последнюю эпоху сих войн с 1793 года и исключить кратковременный Амиенский мир [15], то найдем, что в течение 20 лет, кроме податей обыкновенных, усиленных, старых и вновь введенных, Англия издерживала на военные расходы ежегодно около 900 000 000 рублей. Осмеливаемся спросить, какие сокровища и какие налоги могут представить возможность подобных выводов, и сии неоспоримые числа не суть ⟨ли⟩ лучшие доказательства слабости сих средств и могущества кредита? — *Прим. Орлова.*

лах государственного кредита. Все вышесказанное ясно доказывает, что кредит в самом высоком его смысле есть одна из главнейших необходимостей нашего времени.

Остановимся здесь и рассмотрим странное происхождение, непременные правила и удивительное могущество государственного кредита.

В прежние времена все займы правительств были основаны на началах частного кредита, то есть с предположением возвращения капитала

Государственный кредит родился от несостоятельности правительств. В прежние времена все займы государственные заключались на правилах частного кредита, то есть с условием о возвращения капитала. Премии, тонтины [16], лотереи, пожизненные уплаты — все сии изобретения нимало не переменяли настоящего существа заключенных займов. Иногда условия были совершаемы с меньшею невыгодою для правительств; большая же часть договоров была решительно в пользу одних заимодавцев. Сии последние пользовались всяким благоприятным для них случаем, и чем труднее были обстоятельства для правительств, тем более ростовщики возвышали свои требования. С своей стороны, некоторые правительства достигли до такой степени разврата, что у них банкрутство почиталось лучшим финансовым оборотом. Впрочем, алчность заимодавцев, позорная безнравственность правительств были непременными последствиями дурной системы займов. Во всех оборотах, во всех сделках государственный долг оставался всегда требовательным; ибо всегда возвращение капитала было первым и неизбежным условием всякого займа. При наступлении рокового платежного срока какое средство оставалось правительствам? Налоги? Но мы видели их бессилие для приобретения одних капиталов; как предполагать, чтоб они уплатили и капитал и проценты? Экономия? Но события не повинуются нашим соображениям, и часто время отдыха не дает. Новые займы? Но ежели они заключались на тех же правилах, то подвергали тем же последствиям.— Что ж делать и к чему прибегнуть? Ответ нелегок. С необходимостью бороться невозможно. Займы с возвращением капитала влекут за собою неминуемое банкрутство. Что бы правительство ни предпринимало, какие бы финансовые хитрости ни употребляло, рано или поздно оно подвергнется несостоятельности, и чем далее будет отклонять объявление оной, тем более собирает вокруг себя опасностей и бедствий. Главное дело не в том, чтоб отклонить на время сие объявление; оно неизбежно, как определение судьбы; но в том, чтоб успеть из несчастья извлечь пользу, из бедности богатство, из несостоятельности — государственный кредит.

Сие ложное основание влекло за собою неминуемое банкрутство

От угрожающего банкрутства родилась система государственного кредита

Ежели несостоятельность будет полная, совершенная, лишающая заимодавцев и капиталов и процентов, удел народа будет бесчестье, и кредит его надолго потерян. Но ежели, остановясь на крае бездны, правительство устрашится гибельных последствий полной несостоятельности, ежели оно, объявляя о невозможности возвратить капиталы, призовет к себе на помощь самих своих заимодавцев и, собрав последние свои силы, чрез вольное и непринужденное условие успеет заменить свои требовательные векселя обязательствами на уплату вечных процентов, в то же самое мгновение вся опасность, все бедствия исчезают, и на место ужасного банкрутства водворяется государственный кредит. Так, первое и главнейшее правило государственного кредита есть: заключение займов без возвращения капитала с платежом вечных и беспрерывных процентов. Сие-то самое обращение срочных долгов в долг бессрочный называется *отвердить* государственный долг, а вся масса новых обязательств правительства известна под именем *публичных фондов*, или беспрерывных процентов.

Неуплатимость займов, или отверждение долга, есть главное правило государственного кредита

Отверждение долга исполнилось с общего согласия и к общей выгоде заимодавца и занимателя

Когда заимодавцы, видев невозможность возвращения своих капиталов, решились променять оные на вечные проценты, то первое их старание, конечно, приложено было к тому, чтоб, по крайней мере, обеспечить навсегда получение сего дохода и таким образом сравнять до некоторой степени новые обязательства с достоинством недвижимого имения. Усилия их для достижения сей цели согласны совершенно с выгодами самих правительств. И в самом деле, правительства, избавившись от последствий банкрутства и получив, так сказать, новую жизнь чрез отверждение требовательного своего долга, должны были предвидеть, что они отвратили только опасности прошедшие, но не освободились от будущих затруднений, и что возрождающиеся нужды непременно заставят их прибегнуть к новым займам. В сем положении необходимость кредита и надежда занимать большие суммы без возвращения капитала дали им почувствовать, сколь важна для них всевозможная точность в уплате процентов. Итак, заимодавец и заниматель, одушевленные одним чувством и одними выгодами, приступили к достижению одной и той же цели; и первым последствием отверждения государственного долга было единодушное старание обеспечить уплату процентов.

Первое последствие отверждения было обеспечение уплаты процентов

Но самое сие обеспечение недостаточно для полного развития государственного кредита

Отверждение требовательного долга было бы еще слабым преимуществом для правительства, ежели б не найдено было средство распространить действие кредита и на будущие време-

на. Капиталист, согласившийся поневоле получать вечные проценты, сим одним условием не может быть приохочен к новым подобным пожертвованиям. По справедливости он находится в том же положении, как и заимодавец частного человека, взявший под залог имение и принужденный за неплатеж занятой суммы вступить сам во владение. Тут он так же получает вечные доходы с своего капитала; но надобно еще знать: расположен ли он был променять свою наличность на приобретенную недвижимость? Не нашел ли бы он лучшего средства употребить данные в заем суммы? Не имел ли он в виду каких-либо выгоднейших оборотов? Все сии обстоятельства действуют на расположение людей, владеющих денежным торгом, и могут поколебать в них охоту променивать капиталы на вечные проценты. В сем положении вещей произойдет одно из двух: или выгоды, предлагаемые от правительства при новых займах, будут слишком малы, и тогда никто не поддастся на его вызов; или сии выгоды будут весьма велики, и тогда должно ожидать двух бедственных последствий: 1) правительство обременится сверх сил своих уплатою тяжких процентов и 2) капиталы, кои оживляли все отрасли народной промышленности, не находя в сем помещении тех выгод, коими правительство старается их склонить к своему предложению при заключении новых займов, перейдут от благодетельного употребления в бесприбыльный оборот, то есть или кредита совсем не будет, или система кредита будет не хороша. Следственно, самая верная и точная уплата вечных процентов недостаточна еще для учреждения хорошей системы государственного кредита.

Для развития кредита необходимо дать векселям правительства такую силу, чтоб они могли отвечать в некоторых отношениях за наличные деньги

Что ж нужно еще для достижения желаемой цели? Надобно, чтоб обязательства правительства при отверждении старого долга и заключении новых займов были не мертвыми изображениями утраченного капитала, но истинным и живым заменением оного во всех больших оборотах торговых и финансовых, то есть чтоб векселя правительства не только приносили условленные проценты, но чтобы они отвечали в некоторых отношениях за настоящие деньги. Сие не может исполниться иначе, как посредством времени, искусственного принаровления векселей государственных к новому их употреблению и особливого постановления, известного под именем кассы погашения.

Сие может исполниться временем, разными постановлениями, из коих важнейшее есть касса погашения

Под словом время я разумею здесь опыт и привычку народа к действию государственного кредита. Нельзя требовать, чтоб все те, кои призваны к употреблению векселей вместо денег, понимали отвлеченности кредита; следственно, нельзя и надеяться,

чтоб новая система кредита была всеми принята с жадностью при самом ее появлении. Достаточно только, чтоб влияние оной мало-помалу распространялось, а сие распространение неминуемо, ибо оно проистекает от сущности предмета.

Время и опыт дадут векселям правительства способ к свободному обращению и определят неминуемо их ценность и достоинство

И в самом деле, положим, что по старой привычке, по закоснелому предубеждению к так называемым положительным расчетам, общество предпочитает наличный капитал кредитному. Не менее того вечные проценты имеют свою какую-либо цену, и сия цена, как все ценности на свете, будет стремиться к достижению настоящего своего достоинства. Обладатели векселей государственных будут стараться употреблять их или при покупке недвижимости, или при уплате долгов, вообще при всех расчетах с частными людьми, а особливо с правительством. С другой стороны, самые враги кредита могут сделаться владельцами кредитных денег по наследству, по приданому, по уплате долга, словом, по таким обстоятельствам, которые насильственно победят их предубеждение. Все сии обстоятельства должны непременно определить курс государственных обязательств. Сверх того люди, занимающиеся денежным торгом и пускающие свои капиталы в торговый оборот, то есть спекуляторы, скоро увидят, что им выгоднее ожидать удобного случая, имея в распоряжении своем сумму, приносящую проценты, чем мертвое сокровище. Под влиянием сей уверенности они будут скупать и приобретать государственные векселя, и коль скоро сие действие обнаружится, то ценность бумаг возвысится и обращение их сделается общим.— Все сии обстоятельства показывают, что рано или поздно векселя государственные должны непременно и по существу самой вещи взойти в общее обращение.

Действие времени можно ускорить особенными постановлениями

Сия цель тем скорее будет достигнута, чем более правительство приложит старания для уничтожения всех препятствий введением вспомогательных средств. Между сими последними главнейшие суть следующие: 1) векселя [17] должны быть так соображены, чтоб они могли переходить из рук в руки по одному словесному договору, без надписи, а особливо без всякого судопроизводства; 2) для лучшего и удобнейшего соображения продавцов и покупателей векселей должны быть устроены особые помещения, называемые биржами, где торг обязательств мог бы производиться в известное время и на известных правилах; 3) для присмотра за сим торгом и отвращением обманов нужен особенный класс, не чиновников, а присяжных и ответственных людей, класс, известный под именем нотариев, маклеров и курсовых агентов, коих занятия должны быть без жалованья, но

прибыльные от числа самих оборотов, и отдаваться не иначе, как с представлением достаточного залога; 4) отнюдь не налагать никакой подати на торг векселями, дабы в сем смысле он имел явное преимущество над всеми другими торговыми оборотами, и сию выгоду распространить на перевод сумм из города в город посредством почтовой пересылки; 5) расчет процентам делать не только за год или за полгода, но за каждый месяц, за каждый день, и для сего определить несколько платежных сроков, в кои уплата процентов производилась бы в открытом заседании, дабы все те, кои покупают государственные векселя, знали, что капиталы их не остаются ни одного дня без приращения; и, наконец, 6) учреждение кассы погашения — мера столь важная сама по себе и по своим последствиям, что требует особенного и подробного изложения.

Касса погашения по важности своего действия требует особенного исследования

Положим, что правительство посредством вышесказанных мер получило способность занимать большие капиталы без возвращения оных и что векселя его изобилуют на бирже и в торговых оборотах; от сего не следует еще, что сии векселя ходят наравне с наличными деньгами. Как все другие предметы продажи, их ценность определяется не только внутренним или условным их достоинством, но также и количеством оных в продаже, то есть: чем более будет продажных векселей на бирже, тем дешевле за них будут давать, и наоборот. А так как сии торги производятся ежедневно, то и курс векселей будет ежедневный.

Курс векселей государственных подвержен возвышению и падению, как все прочие ценности

От сего непостоянства вексельного государственного курса рождается так называемая биржевая игра, которая есть не что иное, как расчет спекуляторов в покупке или продаже обязательств правительства. Сия игра весьма важна сама по себе, ибо никакое другое соображение при счастии или несчастии не может дать подобных выводов. Заимодавец, употребляющий свои деньги вернейшим образом, может в несколько лет удвоить свои капиталы, но биржевой игрок, получая со своих ежедневно дробный процент, может в то же время их удесятерить, и сие обогащение тем более будет вероподобно, чем более курс государственных обязательств будет низок и шаток.

От непостоянства курса рождается биржевая игра

Посему-то все покупатели государственных векселей будут стараться сколь возможно понизить цену сих обязательств, а все продавцы искать средства продавать их выгоднее; но в числе сих последних будут люди, имеющие крайнюю нужду продавать, тогда как в числе первых ни один покупатель до крайности приведен быть не может. Следственно, покупатели будут непременно иметь верх на

Биржевая игра, по существу своему, влечет за собою падение государственных векселей

бирже, и векселя государственные, по естеству своему, должны клониться к упадку.

Биржевая игра столь же опасна, сколь она привлекательна — почему не все обладатели государственных векселей ею занимаются

Однако же не все обладатели государственных векселей решатся на биржевую игру, ибо сия игра столь же опасна, сколь она приманчива.— Успех и неудача зависят часто не только от соображений, решительности и твердости игрока, но также от множества непредвиденных обстоятельств. Курс векселей не всегда во власти капиталистов; и для спекуляторов дело состоит не в одной простой покупке на упадок, но также и в продаже при возвышении. Капиталист, употребивший свои деньги на государственные векселя, переходит сам в число продавцов и подвергается всем неудобствам продажи; и ежели многие любимцы фортуны умели сею опасною игрою составить себе огромное состояние, не менее несчастных, кои чрез нее дошли до нищеты. Итак, неудивительно, что находятся благоразумные люди, которые предпочитают верный и постоянный доход с своих векселей беспрестанной продаже и покупке оных.

Заимодавцы правительства разделением своим на два класса, на биржевых игроков и на простых владельцев векселями (renties), определяют также два разряда фондов

От сего разделения государственных кредиторов на два класса сами векселя разделяются на два разряда. Первый, остающийся почти без перемены в руках владельцев, редко подвергается биржевой игре и называется постоянною частью фондов. Другой, напротив того, ежедневно покупается и продается и часто в один и тот же день с прибылью или убылью переходит через руки нескольких владельцев. Сей разряд называется переходной частью фондов. Само собою разумеется, что одна сия последняя часть определяет курс всего государственного долга, и следственно, полагая, что вся сумма обязательств остается одинаковою, чем более умножается переходная часть фондов, тем более приносится на биржу государственных обязательств и тем более можно предвидеть упадок оных. Из сего ясно, что всякий новый заем, прибавляя переходную часть фондов, должен необходимо действовать на понижение курса всей массы государственных векселей.

Постоянная часть фондов не имеет никакого влияния на курс, который зависит от переходной части оных (parties fixes et flotantes de la rente)

Всякий новый заем прибавляет переходную часть фондов и тем самым понижает курс

Сие понижение может произойти не только от заключенного займа, но даже от одного объявления, от самого подозрения о новом займе

Но сего еще не довольно. Посмотрим, как заключаются новые займы. Коль скоро политические обстоятельства дают причину предвидеть, что правительство принуждено будет прибегнуть к новому займу, то все люди, намеревающиеся взять участие в сем обороте, заблаговременно начинают принимать свои меры. Те, кои располагают капиталами, перестают покупать государственные обязательства, надеясь, что скоро представится им случай выгоднейшего помещения своих денег; те же, кои уже владеют частью обязательств правительства, стараются их ско-

рее сбыть, дабы можно было им также явиться на новые торги. Отсюда происходит двоякая причина к упадку государственных векселей: первая оттого, что мало оных покупается; вторая оттого, что много их продается. Итак, всякий новый заем, не только при объявлении оного, но по одному вероятию и по одной возможности, должен непременно понижать курс и достоинство государственных бумаг.

Из всего сего мы вправе заключить, что, по естеству своему, государственные векселя должны непременно клониться к упадку без всякой другой причины, как через одно только употребление кредита. Сия неприятная истина должна была сильно поразить тех, коим поручено управление народами. Располагая огромными способами кредита, они не могли без опасения приметить, что сии способы день ото дня делаются слабее и что всякий новый заем возвратным своим действием потрясает все здание государственного долга в самых его основаниях. С другой стороны, не менее ужасало их постепенное прибавление сего долга; ибо сей долг, будучи, по естеству своему, вечным и возрастая не иначе, как посредством платежа вечных же процентов, угрожал народам в продолжение времени неминуемым банкрутством. В сем положении дела, соображая необходимость займов с непременным падением курса векселей и возрастающим цифром долга, правительства искали средства оградить себя от предвидимых пагубных последствий и после долгих и часто вредных опытов, коих изложение было бы здесь излишним, нашли один верный и самостоятельный способ: в учреждении кассы погашения.

Итак, в системе отвержденных долгов векселя правительства стремятся к падению тем более, чем более долг увеличивается, а употребление кредита делается опасным. Сей опасности должно противопоставить кассу погашения

В мнении изобретателей, касса погашения должна была в известное время погасить весь государственный долг. Для достижения сей цели предположено было устроить особенную комиссию, обязанную выкупать векселя по существующему курсу. Сия комиссия получает особенное учреждение и поставляется в независимость от всех посторонних влияний таким образом, что неприкосновенное существование и вольное действие оной почитаются коренными законами правительства. Часть государственных доходов определяется для составления капитала кассы, и сей доход поступает в вечное и неотъемлемое достояние погашения с тем, чтоб капитал и проценты употребляемы были не на что другое, как на покупку государственных векселей, кои в свою очередь, принося условленные росты, могли бы также обращены быть на подобное употребление.

Касса погашения учреждена была в предположении совершенного погашения государственного долга

В сем коротком изложении заключается вся первоначальная мысль учреждения кассы погашения. Франклин в своем заве-

Действие кассы погашения разочтено на свойстве усиленных процентов

щании и доктор Прейс в своих предложениях [18] руководствуются одним и тем же правилом. Все могущество погашения основано на простом арифметическом расчете и на усиленном действии процентов. В сем смысле можно утвердительно сказать, что малейшая капля погашения должна рано или поздно проточить огромную скалу государственного долга.

Чрез погашение отвержденный долг обращается в долг выкупной

Итак, посредством кассы погашения отвержденный безуплатный долг государственный обращается в долг выкупной. Сие преобразование есть первое последствие нового учреждения. Но как должны производиться выкупы государственных векселей? Сей вопрос разрешен был более опытом, чем теориею. Сначала действие погашения было неправильно. Выкупы векселей происходили или ежегодно или в несколько довольно отдаленных сроков и большими суммами. Но вскоре приметили, что сии выкупы одним разом и на большие суммы производили сильные потрясения в частных имуществах; что при приближении срока цена государственных векселей возрастала, и обращение оных останавливалось, а после выкупа определенной части остальные векселя подвергались новому упадку, и суммы, выпущенные кассою погашения, оставались часто без употребления. Сие насильственное возвышение курса и необходимый упадок оного вообще наносили кредиту на место помощи большой вред; но, к счастию, врачебный способ был близок от самой болезни. Комиссии было предписано разделить получаемые ею капиталы таким образом, чтоб она могла ежедневно и на равную сумму покупать государственные векселя, а дабы остальные ее капиталы не оставались без приращения, приказано было пускать их в банковое обращение.

Выкуп векселей правительства должен производиться ежедневно равными частями и по известным правилам

Таким образом все неудобства были отстранены, и ищущие сбыта государственных обязательств получили уверение, что они ежедневно найдут на бирже случай на известную сумму и непременно продать свои векселя. Сие распоряжение уничтожило до некоторой степени влияние капиталистов на курс, и нуждающиеся продавцы были несколько освобождены от ига покупщиков. Из сего следует: 1) что касса погашения действует на курс государственных кредитных бумаг точно так, как капиталист, играющий всегда на повышение, и 2) что покупая ежедневно публичные фонды и не продавая их никогда, погашение стремится к умножению постоянных фондов и к уменьшению переходной части оных, чем оно деятельно предупреждает упадок векселей и поддерживает все соображения государственного кредита.

Ежедневный выкуп векселей уничтожает до некоторой степени самовластие капиталистов на бирже

Погашение действует, как капиталист, играющий всегда на возвышение. Оно увеличивает постоянную часть фондов

В сей борьбе между частными капиталами, стремящимися почти всегда к понижению бумаг государственных, и между кассою погашения победа должна остаться на стороне сей последней. И в самом деле все частные капиталы, какого бы рода они ни были, более или менее клонятся к раздроблению; они имеют разные средства употребления и подвержены разным опасностям и неудачам; но капитал кассы погашения не должен иметь никакой другой цели, кроме покупки государственных векселей. Векселя, поступая в распоряжение погашения, не истребляются, но приносят проценты для новой покупки, и сие усиленное действие сперва неприметным, а потом быстрым своим ходом возвышает наконец кассу погашения на степень первого покупателя во всем государстве, коего силы и богатство, увеличиваясь ежедневно, должны со временем уничтожить соперничество всех частных биржевых игроков. Следственно, касса погашения не есть только капиталист, играющий на повышение, но еще богатейший из всех капиталистов и биржевых спекуляторов *.

Продолжительное его действие должно непременно победить все усилия капиталистов, играющих на падение

Действие кассы погашения, столь благодетельное в отношении к старому отвержденному государственному долгу, не менее удачно может примениться и к новым займам. Но для сего нужны особенные распоряжения. Всякий новый заем, заключенный на правилах государственного кредита, влечет за собою две необходимости: 1) определение ежегодного дохода для уплаты вечных беспрерывных процентов и 2) выпуск новых обязательств правительства на сумму, соразмерную с количеством займа. По всему тому, что выше изложено о достоинстве государственных обязательств, мы удостоверились, что сии векселя, без принятия особенных мер для поддержания их курса, клонятся к упадку, и сей упадок тем более будет неминуем и стремителен, чем значительнее занимаемый капитал. Следственно, все неудобства

Влияние кассы погашения на новые займы не менее благодетельно. Для достижения желаемой цели достаточно одного процента со всего капитала, чтоб дать всякому новому займу достоинство старого отвержденного долга

* Все сии соображения были оправданы успехом везде, где они были приведены в исполнение. Во Франции касса погашения получила постоянное и систематическое образование только в 1817 году, и капитал оной составился из 40 000 000 фр., определенных единовременно. Он ежегодно усиливался 16 000 000, происходящими от почтовых сборов, и 6 000 000, отделяемыми из государственной казны. В 1821 году погашение приобрело уж слишком 70 000 000 дохода, и французские 5%, кои продавались сперва за 54 фр., возвысились до 108 и 110 капитала. В Англии славный Питт, собрав в одну массу четыре суммы, отделенные на погашение лордом Стангопом, и присоединив к ним некоторые малозначащие экономии правительства и пожизненные уплаты, уничтожающиеся смертностью, дал кассе погашения столь сильное направление, что в 1825 году она имела 7 500 000 ф. ст. ежегодного дохода, то есть выкупила около пятой части всего английского долга. Здесь опыт совершенно согласен с теориею.— *Прим. Орлова.*

и опасности старого отвержденного долга, лишенного достаточного погашения, возрождаются при каждом новом займе. Для отвращения оных система погашения представляет самое простое и удобное средство. При нынешнем понятии о государственном кредите всякий новый заем не заключается иначе, как с принятием мер для поддержания курса новых обязательств. Сии меры состоят в том, чтоб всякий заем имел свое собственное погашение. Для сего правительство обязано не только обеспечить беспрепятственную уплату вечных процентов посредством налога или экономии, но уделить еще некоторую сумму для кассы погашения, дабы сия сумма, обращаясь на известных правилах и пользуясь равною неприкосновенностью с другими капиталами погашения, была залогом усиленного выкупа новых обязательств. Основываясь на математических расчетах, нашли, что при назначении 5 процентов один процент со всего капитала достаточен для успешного действия кассы погашения без излишнего обременения казны или народа. Сие распоряжение, изобретенное славным Питтом, довело систему кредита до возможного совершенства, представляя всем займам заранее все выгоды и преимущества отвержденного государственного долга.

Сии простые основания государственного кредита требуют некоторого развития

Таковы суть простые основания государственного кредита. Они заключаются в нескольких непременных правилах, а именно: 1) употреблять умеренные налоги не иначе, как на обыкновенные издержки; 2) удовлетворять чрезвычайные нужды посредством займов; 3) совершать займы с уплатою вечных процентов без возвращения капитала; 4) стараться давать векселям правительства вольное и удобное обращение и, наконец, 5) учредить кассу погашения с достаточным капиталом для уплаты процентов, для постепенного выкупа части векселей и поддержания курса всей массы государственных обязательств. Но изложение сих простых начал не достаточно для совершенного познания всей системы. Нам должно вникнуть подробнее во внутренний смысл сего важного предмета; ибо тогда только можем оценить в полной мере достоинство и могущество государственного кредита.

Уплатный и выкупной долг весьма различны между собою

В частном кредите долг уплачивается; в государственном кредите долг выкупается. Какая разница между уплатным и выкупным долгом? Весьма важная. В уплатном долге каждый срок уплаты капитала влечет за собою сильное волнение. Или сия уплата действительно исполняется, и тогда огромные капиталы, вторгаясь в обращение, переменяют внезапно ценность всех вещей и дают насильственное направление всем торговым

Уплатный долг наводняет рынки огромными капиталами, не имеющими никакого определенного употребления

оборотам, что никогда не может случиться без опасного воздействия; или сия уплата не совершается; и тогда все обороты промышленности останавливаются, и все ужасы несостоятельности мгновенно потрясают общество. В выкупном долге, напротив того, суммы, употребляемые на выкуп, переходят в руки людей, кои наперед знают, как оные употребить; сии суммы не наводняют внезапно все общественные рынки, но поступают в обращение постепенно, ежедневно, дробными частями, и разделяются непринужденно на столько капиталов, сколько их требуют земледелие, промышленность и торговля. Уплата капитала в срок слепа, как налог, и часто падает на того заимодавца, который не желает и не ищет оной. Выкуп, напротив того, разборчив, как заем, и выменивает только те векселя, которые сами ищут капиталов. Из сего следует, что уплата может исполниться не возвышая курса кредитных бумаг, ибо часто не касается нуждающихся заимодавцев; но выкуп, напротив того, всегда поддерживает курс, ибо он предупреждает предложения продавцов.

Выкупной долг, напротив того, пускает в обращение только те капиталы, коих употребление заранее известно

Из всего следует, что уплата долга остается без действия на курс государственных обязательств, а выкуп всегда поддерживает кредит правления

Система государственного кредита влечет за собою необходимость порядка во всех частях финансового управления. Когда все надежды правительства, во времена опасности, зависят от заемных капиталов, когда способность занимать основана на обязанности платить беспрерывные проценты, когда самая малейшая несостоятельность в уплате сих процентов может потрясти все здание кредита, уничтожить все средства преспеяния народного и поколебать все могущество целого государства, то устройство финансов делается первым предметом всех усилий и всей попечительности правления. Финансы соединены с кредитом самыми узкими связями. Вечные, беспрерывные проценты требуют определения и неприкосновенности некоторой части государственных доходов. Получение сих доходов не может быть верным иначе, как посредством хорошо обдуманного налога. Всякий налог более или менее зависит от всей системы налогов, а сия последняя от богатства народа, от успехов промышленности, от благосостояния всего общества. Таким образом от необходимости займов и обязанности платить вечные проценты рождаются отчетливость в средствах, умеренность в требованиях, правота в сношениях и порядок во всех частях финансового управления. Не входя в дальнейшие исследования сего предмета, можно утвердительно сказать, что ежели хорошая система налогов есть первое основание кредита, то употребление кредита есть побудительная причина к устройству системы налогов.

Система отвержденных долгов ведет к устройству финансов вообще. Сие устройство зависит паче всего от необходимости для правительства быть точным в уплате беспрерывных процентов

Государственный кредит есть огромное, неистощимое сокровище, но сокровище, не остающееся без пользы в погребах правительства, а составляющее богатство народное и всегда стремящееся к приращению

Государственный кредит не может ни под каким видом истощить средств народных. В самом деле, суммы, занимаемые правительством, не остаются в бездействии. Они разными путями переходят опять и очень скоро в руки народа, таким образом, что правительство служит только посредником денежного оборота между теми, кои поверяют ему свои капиталы, и теми, кои за сии самые капитаы продают свои услуги. Из сего следует, что занимаемые суммы всегда остаются в обращении или выходят из оного только на короткое время, и что источник займов никогда иссохнуть не может. Государственный кредит есть, в полном смысле, неистощимое сокровище, всегда готовое для всех чрезвычайных издержек, с тою однако же разницею, что сие сокровище, на место бесприбыльного накопления в погребах правительства, всегда остается в руках народа и беспрестанно умножается, удовлетворяя попеременно необходимые нужды государственные посредством займов и переходя опять через государственные издержки к полезному удовлетворению требований искусственности, земледелия и торговли *.

* Многие писатели и даже некоторые государственные люди различают долг внутренний от долга внешнего, полагая, что первый может быть столь же полезным, сколь второй вреден и опасен. Они основываются на следующих причинах: 1) расчет заимодавцев всегда бывает таков, что проценты более выберут денег, чем капиталы внесут оных. Отсюда убыль и истощение средств народных.— Это несправедливо. Капитал порождает проценты сам собою; следственно, те деньги, кои уплатою процентов переходят в руки иностранного заимодавца, суть не что иное, как избыточное произведение его собственного достояния. Не земля ваша, а капитал, положенный им в землю, приносит ему доход; 2) занимать на вечные проценты у иностранцев есть обременять отечество вечною данью.— Несправедливо, во-первых, потому, что вечных процентов нет, ибо касса погашения рано или поздно должна выкупить бóльшую часть займа; во-вторых, потому, что капитал, внесенный иностранцем, поставляет его в бóльшую зависимость от занимателя, чем заниматель в зависимости у него; 3) правительство тогда только может назваться сильным, когда народ, ему подвластный, богат и счастлив, а в сем последнем предположении нет нужды занимать у иностранцев, когда капиталы изобилуют в отечестве.— Справедливо, но не совсем. Могут быть обстоятельства, в коих заем капиталов, при самом избытке оных, невозможен, а именно: ежели сии капиталы находят внутреннее употребление, доставляющее более выгод, чем предложения правительства. В таком случае заем у иностранцев есть не только не вредный, но даже весьма полезный оборот. Впрочем, весь сей вопрос заключает, кажется, в себе мало важности. Или долг государственный подвержен падению, или курс его выгоден. В первом случае, какой бы он ни был, внутренний или внешний, опасность всё одна. Во втором случае, ежели курс фондов выгоден, то, конечно, часть иностранного долга перейдет в руки туземных капиталистов, а часть внутреннего — во владение иностранцев; из чего следует, что должно пещись не столько о том, в чьих руках находятся обязательства правительства, но

Государственный кредит умножает капиталы в обращении и, следственно, образует богатство народное

Но кредит не только не уменьшает, но еще увеличивает денежные капиталы. Сие умножение капиталов происходит от выпущения векселей государственных, заменяющих до некоторой степени во всех больших оборотах звонкую монету. Ежели капиталы заемные издержаны правительством в чужих краях, то они только заменены векселями во внутреннем обращении; но ежели сии суммы, так как это почти всегда случается, издержаны в самом государстве, то масса денежного народного капитала действительно увеличена на все количество выпущенных облигаций. При умножении капиталов все займы делаются удобнее и проценты клонятся к понижению; следственно, и само правительство, находя средство занимать с меньшими издержками и с меньшим трудом, действительно обогащается употреблением кредита. От сего мы и видим, что везде, где правила кредита укоренились, возвышение доходов государственных и свободнейшее взимание оных, развитие торговли и промышленности, преспеяние народное и могущество правительства возрастают почти наравне с долгом государственным; ибо, при точном соблюдении правил, сей долг не есть бремя, но богатство и для народа, и для правительства.

Государственный кредит дает правительству средство располагать огромнейшими капиталами, принуждая общество к самым умеренным пожертвованиям

Сие замечание весьма важно, ибо оно показывает, что государственный кредит заключает в себе некоторую жизненную силу, собственно ему принадлежащую и развивающуюся от одного своего употребления. Войдем подробнее в исследование сего предмета. Положим, что чрезвычайные обстоятельства поставляют какое-нибудь правительство в необходимость издерживать ежегодно лишние 100 000 000 рублей в течение пяти лет. В сем предположении употребление системы налогов лишает обращение 500 000 000 рублей; кредит, напротив того, ежели займы заключены будут по шести процентов, из коих один назначен для погашения, распоряжая тем же огромным капиталом, выбирает из обращения в течение пяти лет не более 90 000 000 рублей, то есть менее, нежели налог в первый год своего определения. Правда, остается уплата беспрерывных процентов, но сколько причин соединяются, чтобы облегчить сию тягость? 1) По принятому окладу один процент погашает весь долг в тече-

---

более, чтоб сии обязательства имели полное свое достоинство. Внешний и внутренний долги влекут за собою те же последствия, ибо и тот и другой равно всякий день подвержены биржевой игре и всем случайностям неудачи или счастия. По мнению нашему, в нынешнем положении просвещенных европейских народов всякий государственный долг должен образовать, так сказать, общую европейскую кредитивную монету.— *Прим. Орлова.*

ние 36 лет; 2) беспрерывные проценты уплачиваются из 400 000 000 рублей, которые остаются в обращении; 3) лишать народ разом больших капиталов значит умертвить всю промышленность, а взимать налоги процентные, соразмерные с капиталами, служит часто к поощрению деятельности; 4) возрастающая цена всех произведений может легко вознаградить убыток, происходящий от легкого налога, так что обязанность уплачивать 6 000 000 за проценты первого займа будет по истечении пяти лет почти нечувствительной для народа; 5) наконец, займы не всегда платятся налогами; одна бережливость в управлении государственными доходами часто достаточна, чтоб удовлетворить требование заимодавцев, без определения новой подати, тогда как в системе налогов капитал необходимо должен быть похищен из рук народа. Оценив достоинство всех сих причин, не трудно согласиться, что государственный кредит разрешает удовлетворительно затруднительнейшую из всех экономических задач, а именно: он дает действительно правительству средство располагать огромнейшими капиталами, принуждая общество к самым умеренным пожертвованиям.

В системе государственного кредита капитальный цифр не заслуживает никакого внимания; все же старания правительства должны быть обращены на понижение цифра процентного

Сие самое рассуждение ведет нас к другому, не менее важному заключению. Капитальный цифр государственного отвержденного долга сам по себе есть отвлеченное количество, необходимое для расчетов, но не заключающее в себе никакой существенной силы. Но цифр уплачиваемого беспрерывного процента есть положительное число, долженствующее обратить на себя все внимание государственных людей, потому что на сем цифре основываются обязанности правительства, соответствующий оным налог и самое действие кассы погашения. И в самом деле, при первом взгляде кажется, что в отношении старого отвержденного долга 200 000 000 капитала, платящие по 3%, совершенно равны 100 000 000, платящим 6%, ибо один и тот же налог достаточен для удовлетворения заимодавцев; но для употребления кредита в будущности разница весьма велика, ибо правительство, получающее двойной капитал за одинаковые проценты, вдвое богаче правительства, получающего за те же проценты половинную только сумму. Вот почему все усилия государственных людей должны стремиться к понижению цифра процентов, хотя бы с сим понижением сопряжено было повышение капитального цифра *.

* Самый разительный пример в доказательство сей истины мы выбираем из английской истории. В 1716 году государственный долг Англии заключался в тесных пределах 52 145 361, за кои платилось процентов

Государственный кредит имеет, однако же, свои границы. Злоупотребление кредита оказывается, когда уплата процентов делается невозможной или обременительною для народа

До сих пор мы представляли кредит в виде некоторой неограниченной силы, коей развитие не знает ни меры, ни преград. Пора сказать, что так, как все соображения человеческие, система кредита имеет свои пределы, и сии пределы означены точно и резко. Долг государственный должен быть соразмерен с силами государства, и при одной только сей соразмерности он может быть для народа источником могущества и богатства; но ежели от легкости займов родятся роскошь и беспечие, ежели расточительность возьмет место бережливости, ежели в мирное время и на обыкновенные расходы будут издерживать средства, предназначаемые для одних чрезвычайных случаев, то скоро участь кредитной системы будет подобна участи системы налогов, с тою разницей, что злоупотребление в налогах можно поправить употреблением кредита, злоупотребление кредита ничем исправиться не может. Сие несчастие постигает народ тогда, когда уплата процентов государственного долга сделается обременительною и невозможною, и сим самым определяются естественные границы государственного кредита.

Касса погашения, учрежденная для совершенного уничтожения государственного отвержденного долга, не в состоянии исполнить предначертание ее изобретателей, но, не менее того, польза, ею приносимая, несомненна

Что касается до кассы погашения, то сие учреждение, не взирая на все свои выгоды, имело и имеет еще много противников. Изобретатели погашения, увлеченные пристрастием к своему открытию, представили его как некое общецелительное средство против всех припадков государственной расточительности; и так как их выводы основаны были на чистых математических выкладках, то все те, кои не знают различия между простыми отвлеченными расчетами и политической прикладной арифметикою, приняли за неоспоримую истину, что касса погашения должна непременно погасить государственный долг. Время однако же не доказало справедливости их мечтания. Касса погашения при всей своей деятельности нигде не погасила еще государственного долга, и всякий раз, что правительства хотели приступать к погашению, они находили или препятствия, или способ выгоднейшего употребления капиталов. От сего противники

3 351 357 ф. ст., то есть около 6,5%. В 1763 году отвержденный долг увеличился почти в три раза и простирался до 139 501 602, но беспрерывные проценты старанием правительства были убавлены до 3,5%, и народ платил не более 4 681 146 ф. ст. Итак, Англия пожертвованием 1 329 789 ежегодной подати приобрела 87 356 241 ф. ст., посредством коих она привела к окончанию три войны, утвердила попеременно падающие троны Марии Терезии и Фридерика II, основала свое владычество в Индии, завоевала Канаду и заняла место первой морской державы в свете. Таковы суть последствия хорошо обдуманной системы финансов и постоянного стремления к понижению процентного цифра.— *Прим. Орлова.*

системы погашения начали торжествовать, называя ее пустым вымыслом, фантасмагориею, средством, изобретенным единственно для того, чтоб ослепить народ и скрыть пред ним ошибки и гибельную роскошь правительства. И те и другие равно не справедливы. Точно, касса погашения не в состоянии при нынешнем положении политических сношений погасить долга государственного; точно, она не достигает цели своего названия и своего первоначального учреждения; но тем не менее того благое влияние кассы погашения огромно; деятельность ее выкупов способствует неограниченно благосостоянию народов, и предмет, вполне ею выполняемый, не только не уступает важностью своею самому погашению долга, но превышает его и положительностию и полезностью своих последствий.

Касса погашения действует согласно со всеми изменениями курса государственных обязательств. При благоприятных обстоятельствах действие сие укрощается. При упадке курса, напротив того, сила погашения увеличивается

Само собою разумеется, что сила кассы погашения зависит, во-первых, от оклада процентов и, во-вторых, от существующего курса государственных обязательств. С одной стороны, чем выше оклад процентов, тем более касса имеет доходов и, следственно, способов для выкупа. С другой, чем ниже курс обязательств, тем дешевле они приобретаются кассою, тем в большем количестве они поступают в ее владение. Итак, частные выгоды кассы погашения совершенно противны выгодам государства, которого кредит тогда только процветает, когда займы его совершаются без лишних пожертвований и обязательства его пользуются общим доверием. Но сия противуположность не только не служит ко вреду кассы погашения, но доказывает, какое удивительное согласие существует между системою погашения и системою кредита. И в самом деле, чем тверже основан государственный кредит, чем выгоднее заключаются займы, чем слабее оклад процентов, чем возвышеннее курс народных обязательств, тем скромнее действие погашения; но коль скоро сей курс начинает понижаться, коль скоро займы заключаются с убытком, действие погашения приобретает новые силы и стремится к восстановлению равновесия, подавая кредиту не слепую и грубую помощь, но согласуясь всегда с настоящими его нуждами и соразмеряя подкрепление со всеми изменениями и переворотами курса, так что погашение делается необходимым и неразрывным дополнением самого кредита.

Касса погашения не может и не должна совершить вполне выкуп государственного долга

Сия тесная связь между кредитом и погашением переменяет весь вопрос об уничтожении долга государственного. Касса погашения, возвышая курс обязательств, действует непосредственно против своих собственных выгод. Когда она довела сей курс до именовательной своей ценности, так что за 100 рублей век-

сельных будут платить 100 рублей наличности, то она очевидно исполнила все, что должна была исполнить. Продолжая далее свое действие, она может возвысить сию ценность векселей сверх их именовательного достоинства; но тогда всякий выкуп есть не что иное, как ложный расчет и вредное употребление капиталов погашения. Сего недовольно: не только расчет будет ложен, но и самое действие кассы погашения будет слабее и продолжительнее. Положим, что 100 руб. вексельного капитала будут продаваться за 200 руб. монетою. Не ясно ли, что таковое повышение государственных обязательств отвечает совершенно уменьшению на половину капиталов погашения? Не ясно ли, что при уменьшении на половину капиталов кассы погашения сия последняя будет действовать вдвое медленнее и слабее; так что тот же долг, который мог бы погаситься в 30 лет, требует уже 60-летнего времени для своего уничтожения? Но где искать в истории 60 лет беспрерывного мира и спокойствия, 60 лет неизменяемой мудрости в управлении, 60 лет умеренности и постоянно счастливых обстоятельств? Таковое утопическое предположение было бы не согласно с опытом всех времен и показанием всех событий. Погашение, требующее столь долгой отсрочки, исполниться не может; ибо прежде, нежели протечет половина необходимого времени для освобождения народа от долга, внезапные обстоятельства принудят сей народ к новым пожертвованиям и к новым займам, отсрочивая погашение до будущих времен, которые принесут с собой те же препятствия и ту же невозможность. Итак, невзирая на всю точность математических расчетов, в нынешнем положении политических сношений касса погашения не может погасить государственного долга, потому что по мере погашения старых долгов новые родятся от необходимости употребления кредита.

Настоящее назначение кассы погашения есть: 1) поддержание кредита; 2) уменьшение процентного цифра; 3) облегчение налогов. Сии два последние предложения требуют пояснения

Правда, увеличив капиталы погашения, можно сократить время выкупа. Но где полезность сего соображения? Сие умножение не требует ли новых пожертвований от народа? И для чего? Для того, чтоб погасить долг государственный, который, будучи заключен в границах умеренности, есть не бремя, а богатство? Для того, чтоб насильственно выбрать из обращения вексельные капиталы, которые все имели свое полезное употребление? Для того, чтоб частные капиталы, находившие выгодное помещение в государственных фондах, лежали без роста или перешли в чужие края и тем разрушили на будущие времена все пособия и средства? Нет; уничтожение государственного долга посредством погашения может быть предметом размышлений для

людей, занимающихся отвлеченностями политической экономии; но те, которые, упражняясь в государственных делах, привыкли подчинять все расчеты теорические существенным пользам народа, будут уметь лучше оценить настоящее достоинство кассы погашения. В их мыслях, она предназначена не для того, чтоб умертвить кредит, но для поддержания и отверждения оного, что нами довольно ясно было уже доказано, и сверх того для понижения процентного цифра и для облегчения налогов, что нам остается доказать.

Понижение процентов совершается уплатою прежнего долга новым займом

Понижение процентов есть оборот, весьма выгодный для общества. Когда усиленным действием погашения курс государственных обязательств сравняется и даже начинает превышать именовательную ценность оных, то сие явление есть очевидное доказательство, что оклад процентов вообще понизился и что новый заем может совершиться с меньшими для казны убытками. Правительство не должно упускать сего благоприятного случая для облегчения народа и поддержания собственного своего кредита. Положим, что долг простирается до 100 000 000, занятых в трудные времена по 7%. Народ для уплаты процентов и для погашения должен взносить 8 000 000 ежегодно. Но ежели правительство может занять по 4% и обнародует, что оно намерено сполна заплатить свой прежний долг, то налоги, необходимые на уплату процентов и на погашение, не будут превышать 5 000 000; следственно, одним сим оборотом правительство может снять 3 000 000 ежегодных податей, и столь значительное облегчение не мало будет полезно всем отраслям промышленности. Сей оборот не соединен обыкновенно ни с какими затруднениями. Во всех местах, где правительства были в состоянии предложить уплату старого долга посредством нового выгоднейшего займа, нигде заимодавцы не допускали до совершения сего займа и не требовали уплаты, а сами соглашались на понижение процента и сохраняли свои прежние обязательства. Таким образом, первым истоком для преизобилующих сил кассы погашения определяется понижение процентов, оборот, равно полезный для народа, для правительства и для самих заимодавцев; ибо все, что поддерживает кредит выгодно кредиторам.

Касса погашения возвратным своим действием дает правительству чрез так называемую разницу погашения средство убавлять налоги и время обдумывать сие убавление

Но сие употребление избытков кассы погашения имеет также свои границы. Когда проценты доведены до 3, то есть до той степени, ниже которой и трудно вообразить займы капиталов, когда новые сии 3% постоянным выкупом доходят до равенства с именовательною своею ценностью, то снова рождается избыток в капиталах погашения, и снова надобно искать сему избыт-

ку полезнейшего употребления. При первом взгляде казалось бы, что справедливость требует уничтожения тех самых налогов, которые были учреждены для уплаты вечных процентов. Но в государственных делах сама справедливость иногда подчинена пользе народной. Всякий налог порождает некоторый круг деятельности и делается средоточием разных частных расчетов и предприятий, искусственных и торговых. Уничтожить налог, возъимевший все свое действие на промышленность, может быть не только средстом мало облегчительным, но часто разорительным для народа. От сего принято правилом не уничтожать налогов, введенных уже в употребление, иначе, как с величайшею осмотрительностию, и в сем уничтожении руководствоваться избранием не тех податей, которые следовало бы снять по одному слепому соотношению времени и давности, но тех, кои истинно обременительны для народа. На сем рассуждении основано второе и важнейшее употребление избытков кассы погашения. Коль скоро проценты всего государственного долга доведены до возможного понижения, то правительство может определить, какой капитал нужен погашению для поддержания курса своих обязательств. Ежели, по определению сего капитала, касса погашения владеет еще значительными доходами, то сии избыточные доходы, называющиеся разницею погашения, поступают на облегчение налогов. В сем положении кредита касса погашения действует не только на возвышение курса, но непосредственно на все первые источники богатства и преспеяния народного, возвращая постепенно обществу те суммы, коими оно некогда жертвовало для утверждения своей славы, силы и независимости *.

* Все, что нами изложено, подтверждается событиями и примерами. Истории Англии, Франции, Голландии и Соединенных Американских Штатов могут попеременно служить доказательством всех наших рассуждений. Показав, как кредит посредством займов ограждает внешнюю безопасность и развивает внутреннее благосостояние народов, нам следовало также показать, как чрез разницу погашения заемные капиталы могут возвратиться к своему источнику и облегчить систему налогов. По сих пор опыт всех времен согласен с нашею теориею, и Англия, которая с 1815 по 1824 год потребила разницу своего погашения на уничтожение около 100 000 000 рублей ежегодных податей, доказала всему свету, что и сие возвратное действие кредита не есть одна только умозрительная догадка. Но мы не смеем утверждать с некоторыми государственными людьми, что касса погашения есть огромное народное сокровище, готовое средство для оживления всех патриотических усилий в опасностях отечества. Сколь сия мысль ни утешительна, сколь она ни кажется естественной, сколь она ни согласна вообще с тем высоким мнением, которое мы имеем о государственном кредите вообще и о кассе погашения, мы не хотим, однако, утверждать того, что не доказано на самом деле, и выдавать за неоспоримую исти-

Государственный кредит не есть детище переворотов, но, напротив того, он друг мира и спокойствия

Излагая систему государственного кредита, мы старались всеми силами отстранить вопросы, касающиеся не столько до кредита, сколько до политики внешней и внутренней. По нашему мнению, сии вопросы более затмевают, чем поясняют настоящее понятие о кредите. Но противники кредита не преминут употребить в свою пользу сие воздержание. Они давно уже называют кредит детищем переворотов и присоединяют его к числу тех мыслей, на которые без разбора стараются наложить печать проклятия и отвержения. Мы полагаем, напротив того, что сие мнение о кредите совершенно ошибочно, что он не только не потрясает общественного порядка, но утверждает все государственные постановления и служит залогом как внешней безопасности, так и внутреннего спокойствия. От того, что кредит утвердился в Голландии, Англии и Франции после ужаснейших переворотов, не следует еще, что он без переворотов существовать не может. От того, что он был изобретен там, где вольность прений дает более игры воображению и более смелости слову, не следует еще, что после его изобретения другие правительства не могли воспользоваться вполне его благодетельными последствиями. Мы охотно признаем, что некоторая степень вольности дает кредитным постановлениям много постоянства и твердости; но мы уверены также, что самодержавие, соединенное с просвещением, не есть препятствие для учреждения сих постановлений, и сия истина так неоспорима, что часто в истории мы видим, как народы, пользующиеся всеми законными вольностями, страдают и погибают от расточения своих богатств и как самодержавные правительства приобретают доверие, честь и славу постоянным соблюдением кредитных правил. Друг мира и рассудка, кредит равно ненавидит необузданность своеволия и капризы тиранов, равно исчезает пред бессмысленным законом вольных римлян о разделении полей и пред ужасным обычаем, уничтожающим право наследства в деспотической Турецкой империи. Везде, где собственность ограждена законами, где порождаются богатства и находят неприкосновенность и покров, везде кредит может основаться и процветать в соразмерности с самыми сими богатствами. Что Бентам сказал о законах вообще [19], может быть удачно применено к постановлениям кредита. Правила его, как хорошие уложения, не зависят непосредственно от

ну такое предположение, которое нигде и никогда еще испытано не было. Время и опыт нам докажут, могут ли когда-нибудь капиталы кассы погашения быть употреблены, без потрясения самого кредита, как огромное сокровище на место новых займов? До сих пор сей важный вопрос остается еще нерешенным.— *Прим. Орлова.*

образа правления и могут с некоторыми изменениями приняты быть всеми народами, под каким бы правительством они ни существовали, с тем только условием, чтоб сие правительство умело оценить всю важность народного просвещения и чтоб оно уверено было, что сие просвещение отнюдь не вредит его собственным выгодам, могуществу и славе.

Преспеяние народа может быть случайным или обдуманным

Все народы, известные в истории, имели свою отличительную эпоху преспеяния. Сие преспеяние было иногда плодом мудрых соображений правительства; чаще оно было только последствием счастливых обстоятельств. Отсюда проистекает необходимость различать в истории случайное преспеяние народов от преспеяния обдуманного.

Случайное преспеяние есть последствие счастливых обстоятельств, не зависимых от наших соображений

Преспеяние случайное происходит от стечения непредвидимых обстоятельств, часто маловажных при первом взгляде и всегда не зависимых от нашей воли и наших соображений. Действие его иногда столь сильно, что оно торжествует над всеми преградами, положенными или предрассудками самого народа или невежеством правителей. Так, появление великого мужа, что есть не что иное, как счастливый случай, обязанность принять отчаянные меры для сохранения независимости и самого существования, что есть истинное несчастие, вступление в теснейшие сношения с народом более просвещенным, открытие неизвестной земли заблудившимся кораблем, деятельность торговая, вдруг возбужденная требованиями и воздействием чужестранцев, наконец, открытие, часто самое пустое, по мнению современников, например соление сельдей в Голландии,— все может сделаться для народа началом случайного преспеяния. Таковые причины могут долго скрываться от всех взоров и не менее того действовать на успехи общего просвещения и благосостояния. Но когда действие оных начнет обнаруживаться на всей массе народа, то вдруг какая-то необычайная сила проникает общество, дает ему новую жизнь. К чему бы ни обратилась сия рождающаяся деятельность, к предприятиям ли воинским, или к мирным занятиям торговли, искусств и наук, всегда и почти без усилий успех следует за нею, и часто все пути богатства, славы и могущества вместе открываются пред юным народом. Счастливая эпоха! в которой все перемены легки, все улучшения возможны!

Время случайного преспеяния есть время ошибок и заблуждений

К несчастию народов и правительств, время успехов и славы редко бывает временем предусмотрительности и мудрости. Чем менее мы приготовлены к счастию, тем менее умеем пользоваться им без злоупотребления. Сии блестящие эпохи заклю-

чают обыкновенно в себе зародыш будущих злополучий, когда по быстрому ходу случайного преспеяния частные неудачи исправляются почти сами собой, ошибки правителей остаются ненаказанными и влекут за собою новые ошибки. Таким образом подати, легко взимаемые, налагаются без разбора и без меры. Займы заключаются без соображения и без системы. Все расчеты внутренней и внешней политики подчинены внушениям честолюбивых страстей. Надобно утвердиться на той степени, на которую счастие возвысило; надобно, чтобы величие народа отражалось в великолепии наружности; надобно сохранить влияние над другими державами и поддержать свое достоинство. Под сими и подобными им предлогами предприятие следует за предприятием, расход за расходом, пожертвование за пожертованием, и до тех пор, пока счастливые обстоятельства довольно сильны, чтоб бороться с увлечениями расточительности и ошибками политики, успех также следует за успехом и ложный блеск преходящей славы ослепляет и народ и правителей.

Случайное преспеяние не может быть постоянным, ибо оно основано на причинах преходящих

Но наконец приходит время, где счастие отводит свою могущую руку, и тогда является нам новое зрелище. После долгих злоупотреблений источники богатства обедняли и иссохли. Всеобщее негодование заняло место всеобщего упоения. Всякий новый налог приносит убыток в прежних податях. Народ платит дурно; скоро он совсем платить не будет; усилия истощили силу. Напрасно правительство будет прибегать к односторонним мерам и принудительным средствам. И те и другие бессильны против изнеможения общества; они должны сокрушиться пред ропотом или нищетою подданных. По мере как счастливые обстоятельства отклоняются, здание народного величия, на них одних основанное, со всех сторон угрожает падением, и старая система правления, без соображения, без предусмотрительности, становится жертвою своего собственного беспечия. Следуя обыкновенному влечению событий, несчастие постигает народ, лишенный всякой защиты и которому не остается другой участи, как погибнуть смертию древних народов или впасть в политическое ничтожество, как Испания, или возродиться в ужасах судорожного переворота, наподобие Англии и Франции. Такова участь случайного преспеяния всегда и везде, где одно только счастие призывает народы к исторической известности *.

Обдуманное преспеяние основано на просвещении

Но преспеяние, обдуманное и основанное на соображениях, имеет другой ход и другие последствия. Единственное и непре-

* Весьма ошибаются те, кои думают, что случайное преспеяние может продолжительностью своею заменить недостаток правил и обдуманной си-

менное условие сего преспеяния есть просвещение. В сем одном слове, принятом в самом обширном его значении, заключается вся разность между двумя преспеяниями и, следственно, вся судьба правительств и народов.

Просвещение древних народов было неполное и одностороннее

Истинное просвещение принадлежит новейшим временам. Древние народы, до какой бы степени образованности они ни доходили, не могут назваться просвещенными. Их образованность была, так сказать, односторонняя и всегда ограниченная какими-либо предрассудками, тогда как отличительная черта нашего просвещения есть беспредельное усовершенствование рода человеческого. В древности просвещение зависело единственно от законов, а сочинение законов препоручалось почти всегда одному человеку. Всякий городок имел своего мудреца, который выдавал умствования свои за непреложные истины, сочинял уложения для своего отечества и часто силою принуждал своих сограждан повиноваться его законодательным вымыслам. Все они хотели с одного раза, так сказать, бросить в форму и вылить из меди целый народ со всеми его судьбами, не обращая внима-

---

стемы правления. Откройте историю, и самое простое сравнение эпох и чисел выведет вас из заблуждения. Вы ужаснетесь, когда увидите, что сии блестящие времена жизни целых народов едва равняются жизни одного поколения. Слава персов начинается и кончается Киром. Преспеяние Афин простирается от Саламин до Эгос-Потамос [20], Спарты — от Фермопил до Левктры [21]. Жизнь Эпаминонда [22] и Пелопида [23] составляет весь златой век Фивов. Блистательная эпоха Македонии продолжается только от Херонейского сражения до пожара Персеполиса [24]. Царствование Селевка в Сирии, трех Птолемеев в Египте, Мифридата в Понте [25] заключают в себе каждое едва полвека благоденствия. Ежели истории Карфагена и особливо древнего Рима кажутся изменениями сего общего правила, то сие зависело для первого от обладания всеобщею торговлею, а для второго от сильных учреждений, им управлявших, и той же торговли, похищенной у его соперницы, то есть: от обстоятельств, кои по существу своему принадлежат более к обдуманному преспеянию, чем к случайному. Переходя к средним векам, мы погружаемся в хаос событий, коими вполне управляет слепой случай и где шаткость последствий отвечает совершенно непостоянству начал. В сем длинном историческом периоде одно только существование Венеции и духовное владычество Рима достойны примечания; но Венеция, в строгом смысле слова, наследовала торговлю Карфагена, а духовный Рим основал свое величие на глубокой своей политике и на закоснелых предрассудках народов. Преспеяние сих двух государств должно было продлиться до тех пор, пока Венеция не нашла соперников на торжищах вселенной и пока постепенное просвещение не разогнало в Европе тьму невежества. Что же касается до турков, то их история составляет истинное исключение. Их успехи принадлежат, без всякого сомнения, к преспеянию случайному, и не менее того они были весьма продолжительны. Но счастие сделало для них более, нежели для какого-либо другого народа. Трон Оттоманов в течение 250 лет украшен был 13 султанами, из коих каждый мо-

ния ни на течение времени, ни на изменение обстоятельств и мыслей; они входили в дела семейственные, на место того, чтоб заниматься политическими учреждениями; отнимали у религии ее право исправлять пороки, вместо того, чтоб преследовать одни только преступления, кои суть порок в действии; смешивали всегда человека в одиночестве с человеком в обществе и требовали от сограждан своих столь совершенной нравственности и столь высокой добродетели, что с сими качествами люди не имели бы никакой нужды в законах, ни в уложениях, ни в умствованиях своих законодателей. Все сии мнимые мудрецы искали для своего отечества славы и силы ложными дорогами, слепо отвергали вернейшие средства к достижению оных. Красноречие, искусства, а всего более богатство были попеременно предметом их гонений, и беспрестанные утопические бредни или бесконечные жалобы на разврат нравов и на успехи роскоши заменяли у них недостаток соображений и познаний государственных. Что же из сего вышло? Народы, воспитанные в ненависти к всем источникам истинного преспеяния, заключенные в тесных физических и умственных границах волею своих законодателей, гнушающиеся и торговлею и искусствами, приговоренные систематически к вечной бедности, переходили из уз варварства в пелены полупросвещения и не могли ни пользоваться счастием, с коим не умели управляться, ни бороться с несчастием, против которого они были слишком слабы *.

жет быть признан за великого человека; и однако же до какого варварства, до какого уничижения они достигли в наши времена? Впрочем, сей пример, единственный в истории, доказывает, что ежели счастие иногда отступает от обыкновенного своего хода и дает некоторое постоянство случайному преспеянию, самые богатые его дары недостаточны, чтоб воздвигнуть на твердом основании благоденствие народов. В новые времена разительнейший из всех примеров находится в истории Испании. Случай подарил Испании целую полвселенную в то самое время, когда она уже владела третьею частию просвещенной Европы, когда армия ее была первою в мире, когда флоты ее господствовали на всех морях, когда торговля ее обнимала весь известный свет, когда литература ее и язык были всеобщим языком и всеобщею литературою. Какое собрание благоприятных обстоятельств! Однако же блистательная эпоха испанской истории непродолжительна. Она начинается победою при Павии и кончается сражением при С⟨а⟩нт Кентине [26], заключая в себе не более 32 лет. После Вестфальского мира [27] участь всей Европы переменяется. Здесь случайность начинает уступать действию соображений, и определение начал требует долгих изысканий и строгой критики. В следующей части мы постараемся подробным разбором финансов Франции и Англии доказать, что и теперь одни и те же причины влекут за собою одинаковые последствия.— *Прим. Орлова.*

* Просвещение в древности было уделом греков и римлян. О Египте мы слишком мало знаем. О других древних народах нечего и гово-

Нынешнее просвещение, коего начало скрывается, может быть, в самом начале христианства, сделалось явственным и, так сказать, ощутительным для всех со времен Вестфальского мира. Кто его изобрел? Никто. Кто споспешествовал водворению оного в Европе? Все великие люди древних и новых времен, все великие истины, до сих пор постигнутые умом человеческим. Основанное на правилах, испытанных всеми народами и всеми веками, новое просвещение быстро распространяется чрез книгопечатание, изучение иностранных языков и ежедневное сообщение всех людей между собою. Пред ним все предрассудки исчезают один за другим; все науки, все искусства процветают или стремятся к процветанию; всякое новое открытие делается всеобщим достоянием рода человеческого; всякая новая истина проницает до глубины нашего политического быта, входит в наши обычаи и нравы и составляет после некоторого времени особенный род нравственной необходимости. На поприще словесности, наук, художеств и торговли является дух сообщничества, соединяющий

Нынешнее просвещение имеет в виду усовершенствование всего рода человеческого. Оно стремится к умножению общего довольства посредством быстрого обмена мыслей и произведений между народами

рить. История Греции подтверждает все, нами сказанное; история Рима есть исключение. Мы привыкли с младенчества почитать имена Солона и Ликурга. Но можно ли по справедливости приписывать могущество и славу, приобретаемые богатствами и торговлею, соображениям тех самых, кои употребили все свои усилия, чтоб уронить торговлю и истребить богатства? Тот, кто желает узнать истинные причины кратковременного величия Афин и Спарты, не должен их искать ни в тяжелой железной монете, ни в славной черной похлебке [28], ни в бестолковом законе остракизма, но в других обстоятельствах, кои принадлежат столько же к разряду преступлений, как к числу случайностей. И вправду: преспеяние Афин основано не на чем другом, как на преступном управлении и насильственном похищении сокровищ Делосского храма [29]. Спарта не могла бы вооружить флота Лизандра [30], ежели бы не испросила денежного пособия у персов, пособия, постыдного для потомков Леонида. Филипп обязан всем своим могуществом разорению Дельфийского казнохранилища [31], богатствами коего он успел подкупить правителей разных греческих народов. Вот истинные причины величия Афин, Спарты и Македонии. Сии причины суть неоспоримые события, и самое естество их доказывает, что они не могли быть продолжительными. Сколько простой, но здравый смысл римлян был выше всех умствований греческих! В их истории нет законодателя, вооруженного предрассудками и односторонними соображениями; участь народа не связана с участью самопроизвольных учреждений. Но зато у них уложение сильное, гибкое, изменяющееся со всеми обстоятельствами и подвигающееся к совершенству по мере развития сил народных. Законы, нравы, богатства, оружия чужестранные — римляне принимают все, что им полезно, и даже богам завоеванных народов дают в своих храмах право гражданства. Рим должен был столько же положительностью своего политического просвещения, сколь силою оружия, сделаться непременно повелителем всего известного света.— *Прим. Орлова.*

усилия частные в силу общую. Здесь союзные капиталы роют под Темзою подземельное сообщение, или разрабатывают мексиканские рудники, или основывают кредит правительств посреди ужаснейших несчастий, как во Франции. Там в виде страховых обществ борются с громом и градом, сохраняют богатства народные на суше от пожаров, на море от бурь и непогод. Везде, наместо того, чтоб воздвигать стену разделения между людьми, новое просвещение стремится беспрерывно к умножению массы общего довольства посредством быстрого обмена всех мыслей и всех произведений, взаимного воздействия народов и беспрестанного развития их естественных способов, или богатства, и их умственных сил, или образования. История просвещения европейских народов различна для каждого из них; политические отношения, закоснелость народных предрассудков, мудрость или беспечие правителей, благоприятность случая или непредвидимые несчастия — все сии разные обстоятельства имели, конечно, разное влияние на общий ход событий во всякой местности; но окончательные выводы должны быть везде одинаковы, и ежели некоторые из сих народов в сравнении с прочими стоят на высшей степени образованности, все другие, следуя по одной и той же стезе, должны рано или поздно достигнуть одной и той же цели. Сии окончательные выводы, коими разрешается вся задача нового просвещения в главных их отделениях, суть следующие:

Вся задача нового просвещения разрешается четырьмя окончательными выводами

1) Преобразование умственное, или переход от фанатизма к терпимости (Révolution intellectuelle)

Первый вывод. Преобразование умственное, или переход народов от фанатизма и суеверия к терпимости. Сие определение касается столько же до религии, сколько и до всех философических изысканий. В религии терпимость нужна, дабы никогда и в никаком случае не угнетать в человеке расположения к благочестию. В философических изысканиях она необходима для постижения истины. Без терпимости ни совесть, ни рассудок, ни чувства, ни мысли не могут иметь полного развития. В религии, как в науках и философии, признак варварства есть односторонний взгляд на предметы и пристрастие, происходящее от невежества, а признак просвещения есть полный объем предмета, подробный разбор оного и убеждение, основанное на совершенном понятии. Итак, борьба убеждения с пристрастием, терпимости с фанатизмом есть то же, что борьба просвещения с варварством. Терпимость в сем общем и важном смысле есть независимость совести и возмужалость рассудка.

2) Преобразование дипломатическое, или переход от наступательного одиночества и

Второй вывод. Преобразование политическое внешнее, или переход народов от честолюбивых замыслов к мирной осед-

лости, от состояния наступательного одиночества к системе оборонительных союзов. Равновесие политическое делает для целых народов то, что хорошие законы делают для частных людей. Оно соединяет их в общество и во всех их взаимных сношениях стремится силу заменить справедливостью. Здесь основание общего права и начало постоянных отечеств, сих необходимых центров человеческой деятельности. Изобретение политического равновесия ведет народы к спокойствию и миру — чрез вооруженное соперничество, к богатству и образованию — чрез дружественное соревнование; а противуположная ему мысль беспредельных завоеваний и всеобщей монархии со всею ее блестящею славою, со всеми ее упоительными торжествами есть не что иное, как остаток варварства и обращение к оному.

оборонительным союзам (Révolution diplomatique)

Третий вывод. Преобразование политическое внутреннее, или переход народов от недостаточных учреждений к усовершенствованному порядку. Сюда принадлежат два рода истин, первые как-то: сила кротости, вера в науки, развитие промышленности и торговли, необходимость личной свободы, стремление к гражданскому равенству, одинаковое для всех покровительство законов, независимость судопроизводства, неприкосновенность собственности в линии прямого и косвенного наследства, постепенное уничтожение монополий и привилегий не только для частных людей, но и для целых провинций, польза народного воспитания, распространенного от самых высших до самых последних сословий,— все сии истины приняты почти совершенно всеми образованными и благонамеренными правительствами. Второй ряд истин, состоящий из так называемых либеральных мыслей, заключает в себе начала, более подлежащие сомнению и возражениям, и хотя просвещение, кажется, и сии вопросы решает в пользу свободы, принятие оных требует большой осмотрительности, ибо по естеству своему они постигают общества во всех их составных частях, уложения во всех их подробностях, людей вообще во всех их личных и политических выгодах.

3) Преобразование внутреннее, или переход от недостаточных учреждений к усовершенствованному порядку (Révolution organique)

Четвертый вывод. Наконец, преобразование хозяйственное, или переход от простой системы усиленных податей к системе умеренных налогов и займов на правилах государственного кредита. К сему выводу принадлежат все мысли, пространно объясненные нами в начале сего сочинения, и все истины государственного кредита вообще.

4) Преобразование хозяйственное, или переход от усиленных податей к системе государственного кредита (Révolution financiere)

Таковы суть признаки, последствия и окончательные выводы нового европейского просвещения. Из всего вышесказанного мы можем заключить, что случайное преспеяние, зависящее от одно-

Последние два вывода непосредственно касаются до предмета сего сочинения

го счастия, с ним и исчезает, а преспеяние обдуманное, основанное на положительных правилах, должно быть непоколебимо, как сама истина. Все искусство правителей состоит в том, чтоб уметь воспользоваться случайным преспеянием для водворения преспеяния обдуманного.

Первые два вывода мало касаются до нашего предмета. Преобразование терпимости ежедневно распространяется во всей вселенной, а преобразование внешней политики давно уже совершилось, и все европейские народы подчинены без изъятия закону равновесия. Но два последние вывода, то есть преобразование внутренней политики и преобразование хозяйственное, тесно соединены с общею целию сего сочинения и со всеми событиями современной истории. В сих двух отношениях они равно требуют тщательного и основательного разбора.

Просвещение и образование богатств соединены между собою столь сильными узами, что одно без другого существовать не может

Человек имеет два рода нужд: первые — естественные, вторые — искусственные. Нужды естественные принадлежат наравне диким и просвещенным народам. Нужды искусственные суть принадлежность человека образованного. Вообще можно определительно сказать, что чем более народ имеет искусственных нужд, тем более он близок к просвещению. Первые удовлетворяются трудами. Вторые — трудами и богатством. Из сего следует, что просвещение, распространяя круг наших желаний и нашей деятельности, поощряет образование общего богатства, а образование богатств, умножая число людей просвещенных, дает самому просвещению новые силы к его собственному распространению. Сии два начала суть как душа и тело общего преспеяния, и союз их столь тесен, что всякий ущерб в богатстве неминуемо останавливает ход просвещения, а всякое препятствие просвещению влечет за собою ущерб в обогащении народном. Покровительствуя земледелию, промышленности, торговле и ограждая собственность граждан, правительства действительно водворяют просвещение, а умножая учебные способы, воздвигая университеты, академии и школы, покровительствуя наукам и художествам, они истинно обогащают своих подданных. Взаимная зависимость сих двух начал так полна, что косвенные последствия совершенно равны прямому действию.

Однако же из сих двух начал образование богатств необходимо, а быстрое развитие просвещения может сделаться опасным для правительств

Однако же из сих двух начал одно, то есть образование народных богатств, необходимо нужно для правительств, ибо собственное их могущество непосредственно зависит от оного. Другое начало, напротив того, или просвещение в полном своем развитии, касается, как мы видели, до таких вопросов, которые, возбуждая все страсти человеческие, могут потрясти до основа-

ния весь общественный порядок, и, следственно, правительства должны часто чувствовать желание и нужду обуздывать его действия для утверждения собственной своей безопасности. От сей необходимости богатств и от опасности просвещения положение правительств делается весьма затруднительным. И в самом деле, к какому соображению прибегнуть, чтоб согласить основную противуположность сих двух начал? Одной рукой останавливать просвещение, а другой поощрять обогащение народа есть пред рассудком мысль без смысла, пред опытом — предприятие без возможного успеха, ибо просвещение, стесненное как начало является как последствие образования богатств и тем самым делает тщетными все преграды, все усилия правительств. Стараться угнетать вместе и просвещение и богатство народа более согласно с грубым определением рассудка; но какое правительство в нынешнем образованном веке решится на столь пагубное действие, которое во всей силе слова можно назвать политическим самоубийством? Наконец, покровительствовать безусловно развитию просвещения и богатств есть не что иное, как ускорять время всех государственных преобразований и, может быть, ввергаться добровольно во все бедствия политических переворотов. Со всех сторон или бессмыслица, или совершенный упадок, или угрожающая опасность.

От сей противуположности правительства приходят в затруднительное положение

Но неужели сие странное заключение есть общий закон природы, неминуемое последствие соединения людей в политические общества? Неужели все правительства искони приговорены судьбою останавливать просвещение своих подданных или подвергать опасности свое существование? Конечно, нет. Сей закон природы, сей приговор судьбы касаются одних только правительств слабых и нуждающихся, которые равно бы погибли от всякой другой причины: сильные же, напротив того, и мудрые правительства разрешают сию трудную задачу в пользу самого просвещения, счастия народного и своего собственного могущества. Существование правительства столь же нужно для преспеяния народного, как и просвещение. Между сими двумя общественными необходимостями не может и не должно быть никаких враждебных отношений. Благонамеренное правительство никогда не восстанет против просвещения, которое изливает на род человеческий так много благодеяний. Истинное просвещение никогда не вооружится против благонамеренного правительства, которого значение в мире есть порядок и устройство. Без просвещения никакое правительство процветать не будет. Без правительства просвещение существовать не может. Правда, преждевременное

Но правительства как источник порядка и просвещение как источник преспеяния не могут быть между собою враждебными началами

просвещение, вопреки всем защитникам свободомыслия, может сделаться опасным. Правда, просвещение есть огромная и всеобщая сила, против коей никакие частные усилия бороться не могут. Но зачем бороться с началом, коего торжество несомненно? Зачем искать вне просвещения укротительных мер, когда просвещение может само себя умерять и обуздывать? Наместо того, чтоб поставлять образованию своих подданных бесполезные преграды, правительство должно с высоты собственного своего просвещения наблюдать за просвещением своего народа, стараться овладеть его действием, направлять его стремление и, облекаясь в формы свободомыслия, идти впереди своего века. Настоящий государственный вопрос состоит не в том, чтоб определить, до какой степени просвещение может быть допущено и какими способами можно удержать дальнейшее распространение оного, но в том, чтоб при полном развитии просвещения найти средство отклонить все его опасности и воспользоваться всеми его дарами.— Ответ не затруднителен. Он согласен с опытом и удовлетворителен для рассудка.

Решение сей задачи зависит от времени. Ежели преобразование внутреннее предупреждает или смешивается с преобразованием хозяйственным, должно ожидать ужасных потрясений. Ежели же преобразование хозяйственное предупредило преобразование внутреннее, то самый быстрый ход просвещения не заключает в себе никакой опасности

Ежели стремление к преобразованию внутреннему предупреждает введение преобразования хозяйственного или смешивается с оным, ужасные несчастия угрожают правительствам и народам. Ежели же, напротив того, внутреннее преобразование начинает распространяться тогда только, когда хозяйственное преобразование вполне исполнено, вся опасность исчезает, и порядок, постепенность и спокойствие сопутствуют всем новым учреждениям и всем успехам просвещения и свободы.

Так, употребление государственного кредита есть вернейший способ для обуздания духа политических переворотов. Народ, совершивший вполне преобразование хозяйственное, не может страшиться преобразования внутреннего. Все, что для правительства слабого и нуждающегося затруднительно и опасно, для правительства сильного и богатого легко и надежно. С одной стороны, все причины неудовольствия и ропота пресечены. Умеренность налогов, обилие капиталов, поощрения, оказанные промышленности и торговле, покровительство и помощь, данные наукам и художествам, и всегдашняя готовность защищать права и честь народа против обид надменности и замыслов честолюбия — все сии последствия государственного богатства и введения кредита разливают везде довольство и удовлетворяют не только необходимым нуждам общества, но и самой гордости народной. С другой стороны, приобретенная возможность достойно оплачивать службу и щедро награждать заслуги, предпринимать большие

работы, постройки и заведения и, следственно, употреблять с пользою праздные руки народа, отменять или облегчать безнравственные и тяжелые подати, распространять воспитание народное и, что всего более, облагородить судопроизводство привлекает все сердца подданных к благодетельному правительству. Пред сими очевидными успехами общественного порядка, пред столь ясными доказательствами нежного и отеческого попечения какой дерзновенный голос осмелится отозваться упреками и обвинениями, и не будет ли он мгновенно заглушен всеобщими восклицаниями любви и благодарности народных? Прибавим к сему, что правительство введением государственного кредита само себя принуждает к умеренности и осторожности; так как всякий заем совершается посредством вольного договора, правительство старается более и более ограждать собственность частных людей, в коей содержится вся тайна его богатства и могущества, а частные люди всеми силами поддерживают правительство, располагающее их капиталами. От сего обоюдного благорасположения все отношения подданных к власти и власти к подданным получают некоторую взаимность, новую степень кротости и свободы. Народ, довольный своим жребием, не столь быстро стремится к переменам и преобразованиям. Правительство, не подстрекаемое нетерпением народа, имеет более времени обдумывать предполагаемые изменения и, испытавши в хозяйственном преобразовании все выгоды вольного сообщения с своими подданными, сохраняет менее предубеждений против свободы и примиряется с просвещением. В таковых обстоятельствах усовершенствование общественного порядка поспешно подвигается вперед не в виде гибельного переворота, возбуждающего все страсти и низвергающего все учреждения, но как полная и стройная система, обдуманная мудрым правительством и принимаемая с признательностию зрелым просвещением народа. Все писатели единогласно утверждают, что большие политические перевороты начинаются расстройством финансов. К сей несомненной истине мы осмелимся прибавить, что устройство финансов и, следственно, благоразумное введение государственного кредита есть настоящий способ закрыть навсегда эпоху политических переворотов и заменить ее эпохою полезных преобразований.

Следственно, один государственный кредит в силе закрыть навсегда эпоху судорожных политических переворотов и заменить ее эпохою полезных преобразований

Теперь мы обратимся к подробному обозрению финансов Франции и Англии. История оных обильна важными событиями и сильными уроками. Мы надеемся, что показание опыта согласно будет во всех отношениях с изложенными нами правилами.

II

ФРАНЦИЯ

Пример отрицательный

Прежде Вестфальского мира Европа представляла зрелище, более похожее на политический хаос, чем на стройное общество

Эпоха, избранная нами для сравнительного очерка государственного кредита в Англии и во Франции, начинается Вестфальским миром [32] и оканчивается вскоре после всеобщего замирения заключением Парижского трактата в 1815 году. Сии полтора столетия суть, конечно, блистательнейшая эпоха новой истории. Вестфальский мир отделяет нынешнюю Европу от Европы средних веков, времена варварства и безначалия от времен просвещения и быстрого усовершенствования общественного порядка. Парижский мир и последствия его представляют нам зрелище полного развития просвещения и тем самым открывают для народов и правительств новый период величия и славы, спокойствия и счастия *.

* Мы почли за нужное при самом начале сей второй главы упомянуть однажды навсегда, что все числа и факты, здесь нами приведенные, почерпнуты из сочинений Шторха, Сея, Ганиля, Монверана, Приса, Мальтуса, Рикардо, Канарда, Брессона, Торнтона, Мирабо, Шапталя, Карла Дюпена, Пеккера и других известных писателей, из разных периодических сочинений, как-то: из ведомостей и журналов, из Британской и всеобщей библиотеки [33], из всеобщего бюллетеня Ферюсака [34], из обозрения Британского [35], Эдинбургского [36] и трехмесячного [37] («Revue Britannique», «Edinburgh Review», «Quarterly Review»), из официальных сочинений, выдаваемых ежегодно английским правительством пред каждым заседанием парламента, под заглавием: «О состоянии Англии» и из многих других документов, как-то: из статистических наблюдений и речей представителей народных. Строгое соображение всех сих источников дает нам уверенность, что мы соблюли, сколько возможно, точность чисел и представили события в настоящем их виде; но, ежели б и допустили несколько ошибок, сии ошибки не могут иметь никакого влияния на достоинство общих заключений и выводов. Некоторые числа не соответствуют некоторым из чисел вышесказанных сочинений. Это

Царствование Людовика XIV было для Франции эпохой случайного преспеяния

До времен Людовика XIV Англия и Франция имели почти равный вес в политической системе Европы. Около середины царствования сего государя превосходство Франции над ее соперницею во всех отношениях было замечательно. Но она не долго пользовалась сим преимуществом. Между тем как слабый Карл II, едва воссевший на престол своих предков после ужасного переворота, порабощал свою робкую политику видам Версальского кабинета и продавал за скудные денежные пособия честь и выгоды своего народа, высокомерный Людовик, прельщенный всеми родами славы и величия, предавался без меры и преград порывам честолюбия и гордым мечтам, сопровождающим почти всегда времени случайного преспеяния. Ослепленные великолепием событий, блеском оружия, успехами наук и художеств, развитием торговли и промышленности, современники Людовика назвали его Великим и приписали исключительно его гению все, что счастие сделало для Франции в конце 17 века. Но беспристрастная история не увлекается восторгами современников. Потомство, строгим разбором воздавая кесарю, что подобает кесареви, возвращает и случаю, что ему одному принадлежит. Достойно примечания, что почти все великие люди, коих слава отразилась в общей славе Людовика XIV, были уже известны или при его малолетстве или даже прежде вступления его на престол, а собственные его выборы не показывают не только гениального объема людей и обстоятельств, но и самой обыкновенной проницательности *. Впрочем, он был трудолюбив, любил порядок, умел обуздывать страсти народные и строптивость парламентов, был величав и царь от головы до ног, оказал в несчастии и в глубокой старости похвальную твердость, сделал несколько учреждений, кои до сих пор могут служить примером по части гражданского устройства, имел высокое понятие о достоинстве помазанника божия и гордо верил, что, в

Качества сего государя были именно те, кои, более других, склоняют нас употреблять во зло дары счастия

произошло оттого, что там, где мы находили разность в документах и не имели никакого способа поверить, мы брали средние числа.— *Прим. Орлова.*

* Декарт и Маршал Гебриан принадлежат царствованию Людовика XIII; Тюррен, Конде и Вобан, Корнель, Паскаль и Мольер были уже славны во время правления вдовствующей королевы Анны Австрийской. Кольберт был воспитан и образован Мазарином. Фенелон, Арнольт и Расин потеряли милости Людовика XIV и были или им гонимы, или оставлены в опале; Виляр, который потом спас Францию, был долго ему ненавистен. Выборы же его по части военной суть: Вилеруа, Марсан и Таляр; по части управления: Лувуа, Шамильяр и Демаре; по литературе: Шапелен и Кино. Кроме Лувуа, который, впрочем, сделал много зла, и Таляра, который будучи уже в плену, оказал большие дипломатические способности, все прочие были люди весьма обыкновенные.— *Прим. Орлова.*

Людовик XIV был расточителен по свойству и несведущ в управлении финансами

чрезвычайных обстоятельствах, венценосец не имеет нужды в советах и получает внушения свои свыше. Отличительная черта его характера была полная и совершенная самонадеянность, качество, часто обращающееся в порок, но которое никогда не доходит до высокой степени без обширного ума и сознания собственных своих сил. Но, ежели от сего изображения короля мы обратимся к системе его управления, а особенно управления финансами, мы невольно удивимся небрежности, безнравственности и самоправию оной. Доходы правительства в долгое сие царствование были весьма переменчивы. При начале они простирались не более как до 84 222 096 фр., а расходы до 112 459 361 фр., что давало недочету, или дефициту, 28 237 265 фр. Кольберт успел довести доходы до 96 138 885 фр. и убавить расходы до 101 000 000 фр.; таким образом недочету было только 4 861 115 фр. После смерти Кольберта доходы понизились до 75 000 000, а расходы возросли до 219 028 740 фр., что определяет ужасный ежегодный недочет, простирающийся до 144 028 740 фр. Для определения сих выводов мы разделили все царствование Людовика на три эпохи и взяли средние числа каждой. Сии эпохи суть: управление Мазарина, Кольберта и самого Людовика. Последнее управление есть худшее из всех не только по несоразмерному недочету, но также и по средствам, употребленным для добывания доходов. Тогда введены были по большей части все налоги, которые в разных видах истощили богатство и силу Франции, насильственные займы, или средство выжимать откупщиков *, продажа дворянства и чинов, нарочно для продажи выдуманных **, самоправное уничтожение прежних векселей правительства, уплата их по цене приобретения, уменьшение достоинства монет и вообще меры, противные и совести, и нравственности, и здравому рассудку ***. Во все царствование Людовика

* Faire rendre gorge aux fermiers. Выражение того времени, которое не может быть переведено на наш язык без чувства отвращения.— *Прим. Орлова.*

** Полный каталог сего продажного разночинства составляет длинный ряд самых забавных и часто гнусных названий. Он находится в разных сочинениях и останется навсегда постыдным памятником того времени.— *Прим. Орлова.*

*** Чтобы дать некоторое понятие о способах, употребленных тогда французским правительством для поддержания финансов, мы приведем здесь несколько примеров, достойных замечания. Под управлением маршала Ля Мельере (la Meilleraie) откупщики были обложены огромным налогом, а ассигновки, данные им и другим заимодавцам, уничтожены, от чего все они принуждены были объявить себя несостоятельными. «Сия мера,— говорит без всякой околичности указ королевский,— благонадежна и полезна; ибо

одно только финансовое заведение согласно до некоторой степени с правилами государственного кредита, а именно: банк, учрежденный Кольбертом в 1662 году. Сей банк в короткое время своего существования доставил правительству 385 738 493 фр. и вскоре после смерти Кольберта был уничтожен невежеством и алчностью царедворцев. Но сей единственный и слабый опыт кредитных учреждений мог ли противустоять разорительной расточительности сего монарха? Казна его, как ненасытная бочка Данаид, поглотила все труды Кольберта, все усилия и пожертвования предприимчивого народа, все сокровища и доходы Голландии, кои после, при лучшем управлении, поколебали его собственный трон, и со всем тем осталась пустой. Войны его стоили более 4 000 000 000 фр. одними только чрезвычайными сделками, займами и сборами, не считая обыкновенных податей государственных. При смерти его долг простирался до 3 110 994 000 фр., из коего 710 994 000 требовательного капитала, а 2 400 000 000 — рассроченного и платящего 86 009 310 фр. одних процентов, то есть более, чем все государственные доходы; а средств к уплате очистилось от сличения доходов с расходами только 9 016 314 фр. Что ж осталось от всех его честолюбивых замыслов, от успехов, побед, пожертвований и усилий Франции? Дым славы сомнительной, огромные Версальские постройки и неминуемое банкрутство. История Людовика XIV содержит в себе высокий урок для тех, кои умеют читать историю. Никогда случай не открывал никакому народу более путей к преспеянию, как Франции в конце 17 столетия. Но никогда не было монарха более способного, чем Людовик, употребить во зло все дары счастия. Сама слава его была для потомства причиною величайших бедствий, ибо наследники его престола сделались также наследниками его системы управления. Он царствовал и разорял Францию 71 год, а 75 лет после его смерти разразилась гроза французского переворота, и трон Бурбонов пал пред дефицитом,

Во все продолжение его царствования одно только учреждение Кольбертова банка заслуживает одобрение; но существование сего банка было кратковременно

Людовик XIV оставил по смерти своей в наследство Франции неминуемое банкрутство

она касается до людей низкого происхождения и слишком богатых». Маршал Данжо, один из самых подобострастных приверженцев Людовика, записывая ежедневные происшествия дворцовые, упоминает: «Нынче король приказал продать тяжбу казны с некоторыми частными людьми, и сею продажею казна приобрела до 400 000 фр.». Подобные известия с разными изменениями повторяются несколько раз в его журнале. Наконец, сам Кольберт издал закон, столь безрассудный, что подобного ему нигде и в никакое время найти невозможно. Сей закон приговаривал к площадной смерти всех тех, кои осмелятся когда-либо давать денег взаймы правительству. На другой день он сам трактовал о новом займе. Однако ж закон не был отменен и существовал до 1789 года, в котором был уничтожен.— *Прим. Орлова.*

не превышающим осьмой части недочета, оставленного Людовиком.

Герцог Орлеанский принимает бразды правления

Итак, когда за малолетством Людовика XV принц Орлеанский принял бразды правления, банкрутство правительства было почти неизбежно. Долго приписывали сию несостоятельность известному Лау. Но сей упрек несправедлив. Банкрутство регентства есть творение Людовика XIV. Лау предложил свои услуги принцу Орлеанскому в то время, когда финансы Франции были в самом отчаянном положении. Вся его система состояла в следующем. Он учредил частный банк в 6 000 000 фр. именовательного капитала; но как при начале банковые обязательства, или, как их называли, государственные билеты (billets d'État) теряли 30%, настоящий капитал состоял из 1 500 000 фр. наличности и 1 800 000 банковыми билетами. Сие слабое начало имело самое полезнейшее влияние на торговые обороты. Вскоре потом частный банк Лау получил привилегию западной торговли и издал 200 000 акций по 500 фр. каждая с предложением продавать их на государственные векселя; правительство обязалось с своей стороны платить банку по 4% вечных процентов. Сии западные акции вскоре возвысились в цене, и большое количество векселей государственных, происходящих от прежнего запоздалого долга, получили выгодное употребление. Сие помещение части долга не могло совершиться без полезного воздействия на остальную часть государственных обязательств. Кредит правительства поддержался и векселя его получили некоторую ценность. До сих пор полный успех увенчал все соображения Лау. Но нетерпеливое правительство захотело ускорить полное освобождение свое от неотступных заимодавцев. Оно решилось преобразовать частный банк Лау в королевский банк; западная компания осталась однако же независимою и получила еще новую привилегию торговли с Африкою и Восточною Индиею, от чего и была названа Индийскою компаниею. Тогда начались огромные обороты для уплаты государственного долга. Акции компании дошли числом до 624 000, а ценность их возвысилась от 500 и 550 до 5 000—10 000 и даже 20 000 фр. Сие возвышение было последствием самого гнусного обмана, посредством которого правительство успело уверить народ, что оно открыло в Луизиане большие золотые руды, и с самого первого года обещало на каждую акцию по 200 фр. чистого барыша, или дивиденда. В то же время банковых билетов изготовлено было на 2 696 400 000 фр. Акции достались в руки правительства, покупкою, за банковые билеты, а сии последние отданы в займы ему же за

Регентство противопоставило несостоятельности правительства систему известного Лау

Первая мера Лау было учреждение оборотного банка

Действие банка соединено было с учреждением Западной компании. Здесь начало заблуждений и, следственно, бедствий

Вскоре потом частный банк Лау преобразовал в королевский банк. Здесь начало преступных обольщений и гибельных обманов

Акции Индийской компании доходят до неимоверной цены

48 000 000 фр. беспрерывного дохода. Посредством всех сих оборотов Лау успел пустить в обращение банковых билетов на сумму 2 400 000 000 фр. Тайное намерение правительства было выкупить банковые билеты посредством акций: но когда оно приступило к сему выкупу, то нашло большие затруднения. На место того, чтоб покупать акции, владетели банковых билетов требовали уплаты оных и, не получая сей уплаты, меняли на товары, на частные векселя, теряя на них от половины до двух третей капитала. Вотще правительство, возведя Лау в достоинство генерал-контролера, старалось остановить сие стремление народа к сбыту билетов посредством принудительных мер. Все было бесполезно, и сам Лау тайным бегством едва мог спастись от ярости народа *. Таким образом рушилась славная система Лау, система дерзкая, но искусная, которая одна могла спасти правительство от неминуемого банкрутства, ежели б не была искажена неопытностию, нетерпением и бессовестностью. Главная ошибка Лау состояла в том, что он соединил банковые с торговыми оборотами, полагая, что выгоды сих последних могут послужить к погашению государственного долга, ошибка, конечно, важная, но извинительная для того времени. Упадок банка сделал необходимым общую ликвидацию, в течение которой правительство Франции имело новый случай показать всю свою безнравственность. В продолжение сей ликвидации 511 900 человек, по большей части все отцы семейств, подверглись розыскам и потеряли большую часть своего достояния. Окончательный вывод оной определил весь государственный долг капиталом до 1 700 733 000 фр., а процентами до 65 000 000, из коих около 8 000 000 пожизненных. «Несостоятельность государства,— говорит Канард,— есть политическая бессмыслица. Все бы равно сказать: что долг слишком велик, чтоб государство могло его уплатить; надобно, чтоб он заплачен был несколькими

Они стремятся к падению и теряют всю доверенность в народе

При ликвидации системы Лау французское правительство обнаруживает всю свою безнравственность

Не менее того система Лау успела обратить весь требо-

---

* Система Лау дала повод к бесчисленным сочинениям, открывающим совершенное незнание французов того времени по вопросам, касающимся до государственного кредита, и невероятную безнравственность правительства. Прилежное чтение всех сих сочинений оставляет, однако же, в уме некоторое уважение к гению Лау, но вместе с сим и глубокое презрение к его бесчестности и правилам управления. Впрочем, никто не выразил лучше самого принца-регента сего последнего чувства. Когда строгий Трюден, глава парижского купечества, отказался тайно выпустить в обращение билеты, определенные на сожжение, он внезапно был отставлен. Пришедши к принцу Орлеанскому, Трюден просил объявить ему, за что он получил отставку: «Чего вы от меня требуете? — сказал принц.— Вы отставлены потому, что вы слишком честны для нас». — *Прим. Орлова.*

вательный долг Людовика XIV в долг отвержденный

частными людьми». Сия бессмыслица, однако же, была исполнена на самом деле. Несколько граждан понесли все бремя расточительности Людовика XIV и ветренности принца Орлеанского, а правительство избавилось от своего требовательного долга. Не менее того разрушение системы Лау сделало Франции чрезмерный вред; ибо оно обесславило на долгое время употребление кредита и откинуло за пятьдесят лет назад усовершенствование ее финансов.

Правление Людовика XV следует тем же заблуждениям и посрамляет себя еще большею безнравственностию

Во все время царствования Людовика XV правительство переходило от ошибки к частому банкрутству, от банкрутства к новым ошибкам. Изредка приметны, однако же, некоторые порывы к улучшению, коими обязана была, вероятно, Франция сочинениям Тюрго и секты экономистов вообще. Между прочим, можно поставить в число сих похвальных опытов кассу уплат (caisse de remboursement), учрежденную под управлением г-на Машо, и большую часть соображений контролера Силюета. Сей последний старался согласить парламент на определение особенного налога для уплаты государственного долга. Он предугадывал пользу кассы погашения, но все его усилия были тщетны против закоснелых предрассудков двора, присутственных мест и всего общества. Силюета обвиняли в том, что он лучше знал финансы Англии, чем финансы Франции, как будто бы познание подробностей было важнее, чем полный объем настоящих правил и начал. Он управлял финансами только восемь месяцев и боролся напрасно с расточительностью наложниц королевских и царедворцев. В течение царствования Людовика XV главные средства к уплате всех недочетов были частые банкрутства, которые сделались обычаем и почти правилом государственным. По крайней мере, аббат Тере торжественно утверждал, что всякое правительство должно непременно один раз в столетие объявить себя несостоятельным и что оно всегда вправе уничтожать долг, коего проценты были уплачиваемы несколько лет исправно. Сия бесстыдная система, объявленная министром финансов Людовика XV, дает меру нравственности и рассудительности тогдашнего правления. Впрочем, невзирая на частые банкрутства, правительство находило всегда возможность занимать у тех же самых откупщиков, коих оно потом старалось обирать; потому что при каждом новом займе они вознаграждали прежние свои убытки. Таким образом, частыми несостоятельностями своими правительство разоряло не тех людей, против которых сие гибельное средство было направлено, но тех из своих подданных, коих имущество более или менее было в зависимости от откуп-

Контролер Силюет есть феномен того времени. Он управлял финансами только восемь месяцев и получил отставку

Аббат Тере с наглостью обращает несостоятельность правительства в систему

щиков. Другое постоянное злоупотребление состояло в безразмерном умножении налогов. От 75 000 000 фр. сии налоги дошли до 375 000 000, так что в течение сорока лет подати почти упятерились. Сия наклонность правительства умножать подати есть одно из самых вредных последствий пренебрежения кредитной системы, ибо заем часто удивляет, а налог всегда раздражает народ. Со всем тем правительство все было бедно посреди самой нелепой роскоши. Когда в течение семилетней войны [38] англичане сделали высадку на северные берега Франции, казна государственная столь была истощена, что король из собственной своей шкатулки дал 2 000 луидоров для первых приготовлений к защите. Многие налоги, и в числе оных подать на ввоз товаров в Париж, были проданы на пятнадцать лет вперед, а капитал оных издержан. При смерти Людовика XV правительство платило ежегодных процентов 190 000 000 фр., а государственные издержки доходили до 210 000 000, всего 400 000 000 фр., из коих, вычитая доходы, состоящие из 375 000 000, оставалось ежегодного недочету 25 000 000 фр.

Таковые правила должны были непременно уничтожить всякую доверенность, и правительство, лишенное средства занимать, прибегло к усилению налогов, кои упятерились в течение царствования Людовика XV

Он оставил после смерти своей довольно значительный недочет

В сем положении Людвик XVI застал финансы Франции при вступлении своем на престол. Воцарение юного монарха, исполненного добродетели и самых благородных намерений, возбудило во всей Франции радость и надежду. Тюрго, назначенный генерал-контролером, был человек строгой нравственности и обширного ума *. Первые его действия были уничтожение личной повинности (corvée) и разрешение вольного торга хлебными припасами. Некоторый порядок водворился в управлении государственными доходами, и все, что зависело от честности и благонамеренности министра, было исполнено. К несчастию, правила Тюрго были основаны на исключительных теориях секты экономистов. Увлеченный пристрастием своим к сей ложной системе, он хотел насильно преклонить к оной и людей, коих не понимал, и обстоятельства, кои вскоре оказались сильнее его. Он управлял финансами невступно два года и сделал мало пользы своему отечеству. Вскоре после него был призван славный Неккер, и выбор сей получил всеобщее одобрение.

Восшествие Людовика XVI на престол было для Франции временем упоительных надежд

Экономист Тюрго принес мало пользы Франции

* Людовик XVI говорил часто: «Тюрго и я, одни мы в целой Франции истинно любим народ». Сии трогательные слова, произнесенные несчастным монархом, согласны с суждением славного Мальзерба, товарища Тюрго в управлении. «Тюрго и я,— говорил он,— мы были люди честные, очень ученые, страстные к добродетели. Кто бы мог осудить выбор таковых министров? Однако же, зная людей из одних только книг, не имея точного понятия и опытности в делах государственных, мы дурно управляли... и мы также, против воли нашей, способствовали ужасному перевороту!» — *Прим. Орлова.*

Должно различать в министре финансов две способности, совершенно различные. Первая относится к хозяйственному управлению и требует точности; другая — к употреблению кредита и требует изобретательности и постоянной системы

Управление финансами большого государства разделяется на две весьма отличные отрасли: первая из оных, соответствующая обыкновенному быту народов, касается до определения или уничтожения налогов, до сбора податей, до соблюдения выгод правительства без отягчения подданных, до введения экономии во всех частях государственных заведений, до точности счетов и вообще до употребления уже существующих средств; другая относится к удовлетворению чрезвычайных государственных нужд и заключает в себе познание и употребление кредита. Управление сими двумя различными отраслями требует совсем различных качеств, и не редко видим мы, что люди, исполненные, впрочем, ума, положительных сведений, ловкости, твердости и деятельности, не заключают еще в себе условий, нужных для совершенного объема всех разнородных предметов, входящих в состав занятий министра финансов. История Неккера и вскоре потом история самого Наполеона послужат нам доказательством сей истины.

По хозяйственному управлению Неккер оказал великие услуги

Беспристрастное потомство различит в лице Неккера двух людей: отличного правителя финансов и слабого министра финансов. Как правитель финансов Франции, Неккер оказал великие услуги. В течение четырех лет он успел привести в порядок государственные доходы, ввести строгую отчетливость во всех департаментах своего министерства, уменьшить обычную расточительность двора, привести в большую соразмерность необъятные выгоды государственных откупщиков, уничтожить множество мест и чинов, не только бесполезных, но достойных посмеяния и презрения *, определить постоянные правила на поголовную подать, основать на лучших правилах косвенные сборы, учредить провинциальные собрания для разложения прямых налогов, истребить остатки феодального рабства, улучшить состояние тюрем и госпиталей и приготовить разные другие полезные преобразования. Все сие было исполнено в короткое время, вопреки усилиям тысячи противников, пользовавшихся доверием правительства и извлекавших из злоупотреблений огромные личные выгоды, не оставляя в нужде ни одной отрасли государственных потребностей, вооружая огромные флоты и поддерживая морскую и сухопутную войну в Индии и в Америке, уплачивая часть требовательного долга и не налагая

* О сих-то самых разночинцах один царедворец сказал Людовику XVI: «Всякий раз, когда в⟨ашему⟩ в⟨еличеству⟩ угодно изобрести новое продажное место, по особенному благословению божию, родится дурак, готовый оное купить».— *Прим. Орлова.*

на народ ни одной новой подати. Успех чрезвычайный и достойный удивления, тем более, что посреди всех сих затруднений, препятствий, нововведений в первый раз государственный недочет был пополнен и сумма доходов превысила 40 миллионами огромную сумму расходов!

Неккер не постиг истинных правил государственного кредита

Вот в чем состоят заслуги и слава Неккера. Но ежели мы обратимся от перечня временных его успехов к изысканию употребленных средств, мы должны будем невольно перейти от удивления к строгому осуждению. И в самом деле, Неккер, для достижения своей цели, употребил кредит; но все доказывает, что он не постиг истинных его правил. Из 530 000 000, занятых им в течение четырех лет, 300 000 000 приобретены займами, основанными или на лотереях или на пожизненных доходах, 97 000 000 собраны посредством провинциальных штатов, совершавших свои займы на 16 лет с уплатой капитала, 40 000 000 происходят от государственных доходов, вперед заложенных, а остальные от ссудов города Парижа, ордена Святого духа или от временного пособия, оказанного правительству содержателями податных сборов и откупов. Нет ни одного франка, занятого на правилах кредита. Нет ни одного займа, обеспеченного погашением. Нет ни одного правила, постоянного и верного. Напрасно приверженцы Неккера возражают, что правила государственного кредита не были еще известны, что общемыслие и привычки народные противились введению отвержденного долга, что займы лотерейные менее обременяют будущий жребий народов, чем займы вечные. Все сии возражения несправедливы. Во-первых, министру Франции непростительно не знать того, что известно уже было в целой Англии, где государственный кредит был в полном развитии. Во-вторых, Паншод (Panchaud) предлагал ему ввести во Франции систему погашения еще прежде, нежели она была предложена в Англии, а Неккер отверг его предложение. В-третьих, привычки народа и общемыслие не противились вечным займам, и сему служат доказательством займы, совершенные в то же время городом Парижем на условии беспрерывных процентов. В-четвертых, тогда, как и ныне, известно было, что вечные займы по 5% с 1% погашения уплачиваются в 36 лет, а пожизненные доходы по 11%, размещенные на несколько годов, прекращаются чрез 47 лет и 8 месяцев. Итак, мы вправе заключить, что славный Неккер, оказавший во внутреннем управлении государственными доходами так много заслуг, не постиг самых начальных правил кредита, и при выходе его из министерства почти все экономические средства были

истощены, а требовательный долг увеличился. Сим самым Неккер, утвердив временно настоящее состояние Франции, подверг ее будущность неминуемой опасности *. Защитники Неккера поставляют на вид, что он для Франции истощил свой собственный кредит. Это справедливо; но это самое его и обвиняет. Министр, правящий достоянием 24 000 000 людей и не находящий к спасению народа другого средства, как пожертвование своей собственности, может почесться великодушным человеком, но останется всегда на счету дурных министров. Франция от него требовала не личных жертв, но хорошей кредитной системы.

Калон испортил все, что сделал Неккер, и не исправил ни одной из его ошибок

После Неккера управление финансами досталось Калону. Он обратился к кредиту не столько потому, что постиг выгоды оного, но единственно, чтобы открыть новые пути, не исследованные его предместниками. Он учредил нечто похожее на кассу погашения; но расточительность его была так велика, что под его правлением в четыре мирных года Франция издержала 1 052 000 000 фр., то есть столько же, сколько Неккер употребил для поддержания и окончания славной Американской войны.

Неспособность Бриенна превышает всякое ожидание

Наследник его, Бриенн, уничтожил кассу погашения, взялся снова за пожизненные займы, учредил новые налоги и в 1788 году представил отчет, который привел в отчаяние и двор, и всю Францию. Близорукая политика сего министра превзошла все меры явной неспособности. Недочет сего 1788 года доходил до 160 737 492 фр., а средств уже не оставалось никаких. «В августе 1788 года,— говорит Ганиль,— правительство отказалось уплачивать должникам определенные учеты. Сей отказ лишил его всякого кредита и всякой надежды на пособие. Правда, что едва ли оставалось тогда какое-либо неистощенное средство. Займы посредством казначейства, духовенства, провинциальных штатов, военных орденов, городов, откупщиков, банкиров, нота-

* Для людей, обнявших систему государственного кредита, кажется весьма странно, что министр, оказавший, впрочем, так много сведений и проницательности в разных частях управления, не понял или не хотел понять кредита; но сие мнимое противуречие оказывается во многих других частях человеческих познаний. Сколько мы видим полководцев, отличных и заслугами, и твердостью, и сведениями по всем дробным частям военного искусства, которые не понимают самых простых правил стратегии? Причину сего дóлжно искать в особенном свойстве ума человеческого, который часто так устроен от природы, что люди, способные обнять все подробности предмета, превзойти все мелочные затруднения, исследовать все частные обстоятельства, не могут постигнуть трансендентальной простоты стратегических или кредитных правил.— *Прим. Орлова.*

риусов были невозможны. Частный кредит правителей государственных имуществ, генеральных сборщиков податей, откупщиков, казначеев и кассиров пал вместе с кредитом правительства. Все министерства имели запоздалые долги. Все доходы государства были вперед заложены, а вырученные суммы издержаны. Все надежды были истощены; все средства пожраны, и неминуемое банкротство рассеяло везде страх и уныние» [39]. Несостоятельность не была тогда уже для правительства простым и покойным средством к платежу своих долгов. При Людовике XV банкротство касалось одних только откупщиков, которые привыкли или разорять правительство, или от него быть разоренными. Но в 1788 году государственные векселя разошлись по всей Франции. Значительная часть оных была в руках людей, посвятивших себя на промышленность и обширную торговлю. Несостоятельность правительства могла тогда увлечь за собой несостоятельность всего среднего состояния, упадок всех мануфактур, остановку во всех работах, голод и нищету для всех промышленников. Впрочем, сам Людовик XVI был слишком добродетелен, чтоб прибегнуть к столь гибельному средству. Обратив все надежды на содействие своего народа, он решился собрать и собрал генеральные штаты. Наконец мы достигли до изъяснения правил, объясненных нами в предыдущей главе. Правительство, не умевшее совершить финансового своего преобразования, сзывает представителей народа, уже готового к внутреннему преобразованию. Все ужасы французского переворота заключены в сем кратком определении.

Все средства кредита были тогда истощены

Правительство прибегло к созванию генеральных штатов

Положение Франции в 1789 году может выразиться следующими словами: правительство, от беспечия своего и слабости, впало во всеобщее презрение. Дворянство, продолжавшее называть себя единственною подпорою престола, было в самом деле первым его врагом. Утопая в роскоши и безнравственности, оно посредством незаслуженных пенсий и подарков грабило казну и истощало все жизненные силы государства. Духовенство, подверженное ежедневным нападениям почти всех искусных писателей того времени, алчно стяжало и скупо берегло богатства как единственное средство для удержания своих привилегий. Среднее состояние, владеющее без соперничества науками, искусственностью и всею торговлею, обогащалось, просвещалось и начинало вместе доверять своим силам и чувствовать первые порывы честолюбия. Парламенты, принужденные свидетели всех злоупотреблений правительства, почитали за долг противиться всем нововведениям, отвергать в особенности всякий новый

налог и вести со всеми министрами, каковы бы они ни были, непримиримую войну. Народ вообще стенал в угнетении и тайно кипел ненавистью к виновникам своего угнетения, не имея никакого законного средства не только дабы улучшить свою судьбу, но даже чтоб выразить свое несчастие. Вся Франция была наполнена людьми более или менее просвещенными, чувствующими превосходство своих положительных познаний над блестящей ветреностью дворянского сословия, людьми, которым все пути к возвышению были прекращены. Приглашенные к новой деятельности, они вдруг почувствовали всю важность своего назначения, все выгоды своего положения, все достоинство их будущности. Между тем как правительство, стараясь единственно об удовлетворении нужд своих, ежедневно возрастающих, ставит цифры и униженно просит пособия, члены генеральных штатов изыскивают начала и гордо требуют прав. Преобразование финансов, первая причина их собрания, сделалось внезапно последним предметом их занятий. Никто из них не знает и не хочет знать подробностей государственных нужд и точности отчетов. Все их определения по части финансов показывают или беспечность или неведение. Они стремятся к другой цели, к преобразованию внутреннему. Всякое исключительное право, всякое злоупотребление оглашаются в свою очередь и предаются строгому суждению. Страсти возжигаются; слово гремит; Франция рукоплещет; депутаты провинций преобразуются в представителей народа и генеральные штаты в народное собрание. Так совершилась участь Франции, участь, тем более достойная сожаления, что сама по себе она не была неизбежна. Сколько бедствий, сколько ужасов были бы отвращены от Франции и от Европы, ежели б государственный кредит был заранее известен и оценен правительством? Он один мог погасить недочет, предупредить созвание генеральных штатов или усмирить умы и укротить страсти в народном собрании.

Франция приступает к преобразованию финансов совершенно вопреки настоящим правилам кредита

К несчастию, ни правительство, ни члены народного собрания не имели точного понятия о кредите. Когда после многих постановлений, соответствующих совершенному перевороту во всех частях правления, внимание представителей обратилось наконец к финансам, все принятые меры были или вредны, или ошибочны. Недочет в 160 000 000 фр., обнародованный Бриенном, убавлен был очищением счетов до 118 000 000 фр., но в то же почти время чрезвычайные нужды государства были оценены в 170 000 000, по донесению представителя Монтескию от 15 марта 1789 года. Чтоб пополнить сей огромный недостаток,

Первый способ состоит в заказнении (confiscation) имений

народное собрание не нашло другого средства, как описать или заказнить (confisquer) достояние духовенства и часть имуществ королевских. Сия мера, столь противная рассудку и справедливости, была согласна с господствующими страстями в собрании. Вскоре потом предложено было учреждение ассигнаций, коим заказненные имения служили залогом, и составление особенного комитета финансов из членов собрания, чем самым управление всеми государственными доходами перешло в полную зависимость сих членов. Ассигнации сделались в скором времени единственным предметом финансовых оборотов для законодательного собрания и для народного конвента. Сей образ кредитных постановлений всегда опасен, ибо он склоняет к злоупотреблению; но при общем волнении умов, при разлитии страстей, при переменчивости правителей, при недостатке познаний и самого времени опасность сия делается почти неизбежною. Оценение заказненных имений никогда не превышало 3 309 269 000 фр., а число ассигнаций, сперва ограниченное 2 000 000 000, вскоре возросло до 6 000 000 000, а потом увеличилось до *неимоверной* суммы 48 000 000 000 фр. Во время владычества конвента, столь справедливо названного временем ужаса, ассигнации потеряли почти всю свою ценность. За чашку кофе платили тысячефранковым билетом; пара сапог стоила 30 000 фр.; а правительство дошло до такой степени нищеты, что ежедневные его издержки не иначе оплачивались, как свежими ассигнациями, сохраняющими еще всю влажность тиснения. Сие неслыханное положение целого народа побудило правительство изыскивать все средства для отстранения неминуемой погибели; но изобретенные средства были еще пагубнее отвращаемого бедствия. Такса всех ценностей Франции (la loi du maximum), поддержанная всей строгостью зверского правления[40], перенесла разорение от капиталистов, уже разоренных, в города и даже в села, где сохранились еще остатки промышленности и земледелия. Хлебопашцы и фабриканты под опасением смертной казни обязаны были отдавать последние плоды своих трудов за пустой клочок бумаги, не имеющий почти никакого достоинства. Директория, наследовав от конвента верховную власть, приступила к решительной мере несостоятельности, но, чтоб скрыть оную перед народом, она прибегла к средству насильственного займа в 600 000 000 звонкой монеты. Располагая сею суммою, она успела выкупить большую часть выпущенных ассигнаций, платя по одному франку монетой за 100 фр. ассигнациями. Сей финансовый оборот, ежели можно

Второй в учреждении ассигнаций

Сей опасный образ кредитных постановлений доведен был до неимоверного злоупотребления

Такса ценностей (loi du maximum) увеличивает еще бедствия народа

***Директория** обращается к насильственным займам и к явной несостоятельности*

Учреждение новых обязательств под именем mandats есть не что иное, как новое банкрутство

Новые обязательства служат к обмену ассигнаций и к продаже заказненных имений

Но и сия мера не вполне была удовлетворительна. Правительство прибегло еще раз к объявлению несостоятельности. Здесь начало отвержденной трети

назвать оборотом наглое насилие и явное банкрутство, уменьшил число ассигнаций до 10 000 000 000. Но и сия сумма превышала еще нужды народа. Под видом новых обязательств (mandats) правительство подвергло Францию новому банкрутству, коим все обладатели ассигнаций потеряли 30 капиталов за один. Разница между ассигнациями и новыми обязательствами была следующая: на ассигнации можно было покупать так называемые народные имения только с публичного торга; но как ценность ассигнаций чрезмерно упала и еще стремилась к падению, то торги никогда не заключались, ибо курс ежедневно изменялся. Новым обязательствам, напротив того, предоставлено было право покупать сии имения на подписку по определенной цене. На сии-то облигации, каких сделано было на 2 400 000 000 фр., обменены были все старые ассигнации. Сии новые государственные бумаги в день выпуска их стоили не более 36 за 100. Но народ вообще рад был сей перемене, и все народные имения были разобраны подписками еще прежде полного выпущения облигаций. Те из них, кои остались в обращении, потеряли всякую доверенность, продавались публично по 5 фр. монетою за сто и упали ценой до 1 фр. с половиною. Сей бесценности директория противупоставила новое насильство. Приказано было покупателям народных имений вносить три четверти покупной суммы облигациями и одну четверть звонкою монетою. Но сей закон не был исполнен и нашел самое сильное сопротивление в народе. Тогда правительство решилось еще на банкрутство. Оно известно под названием двухтретной несостоятельности и есть последний оборот сего рода, коим обесчестилось французское правительство. Здесь начало отвержденной трети (le tiers consolidé) и обращение к настоящему основанию государственного кредита.

Беспорядки так усилились, что в народе исчезли самые предания о лучшем устройстве

Однако же злоупотребления были столь велики и столь продолжительны, что не только в управлении не было порядка, но не существовало даже, так сказать, и предания о порядке и лучшем устройстве. По части финансов в особенности не знали, как налагается подать и как совершаются сборы налогов. Долг государственный был отвержден, но правила отвержденного долга не были никому известны. Со всех сторон, во всех сборах денежных, оказывались недочеты, и запоздалые доходы наполняли огромными статьями обманчивый бюджет. Правительство было богато цифрами и бедно наличностью до такой степени, что в десятом месяце 1798 года половина определенных доходов не была еще собрана. И могло ли быть иначе, когда внутренние

обороты были так маловажны, что косвенные налоги составляли только третью часть прямых, когда для собрания сих последних после трехлетнего управления директория не имела еще списка всех граждан, обложенных оными? Решительно можно сказать, что ежели конвент, по выражению одного из собственных его членов, чеканил монету на гильотине, директория взымала вернейшую часть своих штыковых доходов силою оружия с завоеванных земель. Во все течение французской революции, от народного собрания до возвышения первого консула, все финансовые обороты представляют длинный ряд обманов, ошибок и злодейств. Похищать попеременно имущества духовенства и собственность эмигрантов, уделы королевской фамилии и наследие подозреваемых граждан, вести за границей кровопролитную войну, чтоб собирать обильные дани с соседственных народов, водворять внутри ужас и убийство, чтоб разорять трепещущих и грабить убиенных,— вот источники тогдашних доходов. Наводнять государство ассигнациями, платить долги ежегодными банкрутствами, доставить деньги насильственными займами — вот кредитная система революции. Чему же удивляться, когда мы видим, что все правительства Франции — и конституционный король, который не был достаточнее короля самодержавного, и конвент с грудой ассигнаций и массою заказненных имений, и директория со своими облигациями и сокровищами Голландии и Италии — падали и исчезали друг за другом? Все они таили в себе одну и ту же причину гибели: недостаток в кредите, происходящий от совершенного незнания кредитных правил. Пример разителен; ибо тогда, при лучшем управлении финансами, Франции открывалось обширное поприще славы, величия и могущества. И в самом деле, чего не доставало Франции? Успехи обдуманные, плоды мудрости и соображений; успехи внезапные, дар счастия и случайности; красноречие в народных думах; великие полководцы пред храбрыми войсками; изобретательность в искусствах; гений в науках; глубокомыслие в законоведении; ловкость в политических сношениях; приверженцы, пламенные и преданные; враги, робкие и утомленные; все постановления, погнетающие развитие общественных сил, уничтоженные; целый народ, кипящий к новым учреждениям любовью и даже пристрастием; словом сказать, Франция имела все, что обыкновенно почитается нужным, чтоб упрочить порядок и власть посреди внутреннего преобразования. Не доставало кредита, и от сего недостатка все усилия, все труды человеков остались тщетными. Беспорядок финансовый увлек за собой

всеобщий беспорядок, и Франция обречена была судьбою на новые перевороты, на новые испытания.

Бонапарт

Когда Бонапарт принял бразды правления, состояние финансов было следующее. Директория оставила ему 598 260 972 фр. невзысканными податями, недоплатой за купленные народные имения и другими запоздалыми доходами; но беспорядок был доведен до такой степени, что все сии законные претензии правительства считались вообще пустыми цифрами. Государственный долг после всех банкрутств состоял только из 63 000 000 беспрерывных процентов, соответствующих 1 260 000 000 капиталом. Но и сие легкое бремя было слишком тяжело для директории, ибо французские фонды отвержденной трети продавались с потерею 90 фр. на 100. Вся наличность, находящаяся в казначействе, не превышала 179 000 фр., и сия слабая сумма была занята накануне, таким образом, что новое правительство едва нашло возможность разослать курьеров для извещения армий и департаментов о перевороте 18 Брюмера[41]. Счетные дела находились в такой запутанности, что министр финансов объявил невозможность составить бюджет на 1800 год и отложил оный до 1801 года. Войска были без платы; государственные чиновники, от самой высшей до низшей степени, 10 месяцев не получали своего жалованья; множество ассигновок правительства оставались без всякого действия и продавались за ничто на публичных рынках. Дороги были запущены, каналы разорены, подвозы почти невозможны. Промышленность и торговля остановились почти совершенно. В сем ужасном положении Франции нужен был человек, сильный умом, деятельностью и счастием; она нашла его в Бонапарте.

Положение Франции было ужасно

Бонапарт учреждает новый временный налог, продает несколько солеваров и казенных лесов и получает уплату государственными бумагами

При самом начале своего правления Бонапарт обратил особенное внимание на финансы. На место насильственного займа, предписанного директорией, он учредил новый временный налог на все имущества, движимые и недвижимые, и позволил вносить отчасти звонкою монетою, отчасти государственными бумагами и ассигновками. Сие последнее распоряжение дало некоторую ценность французским фондам, которые с того самого времени начали постепенно возвышаться. Уступка некоторых солеваров, части лесов и имуществ казенных по той же самой системе довершила восстановление доверенности народа к состоятельности правительства. Вскоре потом воспоследовала большая перемена в системе налогов. Продажа народных имений раздробила на мелкие части огромные владения, дурно управляемые, и дала право собственности множеству небольших по-

мещиков, готовых употребить все их способы на улучшение своих участков посредством земледелия, промышленности и торговли. Со свойственною ему прозорливостию Бонапарт понял, что спокойное владение сими имениями и лучшее обрабатывание сих земель суть настоящие источники богатства и возрождения Франции; он твердо удержал святость всех заключенных торгов, убавил налог на недвижимость и заменил оный налогом на соль. Между тем он деятельно занимался устройством других частей. Прежде истечения первого года его правления каждый департамент имел своего финансового чиновника с помощниками, обязанного строгою ответственностью и облеченного в обширную власть. Все запоздалые доходы, недоступные слабости директории, начали постепенно собираться, и по истечении некоторого времени из 500 000 000 осталось едва 48 000 000 фр. недоплаченных податей. Торговля, в свою очередь, не осталась без покровительства, и учреждение французского банка, на правах банка коммерческого, дало новую жизнь всем торговым оборотам. Все сии первые меры, принятые Бонапартом, поддержаны были успехами оружия, примирением Вандеи и, наконец, заключением общего Амиенского трактата[42].

Он упрочивает состояние покупщиков народных имений и убавляет налог на недвижимость

Он собирает запоздалые подати

Он учреждает банк

Он водворяет мир и спокойствие

Но ежели что-нибудь в действиях Бонапарта заслуживает удивление потомства, это строгая отчетливость и быстрая исполнительность, введенные им в управление финансами. Одно из первых его действий было разделение всех государственных денежных дел на две части: первая, касающаяся до распределения налогов и собирания оных, осталась в ведомстве министра финансов. Другая, касающаяся до употребления собранных сумм, перешла к министру государственной казны. Оба они обязаны были при истечении каждого месяца, в положенный день подавать самому Наполеону, в полном собрании министров, краткие отчеты, в коих показано было все движение дел и капиталов, все доходы, все издержки и все недоимки. Рассмотрев основательно все части сего краткого месячного отчета, он вступал лично в переговоры со своими министрами и каждому определял месячный его бюджет согласно с потребностями управления и со средствами казны. Таким образом, порядок свыше сошел во все части финансового управления. Чиновники сего министерства, подверженные личному надзору человека, умеющего и награждать и наказывать, исполняя должность свою почти в глазах своего государя, следующего за всеми их действиями, поддерживаемые его могущественным покровительством, пользующиеся выгодным жалованьем и подстрекаемые хорошо обду-

Он вводит строгую исполнительность в дела финансовые

Разделяет дела на министерство финансов и министерство государственной казны

Сам присутствует при распределении издержек

Учреждает премии для скорейшего взноса налогов

манною системою премий, дошли до такой исправности, что часто вносили вперед, по третям, из собственных своих капиталов всю сумму предполагаемых сборов и соединяли таким образом все выгоды прежних откупов с выгодами казенного присмотра и управления. Впрочем, и собственные попечения Наполеона были неусыпны. Он делал, так сказать, смотры цифрам с тою же подробностью, с которою осматривал свои войска *. Устройство армии и финансов было главной целию всей его заботливости, и он так глубоко чувствовал, что вся власть, вся его будущность зависит от сих двух предметов, что в мире или на войне, в палатке или во дворце своем, всегда бюджет финансов лежал у него на столе подле рапортов о состоянии войск. Он был, по обеим сим частям, не только правитель, но и законодатель. Всем известно, что при составлении гражданского уложения все, что в сем кодексе касается до сбора денег и людей, до ополчения и налогов, было почти вполне им одним сочинено. Сии упорные труды великого человека не могли остаться без вознаграждения, и уже в начале 1803 года Наполеон был так доволен отчетом, представленным ему от министра финансов, что он приказал Талейрану взять 40 списков с оного и тайным образом отправить их в Англию. Впоследствии порядок утвердился, сборы увеличились и доходы государственные дошли бездоимочно до 900 000 000. В начале 1812 года дела Франции вообще были так устроены, что все счеты за 1811 год были очищены, все суммы на издержки, обыкновенные и чрезвычайные, были ассигнованы, все прежние требовательные долги уплачены, кроме 30 000 000 фр., из коих 20 000 000 были уже рассмотрены и определены к уплате; а в погребах Тюлерийского дворца хранилось, золотом и серебром, до 300 000 000 наличности. Следственно, можно утвердительно сказать, что при Наполеоне система налогов и система государственных сокровищ доведены были до возможного совершенства **.

Он, по части финансов и армии, был не только правитель, но и законодатель

*В 1803 году состояние **Франции** начало очевидно поправляться*

*Впоследствии система налогов и сокровищ доведена была Наполеоном до возможного **совершенства***

---

* Однажды, рассматривая месячные отчеты, он усомнился в двух миллионах. Ошибка отыскана в счетах какого-то поставщика, и два миллиона немедленно были внесены. В другой раз он нашел в счетах Парижского гарнизона 60 000 фр., употребленные на продовольствие какой-то команды, никогда не бывавшей в Париже. И тут он был прав. Поверка доказала, что помянутая команда никогда не входила в состав Парижского гарнизона, и деньги были возвращены.— *Прим. Орлова.*

** Наполеон умел не только собрать без отягощения народа огромные налоги, не только сберегать сокровища для чрезвычайных обстоятельств, но также и обращать с пользою собранные суммы в общую массу народных богатств. В течение своего царствования он издержал: на мосты 30 000 000,

Но тут Бонапарт теряет свое превосходство. Изготовивши все для удобного введения кредита во Франции, он остановился и к самой кредитной системе не хотел или не умел приступить. Странно видеть в истории, как обширный, глубокий ум Наполеона мало походит сам на себя, коль скоро дело касается до кредита. Он не только не хочет употреблять средства займов, но систематически оным противится и питает ко всем соображениям кредитным, ко всем людям, занимающимся оными, как будто личную ненависть. Секретарь его Бурьен удален отчасти потому, что обращал свои капиталы в публичных фондах. Уврар им два раза был разорен. «Человек,— сказал он,— располагающий 30 000 000, опасен для правительства. Никто из подданных моих не должен иметь более 3 000 000 фр. вольного капитала». Он так твердо был уверен, что употребление кредита ведет государство к неминуемой погибели, что при всяком новом займе, заключаемом в Англии, чувствовал внутреннее удовольствие, хотя знал, что заемные капиталы будут непременно употреблены против видов и намерений его политики. Министр его финансов * в отчете своем за 1804 год говорит: «Время военное

Наполеон не хотел или не умел оценить достоинство кредитной системы

Он торжественно объявляет себя врагом кредита

на каналы 50 000 000, на осушение болот 14 000 000, на дороги 277 000 000, на устройство и безопасность портов 100 000 000 фр.; украшения Парижа превзошли 100 000 000, Лувр и Версаль 90 000 000; бриллиантов куплено на 60 000 000. Все эти последние издержки сделаны из экономии его собственных доходов. Шельда и Антверпен стоили 40 000 000, а вся Бельгия, сверх того, еще 22 000 000; Александрийская крепость 26 000 000, Симплон и Генуэзская дорога 30 000 000, Майнц, Мец, Франкфурт и Везель более 25 000 000 и пр. и пр. Чудные цифры! заставляющие невольно удивляться почти необъятному превосходству сего великого гения! — *Прим. Орлова.*

* Годин, впоследствии герцог Гаэтский, пользовавшийся полной доверенностью Наполеона, так же, как и он сам, был по части налогов превосходный министр, а по части кредита разделял все его предрассудки. Он вступил в свое звание в 1800 году и оставил оное в 1814. Он был один из всех министров Наполеона, который остался на своем месте во все время его царствования. В 1816 году, будучи приглашен в тайный совет для изыскания средств к поправлению финансов Франции, он подал проект, основанный на насильственном займе, и тем самым показал и недоверчивость свою к кредиту и незнание самых первоначальных оного правил. Впрочем, Наполеон создал во Франции целую школу противников кредита. Между прочими барон Фен (le Baron Fain), писатель остроумный во многих отношениях, говорит в одном из своих сочинений (manuscrit de 1813): «Ежели нужды правительства увеличатся, нет необходимости прибегать к кредиту, к новым налогам, к разорительному средству займов. Государственная казна очищена от всякого мытарства денежных торговцев. Достаточно прибавить

требует еще больших средств, и ваше величество решились их найти в лучшей системе налогов, отвергая навсегда в государственных издержках неверное и разорительное средство займов. Мнение ваше нам всем известно. Вы справедливо полагаете, что кредитная система, столь удобная для расточительности, неоплатимыми долгами пожирает все надежды будущих времен, приготовляет расстройство финансов и тем самым ведет к разорению государства. Может быть, мы не весьма отдалены от эпохи, предназначенной судьбою, чтоб сделаться для всех европейских держав великим и поучительным примером». Таковы были правила Наполеона по сему важному предмету; ибо все знают, что министры его, особливо в обнародываемых актах, подвергались его личной цензуре, мыслили его понятиями и говорили его языком. Впрочем, сии правилы видны не только в словах, но и в самих действиях его. В 1806 году он устроил кассу погашения; сия касса была не что иное, как новый департамент казначейства. Она выпустила билетов на 60 000 000 по разным процентам; но, на место того, чтоб учредить постепенный выкуп оных, Наполеон назначил сроки платежа и приписал к ней некоторую часть государственных имуществ, долженствующих поступить в продажу. Впоследствии он часто занимал сии билеты погашения, но всегда на короткое и определенное время. В 1813 году ему нужно было, сверх обыкновенных доходов, собрать 300 000 000 фр.; он велел продать общественные городские земли, наложил новые подати, умножил старые, но о кредите и мысли не имел. Наконец, в 1814 году, когда неприятель был в недрах Франции, когда по распущении законодательной думы он решился без ее содействия составить новый бюджет, и тут нет ни малейшего следа кредитной системы во всех его соображениях. Употребляя последние свои сокровища на защиту своей столицы, он не прибегнул к займам и даже отвергнул некоторые предложения усердных капиталистов и граждан. Таковое упорство ясно доказывает, что он решительно разделял все народные предрассудки против государственных займов, и здесь видна десница провидения, которое, давши ему совершенно превратное понятие о кредите, хотело, конечно, сим самым положить пре-

Устроенная им касса носила на себе одно только имя погашения

*Ни в счастьи, ни в несчастьи он никогда **не прибегал** к кредиту*

Предубеждение Наполеона против кредита спасло Европу от порабощения

важном предмете. По их мнению, прибавить тариф — это не новый налог; употреблять кредит значит разорять государство; заемный оборот есть не что иное, как денежное мытарство. Здесь видно вполне воспитание и влияние Наполеона на всех его сподвижников. Слово мытарство (tripotage) лучше всякого рассуждения показывает, с какой точки зрения он и все его последователи смотрели на кредит.— *Прим. Орлова.*

дел его честолюбию и бедствиям Европы; ибо, ежели б инстинкт собственных его выгод в сем случае ему не изменил, ежели б гений его умел оценить силу кредита, ежели б его могущественная рука могла завладеть сим ужасным рычагом, вероятно, все гигантские его предприятия были бы увенчаны успехом и все покорилось бы его власти. Может быть, народы европейские обязаны нынешнею своею независимостью отчасти предубеждениям Наполеона против истин государственного кредита.

Но как же Наполеон, коего царствование все составлено было из чрезвычайных обстоятельств, умел так долго управлять, сражаться, торжествовать без кредита, и сие не доказывает ли до некоторой степени, что займы могут быть заменены налогами и сокровищами? Нимало. Напротив того, пример Наполеона более еще утверждает основательность изложенных нами правил. Искусная система налогов в руках его дала все, что дать могла. Она служила ему для первоначального устроения его огромной армии и для поддержания оной; но после все ущербы заменялись данями побежденных. Сии дани, получаемые или в виде контрибуции в военное время или под именем вознаграждения за издержки при заключении мира, составляли сокровища, ежедневно возрождающиеся и питающие войну самою войною. Некоторые писатели считают, что он таким образом обогатил Францию 2 000 000 000 фр. В продолжение чудесных его успехов все войны были ведены быстро и кончались обыкновенно совершенным истреблением армий неприятельских. Он полагал справедливо, что земля, которая могла содержать побежденное войско, может также содержать равное число победителей. С начала почти беспрерывных войн империи более 250 000 французов питались, одевались и получали жалование и помещение на счет занятых земель. Казна обогатилась сверх того 400 000 000 фр. наличности, а военное министерство, за отсутствием половины армии, не издерживало половины ассигнованных для него сумм, так что после Прусской кампании и Тильзитского мира[43] Бонапарт возвратился в Париж, имея в казначействе своем доходы целого года вперед и огромные сокровища в погребах Тюлерийского дворца. Но сего ему было еще не довольно. Он выучил своих союзников извлекать всевозможные выгоды из налогов, и та же самая система оплатила ему вспомогательные войска. Вот средства, употребленные Наполеоном для заменения кредитной системы; но, чтоб вывести из сего пример против необходимости займов и общее поучительное правило для всех народов, надобно сперва доказать, что всякий

Наполеон заменяет систему кредита контрибуциями в военное время и вознаграждениями за издержки при заключении мира

Он призывает своих союзников к употреблению тех же средств

Сия система требует скорых, полных и совершенных успехов

честолюбец может быть Наполеоном, что счастье неизменчиво, что все сражения должны непременно кончиться победою, все войны завоеванием, все предприятия быстрым и совершенным истреблением неприятельских сил. Самая история Наполеона есть живое возражение против таковых утверждений. Все держалось таким образом до тех пор, пока обстоятельства благоприятствовали Франции. Но когда с развитием огромных видов ее политики препятствия умножились и скрытые причины случайного преспеяния стали ослабевать, когда надобно было сражаться не только с вызванными ею врагами, но и счастием, тогда недостатки ее финансовой системы скоро обнаружились.

При первой неудаче слабость оной должна обнаружиться

Уже в 1809 году, после первых неудач в Испании, прилежный наблюдатель может заметить первые последствия усиленных налогов в глухом ропоте союзников и самого народа. Тогда уже начали сетовать на ненасытное честолюбие Наполеона, на несоблюдение денежных договоров. Вскоре потом открылась война 1812 года, и хотя при начале сей роковой эпохи финансы его, по обнародованным отчетам, были еще в блестящем состоянии, но следы расстройства открываются постепенно, в преждевременном заборе податей, в затруднениях и остановке министерских ликвидаций, в своевольном уничтожении некоторых долгов правительства, в частых банкрутствах откупщиков и сборщиков налогов. В Испании армия остается без платы, без содержания. В Германии и Польше французские войска не защищают, а грабят сии государства. Пруссия жалуется, что Наполеон не платит, по условию, 84 000 000, им должных за продовольствие войск. Союзники вообще с негодованием истощают

Бедствия совершенно разрушают здание величия, основанного на столь зыбких началах

последние свои средства, не вознаграждаются за их пожертвования и начинают помышлять о перемене политики. Не прошло шести месяцев, и блестящее состояние финансов Наполеоновых исчезло, как дым. После истребления его армии министры признают, что огромный 900 000 000 бюджет недостаточен, хотя 550 000 000 назначены единственно для войны. Наполеон налагает новые подати: на прямые подати 30%, на соль вдвое, на другие предметы 10%. Он отдает половину своих Тюлерийских сокровищ и продает на 300 000 000 городских земель. Всеми сими пожертвованиями он успевает в четыре месяца выставить в поле новую армию, но едва она явилась на театр войны, как мы видим, что снова ключи Тюлерийских погребов отправлены в Париж для употребления остальной половины государственных сокровищ. «Это была,— говорит Фен,— после храбрости войск. лучшая наша надежда» [44]. Он мог бы прибавить: «и последнее

наше средство». В самом деле, армия, разбитая под Лейпцигом[45], не была уже заменена. Наполеон собрал все гарнизоны крепостей и оставил их почти без защиты; он вызвал все войска из Испании, сосредоточил все способы свои в действующей армии, сразился с 60 000 человек против бесчисленных неприятелей и должен был погибнуть. К 1 апреля 1814 года все сокровища его были расточены, и требовательный долг, сделанный посредством переборов (anticipations), доходил до 759 000 000 фр.

Падение Наполеона служит доказательством изложенных нами правил

Прежние правительства Франции пали оттого, что не умели владеть ни системою налогов, ни кредитом. Во время империи налоги были доведены до совершенства, но кредит был отвержен. Что ж случилось? Наполеон, не взирая на его гений, на его счастие, на возрастающее преспеяние своего народа, на налоги, удвоенные против налогов директории, на богатство завоеванной Голландии и Италии, ограбленной Пруссии, обложенной данью Австрии, истребил в 14 лет все способы своего отечества и остался без защиты против первых ударов судьбы.

После первого восстановления Бурбонов[46] министр финансов, барон Луи, предпринял введение кредита для уплаты требовательного долга, оставленного сверженным правительством. Он нашел много затруднений. С самого начала предположено было выпустить новых облигаций с непрерывными пятью процентами на 300 000 000 фр. Но едва первые явились на общественном рынке, как фонды начали упадать столь стремительно, что министр принужден был для удержания их ценности усилить выкупы. Из 300 000 000 всего выпущено было на 36 000 000, из коих 22 000 000 были выкуплены. Появление Наполеона в пределах Франции положило конец сему финансовому обороту.

Употребление кредита при первом восстановлении Бурбонов прервано прежде полного развития системы

В течение стодневного своего владычества Бонапарт не изменил прежней своей системы. Все надежды его обратились к налогам; однако же, вынужденный обстоятельствами, он решился также и на заем. Г-н Уврар ссудил его 50 000 000 фр. за 5 000 000 беспрерывных доходов; ибо тогда фонды теряли 47 на 100. Наполеон, против всех правил, на удовлетворение г-на Уврара взял сии доходы из капитала кассы погашения и сею последнею своею ошибкою доказал, что действительно он не понимал ни системы кредита вообще, ниже́ важного определения кассы погашения в сей системе.

В течение стодневного своего правления Наполеон, против всех правил, употребляет билеты кассы погашения на чрезвычайные издержки

При втором восстановлении Бурбонов финансы Франции были в ужасном положении. Палата депутатов 1815 года, ко-

При втором восстановлении Бурбонов система кредита ис-

кажена совершенно. Господствующая партия слагает с правительства обязанность исполнять по заключенным им условиям

торую сначала сам король назвал *находкою* (la chambre introuvable), а после принужден был распустить, восстала против всех рассудительных распоряжений министерства. Господствующая страсть большой половины ее членов была полное и чистое обращение к образу правления 1788 года со всеми его гражданскими, политическими и финансовыми заблуждениями. С таковыми представителями народа никакое благоразумное предложение не могло иметь успеха. Напрасно граф Корветто, министр финансов, соображая доходы с расходами, указывал на обязанность платить долги и на святость заключенных условий. «Положение наше трудно,— говорил он,— но, ежели б оно было еще обременительнее, и тогда было бы великодушно, нравственно, достойно короля и Франции провозглашение, посреди развалин отечества, ненарушимости данных обетов». Сии благородные слова не нашли отголоска в сердцах представителей. Докладчик палаты, г-н Корбиер, предлагая уничтожение прежде принятых мер для уплаты требовательного долга, поддерживает свое мнение следующим образом. «Неужели,— говорит он,— закон, определяющий образ уплаты прежних долгов, составляет документ в пользу государственного заимодавца? Мы сего никак принять не можем... Все, что уплачено по сему закону, конечно, невозвратно; но то, что еще предлежит к уплате, может быть остановлено, и законодатель никогда не лишается права изменить по своей воле образ уплаты». Другой член высказывает мысль свою еще яснее: «Не в первый раз,— говорит он,— представители народа уничтожили обещания королевские, исторгнутые необходимостью». Читая сии слова, мы не знаем, чему должно более удивляться, или бессовестности г-на Бональда, славящегося своей приверженностью к вере и престолу, или непостижимой недальновидности сего государственного человека. С подобными правилами дóлжно было отказаться от кредита. Это из всех соображений самое безнравственное! Это несостоятельность, обращенная в систему с высоты народной кафедры; ибо какой закон может почитаться ненарушимым, ежели закон, предложенный правительством и принятый представителями народа, для уплаты государственным заимодавцам, ежегодно будет изменяться без согласия сих последних? Впрочем, действия палаты депутатов были оценены по их достоинству в палате пэров. «Есть истины,— говорит граф Гарнье,— которые столь ясны для всех, столь естественно согласны с первоначальными правилами нравственности и справедливости, что самая их очевидность не допускает никакого

доказательства. И в самом деле, как и чем доказывать, что мы должны не нарушать святости договоров, держать данное слово, исполнять то, что обещали, сохранять заключенные условия?» Не менее того правила палаты депутатов восторжествовали, и заимодавцы правительства лишены были своих залогов и части своих доходов. К счастию Франции, сие торжество не долго продолжалось. Людвиг XVIII, принужденный избирать между кредитом и палатою депутатов, распустил сию последнюю, и после его распущения все силы правительства и министерства устремились к одной цели, к восстановлению финансов Франции чрез водворение кредита. Сие важное событие совершилось, наконец, следующим образом.

Вследствие таких предприятий против собственности заимодавцев кредит Франции гибнет

В 1816 году главою министерства был герцог Ришелье. Он не имел тех качеств, кои обыкновенно ослепляют людей, ни пылкого воображения, ни увлекательного красноречия, ни блестящего ума. Чистый рассудок, постоянство, заменяющее твердость, совесть, честь и трудолюбие составляли его гений. Политикою его была правда; целью — польза; главным средством — свободные и откровенные совещания со всеми отличными людьми, к какой бы партии они ни принадлежали. Приступая к преобразованию финансовой системы, он окружил себя всеми предосторожностями, хотел узнать все мнения народа и все оттенки общемыслия, созвал чревычайную комиссию *, которой препоручено было приготовить материалы для бюджета 1817 года и представить средства, финансовые и кредитные, для водворения порядка в государственных доходах и обеспечения казначейств. Сия комиссия, и в особенности член оной, Лаффит, исполнили наложенную на них обязанность с неожиданным успехом. Герцог Ришелье, созвавший оную, и Лаффит, коего смелое и решительное мнение восторжествовало и в комиссии, и в министерстве, и в палатах против всех предубеждений, истинно могут назваться спасителями своего отечества.

Герцог Ришелье с прямодушием ищет средств к спасению Франции

Герцог Ришелье и господин Лаффит могут назваться спасителями отечества

И в самом деле, Франция находилась в ужасном положении. Правительство Людовика XVIII имело малое число приверженцев и было ненавистно большей части его подданных. Все узы любви и повиновения были разорваны. Народ платил с негодованием и трудом установленные подати; всякий новый налог угрожал опасностью и всеобщим возмущением. Кредит казался

Положение Франции в 1816 году в десять раз затруднительнее, чем при начале революции

* Сия комиссия составлена была из следующих лиц: президент герцог Левис; члены: герцог Гаэтский, маркиз Гарнье, Яков Лаффит, Дювержье де Горан, барон Порталь, Терно старший, Морган дю Белау, Оливье. Секретарем комиссии назначен был Бертин де Во.— *Прим. Орлова.*

истощенным, и действия последнего представительного заседания должны были потрясти самые остатки оного. Притом еще Европа вооруженною рукою занимала восточные департаменты Франции, требовала с угрозами содержания ее войска и уплаты сильной контрибуции как возмездия за военные издержки. Цифрами положение выражается следующим обоазом:

Недочету на 1817 год		314 000 000
Запоздалого долга		400 000 000
Нового неотвержденного долга . . .		100 000 000
Чрезвычайных издержек на .	1818	261 000 000
	1819	253 000 000
	1820	254 000 000
Итого		1 582 000 000

Кроме постоянных издержек правительства, которые едва пополнялись уже существующими налогами, и кроме частных претензий некоторых государств, которые возрастали почти до 300 000 000 фр.; таким образом, что в 1816 году финансовое положение Франции было в три раза хуже, чем в 1814, и в десять раз затруднительнее, чем в 1789, при начале революции. Состояние почти отчаянное, из которого Франция вышла, однако же, не нарушая ни одного из своих договоров, не прибегая ни к каким насильственным мерам, без всякого вреда для общего благоденствия, с честью, славою и с новыми надеждами на непременное преспеяние государства. Все сие исполнилось употреблением чистого кредита.

Франция находит в трудах комиссии средство к спасению

В учрежденной комиссии три голоса обратили на себя особенное внимание, а именно: герцога Гаэтского, маркиза Гарнье и г-на Лаффита.

Герцог Гаэтский предлагает заем принудительный, кассу погашения временную, проценты высокие. Его план отвержен

Предполагая разные перемены в системе налогов, из которых, однако же, ясно выводилось увеличение податей, герцог Гаэтский сознавался, что одно средство налогов не могло удовлетворить нуждам правительства, и советовал прибегнуть к займу. Заем, им предлагаемый, отчасти был свободный, отчасти принужденный. Все граждане, обложенные прямыми налогами, должны были вносить почти двойные подати помесячно, в 12 сроков, и взимание сего займа должно было производиться на основании мер, принятых для взыскания прямых налогов. Сей заем приносил 5 процентов. Кроме сего, принимались также вольные взносы, кои приносили вкладчикам по 6, 7 и 8 процентов, судя по важности вносимого капитала. К сему займу

приноровлена была и система погашения, по которой каждые пять лет выкупалось и уничтожалось известное число государственных обязательств. Сочинитель плана предполагал еще отверждение займов в 1821 году по курсу 80 за 100 капитала, стараясь доказать, что сей курс представляет настоящую ценность обязательств неуплатного долга. Из всего вышесказанного следует, что герцог Гаэтский, против всех правил кредита, предлагал заем *принудительный*, кассу погашения *временную*, проценты *высокие*, отверждение долга с такими предположениями, которые ясно показывают, что он не доверяет кредиту и даже не понимает причин, по коим ценность государственных бумаг понижается или возвышается. Проект был рассмотрен и отвержен.

План маркиза Гарнье основан на огромной подати, скрытой под изысканностью средств и замысловатостью изложения

Маркиз Гарнье, рассматривая систему налогов, находил, что доходы правительства превышают расходы ⟨на⟩ 100 000 000 фр., что в четыре года даст 400 000 000. Он предлагал продать часть казенных лесов на 100 000 000 и сделать еще заем на 600 000 000 фр. Сими 1 100 000 000 он надеялся оплатить все чрезвычайные нужды государства, вывести казну из затруднения и Францию из опасности. Заем, им предлагаемый, по собственному его сознанию, принадлежал к разряду займов принудительных. Он хотел, чтоб всякий владелец имения был *обязан* внести сумму, равняющуюся трем с половиною капиталам платимых им прямых налогов, оставляя в распоряжении каждого свободу уплатить свою часть или наличными деньгами, или заемным письмом на два года, или обязаться письменно вносить ежегодно по 6 процентов с определенного участка. По сему плану вносчики наличностью получали от казны 6 процентов, заемные письма поступали в вольную продажу и после приносили тот же процент, а обязательства на уплату процентов делались новым родом публичных фондов. Долг должен был оплатиться в течение 10 лет без содействия погашения, одною только усиленною бережливостию. Сей проект был также отвержен; ибо комиссия вскоре усмотрела, что требовать насильно деньги или заемные письма равно противно правилам кредита и что сей план не что иное, как огромная подать, скрытая под изысканностью средств и замысловатостью изложения.

Проект Лаффита основан на чистых правилах государственного кредита, на признании и обеспечении запоздалого долга, на вольном займе, на устроении кассы погашения

Проект Лаффита, как все мысли истинно гениальные, отличается от всех прочих проектов своею простотою[47]. Он состоит из правил верных и общих, из исчислений подробных и точных, из выводов важных и неожиданных, обратившихся впоследствии в настоящие пророчества. Прежде всего он старается утвердить начала, на коих основано его предложение. Сии начала суть не

что иное, как начало самого кредита. Переходя потом к могуществу сего средства, он спрашивает, каким образом Франция затрудняется собранием такой суммы, которая в несколько дней пополнена бы была в Англии? Ответ легок. Франция никогда не пеклась о успокоении своих заимодавцев и еще в 1815 году нарушила свои обещания по запоздалому долгу. Англия, напротив того, всегда берегла права своих кредиторов и дорожила своим кредитом. Отсюда он извлекает необходимость прежде всякого предложения о новом займе удовлетворить законные требования заимодавцев по запоздалому долгу, отдав им и обещанные залоги и назначенные проценты. «Исполните,— говорит Лаффит,— ваши обязанности; ибо они святы и ненарушимы. Оставьте мелкие расчеты временных выгод и оснуйте ваше будущее величие на правоте и справедливости. Покоритесь самовластию срочных уплат; я ручаюсь вам за успех и честью моею и имением; я первый участвую во всех мерах, мной предлагаемых, и не поставлю других пределов сему участию, как те только, кои будут предписаны мне от самого правительства». Весь план Лаффита заключался в трех предложениях: 1) обеспечение заимодавцев прежнего запоздалого долга; 2) открытие нового займа на свободных правилах государственного кредита и 3) учреждение кассы погашения с усиленным капиталом, соответствующим не только увеличению долга, но также и недоверчивости капиталистов. Он поддержал мнение свое с таким искусством и в комиссии и в палате депутатов, что рассеял наконец все недоумения, уничтожил все возражения, убедил всех своих противников и основал навсегда во Франции государственный кредит, принудив общемыслие понять его правила и испытать его действия *. Ришелье и Лаффит водворением кредита воскресили, так сказать, свое отечество и успокоили его успешнее, чем союзная армия, коей пребывание во Франции послужило единственно к большему затруднению финансов,

Он поддерживает свое мнение с красноречием, с полным познанием предмета, с твердостию и успехом

---

* Некто из противников Лаффита возражал ему, что разделяя заем на несколько частей и лет, он ставит правительство в затруднительное положение. «Чем более долг увеличивается,— говорит он,— тем займы делаются затруднительнее. Правительство, принужденное занимать в 1817 году, теряя 47 на 100, в 1818 году понесет еще сильнейший ущерб; так что в 1820 году фонды его, вероятно, не будут иметь никакой ценности». Ответ Лаффита превосходен. Он доказывает, что частое употребление кредита не только не роняет достоинства фондов, но должно еще оное возвысить; что ежели первый заем будет сделан с соблюдением всех правил и предосторожностей, то при открытии второго капиталы явятся с излишеством и фонды непременно поднимутся. Он так тверд в своих началах и обстоя-

и сие предложение так справедливо, что немедленно после введения кредита сия армия была распущена. Сам Людовик XVIII тогда только утвердился на престоле, когда проект Лаффита, принятый в обеих палатах, обратился в государственный закон.

1817 год ознаменован во Франции принятием системы кредита в первый раз во всей чистоте ее начал

Итак, 1817 год ознаменован был принятием, в первый раз со времени существования Франции, чистых начал государственного кредита. Полный оборот финансовый, по предложению Лаффита, продолжался шесть лет, от 1817 до 1823 года, на который срок Франция освободилась от всего своего требовательного долга и записала все свои займы в большую книгу отвержденного долга, который возвысился на 1823 год до 4 013 334 720 фр. *

Устроение кассы погашения соответствует вполне ее назначению

Для сего значительного долга должно было усилить кассу погашения. Законом 25 марта 1817 года налоги на гербовую бумагу, на записи частных сделок, на государственные имущества, сборы почт и лотереи до 40 000 000 ежегодного дохода определены для составления постояного дохода погашения. Министру финансов предоставлено сделать договор с французским банком для обеспечения своевременного вноса сих сумм. Отчеты

тельства так ясно и живо представляются его воображению, что все его слова кажутся исполнены духом пророчества, все его гипотезы свершились на самом деле, и каждый расчет обратился в событие. Вот ход займов в течение нескольких лет.

В 1817 г.	I	заем	18 600 000	беспрерывного	дохода	по	55	за	100	фр.
	II	»	9 000 000	»	»	»	64	»	»	»
В 1818 »	III	»	14 600 000	»	»	»	66	»	50	»
	IV	»	17 800 000	»	»	»	67	»	»	»
В 1821 «	V	»	12 512 220	»	»	»	85	«	55	»
В 1823 »	VI	»	23 114 516	»	»	»	89	»	65	»

Вскоре потом ценность фондов перешла за именовательное достоинство оных и доходила до 115 фр. за 100 капитала.— *Прим. Орлова.*

* Вот приближенный расчет сего отвержденного долга.

Старого долга 65 000 000 доходы равняются	1 300 000 000
Запоздалого, обращенного в беспрерывные доходы . .	400 000 000
По требованию некоторых государств за прежние заборы или переборы французских войск	320 080 000
Временно собранных сумм с департаментов при втором восстановлении Бурбонов	100 000 000
По новым займам	1 892 534 720
Итого	4 012 614 720

Прим. Орлова.

погашения отделены от общего бюджета и должны представляться особенно на поверку палатам. Все государственные леса, с некоторым только исключением, служат залогом погашения и делаются его собственностью; но продажа оных не может производиться иначе, как посредством закона, определяющего достоинство и количество лесного участка, назначаемого в продажу. Сей участок, определенный на 1818 год, состоит из 150 000 гектаров, и выручка сумм составляет часть капитала кассы. Касса погашения должна действовать усиленными процентами, назначая ежедневно известную сумму на выкуп государственных обязательств.

Франция понимает все главные правила государственного кредита

Все сии частные меры поддержаны были еще некоторыми общими правилами, из коих главные суть: 1) издержки государственные разделены на расходы обыкновенные и чрезвычайные; 2) налоги удовлетворяют первые, а займы пополняют вторые; 3) займы должны быть свободны; принужденные займы навсегда воспрещаются; 4) все займы отверждены; 5) погашение отделено от казначейства, и надзор за действием оного поручен выборным членам палат; 6) иностранные капиталы принимаются без различия с туземными. Сие последнее распоряжение сделало из Парижа один из важнейших европейских денежных рынков. Оно принято вопреки усилий мелкого патриотизма некоторых людей, не понимающих важности вольного перелива капиталов и денежного равновесия.

Во время министерства Виленя кредит Франции процветает

Таковое финансовое состояние существовало во Франции до министерства Виленя, который, бывши некогда самым пылким противником кредита, сделался потом одним из приверженцев оного. В сем государственном человеке должно различать президента совета министров, коего действия были часто предосудительны, от министра финансов, коего искусство несомненно для беспристрастных людей. Касса погашения выкупила до 77 000 000 беспрерывного дохода. Фонды публичные продавались по 115 фр. за 100 капитала, так что правительство принуждено было остановить действие погашения или предложить уменьшение процентов. Сие последнее средство было предпочтено. К несчастию, оно не было исполнено согласно с правилами. На место того, чтоб сделать новый заем по 3% и вырученными суммами уплатить старые долги по 5%, министерство хотело просто переменить свои обязательства и тем самым дало сей справедливой мере вид несправедливости и принуждения. Впрочем, кредит уже так усилился, что ни ошибка сия, ни 400 000 000, издержанных противозаконно для войны в Испании[48], ни

Проценты понижаются, но понижение оных сделано без предусмотрительности и без искусства

1 000 000 000, слишком опрометчиво определенные для возмездия эмигрантов [49], ничто не могло его поколебать. Можно утвердительно сказать, что система кредита ныне глубоко укоренилась во Франции и что финансовое преобразование сего государства вполне совершилось. Главные начала признаны, оценены, испытаны народом и правительством. Остается развить все последствия оных, и тогда откроется перед Франциею обширное поприще успехов и преспеяния, к которым предназначена она от природы, давшей ей все выгоды климата, положения, физических и нравственных сил.

Правила кредита, вероятно, навсегда утверждаются во Франции

Но сия цель не так легко достигается. Многие предрассудки господствуют во Франции и, вероятно, долго господствовать будут. Между прочими можно указать на существующие еще и теперь предубеждения против кредитной системы, невзирая на все услуги, ею оказанные; на пристрастие к раздроблению недвижимых наследств, с коим никакое образование богатств и вольных капиталов согласоваться не может; и, наконец, на некоторое стремление к республиканскому правлению, для которого, кажется, Франция не создана. Подробное исследование финансовой истории в Англии покажет нам яснее, что еще остается совершить Франции, чтоб достигнуть высшей степени счастия, величия, богатства, могущества и славы.

III

АНГЛИЯ

Пример положительный

*История финансов **Англии** прежде **Вестфальского мира** ничем не отличается от событий в других государствах*

Обратимся к Англии и рассмотрим финансовую ее историю с тех же самых времен, с которых мы начали обозрение финансов французских, то есть около половины 17-го столетия.

При Карле I, во время управления долгого парламента и Кромвеля, история английских финансов представляет нам длинный ряд ложных или притеснительных мер, налогов, силой исторженных у законодательной власти, грабительств, приведенных в систематический порядок и исполняемых своевольною рукою солдатов, конфискации доходов, принадлежащих роялистам, и чрезвычайных податей, налагаемых исключительно на одних католиков. Все, что по сей части управления происходило тогда в Англии, было так сходно с тем, что делалось во Франции и в других землях, что нет надобности более распространяться об этом предмете *. Первые опыты лучшего финан-

* Надобно, однако же, объяснить, что сии упреки касаются более до общего хода финансовых дел, чем до личной честности английских королей. Достойно примечания, что верность и стойкость в уплате долгов были всегда отличительною чертою сих владельцев. «Генрих III,— говорит Ганиль,— первый оставил после себя значительный долг. Сын его, Эдуард I, уплатил оный и в свою очередь оставил долг, который уплачен был Эдуардом II. Эдуард III объявил парламенту, что, ежели народ не уплатит его долгов, он уедет в Брюссель, где останется залогом у своих заимодавцев. Запутанное дело Генриха VI было причиною переворота, лишившего его престола. Генрих VII много занимал, но всегда уплачивал; он говаривал часто, что лучше поспешить займом, чем опоздать уплатою. Генрих VIII оказался два раза несостоятельным с согласия парламента, но зато царствование его считается временем гибели и позора. Парламент уплатил новым налогом долги Эдуарда VI. Елисавета оставила 400 000 ф. ст. долга и 350 000 наличности. Иаков I все уплатил, а его долг был уплачен Карлом I. Наконец, при возвращении Стюартов [50], парламент назначил особые суммы для

сового устройства показываются только со времени восстановления Карла II. После жестокого переворота, поколебавшего все основания гражданского быта в государстве, Англия долговременною борьбою и ужасными несчастиями не приобрела почти ничего, кроме беспрекословного утверждения права собственности и некоторого уважения к мнениям и суждениям граждан, соединенных общим духом народным. Но это было очень важно; ибо на сих двух обстоятельствах государственный кредит основался как бы сам собою.

Первые улучшения в финансах начинаются с восстановлением Стюартов. Разделение расходов на постоянные и чрезвычайные

Едва Карл II вступил на престол, как явилось первое, весьма важное финансовое начало — разделение государственных доходов на постоянные и чрезвычайные издержки. Скоро потом приступлено было к преобразованию билетов казначейства. Новое устройство оных ввело законную очередь уплаты по порядку займов и тем самым отклонило всякое пристрастие. Это второе финансовое начало, принятое правительством, имело полезнейшие последствия. Коль скоро закон был обнародован, банкиры начали ссужать взаймы на билеты казначейства по умеренным процентам на короткие сроки. От сих, часто возобновляемых и всегда уплачиваемых, займов родилась некоторая взаимность между капиталистами и правительством, которое приобрело возможность при самом выпуске своих билетов употреблять свои доходы и оценять будущие взносы налогов до 2% на процент разницы. Третий финансовый оборот еще более достоин внимания. Парламент назначил особенную сумму для уплаты долгов, сделанных во время междуцарствия, и обратил требовательный долг казначейства в долг отвержденный. Сей опыт тем замеча-

Очередная уплата билетов казначейства

Назначение особенной суммы для уплаты долгов междуцарствия

Обращение требовательного долга в долг отвержденный

уплаты долгов революции». Из всего сего можно заключить: 1) что как частные лица почти все короли Англии исполняли свято свои денежные обязанности; 2) что все сии займы совершились как займы срочные, то есть с условием уплаты капитала, чем самым и доказывается, что тогда о государственном кредите и помышления не было; 3) что, не постигая средств и не понимая важности государственного кредита, сии владельцы основывали всю свою финансовую систему на одних только налогах и прибегали часто к притеснительным и ненавистным мерам. Для них займы были дело частное, а налоги — дело государственное и общее. Они были исправные плательщики и остались честны пред лицом своих заимодавцев, но были также ненасытные собиратели податей и часто доводили народ до отчаяния. В сем обстоятельстве дóлжно искать причины английского переворота, который совершился без всякого явного недочета, без всякой несостоятельности правительства. Противуположность странная между французскою и английскою революциями, но ведущая к одному заключению! Там, во Франции, переворот произошел от дурной системы кредита; здесь, в Англии,— от совершенного недостатка в кредитной системе.— *Прим. Орлова.*

телен, что он был первый в своем роде; но хотя впоследствии он оказался и полезным для государства, начав эпоху новой кредитной системы, надобно сознаться, что частные меры, принятые для отверждения долга, были весьма притеснительны и обратили на себя всеобщее негодование. Не менее того в 1672 году требовательный долг казначейства был превращен в отвержденный по 6% вечных процентов, коих уплата продолжалась беспрерывно до кончины Карла II. Конечно, царствование сего короля не есть одно из блестящих царствований английской истории, но оно довольно важно по части управления финансов. которое приняло тогда многие начала, истинно полезные, и, не взирая на личную склонность Карла к расточительности, посеяло в Англии, по настоянию парламента, семена бережливости, благоустройства, порядка и, что еще важнее, государственного кредита.

Финансовые ошибки Иакова II

При вступлении на престол Иакова II одно из первых его действий было прекращение уплаты вечных процентов. Все заимодавцы правительства подали прошения в судебные места и положили начало сей великой тяжбы, которая кончилась изгнанием Стюартов [51]. Достойно замечания, что перемена династии совершилась без всяких судорожных явлений и почти без пролития крови, потому что, согласно с правилами, нами показанными, преобразование внутреннее сделалось необходимым тогда когда преобразование хозяйственное находилось в полном и успешном развитии.

При Вильгельме III принятые правила получили строгое исполнение, но займы заключались не согласно с системою кредита. Мысли и понятия не созрели еще в народе

В царствование Вильгельма III правило разделения государственных издержек на обыкновенные, пополняемые также обыкновенными налогами, и чрезвычайные, оплачиваемые займами, было приведено в действие. Первые займы, однако же, показывают недостаток зрелости в кредитных оборотах. Теория вечных беспрерывных процентов, примененная к прежним долгам, не была принята для новых займов. Все они заключены были на ложных соображениях, с срочными взносами, с представлением залогов, с распределением уплаты в 96 лет по 7% (annuités de 96 ans), с пожизненными доходами по 14% на одну, по 12% на две и по 10% на три головы. Невзирая на сии огромные проценты, выгоды государственные были соблюдены тем, что, по принятому правилу, изобретательный ум министров принужден был трудиться не над выдумкой новых податей, но над формою займов. Налоги же оставались прежние или прибавлялись почти нечувствительно, а неизменчивость налогов так важна, что многие государственные люди не без причины предпочитают по-

стоянство в системе податей лучшему устройству оных *. Приняв за правило употребление кредита на пополнение чрезвычайных издержек, Вильгельм III обратил свое внимание на понижение процентов. Для сего нужно было образовать капиталы и одушевить торговлю. И то и другое исполнено учреждением Ост-Индской компании[52] и Английского банка[53], по образцу таковых же заведений, давно учрежденных в Голландии, где король имел случай узнать все подробности внутреннего их управления и оценить выгоды, ими приносимые государству. Ост-Индская компания дала внешней торговле новую жизнь. Английский банк имел то же влияние на внутренние обороты; и оба сии учреждения были первым опытом в обширном виде духа сотоварищества, который впоследствии был источником всей славы и всего мужества Англии **. При скромных своих

Вильгельм определяет систему займов для чрезвычайных издержек. Он хочет образовать капиталы и понизить проценты

Учреждает Ост-Индскую компанию и Английский банк и тем достигает своей цели

* Всякий налог вводится по каким-либо соображениям, но редко опыт оказывается согласным с сими соображениями. Иногда правительство налагает подать на производителя, а в самом деле она платится потребителями; отчего, против всех предложений, прямой налог превращается в косвенный. В другой раз правительство возвышает косвенную подать, как, например, во Франции по случаю ввоза вин в города, и тем самым приводит в расстройство земледелие, которое желало поддержать. Всегда почти воздействие совершенно противно действию, и беспристрастный наблюдатель должен сознаться, что никто не может решительно утвердить при учреждении новой подати, на кого именно она падет. Но по истечении некоторого времени действие налога делается очевидным. Подать, давно учрежденная, исполнила полное свое кругообращение, произвела все зло, которое могла произвести, разорила всех людей, коих должна была разорить, изменила все ценности и привела их опять в равновесие, вошла в общий обычай и потеряла все свои зловредные качества. Таковая подать, испытанная временем, не должна быть переменена, разве только в таком случае, когда она точно оказалась или вредною, как, например, личная повинность, или безнравственною, как подать, собираемая с лотерей или с игроцких домов. Во всяком другом отношении старый налог всегда лучше нового потому только, что он стар, а тот нов. Сия истина, плод долговременного опыта, недавно принята только в Европе, а Англия более ста лет неотступно руководствуется сим правилом.— *Прим. Орлова.*

** Изобилие денег вообще и изобилие капиталов суть два обстоятельства, совершенно различные. Ежели капиталы раздроблены и дух сотоварищества не существует, то сии раздробленные суммы нимало не способствуют к совершению займов. Один отличный военный писатель справедливо говорит, что не присутствующие, но действующие войска выигрывают сражения (ce ne sont pas les masses présentes, mais les masses agissantes qui gagnent les batailles). Сия истина применяется также и к кредитным правилам. И тут можно утвердительно сказать, что государственный кредит пользуется не рассеянными деньгами, но сосредоточенными капиталами. Сии последние одни только доступны для займов правительства. Они одни представляют в кредите то, что военный писатель называет действующими массами. Здесь мы должны заметить, что говоря о банке и об Ост-Индской

началах они учреждены были преимущественно для пользы правительства. Привилегия была им продана за новый, по тогдашнему времени весьма выгодный заем, по 8%. Акционеры, действуя соединенными капиталами и принадлежащие по большей части к числу людей, имеющих голос и вес в государственных делах, не устрашились войти с правительством в сношения, коих частные люди нередко избегали. Располагая огромными средствами, они предпочли дробному употреблению сумм помещение оных большими частями за уменьшенные росты, тем более, что прибыли товарищества и обладание векселями правительства вознаграждали их с избытком за умеренность процентов. Заем совершен был на определенный срок привилегии, но в самом деле сей срочный долг сделался долгом отвержденным, ибо привилегия время от времени была возобновляема, и долг не только не уплачивался, но еще постепенно возрастал. Существование сего долга, никогда не уплачиваемого и всегда отсрочиваемого, в глазах целой Англии, с общего согласия и к взаимной пользе заимодавцев и занимателя, есть обстоятельство, весьма важное в истории английских финансов. Оно приготовило умы народа к мысли о возможности заключать денежные договоры на новых, прежде сего не известных, условиях. Мало-помалу мысль сия начала распространяться и, наконец, столь сильно укоренилась, что в конце царствования Вильгельма III теория бессрочных займов и беспрерывных процентов была предметом соображений всех капиталистов и мало находила противников в обществе. Англия тогда созрела для принятия всех правил публичного кредита, кои вскоре потом и начали постепенно развиваться. Вильгельм оставил после себя 14 949 926 ф. ст. государственного долга *.

Ежесрочное возобновление банкового долга породило в народе мысль о беспрерывных процентах и, следственно, об отверждении новозаключенных займов

компании, мы отнюдь не имеем намерения превозносить монополии учетов и торговли, представленной им в Англии. Напротив того, мы весьма согласны с теми, кои полагают, что всякая монополия вредна для развития богатств. Но мы смотрим на сии учреждения как на средства, употребляемые для водворения государственного кредита, а в сем смысле они способствовали к достижению сей цели и тем самым с избытком заплатили Англии за данную им привилегию. Сие еще более объяснится, когда мы приступим к подробному изложению Английского банка и его преимуществ.— *Прим. Орлова.*

* Всем известно, что наследница его, королева Анна, вопреки открытому направлению своей политики, сохраняла в тайне сердца своего привязанность к изгнанным Стюартам и не любила памяти Вильгельма. Она приказала строго рассмотреть и поверить счеты прежнего правления, и парламент в заседании 1702 года нашел в оных ошибку, не превышающую четверти пенса. Сия ошибка поправлена была торжественно, особенным законом. Какая почесть, отданная правителю и его правлению! — *Прим. Орлова.*

Королева Анна следует системе Вильгельма до 1710 года

При вступлении королевы Анны на великобританский престол министры ее следовали в управлении финансами направлению, данному Вильгельмом. Европа была тогда во всем пылу упорной войны за наследство Испании[54]. В сих чрезвычайных обстоятельствах займы были единственным средством для поддержания усилий Англии, и сии займы все совершались попрежнему на сроки, с уплатою капитала и процентов; но в 1710 году вся система вдруг переменилась, и финансы Англии сделали огромный шаг к совершенству. Сие исполнилось посредством нового общества, устроивавшегося тогда в Англии. Несколько кредиторов правительства, имеющих в руках довольно значительное количество государственных срочных обязательств, соединились в компанию и предложили министерству отверждение сего долга по 6% за право торговли на юге. Предложение их было принято. Южная компания составилась, а 9 870 325 ф. ст., составлявшие срочный долг правительства, были переименованы в отвержденный долг с уплатою 592 219 ф. ст. ежегодных вечных процентов. Сей финансовый оборот сделался предметом жарких прений и в обществе и в обеих палатах парламента. Правительство, отверждая долг Южной компании, имело, по договору, право дать 8 процентов за каждые 100 полных ф. ст., или 6 процентов за 133 ф. ст.; ибо тогда бумаги государственные теряли около 40 на 100 капиталу. Оно решилось на последнее, и сие решение оказалось вскоре совершенно согласным с настоящими правилами кредита. Не менее того противники министерства сильно восстали против меры, истощая для защиты своего мнения все возможные возражения. После продолжительной борьбы правительство, наконец, восторжествовало, и тогда же парламент и все просвещенные люди в Англии решительно согласились, что в системе отвержденных долгов должно всегда предпочитать увеличение капитала с уменьшением процентов всякому понижению капитального цифра с возвышением процентного. Итак, сия финансовая отвлеченность, которая только в 1825 году начала занимать умы во Франции и теперь еще имеет там и во всей Европе мало защитников, была раскрыта, обсуждена и принята в Англии за несколько лет до заключения Утрехтского трактата[55]. Все преимущество сего последнего государства, вся тайна его величия, силы и богатства состоит в том, что оно опередило все народы на поприще государственного хозяйства и целым столетием прежде других европейских держав пользовалось монополиею устройства и здравых мыслей в управлении финансовыми и кредитными силами.

В 1710 году учреждение Южной компании дает случай сделать в первый раз отвержденный заем

При заключении сего займа особенное внимание правительства обратилось на понижение процентного цифра, невзирая на возвышение цифра капитального

Прения в обеих палатах по сему предмету доказывают, что Англия опередила всю Европу целым столетием на поприще государственного хозяйства. Здесь источник ее преспеяния

«Народы,— говорит Ганиль,— ищите ключа вашего преспеяния и могущества в истории ваших финансов!»

Оборот с Южною компаниею принуждает банк и Ост-Индскую компанию понизить еще проценты

Другие события сего царствования не менее примечательны. Вслед за договором с Южною компаниею при возобновлении своих привилегий банк и Ост-Индская компания дали заимообразно правительству без процентов первый 400 000, а вторая 1 200 000 ф. ст. Сей беспроцентный заем отвечает совершенно понижению процентов на весь капитал долга. Война за испанское наследство, которая имела для Англии столь великие последствия и основала все ее могущество, ознаменовала также бережливость правительства. Она стоила Англии не более 2 060 617 ф. ст. ежегодных процентов, тогда как усилия Франции обошлись этой последней не менее 2 577 873 863 фр. требовательного долга. При смерти королевы Анны весь долг Англии состоял из 52 145 361 капиталом, а процентами из 3 351 357 ф. ст. Почти весь долг сей был уже отвержден.

Война за наследство Испании ведена была с примерною бережливостью

Сравнение между Франциею и Англиею обращается, без сомнения, в пользу последней из сих двух держав

Дошедши до сего периода, мы заметим, что при смерти королевы Анны, которая случилась незадолго перед смертью Людовика XIV, финансовое состояние Англии отделяется уже резкою чертою от положения Франции. Здесь мы видим пышного короля, окруженного толпою умов всякого рода, отличных министров и славных полководцев, увлекающего Францию к ужасной пропасти по дороге, усеянной цветами утонченного, но ложного просвещения, украшенной роскошными памятниками гордости и честолюбия. Там, в Англии, находим народ, менее способный предаваться прельстительным обольщениям бесплодной славы, народ, вникающий глубоко в самую сущность своей жизненности, повинующийся не столько порывам страстей своих, чем дознанным и постоянным выгодам; народ, полагающий силу не в наружном блеске, но в развитии богатств, а богатства — в устройстве финансов. Во Франции правительство занимает обеими руками, без всякого разбора, и притом грабит своих заимодавцев, пре́зренных и презрительных, лишенных всякой защиты закона, всякого политического веса. В Англии, напротив того, правительство призывает к себе на помощь граждан именитых, почтенных и свободных, входит с ними в сношение, излагает свои нужды, основанные на общих выгодах государства, рассуждает с ними и, наконец, соображает средства к уплате по силе заключенных договоров. От необходимости заключать займы рождается наука уплачивать долги. От стойкости в условиях происходит готовность заимодавцев, легкость займов и понижение процентов. Сие различие в

Наука владеть кредитом родилась от необходимости заключать займы

системе должно было непременно произвести разность в жребии сих двух держав, и беспристрастный историк сих времен, сравнивая великолепные торжества Версальского двора и громкую надменность французской политики среди самых несчастий войны и пред неминуемым банкрутством с умеренностью Англии при устройстве ее финансов и победах Марльборука, ясно предвидит, что Франция гордо и быстро неслась к погибели, а Англия скромно, но верно подвигались к прочному величию и к постоянной славе.

При Георге I Вальполь делает первый опыт погашения

Начало царствования Георга I примечательно первыми мерами, принятыми для воздействия против государственного долга. Роберт Вальполь предложил парламенту употребление излишка доходов на уплату срочных займов. Конечно, между сим простым предложением и учреждением кассы погашения расстояние велико; конечно, сия мера, еще мало обработанная, была сначала и дурно понимаема и слабо исполняема; конечно, суммы, определенные на уплату долгов, были часто отвращаемы от их назначения; но не менее того мысль о воздействии против накопления государственного долга была торжественно принята, и эта мысль получила вскоре полезное развитие. Другое предприятие правительства заслуживает также полное одобрение. Министерство, удостоверившись, что частные проценты в торговых оборотах не превышают 5%, открыло и пополнило на сих условиях новый заем, который употреблен был на уплату всего требовательного долга. Сей оборот признан впоследствии примерным и основал новое практическое кредитное правило, которое с тех пор принято было всеми последующими министерствами. Сие правило есть следующее: «Невыгодный государственный заем не может быть иначе уплачен, как посредством нового, выгоднейшего займа». Сколь при первом взгляде сие правило ни кажется простым, однако же должно сознаться, что, кроме Англии, никто еще в Европе до наших времен не приводил его в действие. Впрочем, существующее уже устройство в финансах весьма много способствовало к успешному окончанию сего дела. Банк и Ост-Индская компания сами собою предложили понижение процентов. Все капиталисты понимали уже так твердо теорию кредита и чувствовали так глубоко выгоду владеть векселями правительства, заменяющими во всех отношениях их наличность и сверх того приносящими им достаточные росты, что банк взялся уплатить сполна всем заимодавцам, кои не соглашались на понижение процентов. Сие новое предложение породило соревнование во всех

Англия для уплаты прежнего своего обременительного долга заключает новый заем на выгоднейших условиях. Оборот сей признан примерным в своем роде

Он совершился к общей выгоде правительства и капиталистов и всего народа

других компаниях, и в то же самое время, когда во Франции акции Лау и банковые билеты не имели почти никакой ценности, в Англии Южная компания за новые преимущества в торговле обязывалась через 7 лет понизить свои процентные доходы от 6 до 4%. Сей последний оборот продолжался 10 лет, до 1727 года, в котором последняя часть пожизненных доходов была или уплачена, или обращена в 4-процентный доход. Однако же сие исполнилось не без потрясений. Англичане пристрастились к акциям Южной компании почти с таким же бешенством, как французы к билетам Лау. Но развязка была совсем другая. Правительство почувствовало, что в общей беде оно должно бо́льшую часть убытков взять на себя. Оно много потерпело, но вскоре потом понижение процентов вознаградило его за добровольное и мудрое его пожертвование. Нельзя не остановиться еще раз на сем различии между казенною, или фисковою, системою Франции и вольною, или кредитною, принятою в Англии. Сия последняя, едва еще введенная, принесла уже свой драгоценный плод. Она приучила правительство дорожить достоянием граждан и видеть в нем свое огромное, неисчерпаемое, беспрестанно увеличивающееся сокровище, между тем как во Франции министерство едва умело прикрывать свои ошибки и оплачивать безрассудные издержки преступными банкрутствами *.

Падение акций Южной компании дает правительству новый случай доказать свое благоразумие

Взяв на себя почти все убыли и убытки, правительство раскладывает оные на всю массу народа

Царствование Георга I, столь обильное мудрыми распоряжениями по части финансов, замечательно еще учреждением погашения. Первая мысль, как мы выше видели, неотъемлемо принадлежит Роберту Вальполю, но развитие оной и приведение в некоторый порядок есть дело лорда Стангопа. Сей последний разделил долг на четыре разряда и назначил для постепенной уплаты оного особенные суммы, которые известны были с тех пор под именем четырех фондов Стангопа и состояли из

Учреждение четырех фондов лорда Стангопа развивает мысль Вальполя о погашении

* По исчислению Монверана, падение Лау обогатило казну и уничтожило 38 000 000 фр. ежегодных процентов; а падение акций Южной компании увеличило долг Англии до 5 000 000 ф. ст. При первом взгляде выгода в пользу Франции кажется несомненною. Но последствия показали, чей расчет был вернее, того ли правительства, которое искало одного временного облегчения и, подобно варварам, рубило дерево для овладения плодами оного, или того, которое предпочло всем мелким соображениям и видам сохранение своего кредита? Впрочем, здесь рассудок совершенно согласен с мерами, принятыми в Англии. Что значит для правительства взять на себя в общем бедствии убыли и убытки? Не что иное, как разложить оные на всю массу народа.— *Прим. Орлова.*

прибылей уменьшенных ростов, из перевеса доходов над расходами и из разных других источников. Суммы сии, по недостатку положительных познаний о системе погашения, которого и имя тогда еще не было известно, долго оставались без употребления или были отвращаемы от их назначения; но не менее того они оказали в разных случаях большие услуги и существовали до 1786 года, в которое время славный Питт соединил их в одну массу, привел в порядок, увеличил и дал новой кассе погашения действие постоянное, однообразное, верное и правильное.

Погашение Стангопа приносит свои плоды в начале царствования Георга II

В начале царствования Георга II капитал погашения доходил уже до 11 374 942 ф. ст., то есть составлял более пятой части всего государственного долга. Воздействие сего сильного капитала на все финансовые обороты сделалось заметным при заключении первых займов необыкновенным понижением процентов. В 1739 году заем совершился по 3%. Затруднения внешней торговли и опасность, коей подвержены были тогда капиталы, употребляемые на море, покрытом французскими и испанскими корсарами, имели некоторое влияние на понижение процентов. Сие насильственное скопление капиталов не может само по себе считаться выгодою для государства; но правительство успело воспользоваться сим случаем и обратить в пользу общественную то, что грозило опасностью народу. Парламент принял закон, по которому все проценты государственного долга понижены были на 3,5 до 1757 года, а с того времени должны были считаться по 3%. Банк и касса погашения, первый по своему согласию, вторая по распоряжению правительства, получили повеление уплачивать сполна всем должникам, не соглашавшимся на понижение ростов. Сия уплата не простерлась выше 3 290 041 ф. ст. 16 шилингов 1 пенса. Правительство почло тогда за нужное различить начало и определить достоинство государственных долгов. Оно объявило, с согласия парламента, что уменьшение процентов дошло до последней степени возможного понижения, и сие объявление послужило также к поддержанию кредита. С тех пор кажется, что в Англии 3% приняты вообще за последнюю степень, или за minimum, ростов. Сие мнение перешло там почти в государственное кредитное правило. Долг разделен был на три главные разряда, на трехпроцентный простой (3% simples), на трехпроцентный отвержденный (3% consolidés), на трехпроцентный уменьшенный (3% réduits). Первый разряд составился из обязательств правительства банку, Южной и Ост-Индской компаниям; второй из дол-

Проценты всего английского долга понижаются до 3,5 и 3%

Объявление уплаты противящимся заимодавцам не причиняет никакого затруднения

Правительство определяет последнюю степень, или minimum, понижения процентов

Долг Англии разделен на три части: на трехпроцентный простой, отвержденный и уменьшенный

гов, заключенных первоначально по 3% с другими заимодавцами; а третий из тех сумм, кои подвержены были понижению ростов вышесказанным актом парламента. Сей последний долг, который приносил до 1757 года лишний полупроцент, получил на рынке перевес против прочих долгов и пользуется еще поныне некоторой, хотя весьма маловажной премией, без всякой удовлетворительной на то причины. Впрочем, правительство, кажется, находит некоторую удобность в сем различном достоинстве долгов при заключении новых займов и тщательно оную сохраняет. Но сие обстоятельство касается более до местных соображений, чем до основных и общих правил государственного кредита.

Курс для сих частей долга не одинаков, и правительство находит выгоду в сохранении сего неравенства

Однако же не все финансовые обороты сего царствования достойны одобрения. Займы в виде лотерей и другие соображения, коих запутанность составляла все мнимое достоинство, препятствовали полному развитию кредита и останавливали действие погашения. Сие последнее еще не было тогда совершенно устроено и часто повиновалось побуждениям личных выгод. Парламенту препоручено было определить качество и количество долга, назначенного к выкупу. Сие определение делалось втайне; но тайна сия редко сохранялась. Члены парламента и даже министры участвовали сами в кредитных делах или имели друзей и родных, участвовавших в оных. Всякий старался обратить действие погашения на те самые обязательства, которыми он обладал, ибо каждый был уверен, что сие действие погашения возвысит их достоинство. С другой стороны, определение количественной суммы выкупа оставляло часто погашение без употребления, ибо после быстрого, но кратковременного действия, назначенные капиталы истощались, а курс обязательств государственных оставался без поддержания. Таким образом, погашение было мало полезно для государства, и сей недостаток, в частных мерах управления оным, существовал до министерства известного Питта. Не менее того теория государственного кредита постепенно возрастала и укоренялась во всех умах не только посредством печатных сочинений о сем важном предмете, коих вышло более 700 в продолжение нескольких лет, но также и чрез свободные прения в парламенте. в коих участвовали все государственные люди и все глубокие умы Англии; таким образом, что, невзирая на ошибки правительства, на слабое образование и слабейшее еще действие погашения, наука о кредите и с ней вместе многие истины общественного хозяйства созревали постепенно и вносились, одна по-

Действие погашения не было еще совершенно хорошо определено, и система выкупов была ошибочная

Но сие не мешало водворению всех других правил государственного кредита

сле другой, в гражданские постановления Англии. Три большие компании: банк, Южная и Ост-Индская всеми силами своими поддерживали сие движение умов, ибо все они, по счастливому стечению обстоятельств, были как будто посредниками между обществом и правительством, завися от сего последнего своими отданными капиталами и не менее того действуя на него влиянием своим на ход денежных дел и кредитом в новых займах. Кроме сего, два особенные обстоятельства весьма способствовали к утверждению конечного преобразования финансов: во-первых, неудача претендента, твердость и народственность кредитных постановлений посреди его успехов, за коими вскоре последовало решительное уничтожение остатков Стюартовых приверженцев; во-вторых, счастливая Семилетняя война[56], в продолжение которой Англия показала в первый раз ту политическую самостоятельность, которую сохранила она потом во всех других европейских континентальных войнах. Итак, в течение царствования Георга II все условия для введения государственного кредита были исполнены, теория оного была обработана, внутреннее спокойствие упрочено и преспеяние народное в полном развитии.

К совершенному принятию оных способствовали, во-первых: содействие трех торговых компаний

Во-вторых: твердость кредитных постановлений во время успехов претендента

В-третьих, успехи Семилетней войны

Семилетняя война кончилась при Георге III. Она стоила дорого, но Англия получила огромное возмездие за свои пожертвования. Величие сей державы, основанное Утрехтским трактатом, утвердилось миром, заключенным в Фонтенебло[57]. Сравнивая сии две эпохи, разделенные между собою одною только половиною столетия, мы невольно удивляемся краткости времени, употребленного на достижение столь великого могущества. Сия почти непостижимая задача решается, однако же, самыми простыми цифрами. При королеве Анне государственный долг состоял из 52 145 361 ф. ст. капиталом и платил 3 351 357 ф. т. процентами. В 1763 году долг простирался до 139 501 602 ф. ст., а платил процентами только 4 681 146 ф. ст., следовательно, долг капиталом увеличился втрое, а проценты прибавились одной только третью. Между тем сколько подвигов совершенных? Сколько областей завоеванных? Сколько колоний основанных? Сколько славы, сколько влияния приобретенных? Какое необъятное развитие внешнего и внутреннего богатства, всех сил торговых и военных на твердой земле, а особенно на море? И все сие исполнено не более, как в 48 лет! И все сие стоило Англии только 1 329 789 ф. ст. прибавления к ежегодным ее издержкам! Которая из держав европейских может стать наравне с Англиею и предложить удивлению

Искусное употребление кредита возводит Англию в 48 лет до высокой степени славы, могущества и величия

потомства подобный вывод из своих бюджетов? Вот что такое кредит. Для него нет предприятия невозможного; нет успеха сомнительного; нет потери безвозвратной; нет войны разорительной; нет вынужденного мира. Царствование Георга III еще более ознакомит нас с чудесами государственного кредита в двояком отношении: простоты принятых правил, кои тогда получили почти всевозможное совершенство, и огромности цели, к коей устремится Англия. Но прежде изложения успехов Англии на сем новом поприще хронологический порядок требует, чтоб мы показали, как сия держава временно отклонилась от путей кредитных и как она строго за то была наказана. Несчастия, вскоре последовавшие за сим отступлением от настоящих правил кредита, послужат новым доказательством предлагаемых нами истин и покажут правительствам, что для кредита, как для всех существенных народных потребностей, нужно не только, чтоб начала его были введены и приняты, но чтоб они были всегда и строго соблюдаемы.

Без всякого сомнения, эпоха, нами описанная, от 1714 до 1762 года, была для Англии временем случайного и отчасти обдуманного преспеяния. До заключения мира самые благоприятные обстоятельства, поддержанные хорошими учреждениями и рассудительным употреблением кредита, вознесли Англию до высокой степени могущества и славы. Но сие совершилось не без напряжения народных сил, не без смешения с мудрыми распоряжениями грубых ошибок со стороны правительства. Между сими последними можно заметить совокупное употребление тяжелых налогов с системою займов. До тех пор, пока война, предав все моря владычеству Англии, поддерживала ее усилия огромною торговлею, состояние народа было сносно, и подати уплачивались без ропоту и без недоимок. Но когда заключенный мир открыл всем народам свободный путь по океану, когда Франция, Испания и другие народы стали состязаться с Англиею на всемирных рынках, все неизбежные последствия обременительных налогов внезапно сказались. К несчастию, ропот и негодование общества обратилось не на настоящую причину бедствия, но на единственное средство, могущее исцелить страдания Англии. Народное обвинение пало на кредит. Общественное мнение вооружилось против огромности отвержденного, безуплатного долга и под влиянием нескольких писателей потрясло доверие к системе займов. В течение двух лет несостоятельность Англии была предсказана 23 раза в неосновательных, но красноречивых сочинениях. Перемена сде-

Правительство при всей своей осторожности делает важные ошибки, из коих главная состоит в неосмотрительном возвышении налогов

Сии ошибки суть главные причины затруднительного положения Англии при заключении мира

Ропот народа падает не на налоги, но на кредит

Правительство переменяет свою финансовую систему

лалась вскоре ощутительная не только в народе, но в самом правительстве. Сие последнее отказалось от займов, начало обрабатывать преимущественно систему налогов и даже осмелилось занести неосторожную руку на капиталы погашения. Глубокое мирное состояние продолжалось 18 лет, и в течение сего времени, которое достаточно было для выкупа большой части государственного долга, ежели б суммы погашения не были отстранены от их назначения, сей долг остался почти в том же положении, в котором он был при окончании Семилетней войны. Кроме сего, министерство, полагая на систему налогов все свои надежды и не смея обременять Англию новыми податями, обратило на колонии свою пагубную деятельность. Отсюда обложение Америки, начатое с такою неосторожностью, поддержанное с таким упрямством, наказанное общим возмущением[58] и доведшее Англию до края погибели. Сие возмущение принудило правительство к тому, чего оно столь долго избегало. Начались новые займы, но займы не отвержденные, соединенные с лотереями, разделенные на долгие пожизненные доходы, уничтожающиеся в 1808 и 1860 годах. Сии меры имели и должны были иметь вредные последствия. В 1781 году проценты уже возросли до 5,5 и до 6 на сто. Неудачи военных действий, безуспешность усилий усугубили еще ропот народа и возвысили цену денег. Правительство заняло более 100 миллионов ф. ст., из коих оно получило едва только 75 000 000. Новые 5%, выпущенные по 117 и по 111%, проданы были по 85 капиталистам, а в подрядах были взяты только за 70 ф. ст. Таково было управление средствами кредита в Англии во все почти продолжение войны о независимости Америки, до тех пор, пока молодой Питт на 23 году своей жизни принял бразды правления. Тогда слава Англии была помрачена, влияние ее на Европу уничтожено, постыдный мир был неизбежен, целое почти полушарие потеряно, кредит убит, долг удвоен без пользы. При очищении счетов 1786 года государственный долг доходил до 268 100 379 и платил процентами 9 512 232 ф. ст.

Оно усиливает налоги на колонии, и Америка возмущается

Оно прибегает к займам, но заключает их против всех правил кредита

Оно доводит Англию до края погибели

Но каждое событие в английской истории как бы нарочно служит доказательством нашей системы. Весь свет знал несчастное положение Англии; весь свет верил скорому ее падению, и многие державы готовились овладеть ее наследством и владычеством морей. Никто не подозревал в 1783 году, при заключении мира с Америкой, что еще в 1781 году она опять обратилась к истинным правилам кредита. И в самом деле, кто бы мог тогда подумать, что сия изнуренная усилиями Англия,

Новое министерство под начальством Питта обращается к кредитной системе и в 10 лет поправляет состояние Англии

не могшая покорить десятую часть возмущенных своих колоний, согбенная под бременем неуплатимого долга, явится чрез 10 лет на театре политики более чем когда-либо могучая, сильная, богатая, деятельная и достигнет до высочайшей степени славы и преспеяния, невзирая на все усилия, на все счастие, на весь гений Наполеона, играя, так сказать, и ненавистью опаснейшего врага, и внутренними своими беспокойствами, и ужасами истребительной двадцатилетней войны.

Сия эпоха, от 1783 до 1793 года, славна в истории Англии. Здесь мы не будем следовать хронологическому порядку, показывая шаг за шагом отдельные факты, представляющие постепенные успехи науки; но мы постараемся соединить в нечто целое всю систему государственного кредита, как ее обнял, обработал и утвердил молодой Питт, признанный отныне главою английской политики.

Питт поддерживает мореплавание, торговлю и промышленность

Мы не намерены распространяться о мерах, принятых Питтом для поддержания торговли, промышленности и земледелия. Мореплавание и торговля нашли свои выгоды в учреждении портофранков и транзита, сей дани, наложенной на произведения целого света, в присуждении вывозных премий (les primes d'exportation) и в заключении торговых трактатов. Признание независимости Северной Америки весьма послужило к возбуждению промышленности. По мере как сей новый народ трудами своими извлекал несметные богатства из недр плодоносных своих полей, он более и более нуждался в произведениях английских фабрик. Вскоре свободные сношения между двумя враждебными племенами обратились в самую выгодную торговлю, и Англия взамен утраченной бедной колонии приобрела богатого потребителя своих изделий. Таким образом самые бедствия несчастной войны обратились в пользу и сделались источником нового преспеяния. Другое внутреннее зло, укоренившееся в Англии, налог для бедных (la taxe des pauvres), получило также новое направление. Не имея способов приступить к уничтожению оного, Питт решился извлечь из него по крайней мере временную выгоду. По новым его распоряжениям сей закон обратился в премию для промышленности, сбавил плату наемных работников, дал способ Англии предлагать на всех рынках изящные свои произведения за умеренную цену и, улучшив состояние самих фабричных, возвысил их также на степень потребителей *.

Независимость Америки делается для Англии новым источником преспеяния

Налог для бедных обращен в премию для промышленности

* Нам известно, как сильно ныне восстают в Англии и везде в Евро-

Земледелие усовершенствуется введением севооборота и системы больших мыз

В свою очередь земледелие сделалось предметом особенного ободрения. Приглашенные правительством ученые агрономы развили теорию севооборотов и всего домашнего хозяйства; богатые помещики, удостоверившись в истине новых теорий, занялись приведением их в исполнение и не пощадили своих капиталов. Тогда земледелие обновилось и родилась система больших мыз (le systême des grandes fermes), которая так много способствовала к выгоднейшему возделыванию полей и улучшению скотоводства. Все сии причины и многие другие, коих исчисление было бы здесь неуместно, успели скоро изгладить все следы долгой и несчастной войны, и влияние их на богатство народное было столь быстро, что общий поземельный доход, который по исчислению Сенклера (St. Clair) не простирался в 1783 году выше 72 000 000 ф. ст., дошел в 1791 году до 78 182 600, по самым умеренным расчетам, и, следовательно, прибавился 6 182 600 ф. ст. В то же самое время налоги, которые в 1783 году приносили 20 000 000, убавлены были в 1791 до 16 500 000, что еще обогатило народ 3 500 000 ф. ст. Итак, сравнивая подати и средства Англии при конце Американской войны с средствами и податями при начале Французской, мы находим, что в 1783 году подати были к доходам как 27 : 100, а в 1791 как 21 : 100. Таковы были законодательные и хозяйственные соображения, от коих Питт ожидал и вправе был ожидать возрождения сил и богатства изнуренного своего отечества. Обращаясь к мерам собственно финансовым, он паче всего старался возобновить прежние тесные связи между правительством и заимодавцами таким образом, чтоб кредит го-

Поземельный доход в 8 лет увеличивается значительно

Налоги уменьшаются

По части финансов Питт соединяет тесными узами банк с правительством и преобразовывает кассу погашения

пе против сего закона о бедных, которому мы приписываем здесь столь выгодные последствия. Все или почти все, что в сем случае было сказано Мальтусом, Дюшателем и другими отличными писателями, совершенно справедливо. Закон сей решительно вреден, и теперь еще более, нежели когда-либо. Но из сего еще не следут, что он не мог сперва иметь никакого полезного влияния на богатство Англии. Не Питт его выдумал и не он его предложил парламенту. Закон сей существовал еще во время Елисаветы. Он долго почитался не только не вредным, но даже одним из самых мудрых постановлений сей королевы. Общее мнение тогда только переменилось на счет его, когда бедствие сделалось очевидным непомерным распространением нищеты и тунеядства. Питт же предупредил суждение потомства. Все его усилия клонились единственно к тому, чтоб из зла извлечь добро и ободрение, данное праздности, обратить в ободрение промышленности и торговле. Чтоб судить о действиях правительства в Англии, дóлжно прежде всего вспомнить, что, как бы оно там сильно ни было, оно всегда подчинено общемыслию и действует в глазах целого народа, имеющего господствующие свои страсти и предрассудки.— *Прим. Орлова.*

сударства на будущее время не зависел уже от степени дарований министров, но чтоб он основан был на ясной, полной и для всех открытой системе. Для достижения сей цели он употребил два способа, из коих каждый есть образцовый в своем роде. Он соединил почти неразрывными узами банк со всеми оборотами казначейства и дал кассе погашения твердые начала, обширное действие и независимую жизнь.

Питт превращает оборотный Английский банк в орудие государственное

Английский банк, учрежденный в 1694 году на известных правах оборотных банков, долго существовал в сем виде, оказывая при случае важные услуги правительству, но мало отходя от своего обыкновенного действия, заключающегося в учете векселей, в принятии сохранных сумм и в оборотах своих капиталов. Мало-помалу круг его деятельности распространился и он сделался ныне, во всей силе слова, орудием государственным, заменяющим для правительства место всеобщего банкира. Важнейшая привилегия банка, коею он пользуется со времени его учреждения, дана ему законом, по которому воспрещается частным людям всякое сотоварищество по банкирским делам свыше шести акционеров*. Эта совершенная монополия, кото-

* Сия привилегия существует только в Англии, но не имеет никакой силы в Шотландии и других странах, подвластных Великобритании, где право учреждать банки совершенно неограниченно. Некоторые писатели, и надобно сознаться, что их мнение весьма правдоподобно, приписывают сей монополии многие бедственные последствия. Сравнивая состояние земледелия в Англии и Шотландии, они доказывают, что все преимущество шотландского домостроительства основано единственно на великом числе частных банков, существующих беспрепятственно в том краю и рассеянных по всей обширности Шотландии. «Там,— говорят они,— как и в Англии, все помещики, фабриканты и мызники имеют обычай отдавать свои доходы банкирам на сохранение и пользуются открытым кредитом в ближайшем заведении сего рода. Банкиры за сохранение не берут никакого возмездия! Но находят свои выгоды в употреблении сих капиталов по их собственным оборотам. От сего происходит: 1) что все капиталы, сколько их ни есть, обращаются в ростах, и, следственно, общее богатство умножается; 2) банки знают очень верно состояние каждого помещика, фабриканта или мызника и имеют средство следовать за успехами их промышленности и за точностью их соображения; 3) каждый из сих последних, пользующийся некоторою доверенностию, может найти в знакомом банке все капиталы, кои ему нужны для его предприятий. В Англии же, напротив того, привилегия главного банка уничтожает размножение частных банкирских домов; все предприятия затрудняются необходимостью иметь дело с учреждением, занятым обширными оборотами, управляемым не местными познаниями и соображениями, но общею непреклонною системою, от которой оно без опасности отступить не может. В Англии невозможность составить банк посредством небольших акций делает, что многие капиталисты обращают свое богатство в чужеземных предприятиях. Здесь надобно искать причину вы-

рая вносилась посюда в хартию банка при каждом срочном возобновлении его прав. Она была первым источником его огромных оборотов и заслужила почти всеобщее порицание в сии последние времена. Но ежели сия выгода, ему предоставленная, вредна развитию богатства при нынешнем просвещенном состоянии общества, зато как много услуг банк оказал Англии со времени своего учреждения и каким орудием народного преспеяния он сделался в руках Питта после его преобразования? Чтоб оценить всю важность банка, достаточно одного беглого взгляда на обширный круг его занятий и обязанностей.

Он дает ему участие в управлении финансами

1. Чрез его содействие совершаются все займы государственные, отчего переговоры делаются с откровенностью, условия заключаются без недоверчивости и без затруднений, а банк остается посредником между правительством и заимодавцами. Сие последнее обстоятельство весьма замечательно; ибо акционеры банка, кои суть и богатейшие капиталисты Англии, почти всегда имеют с правительством собственно им принадлежащие денежные дела, и невозможно, чтоб участие, принимаемое ими как акционерами в правлении банка, не имело полезного влияния на их действия в качестве частных заимодавцев. Таким образом всякий заем представляет что-то похожее на дружелюбный переговор и на семейное распоряжение. 2. Банк сам кредитор правительства и находит свои собственные выгоды

воза денег из Англии и поглощения великобританского богатства в займах австрийских, неаполитанских, французских, колумбийских, греческих и прочих, в сомнительном разрабатывании мексиканских рудников и других предприятиях, не менее опасных». Кажется, что сии возражения ежедневно приобретают в Англии все более и более приверженцев и что наступающее время возобновления привилегий банка дает правительству случай улучшить сию часть хозяйственных его учреждений. Что же касается до того, что оно не будет в состоянии уплатить своего долга банку, сие опасение напрасно. Вольные капиталы в Англии столь велики, что при первом оглашении намерения правительства многочисленные компании для составления банков по акциям соединятся и вступят с ним в переговоры об уплате его долга, что самое принудит главный банк оставить за собой принадлежащие ему государственные обязательства. Истинное затруднение будет состоять в следующем вопросе: захочет ли банк продолжать свои услуги правительству и брать на учет билеты казначейства или нет? В последнем предположении сии билеты могут потерять большую часть своего достоинства. Но, по всем вероятиям, сие дело кончится, как все важные дела обыкновенно кончаются в Англии, то есть свободным рассуждением, осторожными взаимными уступками и решением на новое положение для банка, более согласное с настоящим духом времени и требованиями общества.— *Прим. Орлова.*

в поддержании государственных обязательств. От сего рождается для них обоих взаимная необходимость сохранять между собою согласие, ибо кредит правительства столько же почти зависит от банка, сколько существование сего последнего от покровительства правительства. 3. Банк принимает на учет билеты казначейства и выменивает их на свои собственные билеты. Чрез сие правительство избегает затруднения подвергать свои временные обязательства биржевым оборотам, и ценность билетов казначейства определяется уже не случайным излишеством или недостатком наличных денег в обращении, но посредством предварительных сношений и свободного согласия между лицами, привыкшими с давнего времени иметь дело между собою и основывающими свои расчеты на длинном ряду ежегодных примеров и древних обычаев. Ежели б банк захотел когда-либо отказаться от учетов, что бы из сего произошло? Все государственные обязательства упали бы вместе с билетами казначейства, а с ними и ценность всех капиталов банка, отданных в заем правительству. 4. Банк по мере нужд выдает правительству пособие под залог налогов на недвижимое имение и на пивоварение (drêche). Здесь банк получает право надзора за взиманием сих налогов и тем самым делается как будто членом самого правления. 5. Банк открывает свои книги и предлагает свой кредит разным частям правительства. Здесь основание контроля над сими частями и начало полезной осмотрительности в издержках. 6. Он управляет лотереею. 7. Он присутственное место и в сем качестве надсматривает за подделыщиками своих билетов и предает их законному взысканию. 8. Он получает и уплачивает бóльшую часть пожизненных доходов и пенсий. Вообразите себе, какую доверенность заимодавцы должны иметь к обязательствам правительства, когда уплата следуемых им сумм лежит на ответственности Английского банка, столь известного своим богатством, столь богатого своим огромным кредитом?

Банк соединен с правительством самыми тесными узами

Сие счастливое сплетение разных преимуществ и обязанностей, сия взаимная зависимость министерства и банка, имеющих между собою столь тесные сношения, но управляемых совсем различными постановлениями, сие государственное казначейство, ежедневно дышущее кредитом банка, сей банк, вступивший в состав правления, но однако же управляемый обществом частных и независимых людей, и сверх всего парламент, имеющий беспрестанное и беспредельное право поверять дела банка и тем самым все распоряжения министерства, надзирающий

Милостивому Государю
Александру Сергеевичу
Пушкину —
Отъ Сочинителя М: Орлова
въ знакъ дружбы и уваженія

Дарственная надпись М. Ф. Орлова А. С. Пушкину на книге «О государственном кредите»

именем народа за общественным богатством, олицетворенным, так сказать, в казначействе и в банке, все сие, приготовленное временем, было обдумано, обработано и приведено в систематический порядок соображениями Питта, который силою своего гения из сложности средств, видов, образов и действий вывел единство цели и дал Английскому банку то значение, которое он надолго сохранит во внутренней политике Великобритании. Теперь несостоятельность Англии или банка есть само по себе событие почти невозможное. Банк не может обанкрутиться иначе, как тогда только, когда правительство и все богатые капиталисты Англии придут в разорение; а правительство не лишится своего кредита до тех пор, пока банк будет состоятельным. Сие удивительное соображение, сплавившее, так сказать, все частные выгоды в одну массу выгоды общественной, дает всем частям правления столь неизъяснимую силу действия, что мы сами, в наше время, были свидетелями самых невероятных событий. Мы видели в последних годах прошедшего столетия, как банк мог отказаться от уплаты своих билетов, не уничтожив доверенности; как парламент осмелился вполне утвердить сей отказ, не опасаясь последствий сего утверждения; и как вся Англия, столь опытная, столь щекотливая на счет кредита, приняла сии необыкновенные меры слишком на 15 лет без ропота, без страха, без потрясения народного преспеяния. Во всех других странах банки подлежат арифметическому расчету и некоторому отношению выпущенных билетов к сохраняющейся наличности; но в Англии банк пустил свои корни в самые недра народного существования; он сделался предметом всех взоров, оплотом всех торговых оборотов, орудием государственным и почти главою кредита.

Посредством сего соединения несостоятельность Англии делается почти невозможною

Сия невозможность доказывается a posteriori событиями, случившимися в наших глазах

Обратимся к другому средству, употребленному Питтом для достижения своей цели, к устройству кассы погашения. Роберт Вальполь и после лорд Стангоп, как мы видели выше, первые провозгласили необходимость воздействия на долги государственные. Но их мысли касались одной только стороны обширного вопроса о погашении и не имели дальновидности и общности. Учреждение четырех фондов Стангопа имело слабое и неопределенное действие и не заключало в себе никакой жизни, никакой будущности. Это так справедливо, что когда около половины 18 столетия правительство вознамерилось приступить к новым займам, оно без дальних соображений обратило действие погашения к сим последним и оставило прежние долги без поддержания. При таком ложном понятии о погашении учреж-

Прежде Питта правительство не умело владеть кассою погашения

дение сие оставалось в некотором небрежении и не приносило никакой пользы правительству и народу. Положение вредное! не столько еще своим бездействием, сколько тем, что обманывало всех поверхностных наблюдателей и не допускало извлечь из кассы погашения всех выгод, всей силы, в ней заключающихся. Это была открытая, известная, но необработанная и праздная руда.

Первая мысль систематического устройства погашения принадлежит доктору Прейсу

В 1783 году доктор Прейс (le docteur Price), обративший особенное свое внимание на действие усиленных ростов, представил Питту три проекта для уплаты государственного долга *. Из сих трех проектов Питт составил один, который был предложен парламенту и в 1786 году утвержден законом. Огромность государственного долга при окончании Американской войны была тогда главным предметом соображений и опасений всех людей, занимающихся внутреннею политикою. Сам Питт посвящал ему свои глубочайшие размышления. Он скоро усмотрел разницу, существующую между уплатным и выкупным долгом, между совершенною невозможностью для правительства возвратить заимодавцам их капиталы и соразмерною легкостью уплачивать процентные суммы. Он увидел, что никакие финансовые вымыслы не могут уничтожить пагубных следствий уплатного долга, что лучшая система малых ежегодных взносов (longues annuités) должна непременно уступить системе погашения, действующей вернее и быстрее всех прочих, что заимодавцы, имеющие в своем владении прочные обязательства правительства, в самом деле не лишаются своих капиталов и могут снова их употреблять на все требования земледелия, промышленности и торговли, что правительство, занимая одной рукой большие суммы и отдавая их другою в обращение посредством подрядов, вооружений и предприятий всякого рода, действи-

Питт извлек из сей основной мысли положительные последствия и образовал, так сказать, теорию погашения

* Кроме сих проектов, доктор Прейс издал много сочинений о том же предмете. Все сии сочинения основаны на действии усиленных процентов. Они отличаются вместе строгими арифметическими доказательствами и как будто какою-то недоверчивостью автора к своим собственным выкладкам. Между средствами убеждения, им с избытком употребленными, Прейс рассчитывает, что английский су (около 10 копеек), помещенный в займах по 5% и действующий усиленными процентами от Рождества Христова до 1772 года, представил бы золотом сумму, превышающую кубическое содержание 150 миллионов шаров земных. Читатели, конечно, заключат вместе с нами, что сочинение, содержащее в себе такие странные изыскания, могло иметь некоторое достоинство кабинетное, но должно было подвергнуться переделке другого ума, чтоб приобресть достоинство государственное.— *Прим. Орлова.*

тельно почти удваивает на рынках все народные капиталы и, следственно, более поощряет своими займами, чем останавливает развитие народного богатства; и, наконец, что в системе отвержденных долгов капитальный цифр долга, как бы он велик ни был, есть не что иное, как пугалище для умов слабых, а цифр процентный один заслуживает внимание твердого министра, ибо один он уплачивается посредством налогов и, следственно, тяготит общественное богатство. Утвердившись в сих истинах, Питт обратил все свои виды, все свои труды на совершенное обеспечение уплаты процентов всех долгов Англии, не только настоящих, но и будущих, и на сем главном соображении основал всю систему своего министерства. Так действует гений. Для него одна счастливая мысль порождает целый ряд блестящих изобретений и открывает обширное поприще полезных подвигов.

Питт соединил четыре фонда Стангопа в одну кассу погашения. Доходы сих фондов состояли тогда из 3 000 000 ф. ст.

Питт обращает часть доходов погашения на облегчение налогов

Жертвуя тайными своими мыслями предубеждениям общества, он прежде всего назначил большую часть сих доходов на обеспечение издержек королевских, или так называемого гражданского листа (liste civile). Сим самым он приобрел доверенность и одобрение всех людей, предпочитающих бережливость самым высоким финансовым соображениям. Число сих слепых обожателей экономии всегда велико, но оно возрастает неопределенно во времена бедствий и несчастий. После сего назначения

Он приписывает к погашению новые доходы и дает капиталам сим постоянное направление

оставалось еще для кассы погашения 919 291 ф. ст. ежегодного дохода, который разными средствами доведен был до 1 000 000 и был определен законом единственно на воздействие против государственного долга. К сему постоянному доходу, долженствующему действовать усиленными ростами, Питт прибавил еще уничтожающиеся годовые уплаты и разницу при всяком понижении процентов всех долгов Англии. Сие последнее распоряжение продолжалось до 1802 года. Закон определил постепенное

*Возрастание доходов погашения определяется суммою **4 000 000 ф. ст.***

приращение капитала погашения до 4 000 000 ф. ст.; но при достижении сего числа действие усиленных процентов останавливалось и выкупаемые части долга должны были быть уничтожаемы. На место старинного определения долгов к выкупу посредством тайного совещания в парламенте, суммы погашения разделены были на равные части, от 180 до 186, по числу

Питт учреждает ежедневные частные выкупы погашения

биржевых дней в году, и каждый день одна часть сих сумм выкупала соразмерную часть государственного долга, а между тем другие части обращались в банке, которому препоручена была

выдача всех сумм, следуемых по срокам кассе погашения *. Сим самым все недостатки прежнего образа действия были отстранены, капиталы погашения не оставались праздными и продавцы государственных обязательств освобождены были от притеснения покупщиков. Вскоре потом Питт, чуждый всех мелких расчетов и своих личных выгод, отделил совершенно кассу погашения от зависимости казначейства и дал ей особое правление, составленное из оратора, или президента, нижней палаты, из канцлера казначейства, из начальника контроля (accomptant général ou maître des rôles), из главноуправляющего и из вице-управляющего Английским банком, таким образом, что министерство имело там только двух постоянных, а общество трех переменных представителей. В 1792 году он прибавил еще 200 000 ф. ст. дохода кассе и, наконец, довел систему до совершенства, издав закон, по которому при заключении каждого нового займа новый доход — 1 процент — должен непременно причитаться к доходам погашения. Сие учреждение, столь полное во всех своих частях, столь новое в своих соображениях, столь выгодное и для кредита правительства и для спокойствия частных заимодавцев, заключающее в себе не только возвратное попечение о старом долге, но также предусмотрительность на счет будущих нужд правления, возбудило торжественную признательность всего народа, и все партии соединились в одно чувство благодарности и удивления. Здесь должно искать основания огромной славы Питта и доверенности Англии к сему великому министру, который с тех пор до последнего времени своей жизни располагал почти самопроизвольно всеми частными и общественными капиталами Великобритании.

Он дает кассе погашения независимое существование

Он учреждает погашение для каждого нового займа и тем самым доводит систему погашения до совершенства

Не входя в подробности управления Питта финансами вообще, мы постараемся в нескольких словах изобразить всю его систему так, как она представляется рассудку при чтении его

Система управления финансами, принятая Питтом, заключает в себе все начала государственного кредита

---

* Кроме сего, Питт предложил парламенту перенесение всех расходов по долгу государственному из чрезвычайного бюджета в бюджет обыкновенных издержек и назначение для каждого долга особенного налога, до которого правительство не имело уже никакого права касаться, что и названо было отказными налогами (délégation de l'impôt). Впрочем, сие постановление не есть изобретение Питта, и оно давно известно было в Англии. Таким образом, налог на винокурение и на пивоварение со времен Вильгельма III, уплатив несколько долгов, помещен был лордом Стангопом в его четыре фонда и, наконец, перешел в состав доходов кассы погашения. Питт дал только сей системе более законности, чем самым ее утвердил и улучшил.— *Прим. Орлова.*

речей в парламенте и при соображении его действий в истории. Сии начала тем более занимательны, что они заключают в себе все основания кредита: *издержки правительства должны быть разделены на издержки обыкновенные и чрезвычайные. Первые оплачиваются налогами, вторые кредитом. Проценты заемных сумм пополняются также налогами. Для каждого долга должно отделить налог, который и получает имя отказного. Все долги государственные должны быть отвержденные. Отверждение долгов должно быть произведено по самым низким процентам. Понижение процентов есть последствие хорошего управления в спокойном времени; но в трудных обстоятельствах оно приобретается не иначе, как посредством премии и возвышения капитального цифра. Всякий отвержденный долг должен иметь соответствующую ему кассу погашения. Погашение дает нуждающимся заимодавцам ежедневное средство продавать свои обязательства и тем самым их обеспечивает. С хорошо устроенною кассою погашения государственный долг может возрастать почти неопределенно, и огромность его тогда только выходит из границ, когда уплата процентов делается обременительною для народа.* Вот система Питта; мы увидим впоследствии, что он хотел потом усилить ее военными налогами; но сие отступление от начертанного им плана, вынужденное до некоторой степени обстоятельствами и ропотом оппозиции, была выдумка бедственная и не принесла Англии ожидаемых выгод. Посмотрим теперь систему Питта в действии и во всех ее последствиях как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Англии. При первом взгляде сие действие, сии последствия огромностью своей удивляют воображение и кажутся почти невероятными, но величие Англии престает быть непостижимым чудом для того, кто умел вникнуть в историю ее финансов *.

---

* Может быть, читателям не покажется излишним, ежели мы здесь опишем вкратце, как заключаются займы в Англии. Мы видели, что еще в 1781 году Англия обратилась к отвержденным займам. С тех пор все займы заключались на тех же началах. Проценты изменялись по обстоятельствам, но система оставалась неизменною. Единственное улучшение, введенное впоследствии Питтом, состояло в произведении торгов на понижение цен, то есть присуждение займа тому, кто после объявления правительства сделает бо́льшую уступку. И сия уступка касалась не до самого займа, но до пожизненных доходов, предлагаемых министром в виде премии. Тогда же ввелся другой обычай, состоящий в заключении займов по всем разнородным обязательствам, существующим в Англии, таким образом, что предложение министерства разделяло капиталы на разные части и давало за иные 3%,

При начале революции один человек во Франции следовал за политикой Англии и подозревал неприязненные ее виды, невзирая на дружелюбные уверения и на смиренные сношения Сент-Жемского кабинета[59]. Сей человек был Мирабо. Он называл Питта министром приуготовлений (le ministre des préparatifs). И в самом деле, Питт готовился к долгой борьбе. В течение десятилетнего своего министерства он исполнил желание одного знаменитого полководца, который для войны не требовал ничего другого, кроме денег, денег и денег[60]. Питт восстановил кредит. Он не скрывал себе все опасности и затруднения его намерений. Он старался огромностью своих усилий возвыситься до огромности своей цели. Ежели союзные державы одержат поверхность в ужасной борьбе, Франция, по его плану, надолго исключалась из числа соперниц Англии. Ежели же, напротив, успех должен увенчать оружие Франции, он хотел, чтоб, по крайней мере, торжество её не распространилось далее твердой земли. Во всяком случае, он стяжал для Англии владычество морей. Время ему благоприятствовало. Все европейские державы истощали на суше свои силы и богатства: одна Англия покрывала море своими кораблями. Никакое пожертвование не могло остановить Питта для достижения его предначертаний, для достижения сего превосходства на море, которое и сделалось, наконец, неотъемлемым достоянием Англии. Следуя шаг за шагом за постепенным развитием займов государственных, нельзя не удивляться необъятному количеству богатства, которым располагало министерство посредством кредита для поддержания своих ополчений *.

Все улучшения, введенные Питтом в управление финансами Англии, были военные приготовления

Питт стяжал для своего отечества владычество морей

а за другие 4%, и так далее. Сие распоряжение имело в виду: 1) приглашение к торгам всех капиталистов, часто предпочитавших один разряд фондов другому, и тем самым поощрение соревнования; 2) удобность передачи обязательств из рук в руки не только по целому займу, но и по частям оного. Это называется продажа скрипа (от слова scrip, уменьшенное souscription); уступка же целого участка называется продавать omnium; 3) уверение, что действие погашения будет распространяться на все части долга государственного и что поддержание всех отделений оного равно драгоценно для правительства. Вот несколько примеров о совершении займов в Англии. Они все имеют одно и то же основание.— *Прим. Орлова.*

⟨*Далее Орлов приводит в качестве примера таблицу, в которой показано, по какому курсу размещались английские займы. Мы не сочли целесообразным перепечатывать эту громоздкую таблицу, ничего не дающую для понимания экономических воззрений Орлова.— Ред.*⟩

* Вот итог займов Англии в течение семи лет, по исчислению Ганиля. К сему расчету должно еще прибавить часть доходов, поступивших на расход войны.

Питт, вооруженный кредитом, непоколебим в своих планах и неустрашим в опасностях

Вскоре потом Испания заключила тесный союз с Франциею, и непоколебимый Питт объявил войну Испании [62]. В сем обстоятельстве он видел, так сказать, один только удобный случай для уничтожения соединенных флотов сих двух держав. Уверенный в могуществе своего отечества, он с равным бесстрашием получил известие о заключении северного неутралитета [63]. Едва сей новый союз был объявлен, как эскадры Англии с быстротою попутных ветров явились вооруженными на водах Балтийских. Амиенский мир был для Англии одним только перемирием. Она, по выражению нашего поэта, с беспечностию силы взялась снова за оружие без союзников и вопреки славе и могуществу Наполеона [64]. Когда нача́ла раздора, неповиновения и бунта показались в экипажах ее флотов, она удвоила жалованье матросов и прервала мятеж. Когда огромная армия угрожала вторжением на ее берега, она вооружила весь свой народ и издержала на сей предмет несчетные суммы. Когда надобно было искать союзников в Европе, она наводнила ее своими вспомогательными капиталами. В течение сей 20-летней войны кредит Англии, устроив ее морские силы, возвысив до 400 000 число ее сухопутных войск, завоевав все колонии Франции и Голландии и часть колоний испанских, содержал на военной ноге до 1 000 000 чужестранных солдат и оплачивал усилия пяти европейских союзов. И при всем том кредит был так мало истощен, что один из великобританских министров, сир Генри Петти (после маркиз Ландовн) предложил в парла-

Англия кредитом своим потушает внутренние раздоры, вооружает все свое народонаселение и оплачивает пять европейских союзов

Англия находит в кредите средство вести войну с Францией 20 лет сряду

Года	Полученные капиталы	Именовательные долги [61]	Долги пожизненные	Погашения	Проценты	Ежегодные платежи
1793	4 500 000	6 250 000	62 791	62 500	189 682	252 812
1794	12 907 452	15 706 525	»	166 445	514 085	773 324
1795	19 499 647	25 609 897	85 500	268 983	873 703	1 227 415
1796	29 726 727	40 707 899	79 082	434 421	1 346 866	1 850 373
1797	45 527 399	70 012 668	43 989	886 045	3 167 284	4 097 318
1798	17 000 000	34 000 000	41 791	182 280	1 038 769	1 259 840
1799	15 500 000	33 318 803	26 000	155 000	510 000	691 000
7 лет	144 661 525	225 605 872	339 143	2 225 624	7 638 379	10 152 082

Хотя сия таблица во многих частях неудовлетворительна и мало представляет точности в расчетах, не менее того она нам показалась довольно характеристическою, чтоб предложить ее любопытству читателей.— *Прим. Орлова.*

менте новый план, по которому, полагая чрезвычайные военные издержки в 38 000 000 ф. ст., Англия могла продолжать войну еще 20 лет сряду. Проект был принят и вероподобие оного доказано, но после оставлен потому только, что он мог лишить палату права давать ежегодно свое согласие на взимание налогов. Какому могуществу принадлежат подобные усилия? И не точно ли Англия нашла в кредите тот рычаг, коим Архимед хотел поколебать вселенную?

Кредит имел равное влияние на внутреннее благосостояние Англии, и по мере возрастания долга действие погашения увеличивалось

Таковы были для Англии последствия кредита в внешней ее политике. Действия его на внутреннее преспеяние не менее замечательны. Посреди переменных событий военных, то счастливых, то неуспешных, народонаселение удвоивалось, земледелие усовершенствовалось, торговля быстро распространялась; промышленность с помощию машин производила во сто раз более, чем в прежние времена; со всех сторон копались каналы, прокладывались чугунные дороги; единство империи утверждалось присоединением ирландского парламента к английскому; капиталы были так изобильны, что довольствовали ссудами не только Англию, но и Австрию; дух сотоварищества, распространяя круг своего действия, от займов государственных обратился к пособиям частной промышленности и поддерживал огромнейшие предприятия; словом сказать, внутреннее преспеяние было в полном развитии, невзирая ни на упорную войну, ни на огромность долга, ни даже на увеличение налогов. Все сии последствия должны быть приписаны единственно системе Питта, принятой неотступно почти всеми последовавшими министерствами. При заключении мира в Париже в 1815 году долг Англии превосходил всю сумму, добытую из американских рудников со времени их открытия, то есть все капиталы наличные, сколько их ни есть в целом свете, употреблены были по очереди на удовлетворение нужд и образование богатств Англии. И сей долг, при всей своей огромности, не был обременителен; ибо с ним вместе возрастало погашение, которое в то же самое время выкупило уже почти четвертую часть оного. Сравнительный баланс государственных кредитных постановлений в течение сего периода, заключающего в себе около 22 лет, был следующий:

В 1815 году долг Англии утвердился

В 1793 году долг простирался до 269 019 175 ф. ст.; в 1815 году он возрос до 961 000 000.

Проценты на долг упятерились

В 1793 году проценты состояли по всему долгу из 9 476 417 ф. ст.; а в 1815 году они возвысилить до 48 352 557 ф. ст.

Зато касса погашения выкупила третью часть всего долга

В 1793 году касса погашения выкупила 78 376 459 ф. ст.; а в 1815 году выкупы ее доходили до 300 000 000 ф. ст., то есть до числа, превышающего весь прежний долг Великобритании.

Усиленное употребление кредита оправдывается необходимостью защищать независимость народа

Не должно, однако же, ожидать, что столь усиленное употребление кредитных сил не влекло за собою никаких вредных следствий и могло быть приведено в действие без ошибок и без опасности. Кредит, как все другие постановления, имеет свои границы, и министерство английское, расточая силы и богатства народа, подвергалось строгому суждению своих противников. Оно искало извинения и убежища в законности сего расточения, в необходимости вести войну, от коей зависели честь, слава, будущность отечества и, может быть, самое его существование. В сем смысле оно оправдалось в глазах всех беспристрастных людей; но все ли финансовые меры правительства в сем долгом периоде времени не заслуживают никакого порицания? И сам Питт всегда ли оказался твердым в исполнении предначертанных им планов? Нет; при всем его гении, он несколько раз сам устрашался своей системы, и твердость его колебалась пред возрастающим цифром именовательного долга. Сие явствует из придуманного им средства военных податей, коими он хотел обуздать излишнее употребление кредита. Это была важная ошибка, которая впоследствии, при заключении мира, была для Англии источником многих бедствий, опаснейших самой войны. Военные подати, по приближенному вычислению, приносили правительству около 20 000 000 ф. ст. ежегодно, что делает в течение 20 лет 400 000 000 капитала, да процентами столько же, всего около 800 000 000 ф. ст. Все сии суммы похищены у промышленности и у торговли. Ежели б, на место похищения посредством налогов, они были собраны кредитом, ежегодные расходы за каждые 20 000 000 не превышали бы 1 200 000 ф. ст., считая здесь проценты по 5% и погашение по 1% всего капитала. Но погашение при заключении мира выкупило бы уже около половины сего долга, а образование богатств в Англии не потерпело бы никакого ущерба. «Налоги военные,— говорят противники кредита,— суть бремя временное, а отвержденный долг — бремя вечное». Неправда; война кончилась уже слишком 15 лет, а военные подати еще ежегодно вносятся в бюджет Англии.

Питт не всегда похож на самого себя. Несколько раз огромность капитального цифра поколебала его твердость

Он старался заменить до некоторой степени употребление кредита военными податями. Это была важная ошибка

Английское правительство предвидит опасности мира и ищет средств отвратить гибельное последствие усиленных чрез меру налогов

Когда торжество пятого европейского союза над Наполеоном сделалось несомненным, английское правительство обратило все свое внимание на следствия всеобщего мира и на выгоднейшие условия оного для Англии. Соображения министерства особен-

но основались на новом начале, недавно открытом одним из известнейших политических писателей нашего времени. Мальтус доказывал, что, по неизбежному закону природы, народонаселение и пропитание возрастают несогласно, что первое исполняется по прогрессии геометрической, а последнее едва ли может достигнуть простого прибавления арифметического. Из сего следовало, что при некоторых обстоятельствах, почитаемых обыкновенно благоприятными, должно непременно родиться неравенство между средствами пропитания и количеством народонаселения, что сие неравенство тем скорее окажется, чем более мы будем пещись о народонаселении, и, следственно, что все законы, поощряющие оное, суть законы не только бесполезные, но вредные. Он изыскивал все обстоятельства, рассматривал судьбу человека в диком состоянии и в просвещенном обществе и нашел, что везде, где люди не поставляли преград народонаселению, природа сама брала на себя обязанность сравнивать его с средствами пропитания и уравнивала его косою истребления. Он ясно доказывал, что все бедствия, голод, повальные болезни, нищета суть последствия избыточного народонаселения, которое и названо им не без причины главным бичом всего рода человеческого *. Наконец, он извлек последствием своих правил

Оно основывает свои планы на правилах, изложенных Мальтусом

* Сочинение Мальтуса есть одно из тех сочинений, которые при первом чтении невольно возбуждают против себя негодование читателя, но потом принуждают его согласиться с истинами, заключающимися в оном. Филантропические писатели нынешнего времени наводнили общество столь большим количеством безотчетных утопий об общем благоденствии, о равенстве, о золотом веке, приготовляемом вселенной постепенным усовершенствованием рода человеческого, что всякая строгая истина, не согласная с возбужденными страстями и надеждами, находит в глубине сердца нашего недоверчивость и сопротивление. А сочинение Мальтуса исполнено самых грубых приговоров, самых строгих истин. Как? Народонаселение, о котором все правительства до сих пор так пеклись, есть причина всех бедствий наших? Читайте Мальтуса; не его вина, что природа не согласила закон пропитания с законом населения. Как? Экономисты утверждают, что все наши труды должны быть обращены к одному только произведению ценностей, а Мальтус смеет доказывать, что излишнее произведение есть также зло и может сделаться разорительным для производителей? Не его вина, ежели по приговору судьбы потребители столь же нужны, как и производители, и что без них никакое произведение не будет иметь ценности. Как? Все благомыслящие писатели проповедуют общее благосостояние всех и каждого, а Мальтус противится сим филантропическим видам и утверждает, что богатство должно сосредоточиваться в нескольких руках, а бедность быть уделом остального множества? Не его вина, ежели по естественным законам неравенство состояний есть неизбежное последствие наших образованных обществ. Как? Мы привыкли с самого младенчества думать, что чем более состояния уравнены в государстве, тем более оно благоденствует, а Мальтус

необходимость для многолюдного государства владеть обширными землями, на кои оно могло бы от времени до времени извергать излишество своего народонаселения. Мы не можем утвердительно сказать, правительство ли воспользовалось теорией Мальтуса или сам Мальтус почерпнул свои теории из действий правительства, но очевидно, что слова писателя и меры министерства основаны на одних и тех же правилах. Ими руковод-

---

уверяет, что такое уравнение состояний должно непременно привести государство в упадок? Еще раз не его вина, ежели общества наши так составлены, что при равном разделении богатств все были бы не равно богаты, а равно бедны. Как? Все древние, все новые философы согласны в том, что земледельцы составляют самое благородное и полезное сословие граждан, а Мальтус смеет сравнивать с ними тунеядцев-капиталистов и гордых аристократов? Оставьте ваши школьные предубеждения, отложите на время вашу политическую чувствительность и скажите искренно: много ли из сих полезных и благородных граждан покинут свою соху и землю для защиты отечества без влияния гордых аристократов и долго ли они останутся под знаменем без тунеядцев-капиталистов? Скажите: какое государство может не только процветать, но существовать без образования богатств? Как сии богатства будут образоваться, ежели они должны всегда рассыпаться на мелкие части? Что сбудется с науками, с художествами, с промышленностью, с торговлею, ежели всякий обязан искать себе пропитание в поту своего лица? Какие большие предприятия могут исполниться без капиталов и какие капиталы могут образоваться при беспрестанном уравнении богатств? Нет, Мальтус прав, защищая свои правила, проповедуя вредность излишнего народонаселения и всех законов, его усиливающих, неизбежность неравенства состояний, полезность капиталов, сосредоточенных в нескольких руках, из коих правительства могут ими пользоваться для всех своих предприятий и нужд, необходимость аристократии как одного из самых важных элементов общества и выгоды майоратов, или пра́ва наследства для перворожденного как закона, без коего никакая аристократия удержаться не может. Мальтус прав, как бы сии положения ни были противны демократическому направлению наших мыслей, как бы они ни резко сопротивлялись и мудрствованию древности, и страстям нашего времени. Впрочем, все хорошо тогда только, когда всем владеет умеренность. Правила Мальтуса были приняты в Англии партиею тори; но так как она тогда управляла Англией, то применение сих правил доведено было до вредного излишества. Вот краткий очерк, как поземельные владения сосредоточивались в Англии. В 1762 году все земли были, по свидетельству Юма, во владении мелкопоместного дворянства и крестьян. В 1786 году не было уже в Англии более 250 000 помещиков. В 1816 году все сии поместья соединены были в руках 32 000 владельцев, из числа коих до́лжно исключить 6 000 земель, принадлежащих разных обществам, и 6 000 — духовенству. Здесь очевидное злоупотребление, происшедшее не от закона первородства, но от закона передачи (substitutions). Впрочем, до́лжно также сознаться, что могущество Англии как будто бы следовало за сими переменами. В 1762 году Англия была бедна, ибо все богатства были рассеяны. В 1786 году она богатела вместе с образованием богатой аристократии. В 1816 году, когда богатства сосредоточились еще более, почти с излишеством, она достигла до высочайшей степени преспеяния.— *Прим. Орлова.*

ствовалась Англия при заключении Парижского трактата [65], при определении своих приобретений и вознаграждений за убытки войны. Теперь она владеет тремя неизмеримыми пространствами: Канадою, мысом Доброй Надежды и Новою Голландиею. Ей представлено население сих пространств; ей предлежит, после населения, продовольствие оных произведениями ее фабрик с тем преимуществом, что все потребности и самая роскошь сих племен будет состоять из английской роскоши, из английских потребностей. Министерство, обращая таким образом свои взгляды на отдаленную будущность, не упускало также из виду и ближайших выгод. Сии последние соображения были тайные, но можно без опрометчивости предполагать, что даже тогда они были целью его политики. Прежде всего должно упомянуть о трудах английского правительства для преобразования древних обычаев Индии и его других восточных колоний. Сие преобразование, которое, по свидетельству многих писателей и в особенности Карла Дюпена, уже приводится в исполнение и доказывается ежегодным прибавлением вывозов Англии в Индию, состоит в том, чтоб сделать 100 000 000 жителей Индии потребителями великобританских изделий. Другое соображение касалось до независимости испанских колоний в Америке. Она существовала в самом деле; но английское министерство долго медлило в признании сей независимости. Во все время своей нерешимости Англия ободряла только вывоз своих произведений в сии страны и употребила на сие столько капиталов, ввела в сии предприятия такое количество своих богатых купеческих домов, что когда независимость Америки была признана, все европейские державы и самая почти Испания были принуждены сознаться, что сие признание было для Англии и для ее торгового благосостояния истинной необходимостию. Итак, Англия нынче исключительно продовольствует своими изделиями половину нового света и имеет в виду продовольствие всей Индии, Канады, мыса Доброй Надежды и Новой Голландии. Конечно, с подобными предосторожностями дальновидное ее министерство могло решиться на общее примирение с такою же свободою и легкостью, как оно решилось прежде на ужасную истребительную войну *.

Она приобретает условиями мира огромные земли, способные к принятию излишнего английского народонаселения

Оно старается преобразовать древние обычаи Индии и сделать из индийских народов новых потребителей английских произведений

Оно приготовляет признание независимости испанских колоний в Америке

* Все сии политические соображения должны, по всей вероятности, быть приписаны графу Ливерпулю. Он и г. Ванситарт были, конечно, до Каннинга самые сильные и твердые умы Англии из всех тех, кои приняли наследие Питта, не исключая из сего приговора и Фокса и Гренвиля, к управлению коих применили столь остроумно и столь справедливо известное donec imperassent ⟨пока они царствовали (лат.).— *Ред.*⟩. Тацита.— *Прим. Орлова.*

Не менее того положение Англии весьма затруднительно; она не может ни распустить армии, ни уменьшить налогов

Однако же все сии виды министерства, обращенные к последствиям, ожидаемым более или менее от времени, не могли с самого начала отвратить затруднительных обстоятельств всеобщего примирения, которое должно было уменьшить требования на произведения Англии, стеснить ее мореплавание и торговлю. Правительство, торжествуя над внешними врагами, должно было начать новую борьбу с внутренними бедствиями, с нищетою своих собственных граждан, лишенных занятия и работы, с гибельными последствиями военных податей. Положение его весьма было опасно. Приступить ли к внезапному уменьшению армии? Но сие уменьшение издержек влекло за собою умножение праздной и бесприютной части народонаселения. Уничтожить ли военные подати? Но тогда чем содержать войска, находящиеся еще на военной ноге? Не оставалось другого средства, как стараться выиграть время до тех пор, пока меры, принятые при заключении мира, принесут свой неминуемый плод, как противупоставить умеренность, терпение и политику бунтующим страстям народа. Европа, свидетельница несчастных приключений, сопровождавших в Англии водворение всеобщего мира, мятежей работников, сожжения машин, бешенства народных собраний, дерзости писателей и публичных ораторов, подобных Коббетам и Гунтам, должна была почесть Англию близкой к ее погибели. Но тогда уже первые меры спасения были приняты, и сии меры суть еще новое доказательство могущества кредита. В 1817 году общие издержки определены были в 86 000 000, но настоящий сбор не простирался дале 58 000 000 ф. ст. Сей ужасный недочет 28 000 000, превышающий годовые доходы целой Австрийской империи, не остановил министерства. В других странах правительство, конечно, прибегло бы к принудительным мерам и тем самым усугубило бы бедствия отечества. В Англии недочет пополнен был займом. Вскоре потом уменьшение некоторых податей, постепенное убавление армии, помощь, данная земледелию запрещением ввоза хлеба, пособие, оказанное торговле, которая получила взаймы до 11 000 000 ф. ст., учреждение колоний успокоили на некоторое время страсти народные. Между тем правительство не нежило и своих собственных членов. Прошло время военного расточительства; настала эпоха мирной бережливости. Издержки были значительно убавлены, и когда влияние всех сих усиленных средств сделалось ощутительным и приходы сравнялись с расходами, сколь сильно подати еще ни тяготили Англию, опасность миновалась, и отечество было спасено.

1817 год ознаменован ужасным недочетом в 28 000 000 ф. ст.

Правительство противопоставляет кредит недочету. Он уплачен займом

Другие меры правительства, соединенные с экономиею, отвращают опасность

Система разницы погашения приемлет свое начало

С тех пор Англия устремилась снова к развитию своих сил и своего преспеяния. Погашение, не останавливая своего действия, дошло до такого могущества, что капиталы его признаны были превышающими нужды государственного кредита. Правительство рассчитало, что 5 000 000 ф. ст. достаточны для воздействия на долг и что доходы погашения, простирающиеся до 7 500 000, представляют удобность убавить в 2 500 000 ф. ст. подати народные. Сие уменьшение исполнено было с похвальною и примерною осторожностью. Министерство и парламент соединили чистосердечно свои силы и определили, с общего согласия, на какие налоги должно было пасть уменьшение. Государственные люди Англии поняли, что существует большая разница между наложением новой подати, коей последствия еще никому не известны, и сложением оной же тогда, когда она исполнила весь круг своего действия. Разбор плана министерства долго продолжался, и уничтожение налогов было совершено с такою же осмотрительностью, как и само введение нового налога. Сие возвратное действие погашения возбудило во всех надежду и прекратило волнение народа. Оно дало почувствовать всю пользу сего учреждения, позволило предвидеть время, где чрезвычайные расходы могут не только оплатить сами себя, но убавить еще и обыкновенные подати.

Разница погашения употребляется на уничтожение определенных налогов

Правительство понижает проценты долга и сим понижением находит средство еще уменьшить налоги

Вскоре потом министерство при возрождающейся к нему доверенности усмотрело способ уменьшить от 5 до 4% проценты новозаключенных займов. Оно приступило к сему делу со строгою честностью. Во Франции Вилель предлагал уплату по 100 за 100, тогда как цена государственных обязательств превышала гораздо настоящее их достоинство. В Англии, напротив того, предложение уплаты сделано было при возвышающемся курсе. Все спекуляторы приняли предложение правительства с охотою и другие заимодавцы последовали их примеру. Сие уменьшение процентов дало способ сбавить податей еще на 1 500 000 ф. ст. Некоторое время курс колебался и даже падал, но когда виды правительства открылись для всех во всей их благонамеренности, курс опять возвысился, и министерство могло надеяться на новое понижение процентов и передать сию надежду народу.

Оно обращает военные пенсии в долговременные срочные уплаты и тем самым дает народу еще новую льготу

Наконец, не отступая ни на шаг от истинных правил кредита, сохраняя долг, убавляя налоги, правительство совершило еще другой выгодный оборот. Военные пожизненные пенсии составляли огромную сумму 5 000 000 ф. ст. По предложению министра, компания банкиров взяла на себя уплату сих пенсий за 2 000 000 ф. ст. ежегодного дохода в течение 45 лет, чем самым народ был облегчен еще 3 000 000 ф. ст.

Правительство успевает всеми сими средствами сложить до 7 000 000 ф. ст. податей в 4 или 5 лет; а между тем погашение выкупает почти целую треть отвержденного долга

податей. Таким образом, в течение 4 или 5 лет одно мудрое употребление кредита уничтожило в Англии податей на 7 000 000 ф. ст., в то самое время, когда постоянное действие погашения выкупило уже с своей стороны целую треть всего государственного долга. Тогда-то министры, ободренные своими успехами, осмелились объявить парламенту, что касса погашения не есть уже в их глазах простое средство для воздействия на долг, но огромное народное казнохранилище, верное и драгоценное сокровище для всех чрезвычайных случаев, для отвращения всех непредвидимых бедствий, для уравнения и улучшения всей финансовой системы и торжественно подвергли сие полезное учреждение под защиту всего отечества. Нам не известно, до каких пор сии выражения министров справедливы, ибо опыт не оправдал еще предсказаний: но, ежели б они точно оказались истинными, вообразите себе, какое должно быть могущество Англии, когда по истечении нескольких мирных лет касса погашения выкупит половину всего долга и когда правительство увидит себя в состоянии располагать около 1 000 000 000 рублей ежегодного дохода и 12 000 000 000 рублей запасного капитала!

Касса погашения провозглашается народным сокровищем

Система графа Ливерпуля столь же удовлетворительна для мирного времени, сколь Питтова способна для военной предприимчивости. Обе основаны на одних и тех же правилах

Система графа Ливерпуля и господина Ванситарта, основанная, очевидно, на правилах, принятых Питтом, есть в самом деле система возвратная. Она может выразиться следующими словами: *надобно стараться, сколь возможно, оплачивать годовые расходы без введения новых податей. В случае неизбежного недочёта лучше совершить заем, чем употреблять принудительные меры. Чем недочёт сей значительнее, тем заем более необходим. Экономия состоит с одной стороны в улучшении системы сборов*, с другой — в убавлении процентов долга. Погашение долж*но оставаться в определенной силе, и действие его капиталов не должно ни под каким видом отвращаться на другие предметы. Ежели, по усмотрению, окажется излишество доходов, разница может быть употреблена на уничтожение тех старых или новых налогов, которые более вредят развитию народного богатства.* Сия система так же выгодна для мирного времени, как Питтова для военного действия. Здесь умеренность и мудрое сбережение общественных богатств; там предприимчивость и дерзкое развитие всех сил народных.

Система Ливерпуля, Каннинга и Гюскинсона подвигает еще вперед преспеяние Англии

Новое министерство, которое, под графом Ливерпулем, составилось из Каннинга и Гюскинсона, подвинуло еще вперед преспеяние Англии. Ныне заботливость правительства должна обращаться не к произведению, но к помещению произведенного. Признание независимости Испанской Америки исполнило отча-

сти предполагаемую цель, но сего не довольно. Англия почувствовала, что одни только народы промышленные могут быть постоянными потребителями изделий промышленности. Все планы Гюскинсона отличаются благонамеренным свободомыслием по части торговли, и сам Каннинг объявил в собрании знаменитейших купцов Лондона, что «благоденствие Англии не противится благоденствию никакой другой державы, и что ему совершенно известно, что торговля может процветать только между богатыми народами». Действие сего министерства нанесло последний удар славному мореплавательному акту Кромвеля [66] и может почесться первым шагом к преобразованию торговых отношений между европейскими государствами. Остается только Англии поддержать сие счастливое направление, данное ее торговой политике с тою же твердостью, с какою она поддерживала уничтожение продажи негров и разные другие истины. Она имеет все нужное для сего. Богатства ее несметны. Капиталы ищут употребления на всех рынках Европы. Одни уменьшают проценты французского долга; другие основывают кредит Коломбии; некоторые помещаются даже в Греции, или раскрывают сообщение двух океанов чрез Панамский перешеек, или разрабатывают мексиканские рудники. Что же касается до тех, кои обращаются в самой Англии, они довели ее преспеяние почти до возможного совершенства. Ныне затруднение для Англии состоит не в том, чтобы найти средство к исполнению какого-либо полезного предприятия, но в том, чтоб изобресть что-либо полезное к исполнению.

Употребление кредита было основанием величия Англии. Правительство, желающее достигнуть той же цели, должно овладеть теми же средствами

После всего того, что мы объяснили в сем кратком очерке, нам позволено, кажется, отказаться от всякого опровержения мнения тех писателей, кои полагают, что нынешнее время есть время опасности и бедствий для Англии и что она должна непременно погибнуть от ее огромного государственного долга. Пусть, кто хочет, исчисляет, какая часть поверхности земли укроется суммами английского долга, обращенного в шиллинги, или рассчитывает, сколько нужно лет и столетий, чтобы уплатить сей долг пенсами. Все сии невинные игры воображения неуместны в столь важном государственном деле. Мы заключим наше рассуждение одним только размышлением. Сравнивая с нами ход финансовой политики во Франции и Англии, кто будет удивляться, что сия последняя держава могла восторжествовать над первою во всех трех больших войнах новейших времен, в войнах испанского наследства, Семилетней войне и Французской революции? Причина сего торжества ясно выводится из

истории. Англия вступила в бой возмужавшая, совершившая свое внутреннее и хозяйственное преобразование,— Франция, напротив того, начала сии войны прежде всякого опыта хозяйственного преобразования и продолжала последнюю во всех ужасах внутреннего переворота. Она поддерживалась одним только приходящим и отходящим случайным преспеянием, тогда как Англия пользовалась полным развитием преспеяния обдуманного. Нынче, когда Франция приняла для управления своими финансами систему Англии, ежели война снова возгорится между сими двумя народами, успех Англии более сомнителен, хотя бы Франция и не нашла в своих полководцах и министрах столь отличных людей, каковы были те, кои ею некогда управляли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, государственный кредит есть наука, имеющая свою самобытность, как все прочие положительные отрасли человеческих познаний, наука, основанная не на одних отвлеченных умозрениях, но на правилах строгих, извлеченных из законов природы, испытанных судьбою правительств, доверявших или не доверявших ее началам. Кредит есть также залог благоденствия народов и измеритель оного, сила общая, движущая все частные силы государств, развивающая их богатство и просвещение, начало обдуманного и, следственно, твердого преспеяния обществ. Мы следовали за теорическим образованием кредитной системы; мы видели также кредит в действии; мы замечали, что везде и всегда соблюдение правил сопровождаемо было успехом, а нарушение оных наказано бедствиями. Сие совершенное согласие между логикою науки и историею оной есть отличительная черта всех теорий, основанных на истине.

Не менее того, наблюдая за движением общемыслия в Европе, мы должны признаться, что с некоторого времени система кредита находит много противников не только в толпе невежд, не понимающих ее правил, но также и в кругу людей, имеющих образование и вес в делах государственных. Сие неприязненное расположение умов равно приметно и во Франции и в Англии. Во Франции народ кажется совершенно позабыл, что за 12 лет пред сим кредит спас его от ужаснейших бедствий. В Англии целое столетие славы, могущества, изобилия и успехов всякого рода, доставленных кредитом и кредитом одним, не могло спасти его от порицания и преследования некоторых публицистов.

Что же касается до Франции, то сии нападения не могут возбуждать никакого удивления. Нынешняя оппозиция приняла во всех отраслях поли-

тики такое странное направление, что вражда ее к кредиту делается как будто необходимым последствием всех других ее заблуждений. С некоторых пор воображение французов заразилось идеалом Северной Америки. Америка уплачивает свой отвержденный долг; следственно, и Франция не имеет никакой нужды в долге отвержденном. Америка возлагает свою защиту на милицию и на вольные приношения; следственно, и Франция должна опираться на национальную гвардию и оплачивать свои чрезвычайные издержки не займами, но свободными пожертвованиями граждан. Но Америка отделена морями от своих врагов; она населена людьми единодушными в своей любви к отечественным законам, к свободе, к посильным трудам промышленности и торговли. Там все частные страсти военного честолюбия, наследственной гордости, роскоши и пышности порабощены главному и общему стремлению к полезным учреждениям. Там земля новая, плодовитая, обширная, требующая еще, может быть, на целое столетие одних только трудящихся рук. Там, наконец, дух товарищества проник столь глубоко в нравы и обычаи народа, что он заменяет совершенно многочисленные войска еще многочисленнейшею милициею, а систему займов — обильными народными приношениями.

Но оппозиция не обращает своего внимания на все сии обстоятельства. Она ставит наравне своих пылких демагогов, свое упрямое дворянство, свое фанатизированное духовенство с гражданами Америки, обыкшими жертвовать общему благу всеми своими частными предрассудками, не понимающими даже возможности аристократических постановлений и неравенства состояний, с ее бесстрастными квакерами, с ее терпимостью исповеданий. Она не принимает никакого различия между блестящими качествами ума французского и постоянством американского рассудка, между промышленностью, основанною на роскоши, и распространением искусного земледелия, между соседями сильными и соседями слабыми, между воинственною Германиею и тенью Мексиканской империи, между старой Европою, колеблемою древними предрассудками и новыми теориями, и юною Америкою, живущею еще жизнию своих предков. Она не заботится ни о правах, ни об обычаях, ни о нравах, нижé о страстях человеческих; но ищет одних отвлеченных, метафизических выводов. Лафайет объявил, что он воспитанник американской школы, а все члены оппозиции называют сами себя воспитанниками Лафайета. Они хотят непременно из Франции сделать Америку. Уже сам г-н Лаффит во время своего краткого министерства отказался от своей собственной системы и предпочел для уплаты недочета продажу государственных лесов употреблению кредита. Ныне все мысли во Франции устремлены на бережливость; а как новой значительной экономии сделать почти невозможно иначе, как уменьшением доходов кассы погашения, то, вероятно, все усилия оппозиции обратятся к сему

уменьшению *. Ежели оно исполнится и исполнится неосторожно, то до́лжно ожидать упадка кредита во Франции, а за сим упадком — новых потрясений и нового переворота.

В Англии также многие публицисты и государственные люди объявили себя противниками кредита. Они стараются помрачить славу Питта и доказать, что твердость сего великого человека и непреклонность его к миру с Франциею довели отечество до края погибели; что Англия страждет еще теперь под бременем его ошибок и упрямства; что скромность лондонского кабинета в спорных политических делах со времени всеобщего замирения, согласие, данное им, вопреки настоящего духа народного и выгод Великобритании, на все соображения Веронского конгресса [67], молчание его и неподвижность сил английских при занятии Испании, Мореи и Алжира французами, при переходе русских чрез Балканы, суть очевидные признаки слабости Англии; что сия слабость происходит непосредственно от запутанности финансовых дел и огромности государственного долга. Сии мнения, всегда опровергаемые и беспрестанно возобновляемые, имеют своих постоянных представителей в обеих палатах парламента и находят отголосок в народе. Главный распространитель оных есть «Эдинбургское обозрение», журнал, посвятивший почти все свои финансовые статьи на опровержение кредитной системы. В издании оного участвуют все отличные

* Господин Тьер (Thiers), докладчик комиссии, рассматривавшей бюджет расходов на 1832 год, доказал палате депутатов, что между экономиею американскою и пышностью Наполеонова управления разница не превышает 3 000 000 фр., или, другими словами, что все дробные экономии, добываемые из жалованья префектов и других чиновников администрации, совершенно ничтожны. Доклад г-на Тьера (смотри «Journal des Débats» du 31 Décembre 1831) весьма замечателен по части, касающейся собственно до финансов, но по части кредитной он мало удовлетворителен. Прочитав со вниманием речь его, вы увидите, «что биржевая игра есть страсть пагубная, язва нашего времени; что должно всеми средствами стараться ее обуздывать и даже уничтожать; что погашение именно может и должно стремиться к сей цели; что капиталы, меняемые кассою погашения на обязательства правительства, поступают в руки людей, отказывающихся от дальнейших биржевых оборотов; что истинное назначение погашения есть не поддержание курса, но совершенный выкуп государственного долга; что, однако же, полный выкуп не выгоден ни для народа, ни для правительства; что правительство обязано уплачивать свой долг наравне с каждым частным заимателем; что, ежели до сих пор ни один долг государственный не был нигде уплачен погашением, из сего не до́лжно заключать, что сия уплата невозможна, но только, что погашение слишком слабо» и пр., и пр. Конечно, читатели, пробежавшие сие сочинение и убедившиеся нашими исследованиями, не потребуют от нас новых доказательств против ложных предложений, заключенных в сем кратком изложении системы господина Тьера. Намерение его похвально. Он честный и благомыслящий гражданин. Он искренно ищет благоденствия своего отечества не в задачных утопиях оппозиции, но в постоянстве нынешнего порядка вещей. Он страшится, чтоб палата депутатов, увлеченная искушением ложной бережливости, не посягнула на капиталы погашения; но теория его, по мнению нашему, так слаба, что лучше бы было не касаться до системы кредита, чем защищать оную столь неосновательными рассуждениями.— *Прим. Орлова.*

писатели и ораторы партии вигов, враги искусные и опасные, умеющие владеть попеременно орудием увлекательного красноречия и колкой насмешки. По следам сих первостепенных неприятелей кредита, отличающихся некоторою благоразумною и тем более обманчивою умеренностью, идет толпа необузданных утопистов, известных под именем радикалов (les radicaux), бентамистов (les utilitaires) и других. Каждая из сих партий имеет свой журнал, назначенный со дня его появления для распространения их образа мыслей. Неутомимой деятельности сих ежедневных порицателей кредита Англия обязана всеми ложными понятиями, рассеянными в народе, о системе отвержденных долгов и недоверчивостью к силе и могуществу кассы погашения; ибо должно заметить, что до сих пор самые искусные антикредитисты успели только распространить в обществе некоторое суетное беспокойство и недоверчивость к испытанной теории, но не предложили еще никакой системы, могущей хотя отчасти заменить то, что стремятся уничтожить. Все их возражения касаются одного только злоупотребления в займах; но в сем смысле сами защитники кредита с ними совершенно согласны. Вся их тактика состоит в том, чтоб сие злоупотребление займов смешать с самим употреблением кредита и представить сей последний в виде системы, опасной увлекательностью своею и последствиями, системы, приносящей мало пользы современникам и угрожающей потомству неминуемым разорением. Но усилия их, вероятно, останутся безуспешными. Рассуждения их могут обмануть и прельстить часть неопытных читателей, но общество английское слишком просвещено, чтоб отвергнуть систему, несколько опасную, но верную и испытанную, прежде, нежели враги оной представят ему другую, заключающую в себе более безопасности и те же самые условия могущества и силы. До тех пор государственные люди Англии, к которой бы партии они не принадлежали, останутся, конечно, твердыми в их правилах и не оставят системы государственного кредита, которая, без сомнения, была одною из главных причин, возвысивших Великобританию на ту степень величия, на которой мы ее теперь видим.

Но не кроется ли под сим всеобщим почти восстанием некоторых людей против кредита какой-нибудь тайной мысли, каких-либо скрытых политических намерений? Чем пристальнее мы рассматриваем сие явление, тем более мы уверяемся, что точно враги кредита суть не кто другие, как враги властей вообще. До тех пор, пока кредит не был принят и оценен правительствами, все так называемые свободные писатели были усердными поборниками кредита. Они видели в нем спасение, славу, силу народов, залог всех полезных учреждений и преобразований, словом сказать, все то, что мы старались подробно доказать в сем сочинении. Но коль скоро правительства приняли кредитную систему и овладели сим могущественным орудием, враги правительства ополчились против кредита и преследуют в нем правила,

ими же самими некогда превозносимые, единственно для того только, чтоб ослабить своего неприятеля и потрясти в общемыслии самое твердое основание властей и порядка, предоставляя себе в будущие времена переменить еще раз свое мнение, когда бразды правления перейдут из рук их врагов в их собственные руки. Ежели сия догадка столь же справедлива, сколь она правдоподобна, то все нападения на систему кредита суть не что иное, как происки властолюбия, а сам кредит более нежели когда-либо пребывает для правительств залогом силы и могущества, для народов источником беспредельного преспеяния.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

1. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Киев. 22 августа 1819 г.〉

Любезный Асмодей, давно к тебе я не писал — время летнее полно для нас хлопот. Теперь, слава богу, все кончилось или скоро кончится, а у вас скоро начнется [1]. Желал бы я побывать в Варшаве и посмотреть на наших приемышных братьев, как они управляют колесницей представительства. Это дело трудное — ежели запряжена волами, то все кнут нужен; ежели помчится слишком быстро, то может повалиться и весь народ за собой стащить в пропасть [2]. Отпиши, пожалуй, мысли твои на ход дела и что будет интересного, то дай знать. Я все тот же: изнемогаю от отечественной горячки. Неужели не благословит бог увидеть когда-нибудь счастия России? Soleil de ma vie, qui fuit si rapidement et qui est prêt à m'abandonner, puisse-tu du moins re tes derniers rayons éclairer le bonheur de ma patrie! *. Так говорил некто, коего имя позабыл, но коего слова, столь сходствующие с мыслями моими, глубоко врезались в мое сердце.

Посылаю к тебе речь мою в Киевском Библейском обществе [3]. Есть части изрядные, кои писаны были мною *con amore* **. Ты легко отгадаешь по сему, что я говорю о картине наших гасителей и противников просвещения. Хотя сия часть слишком длинна в сравнении с прочими, но я для нее сочинил всю речь и, следственно, чувствуя погрешность, не хотел переменить. Сделай одолжение, ежели найдешь какой-нибудь галлицизм или много галлицизмов, то уведомь меня. Приму с благодарностью и на другой раз остерегусь.

Денис наш женат и я его женатого уже видел и смеялся над ним [4]. Что ему вздумалось распложать свою татарскую рожу? Но он счастлив. Любит и любим. Чего же больше?

---

* Солнце моей жизни, движущееся столь быстро и готовое уже покинуть меня, о, если бы ты могло своими последними лучами озарить счастье моей родины! (франц.).— *Ред.*

** с любовью (итал.).— *Ред.*

Я скоро отправляюсь в Крым. Хочется посмотреть полуденный сей край. Хочется полюбоваться на виды и посмотреть на миндали и виноград. не странно ли им расти в России. Оттуда отправлюсь в Одессу, а потом возвращусь в Киев и поеду в ноябре в Москву. Неужели не придется нам с тобой там встретиться? Хорошо бы было. Но можно ли? Питаю надежду. Постарайся, мой друг, приехать к нам. Ежели же поедешь чрез Киев, то уведомь меня. Останусь до твоего приезда и вместе пустимся в путь.

Варенья тебе не послал прошлого года, ибо от ненастья было весьма мало фруктов, а старого варенья посылать не хотел. Нынче, надеюсь, буду счастливее.— Прощай. Люби меня и пиши.

Михаил Рейн

Сего 22-го августа 1819.
Гор. Киев.

Кланяйся княгине Асмодеевне и поцелуй всех асмодеюшек твоих.

2. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Киев. 28 февраля 1820 г.⟩

Любезный друг, на твое письмо, давно уже полученное [1], я не отвечал по сих пор частью оттого, что природой одарен отличною леностью, а частью оттого, что судьбой осужден на бесполезную и томительную деятельность. Постараюсь на тысячу твоих вопросов отвечать, да после сам держись.

Чем я занимаюсь? Вздорными бумагами, посреди коих письма к друзьям есть полезнейшее и приятнейшее дело.

В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей, в числе коих и тебя помещаю. Живу с Бенжаменом Констаном, с Бентамом и прочими писателями сего рода. Иногда от нашего бракосочетания родятся уродливые выписки, записки и пр. Из всех детей, прижитых мною, любимое есть *надежда*, но, к несчастию, час от часу чахнет.

Напечатана ли речь моя? Нет, она в *типографическую службу* принятой быть не может. Il y de la roture dans son fait *. А бродит партикулярно из рук в руки. И то не худо [2].

Что делает Денис в когтях у Гименея? Еще не кряхтит, а нежится. Ему кажется странным быть счастливым. Он греется под подолом. Ничего не пишет, живет в Москве и ожидает наследника или наследницу.

---

* В ней слишком много плебейского (франц.).— *Ред.*

Твои комиссии прекрасной Софье [3] переданы. Я ей сказал, что ты всякое утро, вставши с постели, молишься на восток с тех пор как ее полагаешь в Киеве, и всякий день трижды, а иногда и более повергаешься к ее стопам. Они пробыли все контракты и теперь уехали на масляной в Петербург. Чудная красавица, а все что-то не то. Красота без стыдливости для меня точно как мятые груди без шнуровки. Конец ответу.

Теперь я начинаю тебя запрошать.

Что ты делаешь?

Что делают в Польше?

Надеются ли на присоединение наших провинций? На чем надежда сия основана? [4]

Каковы выборы?

Какие будут предметы будущих прений?

Кто из людей употребленных более имеет весу?

Когда ждут царя?

И пр. и пр. и пр. в сем роде.

Пришли мне la Diète de 1818 [5].

Прощай, друг Асмодей

Рейн

Сего 28-го февраля 1820 года.
Киев.

Пришли твои сочинения, ежели есть что-нибудь новое. Издавать журнала здесь в Киеве не буду, воля твоя — а затей русский журнал в Варшаве и помести там все без изъятия прения вашей каморы. Вот слава тебе, вот честь. Я подпишусь на многое количество экземпляров.

Напиши мне об этом предмете несколько строк, а я тебе о сем напишу огромное письмо. Пожалуй, подумай и скорее отвечай. Я даже пойду на сотрудничество и на разделение убытков. Но делать должно осторожно [6].

3. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Киев. 22 марта 1820 г.⟩

Так как ты не шутя пишешь ко мне о журнале, то я также, оставя шутки в сторону, скажу тебе мои мысли.

Как ты хочешь, чтоб здесь в Киеве издавался журнал? Здесь нет ни писателей, ни читателей, ни типографии, ни цензуры. Странно бы видеть свободомыслящий вестник, напечатанный славянскими буквами, сочиненный попами или монахами, и коего каждая книжка отсылалась бы на смотр в Харьков или Петербург. Да и всё под моим ведомством — я, коего и

так каждое письмо, каждое слово, каждое дело, подлежит цензурному присмотру. А вот мысль моя, которую прошу обдумать.

Самое настоящее место для издания журнала — это Варшава. Там отголосок европейского просвещения более отдается. Там хотя не существует еще вольное книгопечатание, но, по крайней мере, оное торжественно обещано. Там ты имеешь свое пребывание постоянно. Сколько предлогов для издания журнала рождаются, так сказать, из самой сущности вещей? Не стыдно ли, что посюда польская конституция еще не переведена на российский язык? Не стыдно ли, что в России неизвестно, о чем поляки рассуждали на последнем сейме? Не стыдно ли, что непроницательная завеса неизвестности покрывает от нас все покушения поляков на Россию? Ты определен, кажется, судьбою, чтоб сорвать сию завесу, чтоб показать, с одной стороны, то, что делается для водворения свободного правления в Польше, а, с другой, то, что предпринимается для унижения российской славы. Я знаю, как трудно сие исполнить, но у тебя есть голова и перо, у тебя родилось, судя по письму твоему, то священное пламя, которое давно согревало мое сердце и освещало мой рассудок. Тебе предстоит честь и слава.

Показавши цель, покажу и средства.

Проект журнала должен быть составлен в самом умеренном духе. *Во-первых:* в оном должно показать намерение сплесть новый узел к соединению двух народов. *Во-вторых:* предварить, что будут помещены статьи о польской словесности, дабы познакомить с оною россиян. *В-третьих:* то же можно сказать и о постановлениях, опираясь на истину, что короткое знакомство есть основание дружбы между людьми как между народами. *В-четвертых:* начать журнал переводом конституции, потом изложением последнего заседания, наконец, переводом речей. К сему политическому изложению можно прибавить перевод каких-нибудь стишков, басенок и проч. *В-пятых:* известие о происшествиях в Европе гораздо скорее доходит до Варшавы, нежели до России, почему и можно будет помещать оные в подробности, опираясь в проекте на истину, что Россия перестанет платить значительную дань чужим землям за их журналы. Сие весьма нужно, хотя единственно для соревнования с гимнами «Инвалида».

Форма журнала должна быть та же, что и французских ежедневных газет. Имя журнала предлагаю: *Российский наблюдатель в Варшаве*. На предприятие я сам внесу значительную вкладку. Остальной капитал можно набрать акциями.

Тебе надобно собрать сотрудников, из коих один решится, может быть, на сие дело. Он наш арзамасец, а именно *Никита Муравьев*. Он недавно оставил службу и, сколько я знаю, горит желанием быть полезным. Я, Николай Тургенев, Дашков и Сергей Тургенев в Царьграде [1], Блудов в Англии [2] и прочие арзамасцы будут твоими сотрудниками. Таким образом самое разделение наше послужит к успеху.

Я, с моей стороны, один помещу до двухсот экземпляров. По крайней мере, надеюсь исполнить сие обещание.

Каков тебе кажется мой план? Чтоб не перебивать твоих мыслей, ни одного слова более не прибавлю. Оставляю сие на твое размышление и с нетерпением ожидать буду твоего ответа [3].

Рейн

Сего 22 марта 1820-го года.
Киев.

4. А. Н. РАЕВСКОМУ

⟨Киев. 30 мая 1820 г.⟩

Я обещал писать и посылать газеты. И то и другое исполняю в надежде, что твои обещания также исполнятся, любезный Александр Николаевич. Ожидать буду твоего ответа с нетерпением, помня, что он мне дает и подробное понятие о положении того края, в котором ты основал свою жизнь на некоторое время.

На другой день твоего отъезда явился в Киев Тургенев [1], которого я нашел совсем преобразованным человеком. Правила оставил те же, но скромность в выражениях, постепенность в желаниях, принятие плана жизни и службы доказывают, что наступило время зрелости и что рассудок взял перевес над пылкостью страстей. Он чрезвычайно сожалел, что разъехался с тобою, тем более, что твердо полагал с тобою видеться, и ты бы не пожалел с ним поговорить. Он гостил у меня пять дней и пустился в путь к Царьграду, где намерен пробыть два года.

Новостей политических мало. Говорят, что в Риме открыт заговор и что по сему случаю 35 т⟨ысяч⟩ австрийцев выступили к сему городу. Дальнейших известий еще не имеем, да и сие известие не совсем официальное, но торговое. Везде огонь живет под пеплом и я очень думаю, что 20-й век не пробежит до четверти без развития каких-нибудь странных происшествий [2].

Рассказы приятельские, которые заменяют у нас сообщение перепискою, на сих днях пояснили мне многие происшествия, но сии известия берегу до дня свидания, а поручить бумаге не могу.

Когда увидишь Алексея Петровича, бей ему от меня челом. Поклон и простого римского гражданина не должен быть отвергнутым римским проконсулом, какова бы ни была его слава. Я вижу Алексея Петровича в будущем и почитаю его как человека, коего имя должно некогда служить украшением нашей истории [3].

Мое дело еще не исполняется. Граф Витгенштейн писал обо мне весьма лестное отношение, по которому посюда никакого ответа не получаю. Еже-

ли откажут, сей отказ будет шестой, полученный мною в течение 3 лет. Пущусь и на вторую полдюжину. Терпение обесчестить не может, а случай вознаградит за терпение[4].

Графа Воронцова все еще нет, а в скорости ожидают. Скоро буду опять писать, а тебя прошу отвечать на русском языке. Vale! *

Вернейший из друзей твоих
М. О.

Сего 30-го мая 1820.
Киев.

5. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Киев. 15 июня 1820 г.〉

Любезный друг, сделай одолжение, извести меня, получил ли ты письмо мое, писанное через г. Скибицкого. Я о сем не имею ни малейшего известия.

Благодарю тебя за твои ласковые брани. Не беспокойся, любезный Асмодей, у нас из блохи делают слона. Я не столь неосторожен, как ты думаешь[1]. Я не Вральман, а жертва Вральманов, которые на мою шею сваливают все свои грехи. Что касается до того, что тебе сказывали в Варшаве обо мне, то сие не должно тебя пугать за меня. Господа пересказчики или меня не поняли, или дали моим словам совсем посторонний смысл. Ежели ты одобришь мою речь, то можешь и все одобрить во мне, ибо я ничего не говорю сильнее того, что написал.

Рассуждения твои прекрасны[2], да и мои не худы. Дело только в том, что рассуждения рассуждениями и кончатся. Нет связи, нет цели, нет узла, словом, нет ничего. В монархе вижу отдаленное намерение, в себе и некоторых других обретаю страстное желание, но в массе не нахожу ничего, кроме бесчувственного бытия. Мы так напуганы, что и счастья боимся. Какая жатва может быть на поле, которое зарастим осокою? Всякий день озаряет постепенность к падению всего общества. Я не люблю пророчить о дурном. В 1812 год, когда все отчаявались в спасении отечества, я и несколько других проповедовали, что все будет спасено. Но теперь вижу опасность другого рода. Не грозой побита будет жатва, но червями съедена, а червей трудно искоренить. У нас так много пресмыкающихся животных, что нельзя ступить, чтоб кого-нибудь не раздавить. Но довольно о сем предмете. Ты так забранишься, что трудно будет и разделаться с тобою. Я тебя знаю. Ты из дружбы ко мне готов меня и разлюбить.

---

* Прощай! (лат.).— *Ред.*

Мне видно долго будет жить. Я так расхохотался от известия о смерти моей, что едва не надселся. Благодарю еще раз за надгробное слово, только уверяю, что оно мне неприлично.

У меня был здесь Тургенев [3] и жил дни с четыре. Он едет в Царьград и теперь уже там, вероятно. Я кой-что нового узнал, неожиданного, приятного сердцу гражданина. Ты меня понимаешь. Хвала тебе, избранному на приложение. Да будет плод пера твоего благословен во веки! [4] Но когда благодать низойдет на нас? Когда слеза рабства иссохнет на ланитах, украшенных улыбкою вольности? Неужели не доживу до сего благословенного мгновения? Вот надежды мои, вот от чего биение сердца и волнение ума. Друг мой, тогда только назову себя счастливым, когда мы все вместе счастие вкусим.

Я переменяю службу. Из Киева еду в Бессарабию, в Кишинев, где назначен командиром 16-ой пехотной девизии. Пиши туда.

Твой друг Рейн

Сего 15-го июня 1820-го.
Киев.

6. А. Н. РАЕВСКОМУ

⟨Киев. 19 июня 1820 г.⟩

Любезный друг, я не получил ни строки еще от тебя, хотя всякий день ожидаю. Посылаю тебе несколько газет, в которых найдешь все то же, что и прежде, то есть бесконечные споры между гасилами, коих не должно пускать тушить, и светилами, коим не должно позволять жечь.

Я, наконец, назначен дивизионным командиром [1]. Прощаюсь с мирным Киевом, с сим городом, который я почитал сперва за политическую ссылку, и с коим не без труда расстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мне будут предстоять и я едва умею выразить сколь мне прискорбно переходить под другое начальство [2]. Но должно было решиться. Иду на новое поприще, где сам буду настоящим начальником. Мы может быть долго не увидимся. Ежели ты не будешь (1 *нрзб*), то я и надеюсь видеть тебя прежде трех или четырех лет. Это целый век в нынешнем веке. Я буду стар, а может быть и дряхл. А ты еще не достигнешь моих теперешних лет [3]. Желаю тебе счастья от всего сердца.

Нет времени писать пространно, да и нечего. Политика запружена и бог знает когда потечет. Я так же строю умственную насыпь, чтоб запрудить мысли мои. Пускай покоятся до времени. Прощай, друг мой.

Пиши в Кишинев и отвесь от меня глубокий поклон почтенному Алексею Петровичу [4], которого лестно для русского называть русским.

Твой искренний друг
Михаил Орлов

Сего 19-го июня 1820 года.
Киев.

7. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

‹Киев. 23 июня 1820 г.›

Мне сказали, любезный Асмодей, что ты в Петербурге. Пишу к тебе, чтоб тебя уведомить о письмах моих, на коих не имею никакого ответа. Я писал тебе чрез Скибицкого. Пожалуй, уведомь, получил ли сие письмо. Я писал тебе также ответ на твою надгробную речь. Но сего последнего ты получить еще не мог, ибо я недавно адресовал его в Варшаву [1]. Пожалуй, перепишись, чтобы оно было к тебе доставлено. Мне бы весьма было неприятно, ежели б оное письмо попалось в чужие руки.

Я еду, любезный друг, в дальний край, за тридесятое царство [2], и отдаляюсь от центра России с некоторым печальным духом, которого сам себе пояснить не могу. Хотя мое желание исполнилось, хотя я чувствовал бы себя обиженным, ежели б правительство не дало мне сего знака доверия, однако же я не могу без горести переселиться среди молдаван и греков, коих ни язык, ни образ мыслей, ни намерения, ни желания не могут согласоваться с моими чувствами. Я чувствую себя изгнанником. Я вне круга моего, я брошен без компаса на неизвестное море и отдаляюсь от отечества, не зная, когда в оное возвращусь, ибо мое намерение есть приковать себя к новой моей должности так, как прикован был к старой. Пожалей обо мне, ты, который, в пустыне варшавской, где никакое эхо не отвечает сердцу твоему, можешь чувствовать то, что я чувствую, и, следственно, понимать мои изречения. Но ты, по крайней мере, в сношении с кипящей Европою, ты живешь на краю рабства и, так сказать, отворив окошко, можешь набираться вольным и свежим воздухом, а я, напротив того, буду приперт к Азии, отдален от белого света и принужден жить посреди низкого народа, коего и предрассудки мне неизвестны и нелюбопытны. Жребий мой не слишком завиден, хотя многие может быть и завидуют. Какая бы разница, ежели б я получил дивизию в Нижнем-Новгороде или в Ярославле. Я бы был как рыба в воде. Но что делать? Должно решиться, и я возьмусь за гуж от всех сил сердца и рассудка.

Вот тебе письмо вроде посланий покойного Иеремия, пророка блаженной памяти и меланхолического свойства. Этот вздор может позабавить тебя на некоторое время и я получу от тебя в отраду несколько строчек, коими буду любоваться в уединении. Пиши ко мне, любезный друг, твои

и бранные письма для меня приятны. Я на каждом слове останавливаюсь и вижу, что ты любишь меня и Россию. Сие радует сердце мое и дает мне надежду на будущее.

Прощай.

Твой верный Рейн

Сего 23-го июня 1820.
Киев.

8. А. Н. РАЕВСКОМУ

⟨Киев. 27—29 июня 1820 г.⟩

Любезный друг Александр Николаевич. Посылаю к тебе № 3-й писем моих, не имея еще от тебя ни одного слова. Прекрасно. Можешь похвастаться своею точностию.

Микалаша твой здоров [1]. Ему прививали оспу, и он всех уверяет, что это ничего не больно. Он храбро поступил в сем случае и когда доктор резал ему руку, он ни разу не вскрикнул, а только говорил *потише, потише*. Этот подвиг будет помещен в его формуляр и для того я тебе передаю сей анекдот.

Прошу сказать Фурнье

1-е: векселя его получены и отправлены в Крым.

2-е: пять тысяч денег его у меня и вексель Бороздина на 5 тысяч также.

3-е: чтоб он писал, что мне делать?

Посылаю тебе газеты. У французов загорается, и так это не кончится [2]. В Турции также беспокойно. Янинский Али-паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции [3]. Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился. Прощай, любезный друг.

Михаил Орлов

Сего 27-го июня 1820.
Киев.

P. S. Я скоро еду в Кишинев.

P. S. Письмо твое, любезный друг, и пакет для сестрицы твоей Катерины Николаевны я передал Дуб⟨е⟩льту, который во всей силе исполнит ⟨?⟩ твою инструкцию.

Здесь приехал Воронцов 28 числа. Он будет жить в Белой Церкви месяца с два [4]. Все умы обращены на вольность крестьян и он также сделал шаг, который не могу тебе пересказать письменно. При первом свидании или при первой оказии о всем уведомлю. Я буду в Киеве во время контрактов или немного прежде. Не худо бы было тогда увидеться.

29 июня 1820-го года.
Киев.

9. А. Н. РАЕВСКОМУ

⟨Киев. 8 июля 1820 г.⟩

Милый друг Александр Николаевич, напрасно меня бранишь, напрасно укоряешь неисполнением обещаний. Сие письмо еще не дойдет до тебя, а ты принужден будешь, как Петр Апостол, трикраты отречься от слов твоих; ибо я теперь взялся за четвертое к тебе письмо. Ежели ты первого долго не получил, то единственно от того, что я был с г. Дибичем в разъездах и смотрах, а потом получил известие о моем назначении и собирался к отправлению. Теперь я готов и еду 10 июля. Следственно, прошу тебя писать по новому адресу в Кишинев.

Без твоего письма мы бы ничего не знали о бунте в Имиретии [1]. У нас то хорошо или то дурно, как угодно рассудить, что общая неизвестность покрывает все происшествия нашего отечества. Например, о пожаре царскосельском «Инвалид» [2] дал известие спустя семь дней, а о походах Ермолова и по сих пор ни строчки еще не напечатано. Я не знаю как Алексей Петрович не возьмется за дело и не образует несколько по-христиански «Астраханского вестника». Мы, русские, любим следовать за нашими успехами и в общем нашем бездействии слава и дела соотечественника приятно пощёкотали бы наши сердца. Подай ему сию мысль. Ведь и ему скучно работать и общего признания не зарабатывать. Впрочем, это долг, это обязанность начальника. У вас в Грузии герои умирают без славы точно так, как у нас в Европе воины славятся без геройства. Не должно превращаться в хвастуна, но зачем правды не говорить? Пусть какой-нибудь храбрый капитан полюбуется на себя в зеркале истории. Он еще станет храбрее и его пример породит храбрость и в других. А мы, воины вахтпарадцы, будем вам завидовать и чваниться вашими победами. Я и тем буду покамест доволен.

Батюшке твоему прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение, а юному Аруету Пушкину мой поклон [3]. Купайся, друг мой, и в ваннах и в счастии. Я сего последнего желаю тебе от всего сердца.

А. Н. Раевский

Портрет работы неизвестного художника. 1821 г.

Ожидаю ответа от Фурнье. Но ежели завтрашняя почта оного не принесет, то велю переслать в Кишинев.

Посылаю газеты и письмо к англичанке вашей, которое завалялось давно у меня.

Прощай.

Твой друг Михаил Орлов

Сего 8-го июля 1820.
Киев.

10. А. Н. РАЕВСКОМУ

⟨Кишинев. 13 октября 1820 г.⟩

Любезный друг, благодарю за твое дополнительное письмо из Крыма, которым я тем более был доволен, что оно писано по-русски, и довольно чистым русским языком [1]. Известия о Грузии и о подвигах или намерениях Ермолова весьма важны, но мне кажется, что со всем его умом он довершить общего успокоения той страны не в состоянии [2]. Так же трудно поработить чеченцев и других народов того края, как сгладить Кавказ. Это дело исполнится не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас не избыточно. При падении листов сделают еще экспедицию, повалют несколько народа, разобьют толпу неустроенных врагов, заложат какую-нибудь крепостицу и возвратятся восвояси, чтобы опять снова ожидать осени. Этот ход дела может принести Ермолову большие личные выгоды, а России никаких. Впрочем, я не его виню. Обстоятельства и прежние меры начальников и предместников его сделали из Грузии в отношении нашего отечества, так сказать, политическую фистулу. Через оную Россия потеряла много крови и соков. Но со всем тем в этой непрерывной войне есть что-то величественного и храм Януса для России, как для древнего Рима, не затворяется. Кто, кроме нас, может похвастаться, что ведет вечную войну?

Обратимся теперь к другому. У нас большие известия и отвсюда что-то возгорается похожее на предвозвещание общего пожара. На сих днях пришли известия из Константинополя. Три женщины, не знаю какой нации, шли мимо российского посланнического двора. Преследуемые несколькими пьяными янычарами, они искали убежища на нем. Янычары вслед за оными ворвались силою в ворота. Тут начались выстрелы и сеча. Одному из посланнических янычар разрубил голову. Сия тревога продолжалась довольно долго. Наконец одного из пьяных разбойников поймали, другие ушли, и когда все обратились уже к покою, вдруг появилась целая толпа янычар, около 60-ти человек, которые формально атаковали дворец, многих переранили и сражение продолжалось до самой глубокой ночи. Ты можешь себе представить положение нашего посланника. На другой день султан послал к нему рейс-еффидия с подарками. Он его прогнал, не при-

няв ни варенья, ни цветов, сего обыкновенного султанского приветствия, и торжественно и письменно объявил, что прекращает все сношения с Портою до получения полного вознаграждения и ответа от своего двора. Дело осталось в сем положении. Теперь надобно ожидать, какого мы будем требовать возмездия, и ежели удовлетворение оного не превышает могущество султана.

С другой стороны сербы взбунтовались. Сербия была разделена на две партии. Одна, составленная из нескольких воевод, искала покровительства султана и послала к нему депутацию, которая имела поручение ему объявить, что Сербия ожидает милостей от него одного и отказывается совершенно от покровительства России. Другая партия, коей начальник был сам *Милося*, главный сербский воевода, узнав о сем, велел перехватать всех депутатов уже на дороге к Константинополю и послал свой *ultimatum* на предложения Порты. Сему посланному отрубили голову по повелению султана, не довольствуясь сим, послали своего *кабиджи* дабы свергнуть *Милосю*, предать его казни и возвести другого на его место. Милося принял *кабиджи*, выслушал его и приказал его казнить. После сего решительного поступка он дал прокламацию, и бунт возгорелся.

Вот, любезный друг, мои известия. Здесь все, что делается в Царьграде, известнее гораздо, нежели то, что делается в России. Прощай. Люби меня. Я все тот же.

Посылаю Фурнье счет его деньгами. Пускай он мне напишет, куда мне ему платить и когда платить.

Твой истинный друг
М. О.

Сего 13 октября 1820.
Кишинев.

11. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Кишинев. 15 октября 1820 г.⟩

Любезный Асмодей, виноватого бог простит. Получил твое письмо с приложениями [1]. Покорнейше благодарю за послание [2] и за посылку. Я с удовольствием прочитал речь государеву [3]. Трудно было говорить Европе в нынешних обстоятельствах. Я говорю Европе, а не Польше, ибо точно сия речь более касается общих политических дел, нежели частных польских. Что ж до речи господина Мостовского [4], то это другое дело. Выработанные речения не скрывают от проницательности опытных глаз недостаток существенных мыслей. Я в первый раз читал речь депутатам нации, в которой говорят о частной выправке солдат, о рекрутской школе и о палатках, в которой министр возвещает народу, что он пользуется всеми правами конституции, то, что не время вводить ни вольного книгопечатания,

ни суда присяжных, ни даже рассуждения о бюджете. Вот, однако же, весь смысл сей речи, в которой, впрочем, много есть блестящих выражений и французского мишурного витийства.

Мы здесь смирно живем, то есть не я, а все другие. Что же касается до меня, то я проехал уже 600 верст верхом и сажусь еще на коня, чтоб проехать снова 800. Объезжаю всю границу, мне поверенную, и после только моего возвращения отдохну немного[5]. Моя жизнь, друг мой, мне нравится, хотя она и не весьма приятна с первого взгляда. Много занятий, много трудов, много движения. А это мне и нужно. Дни молодости улетели безвозвратно. Я об них не жалею. Дни старости только бы не так скоро явились. Против дряхлости я вооружен умеренностию, спокойствием духа и самими моими занятиями.

Прощай, любезный Асмодей, извини мое короткое письмо, но ей-ей нет времени. Пиши ко мне. Вот мой адрес:

Е⟨го⟩ п⟨-ву⟩м. г. М⟨ихаилу⟩ Федор⟨овичу⟩ Орлову. Командиру 16-й пехотной дивизии в г. Кишиневе в Бессарабии. Прощай, твой друг

Орлов

Сего 15-го октября 1820.
Кишинев.

P. S. Я получил также и первое твое письмо, но на то нет времени отвечать.

12. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Москва. Январь 1821 г.⟩

Любезный Асмодей, твоя Вера Асмодеевна приняла меня как родного брата, и насильно заставила писать к тебе письмо. Я приехал в Москву на 8 дней. Тебя не увижу, ибо возвращаюсь в свое степное уединение. На крае света занят теми же мыслями и томлюсь тою же грустию, как и в самом отечестве. Тебе то и другое известно. Прощай, любезный друг, на досуге напишу длинное письмо. Теперь обращаюсь по необходимости к скромному молчанию.

Твой друг Рейн

13. Е. Н. РАЕВСКОЙ

⟨Дубоссары. 9 марта 1821 г.⟩

Любезный друг, посылаю вам письмо, полученное мною на дороге, со всеми подробностями Валахского возмущения[1]. Журнал сделан день за день и вы можете следовать за каждым шагом оного дела.

Я приехал в Дубоссары, и лед меня здесь остановил.

Е. Н. Раевская (Орлова)

Портрет работы неизвестного художника

Спешу докончить это письмо и сказать вам, что вас люблю от души и любить буду целую мою жизнь, как бы она долга ни была.

Письмо дайте прочитать всем вашим, а потом запечатайте вместе с пакетом на имя графини Орловой [2] и отправьте в Москву. С нетерпением буду ждать ваших ответов.

Ваш друг
Михаил

Сего 9-го марта 1821.
Дубоссары.

14. Е. Н. РАЕВСКОЙ

⟨Кишинев. 21 марта 1821 г.⟩

Я получил ваше письмо от 9 марта, в котором один только конец был по сердцу моему. Скажите мне: неужели не приостановилась ваша рука, когда вы написали этот несносный Monsieur, qui me crêve les yeux au milieu de votre lettre? * Бог вам простит. Что бы вы ни делали, я вас ни более ни менее любить не могу.

Ежели некоторые части моих писем вам не нравятся, то по крайней мере вы должны быть довольны моей точностью в известиях о здешнем крае. Не смейтесь над Ипсилантием. Тот, кто кладет голову за отечество. всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам. Из моих писем вы все знаете, но прошу вас их не разглашать, особливо сие последнее и предыдущее. То есть те вещи, которые не требуют разглашения, как, например, образ действия и создание тайного общества и участие наших вельмож в оном [1].

Что мне до аристократиков? Вы теперь все знаете. Я описание приему их послал вам чрез последнего курьера. От княгини Юсуповой не имею еще ответа.

Я просил позволения отлучиться от дивизии и, ежели позволят, то сейчас являюсь в Киев. Посылаю вам новые известия и целую ручку вашу, несмотря на то, что она пишет такие холодные письма.

Александру пишу и благодарю за его письмо. Николушке скажите, чтоб он мне писал комеражи ** и я буду на все отвечать.

У вас 8 марта болела голова, а 9 вы были здоровы. Я все знаю. Кто любит, тот проворен. Прощайте.

Ваш истинный друг
Михаил

Сего 21 марта 1821.
Кишинев.

---

* Господин, который мне колет глаза в середине вашего письма *(франц.)*.— *Ред.*

** пересуды, сплетни (от франц. commérage).— *Ред.*

P. S. Le billet de votre père, tout court qu'il est, est bien plus aimable que votre lettre. Prenez ici de ma part ces deux phrases [que j'ai soulignées]: *Nous nous ressentons de votre absence*, et encore *venez m'embrasser* *. Я за это, тысячу раз целую ручку. Mes respects à madame votre mére et à toutes vos soeurs.

Dites aussi à votre père que si je ne lui écrit pas c'est pour que vous n'ayez pas de prétexte d'éluder ma connaissance **.

15. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Одесса. 9 сентября 1821 г.〉

Любезный друг, твое письмо меня обрадовало чрезвычайно, ибо известия, дошедшие до нас, представили твои обстоятельства гораздо в худшем виде. Нам писали, что ты выключен из службы, а не сам ее оставил, что тебе запрещен въезд в обе столицы, а не в одну только Варшаву, и что, наконец, тебе приказано два года прожить в одной деревне. Я, признаюсь, не мог сообразить столь строгого наказания с обыкновенным действием нашего правительства, которое до сих пор в подобных случаях избегало излишних гонений. Теперь я ясно вижу, что все сие произошло от одних только личностей.

Скажи мне, зачем ты оставил службу? [1] Ежели к тому ты убежден был собственными твоими делами, то нет слова: ты хорошо сделал; но ежели ты изволил разгневаться и, желая еще служить, оставил службу, то это непростительно. Или ты был полезен или нет. В первом случае должно было остаться и продолжать быть полезным или изыскать новое средство подвизаться на новую пользу. Во втором случае надобно было давно оставить мундир в строгом смысле философическом. Вспомни, кому ты служишь? Отечеству. Оно тебя не отвергало и не отвергнет. Что касается до частных неприятностей от начальствующих лиц, то кто оных не имел? Сколько полезных людей было выгнано из молдавской армии при Каменском? Сии же самые люди дослужились до важных мест, невзирая на сию неудачу, и, оставшись при делах, дошли до управления важными частями оных.

Впрочем, я совсем не понимаю твоих преступлений. Ежели ты страдаешь за то, что предпочитаешь логику Мануэля софизмам Виделя и Корбьера, то твое несчастие может завлечь тьму людей и меня первого. Я думал, что

---

* Записка вашего батюшки, сколь она ни коротка, более любезна, чем ваше письмо. Извлеките из нее [подчеркнутые мною] две фразы: *Мы чувствуем ваше отсутствие*, и еще: *приезжайте обнять меня* (франц.).— *Ред.*

** Мое почтение вашей матушке и всем вашим сестрам. Также передайте вашему батюшке, что я ему не пишу, чтобы вы не имели предлога избегать моего знакомства (франц.).— *Ред.*

время гонения за политический образ мыслей прошло и что в нынешнем веке можно предпочитать с равной безопасностию Фокса — Питту и Фенелона — Боссюэту [2]. Неужели я ошибался? Буду осторожнее.— За то ли, что уехал, не представившись его высочеству? Это ты дурно сделал, но я полагаю, что простое замечание более бы подействовало на тебя, чем строгое взыскание? Других причин в письме Новосильцова я не вижу. Впрочем, чтоб судить о сем, надобно знать все подробности твоего дела, а я оных не знаю. Что ты не унываешь, в сем я уверен сам по себе, и тебе не нужно меня о том уверять. Желал бы только, чтоб ты употребил с пользою праздное нынешнее твое существование. Вооружись пером и сядь за работу. Судя по тому, как ты написал жизнь Озерова [3], я уверен, что ты можешь сделать оборот в прозе нашей и дать ей более точности и остроты. Займися прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно, особливо что называется у французов *Poésies légères* *. Пора предпринимать образование словесности нашей в большом виде, в философическом смысле, строгими сочинениями или полезными переводами. Вот поприще, открытое пред тобою. Цензура не всегда будет препятствием. Она теперь так глупа, что само правительство скоро принуждено будет сокрушить собственное свое орудие. Впрочем, сочинение твое может ждать удобнейшего случая несколько лет. Это не беда. Ежели будешь работать истинно для пользы, то твое сочинение не умрет и переживет и Зона, и Тимковского, и всю собратию цензурных гасителей. Ежели ты примешь мой совет, то напиши, какой изберешь предмет. Я сочинением твоим буду весьма заниматься, ибо, по всем дошедшим до меня слухам, твой ум совершенно созрел и ты готов к обработанию важнейших политических предметов.— Подумай хорошенько о сем моем предложении и будь уверен, что найдется много людей, которые будут уметь ценить твои труды и не оставят имени твоего без прославления.

Вот уже целый месяц нет никаких известий. В Царьграде все смирно. В Морее и Архипелаге греки владычествуют. О прошедшем не пишу, ибо почитаю, что все уже известно.

Прощай, любезный друг. Повинуйся моим советам и иди по такой стезе, где личности не могут тебе прекратить путь к *пользе и славе*.

Твой друг
М. Орлов-Рейн

Сего 9 сентября 1821.
Одесса.

P. S. Пиши в Кишинев.

---

* легкой поэзией (франц.).— *Ред.*

16. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Кишинев. 25 ноября 1821 г.〉

Ты, я думаю, чрезвычайно сетуешь на меня, что давно к тебе не писал. Любезный друг, я так обременен разного рода делами, что не имею ни времени, ни охоты переписываться с самыми любезнейшими из моих приятелей, в числе коих и ты, конечно, помещен. Притом скажу, что с тобою привык говорить искренно, а почта искренности не терпит. Самые позволительные сетования на ход дел нынешнего времени могут истолкованы быть в худую сторону. Я сие испытал собственным опытом. Не знаю, кто мой инквизитор, но полагаю, что есть охотник к сему почтенному ремеслу, и потому закуси язык. Сижу в безмолвии и не смею поверить непросвещенным цензорам те мысли, кои без страха и без всякого взыскания мог бы объявить самому начальству. Тут-то и вся беда. Донесения частных и подлых шпионов всегда более или менее позлащены клеветою. Их выгода явственна. От них требуются известия, и они места свои потеряли бы, ежели б не доставляли каких-нибудь донесений. Оттого без всякого разбора помещают в оных все свои умствования, ложные и не ложные, употребляют клевету, марают людей невинных, толкуют во зло все их мысли, стращают начальство и приготовляют его к несправедливости. Мои письма подлежат, вероятно, также их критике. Кто из них довольно чист душою, чтоб видеть во мне гражданина, а не вздорного болтуна? Они сами так подлы и так привыкли к подлостям всякого рода, что все деяния, все слова, все мысли, кои не походят на их дела, на их клеветы, на их соображения, должны казаться им буйственными. Ежели им угодно, пусть прочитают сие письмо. Оно послужит им, может быть, уроком, ежели какие-нибудь уроки могут действовать на их сердце и ум [1].

Ты мне пишешь, мой друг, чтоб я тебя сблизил с Мамоновым. Я бы весьма желал сего, но как приступиться к неприступному? Расстроенное его здоровье не позволяет ему выезжать. К себе никого не принимает и положил это правилом. Кроме меня никто его не видал уже несколько лет [2]. Впрочем, постараюсь исполнить твое желание и для тебя и для него. Вы, познакомясь поближе, будете любить друг друга, ибо и он почтенный человек во многих отношениях. Я давно от него писем не имел, а теперь пишу чрез тебя [3]. Ты сам письмо не отвози, а пошли чрез человека, и ожидай его разрешения.

Башмаки получил. Что я 〈тебе〉* за них должен? Жена тебе кланяется 〈и〉* знакомится с твоей женой. Ты, когда узнаешь ее, полюбишь, ибо она достойная женщина во всех отношениях. Прощай, мой друг.

Твой истинный друг
Михаил Орлов

Сего 25 ноября 1821. Кишинев.

* Здесь автограф поврежден.— *Ред.*

P. S. Я видел Дашкова и Сергея Тургенева в Одессе и очень им порадовался. У нас все на военной ноге, а за границею на разбойничьей. Когда позволят зарядить ружья, не знаю, а кажется время приближается, где после семилетнего спокойствия начнется час испытания военного [4].

Прощай.

Приложенные письма перешли.

17. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Киев. 9 ноября 1822 г.⟩

Любезный друг, письмо твое с изображением прелестной твоей хари я получил исправно и спешу тебе отвечать [1]. Ждал тебя в Крыму, в Одессе, во всей южной России, а ты рыскал по северу. Надеюсь, что, по крайней мере, успею тебя захватить в Москве, когда нынешний год туда явлюсь. Между тем посылаю жене твоей, у коей целую ручку, несколько банок варенья киевского, уплачивая тем старый мой долг и замазывая тебе сахаром рот за все твои упреки.

При сем следует также большое письмо от Пушкина, разбраненного тобою [2]. Я не знаю, что он к тебе пишет, но этот молодой человек сделает много чести русской словесности. «Кавказский пленник» в некоторых местах прелестен, и хотя последние стихи похожи несколько на сочинение поэта-лаурета (lauréat), можно их простить за красоты общего [3].

Дело мое идет и продолжается [4]. Чужие краи и отечество полнилось странными слухами, и посреди общего вранья трудно постичь настоящий ход дела [5]. Об оном я распространяться не буду, но вообрази себе собрание глупой черни, смотрящей на воздушный шар. Одни говорят — это черт летит, другие — это явление в небе, третьи — чудеса и пр. и пр. Спускается балон, и что ж? Холстина, надутая газом. Вот все мое дело. Когда шар спустится — вы сами удивитесь, что так много обо мне говорили. Впрочем, все сие дело меня крепко ожесточило и тронуло до крайности. Ежели я достиг равнодушия, то чрез сильную борьбу. Теперь я спокоен и надеюсь, что те, кои с первого маха хотели меня сбить с ног, ушиблись сами о меня и кусают себе пальцы.

Прощай, любезный Асмодей, до свидания.

Орлов

P. S. По поверке нашлось, что сахарной замазки не посылаю на сей раз, но пошлю на будущий. Прощай.

Сего 9-го ноября 1822 г.
Киев.

18. А. Н. РАЕВСКОМУ

Le 30 juillet ⟨1823⟩, Ostrow près Moscou
chez la C⟨om⟩tesse Anne Orloff.

Mon cher Alexandre, je ne vous ai pas écrit dans l'attente de quelques nouvelles interessantes à vous communiquer, mais comme il ne m'en vient point et que mon beau-frère Alexis [1] ne peut arriver de quelques jours je vous écris pour vous dire que nous avons fait l'acquisition de la collection de mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre, qui sera à votre service etc [2]. J'ai écrit pour engager Nicolas [3] à venir nous voir pour quelques jours. Le 18 ou le 20 nous partirons d'ici. Nous avons reçu l'acceuil le plus aimable ici, et nous avons passé une journée à Moscou, à voir mille parentes. En attendant l'arrivée d'Alexis nous allons a Yaroslavl pour un jour, pour voir ma belle-soeur, les empêchements qui j'ai eu pour voyager n'existant pas pour le moment. Adieu, mon cher Alexandre.

Je prends la plume pour vous embrasser, et comme ce brassée n'est plaisir que pour moi, je ne le répète plus, Je n'ai vu personne, que mes parents, et toutes nos communications ne sont qu'aux effervescences de tendres sentiments, chose qui est assez fade pour votre stoïque coeur. Bientôt nous filons pour ma campagne et de là à Kieff, où j'espère Dieu vous embrasser tout de bon.

Adieu, cher ami.
Michel

Перевод

30 июля ⟨1823 г.⟩, Остров, вблизи Москвы,
у графини Анны Орловой.

Мой дорогой Александр, я не писал тебе в ожидании интересных новостей, которые я мог бы тебе сообщить, но так как ничего особенного не случилось и так как мой свояк Алексей [1] сможет приехать лишь спустя несколько дней, то я пишу тебе, чтобы оповестить тебя о том, что мы приобрели собрание мемуаров, относящихся к английской революции, что они будут в твоем распоряжении и т. д. [2] Я писал, чтобы побудить Николая [3] приехать повидаться с нами на несколько дней. 18 или 20 мы уезжаем отсюда. Нам был оказан самый любезный прием, а один день мы провели в Москве, навещая тысячу родственниц. В ожидании приезда Алексея, мы отправимся на денек в Ярославль, чтобы повидать мою невестку; препятствий, мешавших этой поездке, больше не существует. Прощай, мой дорогой Александр.

Я берусь за перо, чтобы обнять тебя, и так как от этого объятия получаю удовольствие лишь я, то я его не повторяю. Я не видел никого, кроме родственников, и все наши сношения ограничивались проявлениями нежных чувств, которые казались бы приторными для твоего стоического сердца. Скоро мы едем в мое поместье, а оттуда в Киев, где, если богу будет угодно, я тебя обниму в самом деле.

Прощай, дорогой друг.
Михаил

19. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Москва. 20 июня 1826 г.⟩

Любезный друг, знаю всю твою дружбу и умею ее ценить. И брат в Петербурге и жена в Москве доказывают на тебя, как ты благородно чувствуешь, как ты берешь участие в друзьях твоих, как ты стоишь грудью за них и как ты не отходишь в несчастии от тех, которых в счастии любил. Прийми, любезный друг, истинное изъяснение моей дружбы и моей благодарности за то, что во все мое отсутствие ты и жена твоя ни на минуту не оставляли мою жену без утешений. Бог вам за это заплатит когда-нибудь, а я, мой друг, с чувством нежнейшей дружбы прижимаю тебя к сердцу моему.

Я сейчас еду в деревню, и это письмо отдано будет тебе твоею женою при твоем возвращении.

Прощай, друг мой.
Михаил Орлов

Сего 20-го июня 1826.
Москва.

20. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Милятино. 26 января 1827 г.⟩

С «Телеграфом» тебя поздравляю. Ежели он далек еще от хорошего журнала в строгом смысле, по крайней мере, он лучше всех прочих. Полевому принадлежит честь редакции, но вижу по всему, что благонамеренность [1] принадлежит тебе и твоему влиянию. Перевод отрывка Сея прекрасен [2]. Журналистика очень мила; разбор библиографический очень хорош. И правду сказать, там говорено то, о чем я всякий раз, как читал журналы, гневался. Азбука — не книга, а географии наши едва не много выше правил Недоросля насчет географии [3]. Твои рассуждения о словах также хороши [4], только то, что тебе сперва говорил, то и теперь скажу. A force de vouloir bien dire vous êtes un peu abstrait *. Иногда надобно два раза читать, чтоб понять, а когда поймешь, то мысль по нутру.

Прощай, любезный друг, целую тебя в курносый твой нос.

Dites à la bonne princesse que je suis maintenant heureux en amour comme en amitié. Il m'est arriva *un petit ami* et *un grand amt*, c'est à dire un petit tamis et un grand tamis avec les quels je tamise. Le calambourg n'est pas de moi, mais de Robert Hiscard, ou Robert le chimi, ou Robert le brave, ou Robert le bossu **.

---

* Из желания лучше выразиться ты впадаешь в абстракцию (франц.).— *Ред.*

** Скажи добрейшей княгине, что я теперь счастлив в любви, как и в дружбе. У меня появился *маленький друг* и *большой друг*, то есть маленькое сито и боль-

21. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Сего 6-го июня 1827. Милятино.

Любезный друг, давно я к тебе не писал и мои письма так малозначущи, что ты о них, вероятно, не очень горюешь. А у меня не только рука не шевелится охотно, но и язык весьма сделался ленивым. Иногда по целым дням не соберусь мысль одну выразить; итак не удивляйся, что и при сей верной оказии мое письмо едва будет значительнее обыкновенных.

Не могу, однако, же, не написать несколько слов о «Телеграфе», ибо я знаю, что ты в нем берешь большое участие. При первом взгляде можно увидеть отличительную черту сего журнала от всех прочих, кои печатаются в России. Сии последние суть средства для набивания кармана, а «Телеграф» один имеет цель развития просвещения. Благонамеренность оного во всякой строке оного видна, и весьма заметно, что «Телеграф» не есть просто spéculation littéraire * как пр⟨очие⟩. Но, ежели сие удовлетворительно для сердца, надобно еще, чтоб и разум находил вдоволь пищу, вместе приятную и полезную.

С этой стороны «Телеграф» не столь удовлетворителен, хотя и более прочих. Во-первых, должно совершенно отстать от браней и колких возражений. Сделав особенное отделение для журналистики, вы сделали большую ошибку, ибо поставили себя в некоторую необходимость ругаться со всеми. Конечно, сия статья часто весьма забавна и привлекает читателей par le scandale **, но и у вас есть много несправедливостей. Например: вы враги «Северной пчелы», а приятели «Инвалиду», не по достоинству сих журналов, но единственно по положению и отношениям вашим с редакторами. Однако ж до́лжно признаться, что в «Северной пчеле» известия приходят скоро и несколько портретов нравов очень удачно отделаны, как Зозо[1] и другие; а в «Инвалиде» первые сочинения — это сочинения И. И. Дибича, ибо, кроме приказов, нечего читать. Сверх того, Воейков, будучи в состоянии сделать гораздо лучше, не хочет трудиться и переносит все хорошие статьи в «Славянин», так что часто в «Инвалиде» вопрос, а в «Славянине» ответ, что и доказывает ясно его цель, стремящуюся единственно к принуждению читателей покупать оба журнала для получения целого[2]. Таковой торговый оборот едва ли согласен с совестью. Против оного, однако же, никто не восстает и вы продолжаете браниться с «Пчелой» и дружиться с хромым «Инвалидом».

С другой стороны, периодическая обязанность ругаться с «Пчелой» завлекает вас в изыскания не только дурных толков, пустых сплетней, бес-

---

шое сито, через которые я просеиваю. Это не мой каламбур, а Робера Гискара, или Робера-химика, или Робера храброго, или Робера горбатого (франц.).— *Ред.*

* литературное предпринимательство (франц.).— *Ред.*

** скандальностью (франц.).— *Ред.*

смысленных, слабых или неверных выражений, но делает, что каждая опечатка для вас клад. Из сего выходит часто разбор мелкий и недостойный вашей благонамеренности.

Д. Р. К. заставил меня хохотать и очень много, и очень от сердца. Прискано хорошо, и Д. Р. К. одурачен совершенно; но я признаюсь, что таковогo рода шутку я бы не снес без нетерпения, и, ежели б вы не имели дело с «Пчелой» без жала, то я бы побес⟨по⟩коился о тебе [3].

Хочешь ли пример полезного из «Телеграфа»? Я много найду, но в особенности укажу на разбор юридических сочинений. Вот статья полезная и хорошо соображенная [4]. Таким образом должно и другие обрабатывать, но придираться к словам тебе совсем не годится.

Еще скажу, что в «Телеграфе» заметно весьма пристрастие не только к романтической литературе, которая, конечно, имеет свое обширное достоинство, но и к романтической туманной философии, к романтическим туманным исследованиям древностей. Поверь, что из числа всех твоих читателей нет десятерых, которые бы прочитали и поняли статью о мифологии северных народов [5]. Это слишком замысловато не только для России, но для Франции и для Англии; одни только немцы могут дышать в сей атмосфере туманной и отвлеченной [6], ибо для них одних замысловатость есть гений и предположение — истина. Мы слишком глупы, французы слишком умны, а англичане слишком положительны, чтоб в таковом чтении найти какую-либо прелесть (charme). Надобно, по моему мнению, стараться заменить таковые статьи другими, более положительными и приспособленными к детскому состоянию народного нашего просвещения. Для сего литература Франции (ne vous en déplaise *) более годна нам, чем немецкая.

Вот мои замечания на «Телеграф». Ежели б я был в Москве, ежели б я был свободен жить, где хочу, ежели б не обращали на меня особенного надзора, и я бы сделался твоим сотрудником и я бы счастлив был, ежели б видел хоть один порядочный журнал в отечестве. Постарайся исправить «Телеграф» и придать ему еще несколько более полезности, и я предвещаю, что никто из читающих не будет жить без «Телеграфа». Как ты Пушкина отдал на сожрание Погодину и не причел его к твоим сотрудникам? [7]

Le combat d'Argant et de Tancrède a beaucoup de bon et les vers à Zénèide sont charmants ** [8].

Целую чистенькие ручки княгини и твои чернилом замаранные лапы.

Михаил Орлов

---

* не обижайтесь (франц.).— *Ред.*

** В единоборстве Арганта с Танкредом много хорошего, а стихи Зинаиде прелестны (франц.).— *Ред.*

22. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Милятино. Сего 18 февраля 1828.

Любезный друг, у меня дом переделывают и все книги в ящиках. Я буду разбирать библиотеку не прежде двух недель и тогда не забуду прислать «Мельмота» [1]. Поздравляю тебя с свадьбою Карамзиной Катерины Михайловны [2]. Мать ее должна быть весьма рада, а все, что веселит и радует почтенных людей, мне знакомых, радует и веселит меня.

Поздравляю также тебя с первым нумером «Телеграфа», в нем есть опыт романа вроде W. Scott * и мне подражание показалось весьма удачно [3]. Что же касается до «Гайдамака» [4], то не столько понравился. Мало живописи и все автор на сцене.

В моем положении никакой перемены нет, кроме того, что я с женою расстался на 5 месяцев, что меня довольно огорчило. Свидание мое с братом по всем прочим сторонам меня совершенно успокоило. Я с ним виделся в Твери, куда ездил на несколько часов [5].

Как хорош «Граф Нулин»! Только жаль, что по вступлению я думал, что жена — старуха, и после только увидел, что она молода и хороша собою. Молодые женщины нашего времени и в деревне не встают с постеле, когда мужья их едут на охоту, с восходом солнца.

Мы можем, если хочешь, снова начать нашу переписку, по-прежнему и судить и рядить литературные дела. Что делает твоя супруга? Каково она переносит свое произвольное изгнание из столицы? Я к ней скоро буду писать и приберегу все старые мои шутки, которые, по милости ее, у ней одной еще в моде.

Прощай, любезный друг, я тебя душевно люблю и в глаза и за глаза. Люби меня и не забывай.

Твой друг Михаил Орлов

23. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Милятино. Сего 23 сентября 1828.

Наконец, любезный друг, ты возвратился в Москву. Мы получили недавно письмо от твоей супруги, которая нас извещает об этом.

Твое письмо, писанное из Saratovie Petrie où vous êtes empêtré ** [1], заставило нас хохотать. Я не мог не вспомнить тех счастливых времен, когда я также пользовался беседою и пудовыми анекдотами кубического П⟨етра⟩ А⟨ндреевича⟩. Только от тебя ожидал не одной шутки, а целой Петрияды [2]. Вот истинно романтический предмет. Чини перо и пиши.

* В. Скотта (англ.).— Ред.
** из Саратова ⟨игра слов⟩, где вы застряли (франц.).— Ред.

У меня на столе десяток разных сочинений, начатых и не окончивающихся. Я их перебираю и перечитываю часто, а как дело придет до писанья, то лень превозмогает и дело остается на будущее время. Тут соединены исторические, драматические, литературные предметы с науками и с экономией политическою [3]. Чем более на себя смотрю, тем более удостоверяюсь, что моя голова есть не что иное, как беспорядочная библиотека. Между прочим, не хочешь ли занять у меня и обделать романтическую комедию. Вот в чем дело состоит. Ее можно, как ты хочешь, сделать карикатурною, политическою, живописною (pittoresque) драмою в три, четыре, шесть, десять актов,— обнимающею всю вселенную или часть оной.

1-й акт — в Париже — выбирай, что хочешь и какое хочешь общество

2-й акт — в Лондоне — то же.

3-й акт — в России — то же.

4, 5, 6, 7, 8-й и пр.— в Вене, в Гётингене, в Америке и пр.

Акт последний. Все это едет и сбирается в Карлсбад или Спа. Тут начинается кутерьма. Тут же и развязка.

Вот тебе канева на сцены драматические, современные. Если попадется на счастливую минуту, то может выйти довольно забавно. Выгода та, что можно писать целым обществом, отчего не только само сочинение, но и образ сочинения будет романтическим. Шутки в сторону. Тут, конечно, не будет единства мыслей, но зато премилая и преприятная разнообразность.

Что твоя revue trimestrielle? * И я бы тут пустился наудачу. Отпиши, пожалуй [4].

Да неужели нам с тобою долго еще не видаться? Теперь, кажется, можно разрешить.

Целую тебя от всего сердца.

Михаил Орлов

Жена бьет челом твоему курносому сиятельству. Тут же и письмо твоей супруге. Тут же и узоры для нее.

Нет добра без зла. Ты писал из Saratovie Petrie, и мы хохотали. А вот это меня с ума свело: куда писать твой жене — в Пензу или в Саратов? Моя жена-хлопотунья спорит до слез, что в Симбирск. Выведи из недоумения и дай адрес твоей жены-хохотуньи.

24. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Милятино. Сего 28 марта 1829.

Полагая, любезный друг, что ты также обретаешься в Саратовии Петреевне, куда очень редко *не вороны*, а умные люди заносят свои кости — туда и пишу, ибо ежели твоя супруга, по свойственному дамам

* трехмесячное обозрение (франц.).— *Ред.*

П. А. Вяземский

Портрет работы О. А. Кипренского. 1835 г.

любопытству, раскроет и прочитает сие письмо, то беда будет невелика. Она на седьмой строке узнает, что я люблю ее и тебя от всего сердца и, вероятно, так вас буду любить до конца жизни, разве прежде смерти сойду с ума.

Как бы мне хотелось видеться с тобою! Как бы желал, хотя несколько часов, побеседовать с Асмодеем и показать ему, что гонения судьбы не выбили ни мыслей из головы, ниже́ чувств из сердца. В этом свидании освежилась бы старинная наша дружба, тем более для меня священная, что мы сделались друзьями и друзьями не величались на словах.

По неверности сообщений я на одно из твоих писем не отвечал. Что сказать? Когда я не знаю, чем это все кончилось? Да и как говорить за тридевять земель? Когда увидимся, то язык мой развяжется, и ты услышишь все, что я думаю и чувствую.

Мое житье-бытье все прежнее. Единообразие оного никак не изменяется. От 11-ти часов вечера до 3 и 4-х часов ночи я учусь, пишу и читаю. За дверью живет батюшка [1], и часто, когда я гашу свечу, он свою зажигает. Встаю в 10 часов и баландаюсь до 12-ти. От 12-ти до 3-х брожу по фабрике [2], надзираю за работою, выдумываю и хлопочу, потом обедаю с хорошим аппетитом. После делаю тьму дурных шуток и фамильных поговорок, читаю вслух Theodore le Clerc или что-либо другое, а потом все мы расходимся. Сын мой — парень хоть куда [3]. Он ветрен, но в нем, надеюсь, будет прок, если до прока судьба его допустит. Дочь моя [4] очень мила, и счастлив ты, площадной волокита, что ее не видал, а то бы она тебе голову свернула. Представь себе курносую фигуру, совершенно тебе подобную, и ты поймешь, как можно в нее влюбиться. Одних очков не достает, да не только фигурою, но и качествами ума и привычками на тебя походит. Или танцует, или марает бумагу... других занятий нет.

Благодарю тебя за то, что рекомендовал мне «Галатею» [5]. Ну уж «Галатея»! Ай да «Галатея»! То-то «Галатея»! Ай да пастушка! И я воображал, что Раич умный человек! Сражение Арганта и Танкреда меня несколько увлекло, но «Галатея» разуверила. Одна страница «Телеграфа» лучше всего издания «Галатеи», хотя и «Телеграф» с некоторых пор несколько сшибся с дороги. Но все он остался журналом дельным (estimable), а «Галатея» хочет быть забавным и то втуне.

У нас еще проявилась «Бабочка» [6], которая на место того, чтоб летать, как червяк ползает. Но, однако же, все имеет преимущество над «Галатеею»... Бумага удивительно *мягка*!..

Прощай, любезный друг, целую тебя от всего сердца и желаю, чтобы как-нибудь судьба свела нас вместе не на час, не на два, но на год и более. То-то бы поболтал вдоволь.

Твой друг Михаил О.

25. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Сего 10-го генваря 1832 года: Москва.

Любезный друг, оставленное тобою письмо я получил исправно. Благодарю за предложение и сейчас им пользуюсь: но только с условием [1]. Ежели ты можешь исполнить мое желание без затруднения, без препятствий, без вреда тебе и твоей будущности, то разрешаю действовать. В противном случае умоляю и заклинаю тебя не подвергаться никакой опасности из лишнего желания исполнить дружеское поручение. Помни мои слова: ежели из дружбы ко мне ты испортишь твои дела, то, во что бы то стало, я поссорюсь с тобою и навеки откажусь от всякой дружбы. Теперь приступаю к делу.

Едва приехал сюда, как услышал со всех сторон: 1-е) о понижении процентов [2]; 2-е) о рассрочке долга на 50 лет [3]; 3-е) о совершенном уничтожении дробных капитальных взносов [4]; 4-е) о возвращении через три года всех вкладов вкладчикам [5] и, наконец, 5-е) о учреждении майоратов [6].

Все сии предметы, от первого до последнего, входят непосредственно в круг моих занятий. В течение 7-ми лет я ими ежедневно занимался [7], привел их в общую систему, старался обдумывать все сии мысли и поодиночке, и сравнивая их между собою, и, наконец, бо́льшая часть моего плана обработана и положена на бумагу. Однако же труд мой не доведен до окончания. В уединении, в котором я жил, всякая справка была для меня затруднительна, и я часто по двум месяцам ожидал одного слова, одного цифра. Теперь распущенные слухи заставляют меня прежде систематического полного свода моих мыслей объявить о сем правительству и просить настоятельно, чтоб оно благоволило снестись со мною прежде принятия какой-либо решительной меры. Я долго был изгнан, в несчастии, под строгим присмотром полиции; но бедствия, мною претерпенные, подавив во мне ту часть деятельности, которая поддерживается успехами, не помрачили моего рассудка, не потушили в сердце моем священной любви к России и ко всему родному. Я все-таки остаюсь человеком, известным моею честностью и не совсем безызвестным умом и некоторыми способностями. Неужели можно отвергать мысли, полезные для всего отечества, единственно от того, что они принадлежат человеку, находящемуся в бедствии и опале? Я ласкаю себя надеждою, что, каково бы ни было мнение правительства обо мне, оно не сравнивает меня с каким-либо делателем фальшивых ассигнаций, а и таковых иногда призывали в присутствия для отобрания их мнения. Еще раз повторяю. Семь лет сряду я работал и трудился над сими предметами, подвергал их совестливому разбору, старался сколько можно более не предаваться самолюбию. Из людей, употребленных господами министрами для обработания сего важного дела, кто может представить для своих занятий подобный аттестат?

Я прошу тебя, мой друг, открыть первый ход моим мыслям. Ты можешь в разговоре с господами министром юстиции[8] и министром финансов[9] объявить им, что тебе известен человек, занимающийся несколько лет сряду теми же самыми предметами, кои с некоторых пор обращают на себя внимание правительства, что ты читал несколько общих его рассуждений о государственном кредите, и высказать все твое мнение о начале моего сочинения. Ты можешь даже похвалить сие сочинение, ибо, отстраняя всякую стыдливость, я решительно отвечаю за теорическое достоинство оного. Ежели у тебя спросят имя сего человека, оставляю объявление оного твоей проницательности. Ежели будут требовать развития моих мыслей, то можешь доложить, что сколько тебе помнится, сии мысли основаны на следующих началах.

По части майоратов:

1-е. На учреждении семейных советов (conseils de famille). Майораты сами по себе есть постановление семейное, проистекающее от права собственности. Они обратились впоследствии в дело государственное, но тем самым не потеряли отпечатка своего происхождения. Из сего следует, что первая обработка майоратов должна быть делом семейным и все обстоятельства подвергаются суждению семейного совета. Дело переходит в присутственные места тогда только, когда разногласие членов семейного совета делает апелляцию неизбежною. По моему мнению, без сего предварительного учреждения майораты увлекут за собою много неудобств и распрей.

2-е. На нераздельности некоторых участков имений дворянских, составляющих, так сказать, гнездо каждого дворянского рода. Сюда принадлежит целый разряд мыслей совершенно новых, по крайней мере, в нашем отечестве. Главная из них состоит в том, что при каждом разделе одна часть поступает в общую массу, и когда общая масса достигнет до известного достоинства, прежде определенного, то семейный совет представляет на утверждение государя четыре или пять кандидатов, из коих выбранный пользуется всеми правами майоратства, или перворожденного. Само собою разумеется, что сие предложение есть одна только мысль, которая может быть облечена в тысячу разных видов или форм. Она тем важна, что может до некоторой степени заменить самые майораты и сделаться средством возрождения для многих упадших дворянских домов. Ежели вникнуть в нее совершенно, то чуть ли она не более согласна с чистым определением рассудка, чем самые майораты, при всей их известности, не могли уклониться от заслуженных упреков и возражений.

3-е. На совершенном отвержении всякой мысли о передаче имений (substitutions). Передача имений суть в Англии средство, употребленное для беспредельного усиления аристократии, и выдумка одной только гор-

дости; а майораты суть изобретение духа сохранительности (esprit de conservation).

4-е. Наконец, на учреждении чистых майоратов для тех только родов дворянских, которые довольно богаты, чтоб исполнить сие без конечного разорения прочих членов своего семейства.

По части финансовой:

5-е. На ликвидации банков, то есть Заемного, Опекунского совета и приказов общественного призрения. Сии отрасли наших кредитных постановлений обветшали совершенно, потеряли свое назначение и сделались не тем, чем они были при их учреждении [10]. Сия часть моего плана обделана совершенно, но для приведения оной к окончанию у меня не достает некоторых только цифров.

6-е. На постепенном выпуске новых ассигнаций без урона их достоинства [11]. Сия часть также совсем почти отделана и изложена в самых простых алгебраических формулах. Я чувствую, что сие предложение должно с первого взгляда показаться неосновательным; но оно требует полного своего развития, чтоб быть оценено по своему достоинству. Я уже несколько раз встречал людей, весьма умных и опытных, кои вооружались сначала против сей мысли, но потом соглашались со мною и одобряли оную.

7-е. На учреждении особенного рода погашения для ассигнационной системы. Сие предложение кажется противуречащим предыдущему, но таковое заключение несправедливо. Выпуск ассигнаций должен быть согласен с требованием обращения (circulation), а не с нуждами правительства, которое должно иметь другие средства для удовлетворения своих расходов. Ассигнации должны быть основаны на каких-либо залогах. Залоги сии должны рано или поздно выкупаться. Следственно, система ассигнаций должна быть поддержана особенною системою погашения, которой действие обратится на уменьшение излишних ассигнаций в обращении, на освобождение залогов и в особенности — залогов правительства. Здесь видно, что выпуск ассигнаций применяется к заемному капиталу, а постепенное уменьшение оных — к кассе погашения.

8-е. На применении системы вечных отверженных долгов [12] к выпуску ассигнаций, таким образом, чтоб всякий выпуск имел бы свой соответственный заем и чтоб кредит ассигнационный, или внутренний, основан был на кредите внешнем до тех пор, пока сей последний, победив все недоумения, все предрассудки народа, сделается одним господствующим средством всех оборотов финансовых.

9-е. На уверении, что предлагаемая система не только не заслужит порицания дворянства и всех помещиков, но, напротив того, приобретет правительству всеобщую благодарность. Я долго искал причин, по которым царствование Екатерины живет посюда столь сильно в памяти народа.

Я искал сих причин в постановлениях, но увидел, что сии постановления или не переменились, или улучшились; в развитии промышленности, но сие развитие никогда не доходило до той степени, до которой оно ныне доведено; в славе оружия, но можно ли сравнить то, что сделано было при сей государыне, с тем, что исполнено в наши времена? Наконец, я должен был сознаться, что народственность ее в памяти народа зависела от того, что она удобное время удвоила капиталы России умеренным выпуском ассигнаций и тем самым разлила везде обилие и довольство [13]. От правительства зависит исполнить то же самое. Но, так как времена переменились, простой выпуск ассигнаций уже не годится, а до́лжно приступить к оному с обдуманною системою.

10-е. На соединении в одну целую систему, во-первых: обогащения казны и развития кредитной ее силы; во-вторых: учреждения майоратов или возрождения дворянства; в-третьих, улучшения крестьянского быта или постепенного освобождения народа [14]. Все сии вопросы решаются не туманными рассуждениями, не опасными опытами, не возмущениями народа, но положительными цифрами, ибо в нынешнем веке почти все основано на одних цифрах.

Боюсь весьма, мой друг, чтоб все сие не было принято за бред, за обещания без исполнения, за желание блеснуть умом, что бы значило между нами блеснуть глупостью в столь важных обстоятельствах. Но совесть, гораздо более чем самолюбие, подстрекает меня и диктует сие письмо, которое пишу наскоро, ибо не имею времени обдумать, что пишу. Делай из него, что можно, и поверь мне, что я тебя в грязь лицом не ударю. Одно мое желание только то, чтоб министры взошли со мною в сношения и пригласили изложить мои мысли. Еще бы лучше было, ежели б положили несколько вопросов на бумагу и приказали отвечать на оные.

Сочинение мое о кредите вообще будет на днях переписано и послано в Академию наук для разбора [15].

Прощай. Твой друг

Михаил

26. А. С. ПУШКИНУ

⟨Moscou. Octobre 1832?⟩

Voici, cher Pouschkin, une lettre pour mon frère [1] et deux caisses avec des vitraux peints. Vous les remettrez l'une et l'autre et la troisième à mon frère.

Trompeur que vous êtes! Seriez-vous capable de partir de Moscou sans dire adieu à vos meilleurs amis?

Tout a vous

M. Orloff

Перевод

(Москва. Октябрь 1832 г.?)

Вот, милый Пушкин, письмо к моему брату [1] и два ящика с цветным стеклом. Передай брату и то, и другое, и третье.

Обманщик! Неужели ты способен уехать из Москвы, не простившись со своими лучшими друзьями?

Весь твой
М. Орлов

27. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Moscou, ce 3 février 1833.

Mon cher ami, j'ai reçu la réponse de l'Académie. Elle est négative, avec injustice, personnalité et acrimonie. Pardessus tout cela, elle est absurde [1].

Pour vous montrer la chose d'un seul mot.— L'Académie prend les armes dans les intérêts des masses, tandis que moi — je combats dans les intérêts du Gouvernement. Ne dirait-on pas vraiment que les rôles sont complètement intervertis?

Je fais en ce moment une réponse à l'Académie [2]. Dès qu'elle sera faite je vous enverrai et l'ouvrage, et la critique et la réponse. Vous serez plus à même de juger le tout et de comprendre de quoi il s'agit.

Cette affaire m'est très pénible. Il m'était impossible de m'attendre à une semblable attaque, mais aussi je crois qu'ils ne s'attendent pas trop à une réponse. Elle sera aussi polie et en même temps aussi péremptoire que possible. Au reste, c'est toujours moi qui payerait les pots cassés. Car, comme de raison, l'Académie aura raison près de beaucoup de gens.

Maintenant je me mets à faire la seconde partie de l'ouvrage qui ne sera que l'application des mêmes principes à la Russie, en faisant tous les changements nécessités par la nature de nos institutions politiques.

J'ose croire que cette partie de mon travail sera aussi bonne que la première, quoiqu'en dise l'Académie [3].

J'ai chargé Bobrinski de vous remettre cette lettre. C'est un homme charmant, que j'aime de tout mon coeur et qui, j'espère, me porte quelque amitié.

Votre femme ne me repond pas et ne charge pas Nadine [4] de me répondre. Je voudrais pourtant entrer en correspondance avec cette madame Sévigné [5] dont les épîtres font tant de bruit à Moscou.

Bon jour, cher ami, pressé de tous les côtés par des affaires de nul intérêt pour vous et souvent accablantes pour ma paresse, je vous donne le baiser d'ami, ainsi qu'à votre femme, et ma bénédiction à tous vos enfants.

Tout à vous
Michel Orloff

Перевод

Москва, 3 февраля 1833.

Милый друг, я получил ответ из Академии. Он отрицательный, с несправедливостью, личностями и язвительностью. Сверх всего этого он абсурден [1].

Объясняю тебе все в двух словах.— Академия защищает интересы масс, тогда как я сражаюсь за интересы правительства. Не правда ли, роли совершенно переменились местами?

Я пишу сейчас ответ Академии [2]. Как только он будет готов, я пошлю тебе и труд, критику, и ответ. Ты будешь более в состоянии судить обо всем и понять, о чем идет речь.

Это дело мне очень тягостно. Невозможно было ожидать подобной атаки, но я думаю, что они также не слишком рассчитывают на мой ответ. Он будет вежливым и в то же время по возможности решительным. Впрочем, все равно мне придется отвечать за все. Ибо, разумеется, Академия окажется права в глазах многих людей.

Теперь я принимаюсь писать вторую часть труда, которая будет лишь применением тех же принципов к России со всеми изменениями, необходимыми в соответствии с природой наших политических учреждений. Я осмеливаюсь думать, что эта часть моей работы будет столь же хороша, как и первая, что бы ни говорила о ней Академия [3].

Я поручил Бобринскому передать тебе это письмо. Это очаровательный человек, которого я люблю от всего сердца и который тоже, я надеюсь, питает ко мне некоторую дружбу.

Твоя жена не отвечает мне и не поручает Надине [4] мне ответить. Я бы хотел, тем не менее, вступить в переписку с этой мадам Севинье [5], чьи послания делают столько шума в Москве.

До свиданья, дорогой друг, стесненный со всех сторон делами, совершенно не интересными для тебя и часто обременительными для моей лени, целую тебя дружески, так же, как и твою жену, и благословляю твоих детей.

Весь твой
Михаил Орлов.

28. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Ce 20 juillet 1833. Moscou.

Mon cher ami, merci de votre lettre par Bobrinski [1]. Elle m'est arrivée au moment où j'avais déjà réexpedié mon ouvrage à Pétersbourg. On m'a demandé la radiation de 23 pages et d'autres corrections. J'ai fait tout ce qu'on a voulu que je fasse. J'espère bien à la seconde édition rétablir ce que j'ai été forcé de rayer [2]. L'Académie a été malveillante pour moi quant aux principes de la science qu'elle ne veut pas comprendre. La censure a été à son tour malveillante quant à la partie politique. Ce dernier point de vue est plus concevable. Néanmoins de toutes parts on me bouscule et l'on me froisse. Certes ma thèse est singulièrement monarchique; mais que voulez-vous faire? Dans la position, où je me trouve, il me faut plus d'esprit et de talent pour me soutenir sur l'eau qu'on n'en met à faire le tour du monde en bateau à vapeur. Cette paraphrase de Beaumarchais est vraie pour moi et certes elle n'est pas fausse pour beaucoup de monde [3]. Je suis sûr, cepen-

dant, que l'ouvrage n'est pas mauvais. J'en trouve la preuve dans les gazettes que je lis toujours avec soin. Le dernier discours de Lafitte sur le crédit, sauf quelques modifications, n'est que l'analyse de mon ouvrage, et certes ce n'est ni moi, qui ai copié Lafitte, ni Lafitte, qui m'a volé. Nous avons dit tous les deux la vérité, et voilà pourquoi nous avons un air de famille [4].

Voilà près de 2 ans que mon ouvrage ne peut obtenir de publicité. Combien serai-je encore de temps pour en finir avec lui?

Vous êtes autorisé de nouveau par moi à retirer cet ouvrage de la censure et à le livrer à l'impression. Je joins à cet effet une lettre ostensible que je vous prie de porter à Ouvaroff.

Bon jour, mon cher ami, je vous embrasse et baise les mains de vos Dames.

Tout à vous
Michel Orloff.

J'espère que vous ne vous refuserez à me rendre ce service que je vous demande dans ma lettre ostensible. Ma femme est partie avec nos enfants pour Miliatino. Je vais la rejoindre après demain. Veuillez, cher ami, retirer le plus d'argent que vous pouvez de mon manuscrit et me le faire venir à ma campagne.

Votre ennuyeux ami Michel Orloff

Перевод

20 июля 1833. Москва.

Милый друг, спасибо тебе за письмо, посланное с Бобринским [1]. Оно пришло в то время, когда я уже снова отправил мой труд в Петербург. У меня потребовали исключения 23 страниц и других поправок. Я сделал все, что хотели, чтобы я сделал. Я очень надеюсь при втором издании восстановить все, что я был принужден выбросить [2]. Академия была недоброжелательна к моим научным принципам, которые она не может понять. Цензура, в свою очередь, была недоброжелательна к части политической. Эта последняя точка зрения более понятна. При всем том меня толкают и давят со всех сторон. Конечно, моя концепция по-своему монархична, но что поделаешь? В положении, в котором я нахожусь, мне нужно больше ума и таланта, чтобы держаться на поверхности, чем при кругосветном путешествии на пароходе. Эта парафраза из Бомарше справедлива по отношению ко мне и, конечно, правильна для многих [3]. Я уверен, однако, что труд не плох. Я нахожу доказательство этому в газетах, которые я читаю все так же усердно. Последняя речь Лаффита о кредите, за исключением некоторых изменений, является всего лишь анализом моего труда, и, конечно, ни я не списал у Лаффита, ни Лаффит не обокрал меня. Мы оба сказали правду, и вот почему у нас есть семейное сходство [4].

Вот уже около 2 лет, как мой труд не может добиться опубликования. Сколько же надо еще времени, чтобы покончить с ним?

Я снова уполномочиваю тебя на то, чтобы извлечь мой труд из цензуры и передать его в печать. Для этой цели прилагаю открытое письмо, которое прошу тебя отнести Уварову.

До свиданья, мой милый друг, обнимаю тебя и целую руки твоих дам.

Весь твой Михаил Орлов

Надеюсь, что ты не откажешь мне в услуге, о которой я прошу тебя в моем открытом письме. Моя жена уехала с детьми в Милятино. Я еду к ним послезавтра. Постарайся, милый друг, извлечь как можно больше денег из моей рукописи и переслать их мне в деревню.

Твой надоедливый друг
Михаил Орлов.

29. Н. Н. РАЕВСКОМУ (СЫНУ)

Ce 22 Janvier 1834. Moscou.

Votre long silence, cher Nicolas, commençait à nous inquiéter, d'autant plus que nous commençions à recevoir de tous côtés des lettres de consolation sur votre maladie, dont on ne nous indiquait ni la nature, ni l'intensité.— Nous avions besoin d'un mot de vous pour nous réconforter. Donc voici maintenant tout le monde est plus tranquille chez nous, en vous sachant en pleine convalescence...

Je vous envoie la *доверенность*. Veuillez la signer et la faire enregistrer, et de suite sans tarder un jour envayez la moi.— Il faudra que je l'aie le plutôt possible afin de ne pas faire languir mon acheteur qui doit être ici dans deux jours pour terminer entièrement. Voilà qui est dit pour une affaire.

Passons à l'autre. Il est très probable que la *доверенность* d'Alexandre [1] sera suffisante pour que vous touchiez l'argent à la Banque; car cet argent est ⟨censé⟩ d'être donné plutôt à la personne qu'à l'égard aux hypothèques. En faisant envisager la question sous ce point de vue, vous obtiendrez la somme peut-être sans avoir besoin des *доверенность* des autres membres de la famille. Je me suis abstenu de vous les envoyer, car je n'aurais pu vous les donner complets à cause de l'absence de Sophie [2], que comme vous le savez est à Boltichka ou près d'y arriver. Si donc vous voyez que ces *доверенности* sont indispensables, vous aurez à écrire de suite à moi ici et à Sophie à Boltichka. Les nôtres arriveront toujours avant la sienne.— J'ai conservé les minutes que vous m'avez envoyées et je ferai faire les originaux sur ce modele.

Dites moi donc quelque chose de mon ouvrage. A-t-il fait un peu de sensation dans le public? Les compliments que je reçois ne me satisfont en aucune façon.

Presque tous ont trait aux premières pages de l'ouvrage [3], ce qui me prouve que peu de personnes ont poussé la lecture jusqu'au bout. J'aurais voulu savoir la vérité, dut-elle me crever les yeux. Un mot de votre part à ce sujet me ferait plai sir. Salut et amitié.— Dites je vous prie à Pouschkine que je ne lui ai pas envoyé mon ouvrage non pas par oubli, mais bien parce que je veux compléter son exemplaire par des notes manuscrites qui sont maintenant en copie [4]. Un homme comme lui mérite bien cette attention d'auteur mineur comme moi.— Bonjour, au plaisir de vous revoir bientôt. Il y a dernièrement deux belles dames qui se sont prises aux cheveux pour vous. Mais je ne vous dirai leurs noms, qu'autant que je recevais une longue épître de vous.

Tout à vous Michel Orloff

Н. Н. Раевский (сын)

Портрет работы неизвестного художника. 20-е годы XIX в.

Перевод

22 января 1834. Москва.

Твое долгое молчание, дорогой Николай, начинало нас тревожить, тем более, что мы стали получать со всех сторон соболезнующие письма по поводу твоей болезни, причем нам не сообщали, чем ты болен и насколько серьезно. Нужна была весточка от тебя, способная нас утешить. Итак, вот теперь у нас все спокойны, зная, что ты совершенно выздоровел...

Я посылаю тебе *доверенность*. Соблаговоли ее подписать, уплатить сборы и, не медля ни одного дня, выслать ее мне.— Мне необходимо иметь ее в кратчайший срок, чтобы не заставлять ждать моего покупателя, который должен быть здесь через два дня для заключения сделки. Вот и все, что относится к этому делу.

Перейдем к другому. Весьма вероятно, что *доверенности* Александра[1] будет достаточно для того, чтобы ты мог получить деньги в банке, так как эти деньги скорее выдадут какому-либо лицу, чем выплатят по ипотеке. Если рассматривать вопрос с этой точки зрения, то ты, может быть, получишь эту сумму не прибегая к *доверенностям* других членов семьи. Я воздерживаюсь от высылки их тебе, так как я не мог бы тебе их выдать полностью из-за отъезда Софи[2], которая как тебе известно, находится в Болтышке или скоро туда приедет. Итак, если ты увидишь, что эти *доверенности* необходимы, то ты должен будешь написать тотчас же мне сюда и Софи в Болтышку. Наши доверенности прибудут во всяком случае раньше, чем ее. Я сохранил подлинник, который ты мне выслал, и я закажу копии по этому образцу.

Сообщи мне что-нибудь относительно моего труда[3]. Вызвал ли он некоторую сенсацию в обществе? Похвалы, которые я получаю, ни в коей мере меня не удовлетворяют. Они почти все относятся к первым страницам моей работы, доказывая мне, что немногие дочитали до конца. Я хотел бы знать правду, как бы сурова она ни была. Что-нибудь сказанное тобою по этому поводу доставило бы мне удовольствие. Прими мой привет и уверения в дружбе. Я прошу тебя передать Пушкину, что я не послал ему моей работы не по забывчивости, но потому, что я хочу дополнить его экземпляр рукописными вставками, которые сейчас находятся в переписке[4]. Такой человек, как он, действительно заслуживает подобного внимания от автора столь мало значительного, каким являюсь я. Всего хорошего, надеюсь иметь удовольствие вскоре тебя видеть. Недавно две прекрасные дамы вцепились друг другу в волосы из-за тебя, но я не скажу тебе их имена, если не получу от тебя длинное послание.

Весь твой
Михаил Орлов

30. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Сего 18 апреля 1834. Москва.

Любезный друг, я получил твое письмо с Кривцовым[1] и отвечаю тебе с Ястребцовым[2]. Прошу его полюбить по-прежнему. Ты найдешь в нем человека умного, ученого и честного — три качества, коих порознь находят довольно редко, а в соединении почти никогда.

Мое сочинение есть факт доконченный. Рано или поздно оно возьмет верх, ибо правила верные и изложение изрядное. Я не выдумал кредита, но выдумал для кредита новое доказательство, имеющее и более ясности,

и более точности, чем прежние. В сем состоит европейское достоинство моей книги. Но российское, или лучше сказать русское, достоинство другое или другие: 1-е ясность; 2-е занимательность при всей сухости материи; 3-е новый предмет; 4-е не роман и, *извини меня*, не стихи. Стихи ваши новые мне до смерти надоели — и твои, и Пушкина, и Жуковского, кроме некоторых страниц «Тасса» Кукольникова [3] и «Дмитрия Самозванца» Хомякова. Между прочим, вот ответ Димитрия:

Но ведай, пан, что ни ему, ни вам,
Ни всем царям (из страха иль любови)
Не уступлю ни пяди на земле,
Ни пня в лесу, ни кочки в русском поле,
Ниже полслова в титуле моем [4].

Пишите так, господа стихотворцы, и я назову вас поэтами.

При случае скажи Дмитрию Васильевичу [5], что я писать пишу и к осени буду готов, но что ежели хотят от меня мнений моих, то надобно, чтоб я защищал их. Без того они погибнут и канут в бездонное море. У него же есть моя статья о курсовых явлениях [6] — возьми и прочитай. Теперь уже, я думаю, не секрет. Мысль моя отпета и погребена. Ежели что и понравилось, то будет появляться отрывками через год или два, как будто принадлежит не мне, а кому-либо другому.

Ожидаю с нетерпением приезда твоей супруги и моей приятельницы. Только, сделай милость, скажи ей, чтоб она не чванилась и не привозила петербургского духа к нам в Москву.

Прощай, мой друг, люби меня и верь моей к тебе дружбе. Прими и обласкай Ивана Максимовича Ястребцова, который отдаст тебе сие письмо

Твой друг
Михаил Орлов

⟨*Приписка на полях:*⟩

Я вырезал постскриптум, потому что написал пошлую глупость à prétention *

* претенциозную (франц.).— *Ред.*

ДОПОЛНЕНИЯ

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО О 29-м «БЮЛЛЕТЕНЕ»

Репутация «Бюллетеней», и прежде не блестящая, пошатнулась еще более, когда закатилась слава французской армии. Привычка и любопытство еще читать их, но благоразумный читатель, возмущенный неправдоподобием и противоречиями, с которыми сталкиваешься здесь в каждой строке, должен отбросить строгость судьи, влюбленного в истину. Надо быть снисходительным к тем, кто защищает неправое дело, и помнить, сколь затруднительно положение автора, когда факты говорят против него.

После весьма содержательных замечаний о погоде, после календарных наблюдений, столь поучительных для военных, 29-й «Бюллетень» пускается в длинное рассуждение, предназначенное для кавалерийских офицеров, об удивительном воздействии холода на французских и немецких лошадей. Воздействие это таково, что, проснувшись в одно прекрасное утро после суровой ночи, французская армия нашла всех своих лошадей замерзшими на бивуаках. Можно себе представить, какое впечатление подобное несчастье должно было произвести на командиров и солдат. Командиры потеряли голову, а солдаты — мужество. Эта ужасная ночь явилась единственной и исключительной причиной всех бед французской армии. Изучая историю этой памятной войны, надо, стало быть, весьма остерегаться некоторых ложных представлений, которые историки непременно будут стремиться навязать потомству. Скажут, например, что Наполеон предпринял такой поход, который превышал его силы... Вздор. Поход этот превышал только силы его лошадей. Скажут, что в сражении при Бородине (у Можайска) Наполеон единственно из упрямства заставил свою конницу ударить по всем батареям нашего левого крыла и что после многократных атак она почти вся была истреблена пушечным огнем... Вздор. Наши пушки не причинили ни малейшего вреда; только холод в разгаре лета истребил эту неисчислимую конницу. Скажут, что упорное желание Наполеона остаться в Москве

принуждало его рассылать артиллерийских лошадей для фуражировки на 60 верст кругом и тем самым истощало силы артиллерии, необходимые для долгого отступления... Вздор — артиллерийские лошади столь же неутомимы, сколь кавалерийские неуязвимы. Единственный недостаток тех и других в том, что они чересчур зябки. Скажут, что отступление французов, плохо подготовленное, совершалось 3-мя колоннами, следовавшими на расстоянии однодневного перехода по одной и той же единственной дороге, и что боковой марш русских повсюду опережал хвост французских колонн... Опять вздор, это было превосходнейшее отступление, очень хорошо подготовленное и столь же хорошо осуществленное; холод, один только холод испортил все дело. Скажут, что русские, неутомимые в преследовании неприятеля, не довольствуясь разгромом его в Малоярославце, Вязьме, Дорогобуже и Красном, взятием 80 тысяч пленных и захватом за это же время более 500 пушек, предприняли еще совместный марш Волынской и Двинской армий к Березине, где они довершили разгром французской артиллерии... Вздор, вздор и опять вздор... Французы вовсе не были ни окружены, ни разбиты. Холод погубил лошадей, а без лошадей погибли и люди; конница была спешена, пехота обессилена, пушки брошены, планы расстроены, началось замешательство — вот и выходит, что только холод прогнал французов за Вислу, а Наполеона в Париж. Это превосходное объяснение бедствия, постигшего французскую армию, столь же примечательно, сколь и все подробные рассказы о сражениях, в которых французы беспрестанно побеждают русских, берут пленных и продвигаются вперед... *к Неману*. Нетрудно заметить, что во всех этих рассуждениях огромная роль отводится термометру, и количество градусов ниже нуля высчитывается с не меньшей тщательностью, нежели число побед, одержанных французами. Итак, от подробности к подробности, от расчета к расчету, покуда мороз крепчал, а французская армия слабела, нас подводят к конечному итогу, который автор «Бюллетеней» бесстыдно отрицает, но молва разглашает, вопреки «Бюллетеням». А итог этот таков: гибель французской армии, повсеместное изгнание ее из русских земель и бегство уцелевших победителей в Германию, где они будут почивать на лаврах, которые только от холода могли увянуть [1].

В самом деле, разница была чувствительная.— Эта превосходная армия в 400 тыс. человек [2], составленная из отборных храбрецов почти всех народов Европы, вначале мечтала не менее как о завоевании всей России, и каждый солдат, опьяненный самыми безумными надеждами, уверенно шел под знаменами Наполеона. Однако сперва мужественное сопротивление русских поколебало дух этой армии, затем упорство, проявленное ими в долгом и тягостном отступлении, удивило ее, затем она потерпела поражение в нескольких кровопролитных битвах, сократившихпочти вчетверо число

ее солдат, и, оказавшись без запасов и снаряжения перед лицом отважного и дисциплинированного войска, даже и в отсутствие наводившего на нее страх, явилась в сражении под Красным в виде испуганной толпы беглецов. Сражение это (которого вовсе и не было, если судить по «Бюллетеню») нанесло последний удар французской армии. Не входя в подробности, уже известные из донесения маршала князя Кутузова [3], мы приведем только один факт, засвидетельствованный показаниями очевидца — русского пленного, бежавшего из плена на другой день. В начале сражения Наполеон находился на поле и сам руководил обороной. До тех пор, пока наступление велось во фронт французских войск, они упорно сопротивлялись. Но вскоре наши колонны достигли правого фланга неприятеля. Момент этот оказался решающим. Великий полководец потерял голову. Он пришпорил своего коня и скакал, не останавливаясь, до самых Ляд. Маршал Даву, оставленный за командующего, по-видимому, не нашел почетным положение командира армии, обойденной с фланга. Он предпочел присоединиться к своему повелителю в его стремительном бегстве, вспомнив, должно быть, что поклялся никогда не покидать его. Он скинул с себя генеральский мундир, снял ленту, бросил свои ордена и маршальский жезл, которые потом попали в руки казаков, и, положившись на свою лошадь, пустился, что было мочи, вдогонку за своим государем, без сомнения, для того, чтобы согласовать с ним планы нового крупного отхода. В Лядах Наполеон нашел часть своей гвардии и большие обозы. Прибыть, переменить лошадь, отдать приказ о немедленном отступлении и самому возглавить это отступление было делом одной минуты. Окруженный гвардией, он позабыл об остатках своей армии, которая, будучи предоставлена самой себе, обратилась в бегство и, в свою очередь, позабыла о корпусе маршала Нея, который она должна была спасти. Автор «Бюллетеней», хотя и довольно болтлив от природы, умеет, однако, вовремя прикусить язык. Он называет это бегство отступлением, армию, которая его совершала,— победоносной, а генерала, ее возглавившего,— величайшим полководцем.

Казаки, эти жалкие арабы, которые могут нападать только на обозы и неспособны справиться даже с одной ротой вольтижеров, одни, без посторонней помощи, истребили почти треть неприятельской армии. Да здравствует эта ничтожная конница!

NB. Утверждают, что Наполеон распорядился учредить войска польских казаков. Несколько ранее, высказавшись неодобрительно об уланах с их пиками, он тут же завел у себя уланские полки. Но есть все основания опасаться, что новые казаки будут не лучше новых улан. Критика легка, искусство трудно [4].

Герцог Эльхингенский со своим корпусом и с остатками первого корпуса, разбитого у Малоярославца и Вязьмы, прибыл на следующий день после сражения под Красным прямо из Смоленска, где забавлялся тем, что взрывал древние стены и жег дома. Он не поверил своим глазам. Перед ним была русская армия, построенная в боевом порядке и готовая ко встрече с ним! Какой сюрприз приберег для него Наполеон! Однако решено наступать! Несколько колонн бросаются в атаку и все гибнут. Маршал, не растерявшись, тотчас принимает решение. Он бросает свой корпус, как Наполеон бросил армию,— каков хозяин, таков и слуга. Бежавший с поля Ней был с распростертыми объятиями принят императором, который при виде его воскликнул: «Он сделал то, что и я сделал бы на его месте!». Это замечательное изречение, еще до того как оно было произнесено, он постарался доказать на деле в сражении под Красным.

В этом же параграфе необходимо исправить одну опечатку. У Нея было не 2 тысячи[5], а по меньшей мере 15 тысяч, из которых 12 тысяч сдались. Следовательно, он бежал с 3 тысячами человек, однако в штаб-квартиру Наполеона с ним прибыло только 150. Наполеон, считая его погибшим, воскликнул несколько раз: «Если нужно было бы дать 2 миллиона, я их дал бы, чтобы выкупить Нея!..» Хорошо, что публика узнала, наконец, сколько стоит маршал Франции. Цена объявлена, но хотя она назначена государем, можно, я думаю, купить и дешевле.

Боже мой! Какое потрясающее событие! Французская армия, Великая армия разбила 2 егерских полка. Эти полки, увлекшись преследованием Домбровского, наткнулись на 2-й корпус, на выручку которого сразу же двинулась вся армия. После мужественного сопротивления они вынуждены были оставить в Борисове 200 или 300 раненых. Переправившись через реку, они сожгли мост. Великое чудо! Изумительная победа! Правда, это были те самые полки, которые овладели окопами предмостного укрепления в Борисове и одни, без посторонней помощи, уничтожили почти всю дивизию Домбровского; за это французская армия и отомстила им весьма жестоко. Она взяла 2 000 пленных, хотя там всего-то было не более 1 500 человек. Она захватила 6 пушек, хотя у них не было ни одной, 500 повозок, хотя нелепо было бы полагать, что при двух злополучных неполных полках могут находиться 500 повозок. Вот как пишется история![6]

Итак, великое чудо переправы через Березину наконец совершилось! Победитель народов может сказать себе теперь: «Я спасен». Сколько подробностей о реке, о переправе! Не хватает только одной маленькой оговорки. Забыли добавить, что, если бы к адмиралу Чичагову подошли ожидаемые подкрепления, никогда ни один француз не переправился бы через эту реку. В самом деле, с 20-ю тысячами человек, из которых только 15

тысяч пехоты, не легко было охранять всю переправу через реку, берега которой сплошь покрыты лесами и болотами и зарослй омелой, особенно же тогда, когда с тыла этим 20 тысячам угрожали 40 тысяч австрийцев и саксонцев. Наполеону не требовалось ни хитрости, ни искусства, чтобы совершить переправу. Нужно было просто начать ее. Это и произошло 26/14. Русские генералы не могли и думать о том, чтобы остановить его движение. Впрочем, для нашей армии было не так уж важно, будет ли неприятель истреблен при переправе через Березину или после нее. Надо было только дать отдых большой русской армии и для преследования неприятеля ввести в дело свежие войска. Что же до самой особы *его величества императора Франции, короля Италии* и прочая, то спасется он или попадает в плен, жизнь его отныне, думается, не окажет уже сколько-нибудь значительного влияния на судьбы России.

Вот это ясность! Надо признать, что автор «Бюллетеней» отлично владеет военным слогом. Как ловко заставляет он двигаться эту дивизию Партонно! Бригада направо, бригада налево, вперед, назад. Просто шедевр. Вот вся дивизия снова отправляется на поиски заблудившейся бригады! Вот эта последняя в приятном заблуждении идет греться к нашим кострам! Признаться, никогда еще не приходилось читать подобной галиматьи! Ошибка была гораздо более жестокой, нежели признает «Бюллетень». Вот как было дело. Дивизия Партонно, назначенная в арьергард, и предоставленная, так сказать, своей несчастной судьбе, вышла из Борисова, чтобы следовать за французской армией, и в пути была атакована генералом Витгенштейном, который заставил ее отступить назад к Борисову. В этом тяжелом положении ей еще пришлось выдержать атаки казаков, шедших из Бобра, и егерей Чичагова, перед тем занявших Борисов. Храбрые воины, предводительствуемые одним из лучших французских генералов, мужественно оборонялись, но в конце концов вынуждены были сдаться. Тщетно пытается автор «Бюллетеня» бросить тень на поведение Партонно[7]. Даже неприятель отдает ему справедливость по заслугам. Он не отделял своей судьбы от судьбы своих солдат, и можно с удовлетворением отметить, что самой капитуляцией он показал свою способность возвыситься над обстоятельствами. Его поведение было тем более благородно, что маршалы Даву и Ней и сам император явили ему под Красным пример совсем противоположный, но ведь не всем быть великими людьми!

Истинное удовольствие читать подробности об атаках неприятельской конницы, которая существует ныне только в воображении автора «Бюллетеней». С какой отвагой эти славные кирасиры разбили одну за другой 6 колонн пехоты. Никогда, даже в лучшие свои времена, не совершали они подобных чудес; но чего не приходится ожидать от такой превосходной

конницы! В то время как Вислинский легион углубился в лес, чтобы ударить на наш центр (как будто в лесу можно образовать линию с центром и флангами), кирасиры взяли в плен 6 000 человек и захватили 6 пушек. 6 в Борисове и потом 6 на Березине! Вот каковы наши противники: если уже берут пушки, то по полдюжины зараз. Правда, пожалуй, лучше бы им меньше отличаться при захвате наших пушек и больше заботиться о сохранении собственных. Но не всегда делается, что должно [8].

Как было не пострадать от тех свирепых атак, которые кирасиры предпринимали в лесу? И, однако, именно эта разбитая армия, преследуя неприятеля до Вильны, истребила весь остаток французской артиллерии.

Французская армия поступила, конечно, весьма разумно, выбрав дорогу на Вильну. Правда, дорога на Минск была отрезана, но тем лучше — ведь дорога на Вильну обещала такое обилие продовольствия! Вообще нельзя надивиться истинно отеческим заботам Наполеона о пропитании солдат во время этого славного похода.

О да, конечно, французская армия нуждается в восстановлении дисциплины, которой у нее никогда не было, в отдыхе, которого ей не дадут вкусить, в конском ремонте, для которого она не найдет лошадей. Что же касается до потерь артиллерии, то здесь уже все в порядке. Ведь это так просто возместить 900 или 1 000 пушек, потерянных в течение всего похода!

Как же в самом деле не быть довольным поведением этой гвардии. Всегда последняя в бою и первая в грабеже! Дымящиеся развалины Москвы — еще один памятник ее отваги и дисциплины. Впрочем, маршалы и короли вели себя не лучше. Его величество король Неаполитанский, например, целый день оставался в Ковно, чтобы позабавиться переплавкой золота и серебра, сорванных им со святых икон. Сколь умилительно созерцать великого монарха, пожинающего великолепные плоды своих славных подвигов! [9]

Summa summarum! * Французская кавалерия сведена к 600 лошадям [10]. Чего нельзя сказать об его армии [11].

---

* Общий итог! (лат.).— *Ред.*

2. КРАТКИЙ РАЗБОР РУКОПИСНЫХ СОЧИНЕНИЙ, НАЙДЕННЫХ В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

1. «*Капитуляция Парижа*» — отрывок из неизданных записок генерал-майора Орлова.

В достопамятный день 18/30 марта 1814 года генерал-майор Орлов был заложником у французских маршалов, герцогов Рагузского и Тревизского, в Париже и уполномочен был императором Александром заключить конвенцию сдачи и занятия Парижа.

Описание нравственного состояния парижан, ожидавших решения судьбы Франции, замечательные разговоры в залах маршала Мармона; встреча с князем Талейраном и адъютантом Наполеона генерал-лейтенантом де Жирарденом, который имел тайное его поручение взорвать Гренельский пороховой магазин и в развалинах погребсти столицу со всеми ее сокровищами, памятниками и многочисленным народонаселением, составляют предмет этой любопытной записки.

Минутный плен генерал-майора Орлова в Париже был незабвенным эпизодом из его военной жизни. Когда генерал Орлов, возвратясь в селение Бонди, представил государю императору капитуляцию Парижа, то его величество приветствовал Орлова следующими словами: «*Поздравляю вас! Вы соединили имя ваше с великим происшествием*».

Если этот отрывок не был нигде напечатан, то вполне заслуживает известности, соединяя в себе занимательность историческую и достоинство литературное [1].

2. «*Мысли* (на французском языке) *о современном состоянии кредитных установлений в России*» [2].

Полагать должно, что главным поводом к сему рассуждению послужили разные толки публики о мерах, которые приняты будут правительством относительно дворянских имений, заложенных в государственных банках, и опасение владельцев лишиться невозвратно своей собственности.

Автор, указывая на самые распоряжения правительства, старается убедить неверующих, что оно не имеет предполагаемой ими цели.

Рассматривая настоящие обстоятельства дворян вообще, он не умалчивает о том, что треть дворянских имений состоит в залоге и что, хотя из сей трети десятая часть несостоятельных, но прочие затем более или менее не могут еще быть освобождены от залога. Таковое положение дворян, по мнению его, не представляется еще вовсе безнадежным, а потому и все возгласы недовольных суть нарекания бесполезные и несправедливые. Владельцы, обременившие себя долгами, говорит автор, громко вопиют — и свет внимает их жалобам,— а те из них, которые упрочили свою собственность, безмолвствуют, и толпа не умеет разгадать благоразумного их молчания. Впрочем, продолжает генерал Орлов, нельзя не согласиться, что сословие русского дворянства, видимо, приближается к своему оскудению. Но это происходит от иных причин. Финансовый упадок дворянства заключается в самых государственных установлениях (dans la constitution). Здесь надлежит искать его, а не в банковой 24 или 36-летней ссуде.

Дабы достигнуть коренной и действительной перемены в положении владельцев русских, необходимо, вместо существующей ныне слишком ограниченной системы, принять систему более обширную, основанную на истинных началах финансовых и конституционных. Для сего нужно:

1. Создать дворянство в настоящем его значении, то есть образовать сословие, обладающее постоянною собственностию или майоратами [3].

2. Учредить места и должности с значительным содержанием, так чтобы многочисленное семейство, в особенности состоящее из сыновей, не было тяжким бременем для отца, находящегося на службе.

3. Дозволить безземельным крестьянам, помещичьим и казенным, переселяться на места, изобилующие землею, особенно же в городе, или, другими словами, прекратить зависимость крестьян от земли (détacher la population de la glèbe) [4].

4. Дать городам преимущество над селениями, то есть увеличить число потребителей и уменьшить число производителей.

5. В сих же самых видах покровительствовать промышленность для поддержания земледелия возвышением ценности его произведений.

6. Звание дворянское сделать доступным для капиталистов и для людей образованных, то есть допустить в некотором смысле предварительное удостоверение в умственных способностях людей и в состоянии их имущества. Таковые испытания принесли бы очевидную пользу, снабдив сословие дворян достойными членами.

7. Напротив того, затворить двери дворянства для этой толпы приказных, которые из пера сделали род промышленности, а из безнравственности — средство к своему обогащению.

Не иметь в одном пункте России целой армии, именуемой гвардиею, и не вводить чрез то служащих в оной сыновей дворян в несоразмерные с их состоянием издержки.

8. Младших сыновей дворянских семейств (les cadets de familles) возвратить среднему классу (au tiers état) и чрез то облагородить средний класс в России.

9. Привесть в исполнение все вышеозначенные предположения посредством мер финансовых и административных.

Эти мысли составляют, собственно, предмет введения к сочинению генерала Орлова. Указав, таким образом, путь к усовершениям, он рассматривает подробности существующей кредитной системы в России.

Все кредитные установления наши автор подразделяет на два разряда. Те, кои существовали прежде 1817 года, по мнению его, едва ли отвечают нуждам и требованиям общества. Другие, основанные в 1819 году, носят на себе отпечаток лучшего понятия о началах науки государственного хозяйства.

Сии последние учреждения суть: Комиссия погашения долгов и Коммерческий банк. На первом из них основан общественный кредит во всех государственных займах, на втором — кредит частный во всех торговых делах.

Все прочие наши кредитные установления, как-то: Ассигнационный банк, оба отделения Опекунского совета, в С.-Петербурге и Москве, Государственной заемный банк и Приказы общественного призрения в губерниях — суть учреждения, не соответствующие своей первоначальной цели и потребностям века.

Генерал Орлов рассматривает сии учреждения в отношении 1-е) займа. 2-е) взноса, 3-е) обращения и 4-е) благотворительности.

Во всех сих видах усматривает он важные недостатки системы наших кредитных учреждений. Вот главные его положения и выводы:

1. Необходимо, дабы уплата банкам ссужаемых ими капиталов была не принужденною (obligatoire), а произвольною (facultative).

2. Необходимо, чтобы взимаемые проценты были уменьшены.

3. Чтобы банки посредством генеральной ликвидации освободили себя от долгов, подлежащих востребованию.

4. Чтобы залоги, представляя в себе ручательство за верность уплаты, не оставались вовсе без обращения.

5. Чтобы избыток денежный, остающийся от содержания благотворительных домов, обращаем был на общие государственные нужды.

В остальных отделах своей книги генерал Орлов рассуждает:

1. О возможности новой системы рационального выпуска ассигнаций.

2. Об учреждении банка на новых, указанных им основаниях.

3. О переоценке заложенных имений и о системе, которая могла бы быть введена для преуспеяния народного богатства.

4. О выгодах, которые само правительство могло бы извлечь от введения этой системы.

5. Общий вывод последствий предлагаемой системы для правительства и для России.

Вообще сочинение сие, не ограничиваясь изложением правил, относящихся до науки финансов, имеет целию доказать, что внутреннее благосостояние народа и постепенное гражданское преобразование России преимущественно зависят от развития государственного кредита.

3. *Записка о налоге на сахар* [5].

Финансовая мера, имеющая целию доставить правительству в мирное и в военное время такую сумму, которая обеспечила бы все его потребности.

4. *Записка о мерах для предупреждения неправильности в обращении ассигнаций и других денег* [6].

Основное положение генерала Орлова, развитое в этой записке, заключается в том, что первая необходимость общества при существовании в обращении разнородных монет есть назначение монеты нормальной, имеющей настоящую и постоянную ценность, таким образом, чтобы все другие монеты имели бы к ней одну только ценность относительную.

Серебряный рубль автор принимает за нормальную единицу.

5. *Мнение, представленное генерал-майором Орловым (в качестве члена) Московскому обществу, о усовершенствовании скаковой породы лошадей в России* [7].

Это рассуждение, удовлетворяя вопросам Общества о избрании мест для случки и о порядке совокупления с английскими жеребцами кровных русских кобыл скаковой породы, заключает в себе многие указания, служащие к пользе российского коннозаводства.

6. «*Сведение о породах арабских лошадей*». Соч. Е. Сутгофа.

7. *Представленный генерал-майором Орловым Московскому обществу скаковой охоты проект общих правил для выдачи большого приза Московского общества и мысли о достоинстве предлагаемой им системы призов.*

В этом последнем рассуждении виден опытный взгляд знатока-охотника и перо даровитого писателя.

8. *Письмо* генерал-майора Орлова к московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну *о побудительных причинах, на коих Общество основало мнение свое о распределении большого приза в 30 тысяч рублей.*

9. *Пространное мнение отделения Общества скаковой охоты об этом же предмете.*

10. *Полный проект устава императорского художественного общества в Москве*, составленный генерал-майором Орловым по поручению г. министра Двора [8].

В этом общеполезном учреждении автор предугадывает зародыш новой Академии художеств. Судя по тому направлению, которое подробно развито в проекте, оно имеет главною целию: образование учеников, способных для поступления в С.-Петербургскую академию, и распространение в народе вкуса и здравых понятий о изящном.

11. *Проект учреждения в Москве императорской Академии художеств и при ней Художественного общества*, составленный генерал-майором Орловым по приказанию московского военного генерал-губернатора.

Цель Академии есть образование отличных художников по части архитектуры, живописи и ваяния и возведение в России сих художеств на высшую степень совершенства.

При сих проектах приложены штаты.

Бумаги по сим двум предметам находятся ныне в рассмотрении министра императорского двора.

12. *Памятная записка о художественном классе.*

Это краткий очерк истории изящных искусств в России со времен государя Петра I и рассуждение о тесной связи оных с мануфактурною промышленностию.

Генерал-адъютант (Бенкендорф)
Генерал-майор (Дубельт)

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Ф. ОРЛОВ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Имя Михаила Федоровича Орлова (1788—1842), генерала русской армии, сыгравшего заметную роль в военной и дипломатической истории России эпохи Отечественной войны 1812 г., друга Пушкина, члена «Арзамаса», пропагандиста и организатора ланкастерских школ взаимного обучения, автора финансово-экономических трактатов и, наконец, виднейшего деятеля движения декабристов, хорошо известно историкам русской литературы и общественной мысли.

Но до последнего времени Орлов был известен по преимуществу как полный неукротимой энергии практический деятель, проявлявший себя на разнообразных поприщах. Однако не всегда помнили, что деятельность Орлова в любой области — военной, дипломатической, педагогической, художественно-воспитательной, общественно-политической — отражалась в разнообразных по содержанию и жанру сочинениях: политических трактатах, речах, мемуарах, письмах.

Во всех своих произведениях Орлов рассматривает открывшуюся перед ним отрасль деятельности, зачастую весьма узкую, как дело большого общественного значения. В его работах мы ощущаем стремление пытливого, но часто несколько спешащего с выводами ума представить на суд современников свои решения сложных, выдвинутых жизнью проблем, неукротимый патриотизм, веру в великое будущее своей родины.

Каждая страница поражающего своим разнообразием литературного наследия Орлова открывает неповторимые черты яркого и противоречивого облика их автора, одного из одареннейших представителей дворянского периода русского революционного движения.

1

Отец Михаила Федоровича Орлова — Федор Григорьевич (1741—1796) — был четвертым из тех пятерых братьев Орловых, которых события 1762 г., приведшие к воцарению Екатерины II, выдвинули на авансцену

политической жизни. Правда, он не сделал такой блестящей карьеры, как его прославленные братья — Григорий и Алексей, но счастливый исход дворцового переворота принес и ему богатство, графский титул, доступ к высшим государственным должностям.

Личная жизнь Федора Григорьевича сложилась не совсем обычно. Формально он считался не вступившим в брак, но создал две «незаконные» семьи. За двадцать дней до смерти Федор Григорьевич выхлопотал право передать родовой герб, фамилию (но без графского титула) и состояние своим «воспитанникам» [1].

Первоначальное образование Михаил Орлов получил в иезуитском пансионе в Петербурге. Его наставником был аббат Николь — тот самый, который через несколько лет стал организатором одесского Ришельевского лицея, а потом, в годы Реставрации, был одним из влиятельнейших деятелей Франции в области образования.

Духовное становление Орлова происходило в годы, когда в кровавых битвах решались судьбы Европы и России. Патриотический подъем и семейные традиции определили его жизненный путь. Иезуитский пансион сменила гвардейская казарма, а потом походы, бивуаки, поля сражений.

В 1805 г. Орлов вступил в кавалергардский полк, самый блестящий и аристократический полк русской армии, обычно открывавший дорогу к вершинам придворной и военной карьеры. В рядах кавалергардского полка он участвовал в битве под Аустерлицем. В этой битве, как известно, кавалергарды прославили себя самоотверженной атакой, спасшей от окончательного разгрома русскую пехоту (эпизод этот описан Толстым в «Войне и мире»).

Мы мало знаем о жизни Орлова в период между Аустерлицем и началом Отечественной войны 1812 г. Но нет сомнения, что эти годы были для него, как для всех чутких и мыслящих людей, временем, когда неожиданные политические перемены должны были заострить интерес к вопросам политики, заставляли много и напряженно думать о тех силах, которые направляют развитие государств и народов. Эти годы характеризовались и большими изменениями во внутренней жизни многих стран. В России, где горечь поражений 1805—1807 гг. не была забыта, шли острые споры о правильности той или иной внешнеполитической ориентации. Много противоречивых суждений и оценок вызывали и планы преобразований, связанные с именем М. М. Сперанского.

Споры, в которых скрещивались противоположные точки зрения, раздумия над острейшими вопросами современности, непрерывно пополнявшийся запас знаний в результате чтения философско-политической и исто-

---

[1] Подробнее о Ф. Г. Орлове см.: «Русский биографический словарь», т. «Обезьянинов-Очкин». СПб., 1905, стр. 363—364.

рической литературы — все это способствовало необычайно быстрому духовному созреванию Орлова.

В эти годы Орлов с успехом поднимался по военно-служебной лестнице: в июне 1810 г. он был назначен адъютантом к основателю Генерального штаба русской армии кн. П. М. Волконскому.

«Мы были дети 12-го года»,— сказал декабрист М. И. Муравьев-Апостол [2]. Это могли повторить многие из декабристов, но, пожалуй, с наибольшим правом Михаил Орлов.

Отечественную войну 1812 г. он встретил двадцатичетырехлетним штабротмистром кавалергардского полка. В первые дни войны он был назначен флигель-адъютантом к Александру I, что связало его с Главной квартирой русской армии. Закончил войну Орлов в чине генерал-майора; он стал едва ли не самым молодым генералом русской армии. Орлов участвовал в крупнейших сражениях Отечественной войны — у Смоленска, при Бородине, под Красным и т. д.

Высшее командование — Барклай де Толли, Кутузов и Александр I — возложило на Орлова несколько ответственных поручений. Сейчас же после перехода «великой армии» через Неман Орлову было поручено сопровождать генерала Балашева, посланного для переговоров с Наполеоном. Орлов должен был использовать пребывание во вражеской ставке для получения данных о положении и настроениях во французской армии. По возвращении он представил русскому командованию ценные сведения. В августе 1812 г. Орлову снова удалось побывать в качестве парламентера в расположении французских войск. Как рассказывает в своих мемуарах Коленкур, Наполеон просил Орлова передать мирные предложения русскому командованию. На это Орлов ответил, что он лично «не верит в возможность мира до тех пор, пока французы остаются в России». Орлову пришлось побывать в Главной квартире французской армии и в январе 1813 г. [3]

На долю Орлова выпало почетное и вместе с тем чрезвычайно ответственное военно-дипломатическое поручение на заключительном этапе войны: в марте 1814 г. он участвовал в сражении у Парижа и «заключил договор о сдаче сей столицы Французской империи союзным войскам».

Орлов оказался на авансцене исторических событий и в начале Отечественной войны и в момент наивысшего триумфа русской армии.

---

[2] В. Е. Якушкин. М. Муравьев-Апостол.— РС, 1886, № 7, стр. 159.

[3] Материалы о военно-дипломатической и разведывательной деятельности Орлова во время войны 1812—1814 гг. наиболее полно, с привлечением новых данных, изложены в статьях А. Г. Тартаковского: 1) Листовка эпохи Отечественной войны 1812 г. (ЗОР, вып. 20, 1958, стр. 205—282; перепеч. в кн.: «Листовки Отечественной войны 1812 г.». М., 1962, стр. 128—140); 2) «Бюллетень» М. Ф. Орлова о поездке во французскую армию в начале войны 1812 г. («Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962, стр. 416—438).

Если добавить, что в годы войны 1812—1814 гг. Орлов разрабатывал планы партизанской борьбы на территории России, а потом Германии, то станет ясным, какой громадный запас наблюдений, разнообразный политический, дипломатический и военный опыт он приобрел.

2

Годы Отечественной войны в жизни Орлова знаменательны еще и тем, что именно на это время приходится и начало его литературной деятельности.

Первым выступлением Орлова на поприще литературы была опубликованная на французском языке походной типографией Главной квартиры русской армии в начале 1813 г. (примерно в конце января) брошюра под названием «Размышления русского военного о 29-м „Бюллетене“» [4]. Каждая из восьми страниц этой брошюры состояла из двух столбцов: первый представлял собой текст официального бюллетеня французского командования, второй — полемические и саркастические замечания.

Как было недавно установлено, автором этого памфлета, который до последнего времени не привлекал внимания историков, был Орлов [5].

29-й «Бюллетень» был опубликован 21 ноября (3 декабря) 1812 г. В этом «Бюллетене», так резко констатирующем с предшествующими ему 28 победными реляциями, Наполеон пытался дать наиболее соответствующее его политическим интересам и планам объяснение причин провала похода в Россию. «Бюллетень» всячески преуменьшал размеры поражения. Переправа через Березину, во время которой французская армия едва ускользнула из чуть было не захлопнувшейся западни, изображалась как серьезная удача.

Не героическая борьба русского народа, не замечательный стратегический замысел Кутузова, не порочность политических и военных планов Наполеона и т. д., а только катастрофическое сокращение французской конницы в результате гололедицы,— объявлялось причиной неудачи русского похода.

29-й «Бюллетень» положил начало оказавшейся столь живучей версии о «генерале Морозе», как единственном победителе в войне 1812 г., отголоски которой и до сих пор встречаются в зарубежной литературе.

В очень сдержанной манере, но с уничтожающим сарказмом, не пропуская ни одного уязвимого места, Орлов разбивает проводимую в «Бюлле-

---

[4] «Размышления» в русском переводе были напечатаны в «Вестнике Европы» (1813, № 7-8, стр. 286—307).

[5] Авторство Орлова установлено А. Г. Тартаковским в указ. статье (стр. 237—243), а также в его заметке «Новые данные о листовке-памфлете на 29-й „Бюллетень“ французской армии» (ЗОР, вып. 23, 1960, стр. 68—71).

тене» концепцию «генерала Мороза» (взятую в своеобразном «лошадином» аспекте). «Русский военный», опираясь на неопровержимые данные, высмеял попытку объяснить поражение французов лишь особой зябкостью немецких и французских лошадей [6].

«Размышления» появились еще до того, как русская армия вступила на территорию оккупированной французами Германии. Гипноз наполеоновских побед еще не развеялся, и в этих условиях «Размышления» должны были выполнить весьма ответственную задачу. Проливая свет на истинные причины поражения французов, они разрушали миф о непобедимости Наполеона. «Размышления» последовательно и убедительно, без излишней навязчивости, доказывали, что поражение наполеоновской армии в России было результатом побед русской армии, а не действия слепой стихии. Эту задачу памфлет Орлова, адресованный в первую очередь населению покоренных Францией стран, выполнил с подлинным блеском.

«Размышления» должны быть признаны одним из наиболее выдающихся памятников русской политической литературы времен Отечественной войны 1812 года.

Орловым был написан еще один памфлет против Наполеона. Известный библиограф и знакомый Орлова С. Д. Полторацкий сообщает в своих записях: «О⟨рлов⟩ сказывал мне, что в 1814 году, в переезде его из Франкфурта на Майне в Дармштадт, нужны ему были деньги. По сему поводу за 35 червонцев условился он с франкфуртским книгопродавцем написать небольшую книжку на французском языке, тогда же и напечатанную» [7]. Далее Полторацкий пишет, ссылаясь на свидетельство Орлова, что эта книжка была направлена против Наполеона и что в настоящее время (разговор состоялся во второй половине 1834 г.— запись сделана Полторацким 11 ноября 1834 г.) он, Орлов, дезавуирует свой труд, так как в нем высказаны взгляды, с которыми он ныне не согласен, и поэтому просит Полторацкого не включать эту работу в библиографию его трудов. Этот памфлет Орлова до сего времени не обнаружен.

Важнейшим произведением Орлова, связанным с событиями войны 1812—1814 гг., были его записки о капитуляции Парижа.

Обнаружив подлинный талант мемуариста, Орлов не только сохранил драгоценные для историка подробности, он сделал и нечто несравнимо более трудное — донес нерастраченным ощущение душевного напряжения и подъема, охватившего его как активного участника последнего акта великой исторической драмы.

Воспоминания Орлова пронизаны чувством гордости за свою родину. Капитуляцию Парижа он рассматривает как величайший триумф России.

---

[6] На произведения Орлова, напечатанные в настоящей книге, ссылок не дается.

[7] ЛБ, ф. 233, к. 39, ед. хр. 8 (сообщено М. И. Гилльсоном).

Особенно выделяются по литературному мастерству, по замечательному умению передать эмоциональную обстановку те страницы, где рассказывается о ночи на 19 (31) марта, которую Орлову — единственному представителю союзных войск — пришлось провести в Париже, среди высших офицеров французской армии.

К произведениям Орлова, тематически связанным с событиями Отечественной войны, относится и «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», опубликованная анонимно в 1829 г.

Николай Николаевич Раевский (1771—1829), на дочери которого, Екатерине Николаевне, в 1821 г. Орлов женился, был одним из самых популярных героев Отечественной войны.

Сжато, но очень выразительно, приводя много интересных фактов, Орлов охарактеризовал военные заслуги Раевского.

Широкая популярность Раевского среди передовых людей России в ту пору объяснялась в первую очередь тем, что он создал себе заслуженную репутацию прямого человека, далекого от искательства и карьеризма, справедливого и ровного в отношении к подчиненным. Особенно же выделяла его среди генералитета аракчеевской поры безупречная честность и независимость суждений. Некоторые черты характера Раевского сближали его с популярным в декабристской среде генералом А. П. Ермоловым.

События 1825 г. придали семье Раевских особый ореол. Многим было известно, что по обвинению в принадлежности к Тайному обществу были арестованы оба его сына — Александр и Николай, правда, скоро выпущенные с «очистительными аттестатами». Его зять — Орлов — тогда же был арестован и навсегда попал в опалу. Был арестован и единоутробный брат Раевского — В. Л. Давыдов. Больше всех пострадал другой зять генерала — С. Г. Волконский, приговоренный к каторжным работам. Но что особенно запомнилось и с тех пор отбрасывало особый отблеск героизма и жертвенности на когда-то такую благополучную семью — это подвиг его восемнадцатилетней дочери Марии Волконской (позднее запечатленный Некрасовым в «Русских женщинах»), последовавшей в сибирскую ссылку за своим мужем.

Поэтому некролог заслуженного генерала приобретал известный подтекст. Заключительный абзац, в котором после перечисления многочисленных орденов, полученных Раевским от Александра I, было сказано, что «при восшествии на престол государя императора Николая Павловича Раевский получил последнюю царскую милость и был сделан членом Государственного совета»,— мог восприниматься как скрытая ирония. Назначение боевого генерала Раевского членом Государственного совета расценивалось как отставка, хотя и почетная, тем более, что широкая общественность была хорошо осведомлена, какие «царские милости» излил Николай I на Раевского и его семью при своем восшествии на престол.

3

Дипломатический талант, обнаруженный Орловым во время переговоров о капитуляции Парижа, был замечен, и ему было поручено участвовать в ответственных политических переговорах в скандинавских странах. Это было связано с «норвежским вопросом». Россия и ее союзники решили «наказать» Данию, как друга Франции, и «вознаградить» короля Швеции, бывшего наполеоновского маршала Бернадотта, за отказ поддержать Наполеона передачей ему Норвегии, составлявшей до того с Данией одно государство.

Однако Орлов, ознакомившись с отношением норвежского народа к этому решению, принятому вопреки его желаниям и интересам, занял самостоятельную позицию. По словам Н. И. Тургенева, он увидел, что «дело норвежцев, восставших против присоединения их отечества к Швеции, справедливо и достойно уважения, и сообразовывал с этим свое поведение». Орлов способствовал утверждению политической самостоятельности Норвегии (в форме унии со Швецией) и установлению для нее конституции, более демократической, чем предполагалось [8].

Норвежский опыт, несомненно, заставил Орлова задуматься о праве правительств распоряжаться судьбами народов. Он, как можно предположить, был в какой-то мере использован Орловым, когда он, как будет показано дальше, составлял протест по поводу плана Александра I «передать» Польше Литву.

Вообще в эту пору напряженной дипломатической борьбы, когда вершители судеб человечества во главе с Александром I и Меттернихом в Вене между балами перекраивали мировую карту, Орлову пришлось много ездить по еще неумиротворенной Европе. Особенно близко он познакомился с жизнью выходившей из состояния политического оцепенения Франции; он несколько раз пересекал территории немецких государств, переживавших период национального подъема. Побывал он тогда и в Англии.

В конце 1814 г. после длительного отсутствия Орлов возвратился в Россию, но его пребывание на родине оказалось кратковременным.

Начались «Сто дней». Над ошеломленной Европой вновь нависла зловещая тень Наполеона. И опять мы видим Орлова в рядах армии (в качестве начальника штаба 7-го пехотного корпуса), участвующего в военных операциях, окончательно утвердивших торжество антинаполеоновской коалиции. Орлов снова проводит два года за границей, преимущественно в Париже. В конце 1816 г. он возвращается, и уже окончательно, в Россию.

---

[8] Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, М., 1915, стр. 38.

Этот период жизни Орлова, так насыщенный внешними событиями, нам мало известен и почти не нашел отражения в его литературном наследстве. Но мы знаем, что в те годы Орлов с особым вниманием следил за общественно-политической жизнью, общался со многими выдающимися деятелями, в частности, с крупнейшим немецким политическим деятелем бароном Г.-Ф.-К. Штейном, имя которого, как основного инициатора ликвидации крепостного права в Пруссии, приобрело тогда большую популярность в либеральных кругах [9]. Проявляя особый интерес к вопросам просвещения, Орлов вступил в Париже в члены «Общества начального образования» [10].

Именно тогда с особой отчетливостью начала сказываться та черта характера Орлова, которая неизменно отмечалась многими современниками, наблюдавшими его на протяжении всей жизни: исключительное многообразие интересов, способность в одно и то же время увлекаться разными, часто весьма далекими одна от другой областями деятельности.

Н. И. Тургенев, с которым Орлов особенно тесно сблизился во Франции в 1814—1816 гг., писал о нем: «...подобно всем людям с живой и пылкой душой, но без устойчивых идей, основанных на прочных знаниях, он увлекался всем, что трогало его воображение» [11].

Одареннейший представитель своего поколения, Орлов был необычайно восприимчив ко всем новым направлениям общественной мысли, исходившим из не совсем однородных социальных источников. Он их чрезвычайно быстро усваивал и ассимилировал, но не всегда умел сочетать с ранее воспринятыми представлениями и идеями.

Поэтому он почти всегда кажется нам более «широким», чем его сотоварищи по общественной деятельности и борьбе, но в то же время менее цельным и последовательным.

Отмеченная выше «всеядность» Орлова особенно сильно сказалась в его письме к Де Местру (1814), единственном дошедшем до нас его литературном произведении этого периода. В этом письме он делился соображениями, возникшими у него при чтении книги Де Местра «Мысли о Франции». Конечно, не следует забывать, что в данном случае мы имеем дело с ранним, незрелым произведением Орлова. Де Местр, с которым Орлов общался еще в Петербурге до 1812 г., а потом, очевидно, встречался во Франции, на какой-то момент увлек его на путь реакционного, христиански-фаталистического понимания философии истории.

---

[9] Микрофильм переписки Орлова со Штейном был недавно передан в ЦГАОР (см. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 171). Как показало предварительное ознакомление с этими письмами, они не имеют значительного интереса.

[10] См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 г.». СПб., 1900, стр. 192.

[11] Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I, стр. 166.

В книге Де Местра Орлова могли покорить острота мысли, отточенная афористичность стиля, а главное, понимание истории не как случайного сцепления событий, а как трагедии, в которой действуют великие силы. Для Де Местра история — это неисчерпаемый источник поучений. Поэтому для него французская революция, борьбе с которой он посвятил всю свою жизнь, вовсе не роковая, заслуживающая забвения случайность. По словам Орлова, книга Де Местра «единственно прекрасное произведение, которое я смог найти, о французской революции». Она показывает, продолжал Орлов, что эта революция была прекрасным уроком для народов и королей. Для правильной оценки этой мысли надо вспомнить, что пришедшие к власти во Франции после свержения Наполеона, ничему не научившиеся и все забывшие узколобые реакционеры делали вид, что между 1789 и 1815 г. вообще ничего не произошло. Де Местр же учил ничего не забывать, и это должно было импонировать Орлову. Понимая, что «эпоха Французской революции — великая эпоха, это эпоха человека и разума», Орлов завершает, однако, эту фразу как верный ученик Де Местра: «Конец ее также весьма достоин того, чтобы быть отмеченным — это рука божия и времена веры».

Пройдет несколько лет и мы увидим, что Орлов будет придерживаться прямо противоположных взглядов на законы исторического развития.

Внимательный наблюдатель общественно-политической борьбы в Западной Европе, Орлов ни на минуту не забывал о своей родине. Дошли сведения, что он писал тогда сочинение о России, которое, по словам часто общавшегося с ним во Франции Н. Старынкевича, должно было представить большой интерес, но двигалось очень медленно [12].

Большое идейное влияние на Орлова оказало знакомство с одним из образованнейших русских людей, будущим декабристом Н. И. Тургеневым, который занимал тогда пост русского комиссара центрального административного департамента союзных правительств во Франции. Орлов произвел на него при первом знакомстве самое отрадное впечатление. «Я всегда радуюсь,— писал он брату,— когда нахожу между русскими таких образованных людей, каков Мих⟨аил⟩ Орлов» [13]. Можно предположить, что общение с Тургеневым, большим знатоком финансово-экономических наук, способствовало развитию у Орлова интереса к финансово-кредитным проблемам, которые они оба воспринимали в широком общественно-политическом аспекте.

Во время частых встреч и в переписке с Н. И. Тургеневым и его братом Сергеем Ивановичем, Орлов обсуждал устав Тугенбунда и проект преобразования России, составленный Н. Тургеневым (проект предусма-

[12] В. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях.— «Уч. зап. Марийского гос. пед. ин-та», т. 15, 1957, стр. 71.

[13] «Архив братьев Тургеневых», т. III. СПб., 1913, стр. 463.

тривал ликвидацию крепостничества и установление конституционного строя).

Новейшие исследователи считают доказанным, что уже в 1815—1817 гг. братья Тургеневы и Орлов договорились в принципе о необходимости создания тайного общества и работали над его программой[14].

Для распространения идей задуманного Тургеневыми и Орловым тайного общества в Мобеже, где находился штаб русского оккупационного корпуса, был создан офицерский «русский клуб», который можно рассматривать как одну из преддекабристских организаций. Кое-что было осуществлено и для политического воспитания солдат: с этой целью тогда были сделаны первые опыты организации солдатских ланкастерских школ взаимного обучения[15].

4

Пребывание на родине дало Орлову новый запас горьких наблюдений и укрепило его, как и многих представителей его поколения, в убеждении, что после победоносного завершения войны с Наполеоном предстоит не менее трудная борьба за искоренение в России крепостничества, административного произвола, взяточничества, казнокрадства и т. д.

В показаниях, данных после поражения восстания декабристов, Орлов писал, что в 1814 г., возвратившись из-за границы, он «...вознамерился сделать тайное общество, составленное из самых честных людей, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются во внутреннем управлении России». В связи с этим планом у него даже возникла мысль перейти на гражданскую службу, «заняться административной деятельностью, где ⟨...⟩ гнездятся наполеоны в качестве внутренних разбойников».

Было бы ошибкой сделать из этих слов вывод, что тогда планы Орлова не шли дальше стремления создать кадры честных чиновников, действующих в рамках существовавшего строя. Как ни симптоматичны сами по

---

[14] А. Н. Шебунин. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи.— В кн.: «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». Л., 1936, стр. 20—21; указ. статья В. Тарасовой, стр. 37—89; В. В. Пугачев. Из предыстории Союза Благоденствия. (Попытка Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова создать тайное общество в 1817 г.).— «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV. М.— Л., 1962, стр. 96—123. Однако, если А. Н. Шебунин и В. Тарасова отождествляют эту попытку с созданием «Ордена русских рыцарей», то В. В. Пугачев доказывает, что задуманное Орловым и Тургеневым тайное общество ничего общего с Орденом не имело.

[15] В. Тарасова. Указ. соч., стр. 82.

себе эти планы, в известной мере предвосхищавшие программу Союза Благоденствия и практическую деятельность некоторых декабристов, важно другое — уже тогда Орлов связывал создание в стране разумной, честной, строго соблюдающей требования закона администрации с борьбой за конституционный строй и ликвидацию крепостного права.

Тут мы подходим к недостаточно освещенному источниками периоду биографии Орлова — к вопросу об «Ордене русских рыцарей» и о роли Орлова в его создании.

В своих показаниях Орлов с нескрываемой гордостью писал: «...мне кажется, я первый задумал в России план тайного общества». Он относил возникновение плана создания «Ордена» к 1814 г. и приписывал себе роль инициатора, признавая, правда, что этот план он разрабатывал совместно с М. А. Дмитриевым-Мамоновым. Однако, как мы видели, в 1815—1816 гг. вопрос об организации тайного общества обсуждался братьями Тургеневыми и Орловым и принципиально был уже решен в положительном смысле.

Все же остается неясным, рассматривал ли Орлов это тайное общество как тот же «Орден русских рыцарей», или он тогда вел параллельно переговоры об организации двух тайных обществ, еще не точно представляя себе, каковы будут их взаимоотношения в будущем, не объединятся ли они и т. д.

Программные документы «Ордена» дошли до нас в очень неполном виде. Главный из них — «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения» — составлен в 1814 г. Дмитриевым-Мамоновым. Известно, что Орлов работал над книгой, которую Дмитриев-Мамонов называл «Книгой жизни Ордена» и «Учением Ордена», но эта книга до нас не дошла [16]. Письма Орлова к Дмитриеву-Мамонову, в которых обсуждались планы устава и программы «Ордена», тоже не сохранились [17]. Поэтому мы не можем установить меру участия Орлова в составлении других известных нам документов «Ордена» — «Краткого опыта» и «Кратких наставлений Р⟨усскому⟩ Р⟨ыцарю⟩». Известно и о некоторых разногласиях, которые возникли между Дмитриевым-Мамоновым и Орловым при разработке программы «Ордена». Все же не приходится сомневаться, что основные положения программных документов отвечали тогдашним воззрениям Орлова.

В набросках планов, частично и непоследовательно изложенных, видна основная мысль: Россия должна быть преобразована в правовое, кон-

---

[16] М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов.— ЛН, т. 59, 1954, стр. 611.

[17] По предположению М. В. Нечкиной, они были в 1826 г. уничтожены в интересах Орлова (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 138).

ституционное государство. При этом, если «Пункты» говорят о конституционной монархии, то в «Кратких наставлениях» речь идет уже о республике. Нельзя сомневаться, что в изживании монархической традиции отразилась и идейная эволюция Орлова.

Программа «Ордена» предусматривала ликвидацию крепостного права. Среди остальных преддекабристских и декабристских конституционных проектов программные документы «Ордена» резко выделяют их олигархическо-аристократический характер. «Пункты» говорили о сенате, в руках которого сосредоточивалась бы верховная власть, состоящем из 200 наследственных пэров, владеющих полученными в удел городами и поместьями, 400 представителей дворян и 400 представителей народа. А республиканская конституция, намеченная в «Кратком опыте», предусматривала «палату вельмож», в которой наряду с 442 простыми дворянами заседали бы 221 наследственные вельможи, владеющие «уделами неприкосновенными». Однако, как правильно было подчеркнуто Н. М. Дружининым, несмотря на феодально-аристократическое обрамление, программа «Ордена» имела «ясно очерченную буржуазную направленность» [18]. Авторы ее требовали уничтожения рабства, ограничения самовластия, ликвидации казенных монополий (т. е. установления свободы торговли и промыслов), свободы печати, усовершенствования путей сообщения и т. п.

Что по замыслу Орлова все эти преобразования возможны лишь в результате революционного переворота, нас особенно убеждает письмо Дениса Давыдова к П. Д. Киселеву, из которого видно, что поэт-партизан был хорошо осведомлен о планах Орлова и Дмитриева-Мамонова. Давыдов писал: «Как он ⟨Орлов⟩ ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России». Развивая далее свои соображения о конституционных замыслах «Михаила-идеолога», Давыдов говорил, что переводя на военный язык, «свободное правление» можно уподобить «крепости у моря», которую нельзя взять блокадою, приступ же потребует слишком больших жертв. Единственно верное решение — правильная осада. «Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идет к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия двигается,— а выходит, что он, да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоем хотели взять Трою), предприняли приступ» [19].

---

[18] Н. М. Дружинин. Программа северных декабристов.— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1951, вып. 1, стр. 38.

[19] Письмо датировано 15-м ноября, год не указан. Публикатор письма в «Русской старине» (1887, № 7, стр. 228—229) Д. А. Милютин отнес его к 1819 г. Нам эта дата представляется неверной. Давыдов связывает в этом письме Орлова только с Дмитриевым-Мамоновым, а о последнем говорит как об активно и сознательно дей-

Поскольку Орлов был лишь одним из авторов программных документов «Ордена» и степень его участия в их создании невозможно определить, эти документы не могут быть включены в корпус его литературного наследия. Но они чрезвычайно важны для понимания его идейного развития. Больше того, следует отметить, что некоторые тактические и программные установки «Ордена» возродились на последующих этапах политической и литературной деятельности Орлова.

К преддекабристской главе биографии Орлова относятся еще несколько не сохранившихся политико-публицистических выступлений.

Есть свидетельства, что в 1815 г. он представил Александру I адрес о ликвидации крепостного права, который подписали также кн. И. В. Васильчиков, гр. М. С. Воронцов, Д. Н. Блудов[20]. Этот документ до нас не дошел и нет полной уверенности, что он вообще существовал[21].

Недавно был опубликован черновик письма С. И. Тургенева к Орлову (от 14 апреля 1818 г.), который ярко характеризует крестьянскую программу Орлова. Как видно, тогда в планах ликвидации крепостничества Орлова больше всего занимал вопрос о «справедливой» компенсации дворян. С. И. Тургенев писал: «О рабстве он ⟨Орлов⟩ немного по-русски думает, полагая, что дворяне теряют право, которое им иным правом вознаградить надобно. Пусть придираются к чему хотят, чтобы присвоить им права конституционные, но владение их мужиками никогда не может быть правом; ни рабство обязанностью; и можно ли требовать вознаграждение за потерю того, чем несправедливо владеют? Права конституционные — хорошее дело, но можно ли все получить вместе? Не торопитесь, дайте хоть рабство уничтожить, и это будет большой шаг, а там увидим, нельзя ли будет идти далее».

Таким образом, между Орловым и С. И. Тургеневым наметилась очень знаменательная линия расхождения. Орлов во главу угла ставил конституционные планы. Крестьянский же вопрос в социально-экономическом аспекте его не занимал. Больше того, он считал, что освобождение крестьян — обязательное условие конституционно-правового режима — нарушает гарантируемое конституцией право собственности. И он прежде всего искал выход из этой «дилеммы». Установление конституции, которая в духе планов «Ордена» несомненно предусматривала укрепление сослов-

---

ствующем лице. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что письмо относится ко времени «Ордена», а не Союза Благоденствия. Соображения Ю. М. Лотмана о том, что Дмитриев-Мамонов заболел лишь в 40-е годы, представляются нам неубедительными (см. Ю. М. Лотман. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 78, 1959, стр. 54—61).

[20] С. Г. Волконский. Записки. СПб., 1901, стр. 407—408.

[21] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 393. Ср., однако, возражения М. К. Азадовского (указ. соч., стр. 628).

ных прав землевладельческого класса, должно было послужить такой компенсацией для дворянства.

Нужно ли говорить, как ярко отразилась в этих планах классово-дворянская ограниченность воззрений Орлова! И это подметил не кто иной, как тот же С. И. Тургенев. В своем письме, являющемся замечательным памятником русской общественной мысли, он заявлял: «не должно забывать, что рабство для нас, только рассуждающих о нем, и рабство для рабов самих во всем различны. Вознаграждение, уравнение интересов, меры предосторожности и прочие тонкости, кои нас занимают, для рабов ничто; они страдают и всеми силами стремятся к тому, чтобы перестать страдать» [22].

Другим ответственным политическим выступлением Орлова была «Записка о Польше», тоже до нас не дошедшая, которая была им составлена в 1817 г. Эту «Записку» он намеревался представить царю не только за своей подписью, но и группы единомышленников.

Непосредственным поводом к этому выступлению послужили распространившиеся к тому времени — и обоснованные — слухи о том, что Александр I намерен даровать Польше конституцию. Орлов, как и многие его друзья, не мог не испытывать чувство «ревности» по поводу того, что Польша раньше, чем покорившая ее Россия, получит конституцию, и видел в этом оскорбление русского народа. Но все же, по словам Вяземского, «он в душе своей праздновал» варшавскую речь Александра I на открытии Сейма в 1818 г. [23]

Хотя у Орлова и проскальзывала мысль о недостаточной подготовленности Польши к конституционному правлению (см. его письмо к Вяземскому от 22 августа 1819 г.), не дарование Польши конституции было главным среди мотивов, которые заставили его протестовать против польских планов царя. Основное было в другом. Ведь обсуждались проекты восстановления Польши в ее «исторических» границах, т. е. о возвращении под власть Польского государства украинских, белорусских и литовских земель, что находилось в глубочайшем противоречии с национальными чаяниями этих народов, которые многовековой борьбой доказали свое стремление к воссоединению с братским русским народом.

Полное игнорирование национального принципа, характерное для меттерниховского периода, когда территория, населенная тем или иным народом, рассматривалась лишь как карта в дипломатическом пасьянсе, как безответный объект взаимных компенсаций,— именно это больше всего

---

[22] Цит. по статье В. В. Пугачева «Общественно-политические взгляды С. И. Тургенева. (К вопросу о формировании революционной идеологии декабристов)».— «Исторические науки», 1960, № 4, стр. 100. Об этом письме впервые упомянул А. Н. Шебунин (указ. соч., стр. 32).

[23] «Остафьевский архив князей Вяземских», т. I. СПб., 1899, стр. 107.

вызывало протесты Орлова. И в этом объективная правота и историческая оправданность его борьбы с польскими проектами Александра I [24].

Однако было бы ошибочно и антиисторично переоценивать зрелость и последовательность взглядов Орлова на польский вопрос и в эти и в последующие годы (вспомним, например, его замечания о Польше, изложенные в 1835 г. в качестве приложения к «Капитуляции Парижа»). Орлов подходил к польскому вопросу преимущественно с позиций международно-политических, с точки зрения стратегических интересов России.

Попытка подать Александру I «Записку о Польше» сыграла в жизни Орлова роковую роль. Узнав о намерении оказать на него давление, царь потребовал от Орлова немедленного представления «Записки». Последнему стало ясным, что гнев царя обрушится и на тех, кого он уговорил подписаться под составленным им документом. Поэтому он ответил, что «Записка» им утеряна. Конечно, ему не поверили, и этот эпизод стал началом конца его так блестяще начавшейся придворно-военной карьеры. 13 июля 1817 г. он был назначен на должность начальника штаба 4-го корпуса с местопребыванием в Киеве.

Но незадолго до того, как Орлов навсегда покинул столицу, одно его выступление привлекло к нему широкое общественное внимание. Мы имеем в виду речь, которую он произнес 22 апреля 1817 г. при вступлении в литературное общество «Арзамас».

«Арзамас» был основан в 1815 г. в противовес консервативной «Беседе любителей русского слова». Членами «Арзамаса» были, в основном, писатели карамзинского направления. К началу 1817 г., когда Орлов вступил в «Арзамас», в этом обществе происходило размежевание, вызванное обострением социальных противоречий в стране. К радикальному крылу «Арзамаса» принадлежали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, будущие декабристы (Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев). Программная речь Орлова выражала общественно-литературную позицию, занятую радикальной группировкой внутри «Арзамаса».

В своей вступительной речи Орлов — «Рейн» — (каждый член «Арзамаса» получал особое прозвище) после колкостей по адресу «беседчиков» сделал несколько уничтожающих замечаний об органах официозной и консервативной печати и резко отозвался о цензуре. Но основная мысль, которая пробивалась в его речи сквозь традиционные формы арзамасского острословия,— это призыв к арзамасцам, «обыкшим веселиться, а не скучать сочинениями своих сочленов», определить «нашему обществу цель достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской».

[24] Как Орлов впоследствии признавал, борьба с планом включения Великого княжества Литовского (т. е. украинских, белорусских и литовских земель) в состав Польши натолкнула его на мысль о необходимости создания тайного общества, которое могло бы противодействовать аналогичным польским организациям.

Как показывают протоколы и сохранившиеся документы, свое стремление придать деятельности «Арзамаса» более серьезный и общественный характер — Орлов связывал (как первый шаг на этом пути) с планом издания журнала.

Предложение Орлова, совпавшее с планами, уже высказанными некоторыми арзамасцами, было поддержано радикальной частью «Арзамаса» (Тургенев, Вяземский и др.)[25]. Для того чтобы предложенный проект мог быть реализован при существовавших политических условиях, программа журнала формулировалась очень осторожно — «распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее»[26]. Орлов деятельно готовился к участию в журнале и предложил для первого номера свою статью — она посвящалась вопросу о переводах передовой западноевропейской литературы[27].

Предложение Орлова взбудоражило арзамасцев. В стихотворной летописи «Арзамаса», составленной Жуковским, об этом вспоминалось очень выразительно:

Между тем Рейн усатый, нас взбаламутив, дал тягу
В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу[28].

Но здесь мы подходим к новой, самой насыщенной и интересной главе биографии Орлова.

5

Кризис феодально-крепостнической системы, резко обозначившийся уже в конце XVIII — начале XIX в., достиг особой остроты в годы, последовавшие за Отечественной войной 1812 года. Это нашло свое выражение прежде всего в значительном усилении освободительной, антикрепостнической борьбы крестьян — помещичьих, государственных, военных поселенцев, а также в выступлениях «работных людей» и солдат.

Стихия недовольства охватывала и представителей других общественных слоев, все больше проникая и в «верхи».

[25] «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, стр. 206—210.

[26] Подробнее об этом см.: Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX в. М., 1959, стр. 283 и сл.

[27] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г.». СПб., 1887, прилож., стр. 159. Вероятно, в этой статье Орлов ставил вопрос о создании «Общества переводчиков для перевода книг полезных иностранных на русский язык». С таким проектом Орлов в 1820 г. ознакомил Н. И. Тургенева. Последний говорил, что «в этом проекте, как и во всем, что пишет Орлов, много умного» («Декабрист Н. И. Тургенев». Л., 1936, стр. 301).

[28] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г.», прилож., стр. 161.

Особенностью исторического развития России было то, что на борьбу за осуществление важнейшей патриотической и прогрессивной задачи — ликвидацию крепостничества и самодержавия поднялись лучшие люди из дворян. Полные патриотической тревоги за судьбу своей родины, стремившиеся путем революционного переворота вывести ее на путь величия, благоденствия и славы, декабристы в своих произведениях и программных документах выдвинули проекты коренного преобразования общественного строя и государственного управления, осуществление которых объективно означало бы выполнение прогрессивной для того времени исторической задачи — расчистку путей буржуазно-капиталистического развития страны.

Определяя историческую роль декабристов, В. И. Ленин писал: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [29]. Но декабристы не смогли до конца преодолеть своей классовой дворянской ограниченности, сказавшейся и в их революционной тактике и в социально-экономической и политической программе. «Страшно далеки они от народа». Но их дело не пропало. Они «помогли *разбудить* народ» [30].

«Орден русских рыцарей», одна из преддекабристских ячеек, не может рассматриваться как действовавшая организация. «Орден» объединял ничтожно малую группу единомышленников, не более десяти человек, которые ни разу не имели случая собраться вместе, и дело не пошло далее обсуждения, главным образом в переписке, некоторых программных положений и наметок устава [31]. Естественно, что новый этап общественно-политического развития, вызвавший к жизни первую декабристскую организацию — Общество истинных и верных сынов отечества, или Союз Спасения,— должен был привести к распаду «Ордена» и поставить перед его членами вопрос о присоединении к зародившемуся тайному обществу.

О Союзе Спасения Орлову стало известно вскоре после его возникновения. Примерно в феврале 1817 г. состоялась встреча Орлова с представителем Союза А. М. Муравьевым. Они признали, что цели «Ордена» и Союза Спасения очень близки. Но все же Орлов тогда воздержался от присоединения к Обществу. Любопытно, что Орлов не отрицал в своих показаниях, что он мог значиться в табели Союза в качестве «друга». По структуре Союза, состоящего из трех ступеней — «друг», «брат» и «муж» — разъяснял Орлов — «„Другом“ почитался всякий человек, име-

---

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261; т. 23, стр. 398.

[31] Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 27—28; ср. также: А. Н. Шебунин. Указ. соч., стр. 47—50.

ющий свободный образ мыслей (libéral), знающий или не знающий о существовании Общества».

В первой половине 1818 г., когда Союз Спасения уже преобразовался в Союз Благоденствия, Орлов вступил в его состав в качестве члена коренного союза.

Переехав в Киев, Орлов как член коренного союза, в соответствии с уставом Союза Благоденствия, должен был организовать местную управу Союза. Хотя, как указывает М. В. Нечкина, вопрос о том, существовала ли в Киеве в 1818—1820 гг. управа Союза Благоденствия еще требует специального изучения, нельзя не согласиться с заключением того же исследователя, что все нам известное о жизни Орлова в Киеве складывается «в слишком явную картину деятельности члена Союза Благоденствия, полностью отвечая его программным установкам»[32]. Имеются данные, что во время пребывания в Киеве Орлов принимал участие в первых попытках установления контактов между представителями русских и польских обществ[33].

Одним из наиболее примечательных моментов киевской главы биографии Орлова была произнесенная им 11 августа 1819 г. речь в отделении Библейского общества, вице-председателем которого он был избран.

В Библейском обществе не пахло политической оппозицией, и если оно вскоре было закрыто, то только потому, что высшее православное духовенство увидело в мистически-пиетических тенденциях руководителей Общества угрозу своей религиозной монополии.

Естественно возникает вопрос — что было делать Орлову в Библейском обществе?

Ответ заключается в том, что, следуя тактике Союза Благоденствия, Орлов считал необходимым использовать для пропаганды и Библейское общество, как одну из немногих общественных ячеек, легально существовавших в условиях аракчеевского режима.

В речи Орлова проводилась мысль, совершенно еретическая с точки зрения христианского учения. По Орлову, христианский закон, «возникший среди развалин древнего просвещения», лишь «*возобновил* ⟨подчеркнуто мною.— *С. Б.*⟩ забытую нравственность». Это было отрицанием христианства как единственно истинной веры. Следуя за Руссо, Орлов изображает «нравственность» как нечто присущее «естественному» человеку, а вовсе не как результат воспитания в духе христианства.

Но не это главное в речи Орлова. Основное в ней — пламенная пропаганда просвещения, гневное осуждение мракобесия и политической ре-

---

[32] М. В. Нечкина. Указ. соч., т. I, стр. 221.

[33] С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов.— «Литература славянских народов», вып. 5. М., 1959, стр. 96.

акции. В своей речи Орлов смело клеймил тех, кто во Франции противится «свободомыслию и введению представительного правления; в Германии они защищают остатки феодальных прав; в Испании они торжествуют и каждый из них приносит радостно свое дряблое полено для сооружения костров инквизиции» и т. д. Еще более политически остро зазвучала его речь, когда он перешел к России. Он вспомнил противников Петра, а также тех, кто при Екатерине «рассеяли сейм, собранный 1768 года, преследовали всех благомыслящих людей ⟨Радищева, Новикова.— *С. Б.*⟩ и теперь еще, когда луч просвещения начинает озарять отечество наше, они употребляют все усилия, чтобы обратить его к прежнему невежеству...»

Словом, это было яркое выступление противника мракобесия, борца за политическую свободу.

Выражая в письме к А. И. Тургеневу свой восторг перед речью Орлова, Вяземский восклицал: «Я никак не понимаю, что дали ему киевские чернокнижники читать это. Как ловко отделался он от церковного пустословия...» [34]

Речь Орлова в Библейском обществе привлекла широкое общественное внимание, она распространялась в списках и живо обсуждалась в кругу лиц, близких к Союзу Благоденствия [35]. Почти половину речи Орлов посвятил вопросу о распространении грамотности и той роли, которую в этом деле призвана сыграть ланкастерская система взаимного обучения.

Это подводит нас к тому, что в киевский период стало для Орлова важнейшим делом.

Приехав в Киев, Орлов застал там небольшую школу грамоты, в которой обучалось 40 человек. Энергично взявшись за дело, он быстро довел число учащихся до 600 человек, а потом и до 1800, причем в школе, наряду с подростками-кантонистами, обучались и взрослые солдаты.

О Киевской школе скоро заговорили [36]. Подробный рассказ о киевской школе и ее успехах мы находим в письме Орлова в Парижское общество начального обучения [37] и в его рапорте генералу А. А. Закревскому.

Хорошо известно, какую популярность у передовых людей в начале XIX в. приобрела ланкастерская система взаимного обучения, автором которой был английский педагог Дж. Ланкастер. В ней они увидели не только последнее слово педагогической мысли, но и наиболее эффективное средство быстрой и *массовой* ликвидации неграмотности, что в условиях тогдашней России имело исключительное общественное значение.

---

[34] «Остафьевский архив», т. I, стр. 299.

[35] Ср., например, «Остафьевский архив», т. I, стр. 296, 306, 309, 347.

[36] «Русский инвалид», 23 апреля 1819 г., № 85; «Киевская старина», 1897, № 7-8, стр. 65.

[37] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г.». СПб., 1890, стр. 194 и сл.

Орлов был тогда настолько увлечен педагогическими исканиями, что даже сочинил учебник грамматики (до нас не дошедший) и разрабатывал оригинальную методику обучения грамоте. 23 июля 1819 г. он писал П. Д. Киселеву: «...уже много сделано и применено к ланкастерской методе, которая, может быть, в отечестве нашем будет называться некогда орловской методой»[38].

Но нет сомнения, что Орлов связывал со своей школой, на которую он, кстати, затратил много личных средств, и более далеко идущие планы. Для него обучение в этой школе было и первым шагом политического воспитания солдат. В связи с этим особый интерес приобретает тот факт, что для обучения грамоте Орлов составил таблицу, которая была изготовлена во многих экземплярах литографским способом. К сожалению, не сохранилось ни одного ее экземпляра, но более чем показательно, что в 1820 г. специальным царским рескриптом было приказано ее изъять, «не оставляя ни под каким видом ни одной в училище». Были также отобраны и уничтожены доски, с которых она печаталась[39].

По воспоминаниям Д. Н. Свербеева, лично хорошо знавшего Орлова, в таблицах, «напечатанных для упражнения в первоначальном чтении и письме, открыто было странное сопоставление трех слов, кои предназначалось произносить или писать под диктовку вместе: „тиран, кинжал, убить“. Думали, что это было умышленно»[40].

К киевскому периоду относятся письма Орлова, представляющие собою критический разбор двух произведений, которые привлекли к себе тогда большое общественное внимание: «Военная история походов россиян в XVIII столетии» Д. П. Бутурлина и «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Эти письма стали довольно широко известны в списках и приобрели значение документов литературно-политической борьбы[41].

Письма к Бутурлину, реакционному историку русского военного искусства, бывшему однополчанину Орлова, звучат как гневное осуждение крепостничества. Орлова возмутил бесстрастный тон автора в изложении причин, при которых якобы стало «необходимым принять меры против личной вольности крестьян». Осуждая консервативно-монархическую концепцию Бутурлина, для которого основные герои исторического процесса — цари и полководцы, Орлов призывал: «Войди в хижину бедного

---

[38] А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. I. СПб., 1882, стр. 224.

[39] В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 431.

[40] Д. Н. Свербеев. Записки, т. I. М., 1899, стр. 306.

[41] Так, например, А. А. Бестужев-Марлинский, говоря о рукописных сочинениях, которые оказали на него влияние, наряду со стихами Пушкина и др., назвал письмо Орлова к Бутурлину («Восстание декабристов», т. I. М.— Л., 1925, стр. 430).

россиянина, истощенного от рабства и несчастия, и извлеки оттуда, ежели можешь, предвозвещение будущего нашего величия!»

Исключительно интересны рассуждения Орлова о связи военного могущества с экономической и финансовой мощью страны. В этом письме обращает внимание свежая и плодотворная мысль: «Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии».

Появление «Истории государства Российского» стало событием большого идейно-политического значения. По известному выражению Пушкина, древняя Россия была для русского читателя «найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом».

Но для передовых людей ученость историографа и высокие литературные достоинства труда не могли заслонить реакционной сути его концепции отечественной истории.

История Карамзина сразу стала предметом острых политических споров, которые при тогдашних цензурных условиях только частично могли найти место на страницах печати.

Включился в полемику и Орлов. Свои соображения он изложил в двух письмах к Вяземскому [42].

Орлов правильно почувствовал основной порок первого тома «Истории» — игнорирование славянской предыстории древней Руси и полное приятие «норманнской теории». Орлов показал и научную несостоятельность, и антинародную, оскорбительную для национального достоинства сущность представления о варягах, как о силе, создавшей из первобытного хаоса русскую государственность.

Критические замечания Орлова не всеми были тогда правильно поняты. Как верно заметила М. В. Нечкина, Пушкин сам писем Орлова не читал, а познакомился с его точкой зрения в неточной интерпретации Вяземского. Поэтому Пушкин считал, что «Мих⟨аил⟩. Орл⟨ов⟩ в письме к Вяз⟨емскому⟩ пенял Карамз⟨ину⟩, зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян,* т. е. требовал романа в истории — ново и смело!» [43] Но Орлов требовал от «Истории государства Российского» большего. Он хотел видеть в истории России книгу, которая, давая правильное представление о происхождении русского государства, вместе с тем воспитывала бы чувство национальной гордости.

---

[42] Эти письма основательно проанализированы в работе М. В. Нечкиной «Декабрист Михаил Орлов — критик „Истории" Н. М. Карамзина» (ЛН, т. 59, 1954, стр. 557—564).

[43] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 306.

Таким образом, речь Орлова в Библейском обществе и его выступления против консервативных взглядов Карамзина и Бутурлина свидетельствовали об его идейном возмужании, о значительности пути, пройденного им с того времени, когда он писал восторженное письмо к Де Местру, в котором еще было много незрелых мыслей и недостаточно критическое отношение к концепции модного идеолога французской реакции.

6

В 1820 г. Орлов получил новое назначение. Он был переведен в Кишинев на должность начальника 16-й пехотной дивизии. Из Киева Орлов выехал 10 июля 1820 г. По пути он заехал в Тульчин, где была размещена Главная квартира 2-й армии. Там была крупнейшая управа Союза Благоденствия, возглавляемая П. И. Пестелем. В Тульчине Орлов вел переговоры с Пестелем, М. А. Фонвизиным, А. П. Юшневским. Тульчинскую встречу Орлов рассматривал как событие, которое не могло остаться незамеченным. Поэтому в показаниях Следственному комитету он попытался убедить допрашивающих, что якобы только в Тульчине вступил в Тайное общество.

После приезда в Кишинев Орлов связался с находившимися уже там членами Тайного общества (В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым и др.). Кишинев становится центром деятельности одной из основных управ Союза Благоденствия. Помимо упомянутых лиц, в нее входили А. Г. Непенин, П. С. Пущин и другие офицеры.

В своей деятельности руководителя управы Орлов больше всего опирается на Охотникова и Раевского. Непоколебимая преданность революционному долгу и вместе с тем убеждение, что в выполнении его он неразрывно спаян с Орловым, с глубокой искренностью прозвучали в стихотворном послании Раевского «К друзьям в Кишинев», написанном в Тираспольской крепости:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу свою сурову
С терпеньем мраморным сносил!
Нигде себе не изменил...

Окружавшая Орлова в Кишиневе атмосфера революционных исканий, острых дебатов по важнейшим политическим вопросам хорошо передана в записках Ф. Ф. Вигеля. Этот злобный реакционер обладал острой наблюдательностью: «Прискорбно казалось не быть принятым в его ⟨Орлова⟩ доме, а чтобы являться в нем, надо было более или менее разделять мнения хозяина ⟨...⟩ Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор Раевский (совсем не родня г-же Орловой), с жаром витийствовали. Тут был и Липранди ⟨...⟩ На беду попался тут и Пушкин, которого сама судь-

ба всегда совала в среду недовольных. Семь или восемь молодых офицеров генерального штаба известных фамилий, воспитанников Московской Муравьевской школы ⟨...⟩ с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут западный либерализм. Перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти ⟨...⟩ Все это говорилось, все это делалось при свете солнечном, в виду целой Бессарабии» [44].

С этим любопытно сопоставить воспоминания одного из упомянутых «изуверов» — Раевского: «Орлов по привычке говорил очень свободно. За обедом у него редко было менее 15 или 20 человек; два брата Липранди, Охотников, майор Гаевский, я, несколько свитских офицеров, А. С. Пушкин — были всегдашними посетителями» [45].

Кишиневская управа находилась в тесном контакте с другими управами юга, в первую очередь с Тульчинской. Постоянная связь поддерживалась и с Одессой, куда Орлов приезжал довольно часто. С громадным вниманием следил Орлов за революционными событиями в европейских странах, в особенности на Балканах, за подымавшимся национально-освободительным движением греческого народа [46].

В конце ноября — начале декабря 1820 г. Орлов был в Каменке, где встретился с членами Тайного общества — И. Д. Якушкиным и В. Л. Давыдовым. В Каменку тогда вместе с Орловым приехал и А. С. Пушкин.

Стремясь привлечь к себе как можно более широкий круг людей, Орлов и его политические единомышленники вступили в организованную в то время в Кишиневе масонскую ложу «Овидий».

Кишиневский кружок декабристов, возглавленный Орловым, выступает в памяти будущих поколений в особом ореоле: ведь это было общественное окружение Пушкина в годы его южной ссылки.

С Орловым Пушкин был знаком еще с Петербурга, с арзамасских времен. Но подлинная близость установилась между ними лишь в Кишиневе [47].

Пушкин был непременным участником политических споров, которые велись в доме Орлова. Одним из многочисленных свидетельств этому мо-

---

[44] Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М., 1892, стр. 115.

[45] В. Ф. Раевский. Воспоминания.— ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 88.

[46] Этот вопрос очень подробно, с привлечением нового материала, освещен в работе С. С. Ланда «О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова)».— Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962 (особенно см. главу VII: «Революционный план М. Ф. Орлова 1821 г.», стр. 139—168), являющейся важным вкладом в политическую биографию Орлова.

[47] Полный свод материалов об этом см.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, стр. 246 и сл.

гут служить слова жены Орлова, Екатерины Николаевны, в письме к брату: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — *вечный мир аббата Сен-Пьера»* [48].

О своих кишиневских встречах с Орловым и о спорах с ним рассказал и сам Пушкин в письме к Жуковскому: «В Кишиневе я был дружен с маиором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» [49]. Вспоминал Пушкин о встречах с Орловым и в послании к Н. И. Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный...»), написанном в 1821 г.

Но Орлов занимался в Кишиневе не только политическими дебатами за столом своего гостеприимного дома. Он был поглощен решением практически-революционной задачи: готовил дивизию как ударную силу для участия в революции, которую он, как большинство декабристов, мыслил себе как революцию военную.

Еще в Киеве Орлов высказывал желание стать начальником дивизии. Так, весной 1819 г. он писал: «...конечно, лучше быть начальником главного штаба, чем начальником бригады, но еще лучше командовать дивизией» [50]. Здесь видно не только желание Орлова добиться некоторой служебной независимости; в этом, как мы думаем, обнаруживались и более далеко идущие планы — стремление стать во главе значительной воинской части, на которую, после соответствующей подготовки, можно было бы опереться при революционной ситуации.

В самом деле, чем занимался Орлов, получив командование дивизией? Раньше всего он по киевскому образцу организовал ланкастерские школы. Во главе их, а также юнкерских школ, он поставил Раевского — человека, по словам П. Д. Киселева, «известного своим вольнодумством, совершенно необузданным...» [51]

О том, как и чему обучали в кишиневских солдатских и юнкерских школах, достаточно выразительно говорит тот факт, что солдатам, как материал для обучения грамоте, предлагались такие слогосочетания: «свобода», «равенство», «конституция», «Квирога», «Вашингтон», «Мирабо» [52].

Но важнейшим в кишиневской деятельности Орлова было настойчи-

[48] М. О. Гершензон. Семья декабристов.— «Былое», 1906, № 10, стр. 308. Убедительная попытка «реставрировать» один из политических споров между Орловым и Пушкиным (по вопросу «о вечном мире») сделана Б. В. Томашевским («Пушкин и Франция». Л., 1960, стр. 134—138). См. также М. П. Алексеев. Пушкин и проблема «вечного мира».— «Русская литература», 1958, № 3, стр. 3—39.

[49] Письмо от 20-х чисел января 1826 г. (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII М.— Л., 1937, стр. 257).

[50] М. О. Гершензон. История молодой России. М.— Пг., 1923, стр. 16.

[51] Сб. РИО, т. 78, 1891, стр. 93.

[52] В. Г. Базанов. В. Ф. Раевский. Л.— М., 1949, стр. 91 и сл.

вое стремление завоевать сердца солдат. Именно оно лежало в основе его приказов по 16-й пехотной дивизии, составляющих яркую и своеобразную часть литературного наследства Орлова. В разгар аракчеевщины, мрачных «подвигов» шварцев и других палачей русского солдата, сквозь леденящий душу свист шпицрутенов прорываются необычные слова о «достоинстве звания солдата», о том, что офицер, истязающий солдат, есть «истинный злодей» и т. д.

Наибольшую действенность этим приказам придавало то, что большинство их было обращено непосредственно к солдатам. Как указывалось впоследствии в официальном документе — это было верно — орловские приказы противопоставляли солдатскую массу во главе с дивизионным командиром основному офицерскому и унтер-офицерскому составу. В постановлении аудиториата говорилось, что Орлов: «...приказами по дивизии объявлял покровительство свое нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и дисциплина» [53].

Эти приказы, которые привели к устранению некоторых отличавшихся особой жестокостью офицеров и фельдфебелей и заставили остальных офицеров воздерживаться от обычного «рукоприкладства», создали Орлову исключительную популярность среди солдат.

Характерной для поведения Орлова была организация в построенном им на свой счет большом полковом манеже праздничного обеда 1 января 1822 г., на который наряду с офицерами были приглашены и отличившиеся солдаты его дивизии [54].

Полковник Ф. П. Радченко вспоминал, что главная вина Орлова «состояла в том, что он в весьма короткое время приобрел неограниченную доверенность солдат». По словам доноса, представленного корпусному командиру И. В. Сабанееву, «нижние чины говорят: дивизионный командир — наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют Орловщиной...» [55]

Вот почему уже через полгода после вступления в командование дивизией, Орлов, несомненно, несколько переоценивая положение дел, был убежден, что его дивизия готова для участия в революции. Именно так он заявил в январе 1821 г. на Московском съезде Союза Благоденствия.

Вопрос о позиции, занятой Орловым на этом съезде, уже давно привлекал внимание историков. Об этом не только подробно говорится в общих работах о движении декабристов, но и в специальных исследованиях [56].

---

[53] «Красный архив», 1925, № 6, стр. 171.

[54] «Дневник П. И. Долгорукова».— «Звенья», IX. М., 1951, стр. 22. Ср. «Воспоминания И. П. Липранди» (РА, 1866, № 8-9, стб. 1434—1437).

[55] В. Г. Б а з а н о в. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951, стр. 13.

[56] Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен в статье С. Н. Чернова «К истории политических столкновений на московском съезде 1821 г.», опубликованной в 1925 г. (пе-

Сохранились сведения, что свой доклад Орлов представил в письменном виде. Его выступление вошло в историю декабризма под названием «Письменные условия М. Орлова»; оно рассматривалось участниками съезда как политическое сочинение. М. К. Азадовский справедливо говорит о том, что эти «письменные условия» должны, «несомненно, найти свое место в истории русской политической литературы» [57]. Но, к сожалению, это произведение Орлова нам неизвестно.

О содержании выступления Орлова на съезде мы узнаем лишь из нескольких кратких и не во всем совпадающих показаний. Наиболее подробно об этом рассказал И. Д. Якушкин. По его словам, «Орлов привез писанные условия, на которых он соглашался присоединиться к Тайному обществу; в этом сочинении, после многих фраз, он старался доказать, что Тайное общество должно решиться на самые крутые меры ⟨...⟩ и даже прибегнуть к средствам, которые могут казаться преступными. Во-первых, он предлагал завести тайную типографию или литографию, посредством которой можно было бы печатать разные статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать по всей России. Второе его предложение состояло в том, чтобы завести фабрику фальшивых ассигнаций, чрез что, по его мнению, Тайное общество с первого раза приобрело бы громадные средства и вместе с тем подрывался бы кредит правительства» [58].

Предатель Грибовский в своем доносе рассказал, что «Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению, настаивал на учреждении „невидимых братьев“, которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому; о заведении типографии в лесах, даже делании там фальшивых ассигнаций для доставления Обществу потребных сумм» [59].

Якушкин дал такое объяснение поразившему всех выступлению Орлова: он собирался жениться и искал предлога, чтобы выйти из Тайного общества, поэтому он и выставил заведомо неприемлемые условия. Это заявление вызвало резкие возражения со стороны сына М. Ф. Орлова — Н. М. Орлова. Началась полемика на страницах «Русской старины»

репеч. в сб. его статей «У истоков русского освободительного движения». Саратов, 1960, стр. 46—95). См. также новейшие работы на эту тему: В. В. Пугачев. Декабрист М. Ф. Орлов и московский съезд Союза Благоденствия.— «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. 66, 1958, стр. 82—115; И. Миронова. Записки И. Якушкина о движении декабристов.— «Археографический ежегодник за 1957 г.». М., 1958, стр. 149—154.

[57] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 622.

[58] И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. М., 1951, стр. 43.

[59] «Декабристы. Сборник отрывков из источников». Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М., 1925, стр. 114.

(1872—1873 гг.). Отголоски этой полемики еще не вполне заглохли до сих пор, хотя давно никто уже не принимает полностью и без оговорок версию Якушкина.

Рассказы Якушкина и Грибовского весьма неточно и неполно излагают планы Орлова. Особенно приходится пожалеть о том, что Якушкин ничего не сказал о тех «многих фразах», с которых Орлов начал свое выступление. В них, очевидно, заключалась мотивировка его практических планов. Что же касается последних, то они покажутся вовсе не такими необъяснимыми, когда мы вспомним о той политической обстановке, которая складывалась к началу 1812 г.,— подъем крестьянского движения, беспорядки на Дону, голод во многих губерниях России, только что прошедшее выступление солдат Семеновского полка и т. д. В не меньшей мере внушали надежду на успех революционного выступления вести, приходившие тогда из-за рубежа,— революция в Испании, Португалии, Неаполе и т. д., а главное, начинавшееся буквально на глазах Орлова греческое восстание, с организатором и вождем которого Александром Ипсиланти он был дружен.

Нужно ли удивляться, что увлекающийся, честолюбивый Орлов, у которого холодный ум и строгая рассудочность сочетались со смелостью в решениях, считал, что приближается час выступления? В его руках была целая дивизия.

«...16 тысяч под ружьем 〈...〉 С этим можно пошутить»,— писал он 27 июня 1820 г. А. Н. Раевскому, когда только еще принимал дивизию (тогда он думал о возможной войне с турками). Сейчас же он был убежден, что солдаты всех четырех полков дивизии ему верят и безоговорочно пойдут за ним. И он был готов в этот момент к самым решительным действиям.

Московский съезд был для Орлова моментом исключительного напряжения революционной решимости, моментом, когда он больше чем когда-либо в жизни приблизился к своему идеалу политического деятеля — человека, способного «по-наполеоновски» или, может быть, правильнее сказать, в духе его дяди и отца, в избранный момент пойти на риск, поставить все на карту.

Понятно, как глубоко поразила Орлова обнаружившаяся на съезде неспособность руководителей Тайного общества к революционному действию; отсутствие серьезной военной и организационной подготовки к выступлению в сколько-нибудь близком будущем.

Следует отметить еще один момент, оставшийся, как нам кажется, незамеченным историками, изучавшими поведение Орлова на московском съезде. В «Письменных пунктах» Орлова чрезвычайно явственно проступают очень индивидуальные, чисто, так сказать, орловские черты, чего не могло бы быть, если бы эти предложения он преднамеренно сформулировал так, чтобы вызвать их отклонение.

В «Пунктах» мы встречаемся с прямыми реминисценциями некоторых конспиративно-тактических форм, разработанных в уставе «Ордена русских рыцарей»: план создания «невидимых братьев», делящихся на «языки» и «народы». (Под ними, конечно, нужно представлять не реальные национальные группы, а «степени» в масонском понимании.)

Поразившее многих предложение осуществить меры, направленные на подрыв государственного кредита,— тоже крайне характерно для Орлова. Впоследствии литературная деятельность Орлова будет в основном посвящена разработке именно этих проблем.

Как известно, на московском съезде 1821 г. было принято решение о роспуске Союза Благоденствия. Однако все имеющиеся у нас данные говорят, что деятельность кишиневского кружка декабристов, возглавляемого Орловым, нисколько не ослабела. Больше того, именно на время после съезда приходится наиболее активная и очень рискованная деятельность Орлова по сплочению солдатской массы. Так, 8 января 1822 г. он объявил в приказе по дивизии о предании суду офицеров Охотского полка, изобличенных в жестоком обращении с солдатами. Особенно смелыми и явно революционно направленными были его действия, вызванные выступлением солдат Камчатского полка, о чем будет сказано дальше.

Орлов не порывал тогда и связей с членами Тайного общества, находившимися вне Кишинева. Лишь на протяжении 1821 г. Пестель трижды приезжал в Кишинев. Как убедительно доказал Ю. Г. Оксман, в январе 1822 г. Орлов участвовал в киевских совещаниях, на которых было окончательно оформлено создание Южного общества[60]. Но в состав Южного общества Орлов формально не вступил. Возможно, это произошло потому, что сложившиеся тогда обстоятельства сделали Орлова главным объектом политической слежки. А вскоре он был вынужден прекратить активную деятельность.

«Система фальшивой филантропии», как охарактеризовал П. Д. Киселев методы Орлова в командовании дивизией[61], вызывала недовольство военного начальства, и скоро стало понятно, к каким политическим последствиям это может привести. За Раевским был установлен тайный надзор. Можно лишь удивляться, что деятельность Орлова была не так скоро пресечена. Причина этого прежде всего в том, что все нити: наблюдения, жалобы и доносы сходились к начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву. Его отношение к Орлову было в то время очень сложным и противоречивым. Они были давнишними друзьями, принадлежали к одному кругу военной

---

[60] Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX в.— В сб.: «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954, стр. 472.

[61] Сб. РИО, т. 78 стр. 90.

аристократии. В их взглядах были известные точки соприкосновения. Киселев был в свое время осведомлен о планах Орлова; он, несомненно, знал о существовании Союза Благоденствия. Киселев не только во многом разделял критические воззрения декабристов, но в какой-то мере соглашался и с некоторыми моментами их положительной программы. Однако он оставался убежденным сторонником монархии, постепенности в уничтожении крепостного права, а главное, решительно отвергал революционные методы борьбы [62].

Умный и осторожный карьерист, он не делал ничего, что могло бы его скомпрометировать. Он не верил в успех военной революции. Но сохраняя минимум моральной щепетильности, верный кастовым представлениям об офицерской солидарности (особенно, если речь шла об офицере своего «круга»), он стремился, пока мог, отвести все подозрения от Орлова. Надеясь, что тот «одумается», он пытался не давать хода доносам. Когда это стало невозможным, он сделал все от него зависящее, чтобы помочь Орлову выйти из «неприятностей» с минимальным ущербом.

События в Камчатском полку привели к неизбежной развязке. 3 декабря 1821 г. в Аккермане, где был размещен Камчатский полк, входивший в состав 16-й дивизии, произошел случай грубого нарушения дисциплины. Четверо рядовых, договорившись заранее с фельдфебелем, вышли из строя и вырвали из рук унтер-офицеров каптенармуса, которого те подвергали телесному наказанию по приказу ротного командира Брюхатова. Орлов не только не наказал «возмутившихся» солдат, но явно стал на их сторону и отстранил капитана Брюхатова от командования [63].

Это переполнило чашу терпения военного начальства. Началось следствие. Враги Орлова торжествовали. По их мнению, происшествие в Камчатском полку окончательно скомпрометировало «филантропические» затеи Орлова.

Если, по словам Киселева, эти события доказали, что «мечтания Орлова хороши в теории, но на практике никуда не годны» [64], то генерал Закревский, подчеркивая свое презрение к русскому солдату, говорил, что «буйство» в Камчатском полку, так же как бунт Семеновского полка, говорит о том, что «наш солдат не есть иностранный, его надо держать в руках...» [65]

Следствие по делу Орлова затянулось. Оно началось в феврале 1822 г. Орлов был фактически отстранен от командования, но формально оставался

---

[62] Глубокий анализ идейной позиции Киселева и его взаимоотношений с Орловым в это время см.: Н. М. Дружинин. Указ. соч., т. I, стр. 265—275.

[63] В. Г. Базанов. Декабристы в Кишиневе, стр. 41—54. Ср. также И. П. Липранди. Указ. соч., стб. 1438—1441.

[64] Сб. РИО, т. 78, стр. 90.

[65] Там же, стр. 259

командиром дивизии до 18 апреля 1823 г.[66] Не получив больше никакого назначения, он числился с того времени «состоящим по армии», т. е. в фактической отставке. На этом закончилась военная карьера Орлова.

7

После отстранения от командования дивизией Орлов то уезжает в Крым «лечиться», то мечется между Одессой, Киевом, своим поместьем в Милятине Калужской губ. В сентябре 1825 г. он переезжает в Москву. В этих частых переездах с места на место явственно сказывалась его внутренняя тревога, неопределенность планов на ближайшее будущее.

Мы знаем, что, хотя Орлов отказался вступить в Южное общество, декабристы продолжали считать его своим единомышленником и даже предложили ему возглавить организацию. Орлов был в эти годы связан не только с руководителями южных декабристов, в Москве его посетил также Никита Муравьев и посвятил в планы Северного общества.

13 декабря 1825 г., за день до выступления, Орлову было послано предложение немедленно приехать в Петербург, где, если верить А. Е. Розену, его намеревались поставить во главе восставших войск[67], а по другим данным — ввести в состав временного правительства[68]. Посланный курьером к Орлову корнет Свистунов, еще не доезжая до Москвы, узнал о разгроме восстания и уничтожил письмо. Но еще за день до отправки этого письма, 12 декабря, И. И. Пущин сообщил в Москву М. А. Фонвизину и С. М. Семенову о предстоящем выступлении. Пущин просил показать письмо Орлову. В ночь на 16 декабря собралась группа московских декабристов (Якушкин, А. В. Шереметев, Фонвизин, М. Ф. Митьков); они условились встретиться на следующий день, пригласив Орлова. Но на завтра до Москвы уже дошли сведения о разгроме восстания. Якушкин все же поехал к Орлову и рассказал все, что ему стало известным. Как вспоминал Якушкин, на его слова: «Итак, генерал все кончено», Орлов «протянул мне руку и с какой-то уверенностью отвечал: „Как кончено? Это только начало конца“. В это время приехал Муханов и сказал Орлову, что необходимо во что бы то ни стало выручить арестованных. Для этого он поедет в Петербург и убьет императора. В ответ Орлов подошел к нему, потянул его за ухо и поцеловал в лоб...»[69]

---

[66] П. И. Долгоруков записал в дневнике 8 марта 1822 г.: «В городе носятся разные слухи. Будто бы Орлов не будет назад, а прямо поедет в Петербург, что в приказе, данном им по дивизии, вовсе запрещено бить солдат...» («Звенья», IX, стр. 48).

[67] А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 63.

[68] М. К. Азадовский. Указ. соч., стр. 677.

[69] И. Д. Якушкин. Указ. соч., стр. 59.

Начались аресты. Орлов был первым декабристом, арестованным в Москве. Убежденный, что Орлов играл руководящую роль в подготовке восстания, Николай I в письмах к брату Константину в числе важнейших событий сообщал о том, что Орлов арестован и привезен в Петербург, а также о том, что показало следствие [70].

В приказе об аресте Орлова было предусмотрено: «Бумаги же его отобрать так, чтобы он не имел времени к их истреблению» [71]. Нет, однако, никаких сомнений, что Орлов во-время успел уничтожить компрометирующие его бумаги. Этим и следует объяснить отсутствие каких-либо рукописей Орлова, относящихся к этому периоду.

Николай I лично провел первый допрос Орлова, обнаружив при этом незаурядные способности следователя. Выступая в обличье «старого товарища» (слова Николая), он обратился к Орлову в следующих выражениях: «...других я допрашивал, его же прошу как благородного человека ⟨...⟩ сказать мне откровенно, что знает» [72]. Николай надеялся получить подробную информацию, а главное, имена, как можно больше имен...

Но его тактика, принесшая в ряде случаев успех, на этот раз ничего не дала. Как писал Орлов в своем показании 29 декабря 1825 г., когда ему было «предложено назвать собственные имена», в нем «проснулся невольный ужас перед такого рода разоблачениями». В показании 4 января 1826 г. Орлов нашел в себе смелость сказать об «отвращении, которое каждый честный человек имеет от доносов» [73].

Николай I не простил Орлову своего поражения на следствии. Через несколько лет в своих записках он не мог скрыть личную неприязнь к Орлову, вызванную его «глупой надменностью» [74].

Известно, что потом Орлов несколько изменил позицию: в своих письменных показаниях, которые нами уже несколько раз цитировались, он стал несколько «откровеннее».

Когда мы вспоминаем о той норме поведения, которую считали для себя обязательной революционеры разночинного и особенно пролетарского периода русского революционного движения, когда мы вспоминаем об их героической стойкости, бескомпромиссной непоколебимости, мы не можем без горечи и чувства внутреннего протеста читать показания большинства декабристов.

Это относится и к Орлову. Хотя надо сказать, что он оказался куда сдержаннее многих в своем показном «раскаянии», куда уклончивее в раскрытии фактов, куда «забывчивее» при упоминании имен.

---

[70] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». М., 1926, стр. 168—169, 180—181.

[71] «Красный архив», 1925, № 6, стр. 148.

[72] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов...», стр. 34.

[73] «Красный архив», 1926, № 6, стр. 158.

[74] «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов...», стр. 34.

Можно согласиться с выводом П. С. Попова, автора специальной статьи об Орлове и восстании 14 декабря, что «разоблачения Орлова все же были общего характера, он маскировал и скрывал подчас то, что могло повредить его прежним друзьям и товарищам» [75]. Следственный комитет был по-своему прав, утверждая, что в показаниях Орлова «не видно чистосердечия и что объяснения неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями» [76].

Надо отдать справедливость Орлову: на следствии он исключительно умело, не теряя самообладания, с большой находчивостью мобилизовал все, что могло свидетельствовать в его пользу. Конечно, положение Орлова было более благоприятно, чем у большинства его товарищей. В распоряжении следствия было мало прямых улик.

В этих трагических документах слышатся отголоски напряженных раздумий о причинах поражения восстания, которые, по-видимому, в какой-то мере продолжали начавшиеся ранее, после отхода его от активного участия в Тайном обществе, поиски дальнейших путей движения.

Хотя Николай I и его брат Константин неоднократно заявляли, что «Орлова надо было бы повесить первым» [77], все же он «отделался» куда счастливее, чем его товарищи. 6 мая 1826 г. о нем было принято такое решение: «...продержав еще месяц под арестом〈...〉отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный тайный надзор» [78].

По крылатому слову Герцена, если Орлов «не попал в Сибирь, то это не его вина, а его брата, пользующегося особой дружбой Николая и который первый прискакал с своей конной гвардией на защиту Зимнего дворца 14 декабря» [79].

Наступили томительные годы деревенской ссылки. Чрезвычайно сузился круг друзей — одни взошли на эшафот, другие ушли в Сибирь... Незатронутые репрессиями, очевидно, боялись поддерживать с ним общение. Кроме родственников, едва ли не один Вяземский в эти годы время от времени обменивался с Орловым письмами [80].

---

[75] «Красный архив», 1925, № 6, стр. 150.

[76] Там же, стр. 167.

[77] РС, 1884, № 1, стр. 69. По неопубликованным воспоминаниям М. А. Дмитриева, во время коронации Николая I к А. Ф. Орлову подошел Константин Павлович «и с обычной своей любезностью сказал ему: „Ну, слава богу! все хорошо; я рад, что брат коронован! А жаль, что твоего брата не повесили!"» (ЛБ, ф. 178, ед. хр. 8184/1, ч. II, стр. 94—95; сообщено М. И. Гиллельсоном). Ср. также «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов...», стр. 196.

[78] «Восстание декабристов», т. VIII. Л., 1925, стр. 142.

[79] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. VIII. М., 1956, стр. 175.

[80] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1884, стр. 122.

Некоторые хозяйственные затеи, например завод по изготовлению цветных стекол, не могли заполнить его досуга. Стремление вернуться к активной деятельности дошло до того, что в 1831 г., во время Польского восстания, он просил разрешения пойти солдатом в армию. Но его ходатайство было отклонено [81].

Частичный выход неистраченной энергии давала лишь литературно-научная работа. Как мы увидим, в эти годы Орлов работал над финансово-экономическими трактатами. Анализ их в какой-то мере позволяет понять, к каким политико-социологическим выводам пришел Орлов уже к моменту своего возвращения в Москву. Проследить же за промежуточными этапами его идейных исканий мы не можем: 1826—1830 гг. остаются в подлинном смысле «белым пятном» в биографии Орлова.

8

12 мая 1831 г. Орлову было разрешено переехать в Москву. Этим он был обязан брату Алексею, любимцу императора. Уже в июне 1831 г. Орлов поселился в Москве, где и прожил барином, в хорошо обставленном особняке, до конца своих дней. Но он оставался все время под надзором властей. Специальным царским распоряжением было предписано «иметь за Орловым секретное, но бдительное и близкое наблюдение». Сообщая Орлову о разрешении возвратиться в Москву, Бенкендорф «просил» его «по прибытии в Москву возобновить знакомство с генерал-майором корпуса жандармов графом Апраксиным» [82]. Эта «просьба» была не чем иным, как извещением об оставлении его под надзором полиции.

В Москву Орлов привез с собою рукописи, по крайней мере, двух работ на финансово-экономические темы. Одна из них — книга «О государственном кредите» вышла в свет в 1833 г. Эта книга, впервые публикуемая сейчас в полном виде, имеет сложную историю [83]. Она была опубликована анонимно с цензурными сокращениями.

Какие же «потери» понесла рукопись Орлова, пробиваясь через цензурные инстанции? Из книги был исключен большой отрывок, около печатного листа, в котором говорилось о связи, существующей между кредитом и уровнем политических свобод. Далее были вычеркнуты все те места, в которых показывалось отрицательное влияние налогов. В исторических разделах было устранено все, что могло показаться «неблагонадежным». Так, из характеристики Неккера была вычеркнута фраза, гласившая, что он успел «истребить остатки феодального рабства», и т. д. Не трудно

---

[81] М. О. Гершензон. История молодой России, стр. 73.

[82] Н. П. Чулков. Москва и декабристы.— В кн.: «Декабристы и их время», II. М., 1932, стр. 317—318.

[83] Об этом подробнее см. в комментариях к тексту.

понять, что исключение таких разделов и фраз лишало книгу ее «души», так что недостаточно проницательный читатель воспринимал труд Орлова не как сочинение большого социологического значения, а как специальный труд, интересный только для ограниченного круга финансистов.

Орлов не хотел смириться с тем, что не все его мысли дойдут до читателей. Он изготовил несколько экземпляров, в которые были вплетены рукописные вставки с вымаранными цензурой разделами. Один из таких экземпляров он послал Пушкину [84].

Он рискнул и на большее. В 1840 г. был издан немецкий перевод книги [85]. Фамилия автора там тоже не была названа, но на заглавной странице было отмечено, что книга принадлежит перу «русского государственного деятеля». Нет сомнения, что перевод был осуществлен при участии автора, так как в текст были включены места, вычеркнутые цензурой из русского текста.

Что же представлял собою этот труд Орлова?

Раньше всего следует отметить, что он занимает выдающееся место в истории финансово-экономической науки.

Классическая буржуазная политическая экономия в лице ее корифеев — Адама Смита и Рикардо — как и экономисты-камералисты XVIII в., относилась резко отрицательно к государственному долгу (или государственному кредиту, что одно и то же), утверждая, что он разоряет народы.

Совершенно иную точку зрения на государственный кредит высказал Орлов. Книга Орлова — это страстная апология государственного кредита. Орлов верил в его чудодейственное влияние на хозяйственную жизнь. Больше того, он видел в кредите самую яркую черту современной ему эпохи. Оспаривая распространенное представление о вредоносном действии государственного долга, он доказывал на примере Англии, что сила ее экономического, политического и колониального могущества, богатство ее народа увеличивались по мере роста ее задолженности. Он даже готов был приписать все ее успехи кредиту.

Выступая сторонником широкой эмиссии государственных займов, Орлов вместе с тем настаивал на том, что налоги должны быть умеренными. Основное преимущество займов перед налогами он видел в том, что облигации займов приобретаются добровольно, а налоги взыскиваются принудительно. Вслед за Н. И. Тургеневым, автором «Опыта теории налогов»

---

[84] Связь замечаний Пушкина с книгой Орлова впервые установлена в 1929 г. Ю. Г. Оксманом (см. П. Е. Щеголев ⟨и Ю. Г. Оксман⟩. Пушкин-экономист.— «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», 17 января 1930 г., № 17). Рукописные вставки были использованы для анализа социально-экономических и политических воззрений Орлова в статье С. Я. Борового «Декабрист М. Ф. Орлов и его книга „О государственном кредите“» («Изв АН СССР. Серия истории и философии», 1951, вып. 1, стр. 46—60).

[85] «Über den Staatskredit». Von einem russischen Staatsmanne. Leipzig, 1840.

(1818), Орлов подчеркивал, что в интересах народного благосостояния необходимо придерживаться наибольшей умеренности в установлении размеров налогового обложения.

Нет необходимости доказывать, что по своей классовой природе теория Орлова последовательно капиталистическая. Может быть, именно поэтому книга Орлова прошла почти совершенно незамеченной в русской науке того времени [86].

Трактатом Орлова заинтересовался Пушкин. Читая его, он даже сделал несколько критических заметок [87], однако в печати не откликнулся на эту книгу.

В самом же распространенном тогда русском журнале — «Библиотека для чтения» — была опубликована анонимная заметка о книге, написанная в тоне дешевого зубоскальства, свойственном ее автору О. И. Сенковскому («Барону Брамбеусу»). Вот как он резюмировал смысл книги: «Хочешь ли быть богатым? — делай долги; умным? — делай долги; глубокомысленным? — делай долги» [88].

Орлов был очень задет тем, что его книга не вызвала широкого общественного интереса. В письме к Н. Н. Раевскому (младшему) от 22 января 1834 г. он с нескрываемой обидой писал: «Сообщи мне что-нибудь относительно моего труда. Вызвал ли он некоторую сенсацию в обществе? Похвалы, которые я получаю, ни в коей мере меня не удовлетворяют. Они почти все относятся к первым страницам моей работы, доказывая мне, что не многие дочитали до конца. Я хотел бы знать правду, как бы сурова она ни была».

Иная судьба ожидала доктрину Орлова в странах, где уже утвердился капиталистическо-буржуазный строй. Через тринадцать лет после смерти Орлова в Гейдельберге вышла книга К. Дитцеля «Система государственных займов, рассматриваемых в связи с народным хозяйством» [89], которая считается в истории финансовой науки произведением эпохального значения. Было бы несправедливым обвинить Дитцеля в неприкрытом плагиате. На страницах его книги есть несколько ссылок на труд Орлова. Но дело заключается в том, что книга Дитцеля, которая принесла ему славу

---

[86] Упоминание книги Орлова мы встречаем лишь в работе И. Горлова «Теория финансов» (Казань, 1841). Это был едва ли не единственный при жизни Орлова случай, когда в печати было названо его имя как автора этого анонимно вышедшего труда.

[87] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1949, стр. 206—207, 424. Критические заметки Пушкина о книге Орлова подробно рассмотрены мною в статье: «Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.» (Сб. «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962, стр. 246—264).

[88] «Библиотека для чтения», 1834, т. I, отд. «Литературная летопись», стр. 47—51. См. также заметку в «Коммерческой газете» (1834, прибавл. к № 63 от 26 мая).

[89] K. Dietzel. Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft betrachtet. Heidelberg, 1855.

создателя «современной доктрины» государственного кредита, есть от начала и до конца переложение идей Орлова [90].

Характеризуя «современную доктрину», К. Маркс писал: «Единственная часть так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это — их государственные долги. Вполне последовательна поэтому современная доктрина, что народ тем богаче, чем больше его задолженность. Государственный кредит становится символом веры капитала. И с возникновением государственной задолженности смертным грехом, за который нет прощения, становится уже не хула на духа святого, а нарушение доверия к государственному долгу» [91].

Маркс не дает в данном месте литературных ссылок. Однако если вспомнить его исключительную эрудицию, то вполне допустимо предположение, что он знал не только книгу Дитцеля, но и труд Орлова в немецком переводе.

Основная цель, которую преследовал своим трактатом Орлов — и об этом яснее всего говорилось в исключенном цензурой разделе — это доказательство тезиса, что фундаментом «истинного просвещения» служит «образование общего богатства» и что во главу угла политической мудрости надо положить достижение соответствия между «преобразованиями политическими внутренними» и «преобразованиями хозяйственными». «Образование народных богатств», в чем так кровно заинтересованы все правительства, вызывает распространение просвещения, а последнее неизбежно ставит на очередь вопрос о «преобразовании внутреннем». Это приводит иногда к трагическим коллизиям, так как некоторые правительства ставят препятствия распространению просвещения. Но это бессмысленно, это «политическое самоубийство». Единственный способ избежать переворотов и потрясений при «преобразовании внутреннем», по словам Орлова, заключается в том, чтобы предупредить политические преобразования преобразованиями в области экономического развития.

Где же найти чудодейственный рычаг, при помощи которого можно совершать «хозяйственные перевороты», предотвращающие неизбежность политических переворотов? По Орлову, этим рычагом является государственный кредит.

Таким образом, для Орлова вопрос о государственном кредите — не частный вопрос экономической политики, а мощное средство решения коренных общественно-политических задач. Орлов не понимал, что кредит

---

[90] На книгу Орлова как на труд, положивший начало «современной теории» государственного кредита, указал впервые М. И. Боголепов («Первая русская книга о государственном кредите».— «Советские финансы», 1945, № 5, стр. 35—39).

[91] К. Маркс. Капитал, т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, Изд. 2, стр. 764.

не может быть самостоятельным фактором экономического развития, что формы и роль кредита обусловлены господствующим способом производства. Подлинно научная теория кредита была создана гениальными трудами Маркса.

Трактат Орлова остается выдающимся памятником русской общественно-экономической мысли домарксистского периода. Разрабатывая специальные кредитно-экономические вопросы, Орлов связывал их с самыми острыми проблемами социального развития и исходил из плодотворного взгляда о тесной связи между хозяйственной жизнью и политическим строем.

Следует подчеркнуть, что кредитная теория Орлова в крепостнической России выполняла совсем иную социально-политическую функцию, чем апология кредита в речах и брошюрах Лаффита во Франции времен Луи-Филиппа или в книге Дитцеля: если на Западе апология кредита способствовала укреплению буржуазного общества, то в России она звучала как резкое осуждение феодальных порядков.

Русский читатель 30-х годов видел в книге прямое осуждение всей кредитной политики царизма, подчиненной целям сохранения крепостнического землевладения [92]. Внимательный читатель не мог не почувствовать, что кредитные планы Орлова пронизаны верой в будущее России, в неисчерпаемые творческие силы русского народа. Орлов не считал, что Россия должна ждать, пока более «цивилизованные» страны покажут ей образцы организации государственного кредита. Напротив, он считал, что Россия может стать в этой области образцом для всего мира. Как это было бесконечно далеко от заявлений Е. Ф. Канкрина о том, что «недостаточность познаний», слабое развитие «цивилизации», отсутствие честного и солидного купечества и т. д. не создают условий для развития кредита в России [93].

Готовя свой труд к прохождению через цензуру, Орлов должен был всеми способами маскировать свои позиции. Поэтому в его книге мы встречаем много оговорок о совмещении развития государственного кредита с интересами самодержавия, покровительствующего просвещению и образованию богатств. О значении этих оговорок сам Орлов с предельной ясностью писал Вяземскому 20 июля 1833 г.: «Конечно, моя концепция странным образом монархична, но что поделаешь? В положении, в котором я нахожусь, мне нужно больше ума и таланта, чтобы держаться на воде, чем требуется для кругосветного путешествия на пароходе».

Но стоит более внимательно вчитаться в текст книги, чтобы заметить, что эти «монархические» моменты выпадают из текста как инородное тело. Орлов с разоблачающей его истинные взгляды обстоятельностью изложил

[92] Подробнее об этом см.: С. Я. Боровой. Кредит и банки России (середина XVII в.— 1861 г.). М., 1958, стр. 156—274.

[93] ⟨G. Kankrin⟩. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Stuttgart, 1845, S. 143, 154.

аргументы тех, кто считал кредит «детищем переворотов». Он констатировал, что кредит действительно развился в странах, где произошла революция. Больше того, он признает, что кредит «изобретен» революциями. Могли ли после этого показаться убедительными его «благонамеренные оговорки»?

Но можно ли рассматривать книгу Орлова как памятник *декабристской* идеологии? Если основной целью книги Орлова было стремление показать, что кредит может стать средством предотвращения революции, то не правильнее ли будет рассматривать книгу как свидетельство отказа Орлова от революционных воззрений?

На наш взгляд, на этот вопрос надо ответить отрицательно. Декабристы, как подчеркивал Ленин, были «страшно далеки от народа», они боялись народной революции. Убедившись в том, что без свержения правительства нельзя осуществить коренных преобразований, поставленных на очередь дня ходом истории, они разработали план «военной революции», не опирающейся непосредственно на народ.

Правительство, пришедшее к власти после революционного переворота, должно было осуществлять такую «мудрую», «просвещенную» политику, которая сделала бы невозможной и ненужной народную революцию.

Унаследованная от революционных просветителей XVIII в. вера в «разум» и «просвещение» как в ведущие силы исторического процесса была общей чертой мировоззрения декабристов. Вполне согласовывались со всем строем взглядов дворянских революционеров и поиски такой «разумной» политики, при помощи которой «просвещенное» правительство может осуществить широкие социально-экономические реформы. И тем не менее читатель книги Орлова не мог не понять, что правительство Николая I — Бенкендорфа — Канкрина еще менее способно осуществить намеченную в книге программу, чем правительство Александра I, свержение которого замышлялось совсем недавно автором книги «О государственном кредите» и его друзьями.

9

Одновременно с книгой «О государственном кредите» Орлов подготовил и другое сочинение на финансово-экономическую тему. Оно до нас не дошло, и его содержание известно нам по конспекту, составленному жандармами, которые разбирали рукописи Орлова после его смерти.

В этом сочинении Орлов откликнулся на несколько проблем, поставленных в то время на порядок дня законодательными предположениями правительства.

В неопубликованном сочинении Орлов критикует существовавшую тогда банковскую систему. Как можно уловить из жандармского конспекта, Орлов правильно подметил ее главный порок — использование банковских средств

в основном не на производительные нужды, а на кредитование крепостников.

Для понимания социально-политических воззрений Орлова еще более интересны его мысли о правительственных проектах укрепления дворянского землевладения путем установления майоратов, т. е. превращения дворянских поместий в нераздельное и неотчуждаемое владение, переходящее по наследству только старшему в роде. Эти планы вызвали большие волнения в дворянской среде. Против них, например, решительно возражал адмирал Н. С. Мордвинов, настаивавший на несовместимости майоратов с требованиями морали и русской правовой традиции [94]. Проблема майората привлекла к себе внимание и представителей других общественных слоев. Так, в 1832 г. М. П. Погодин отмечал отсутствие майоратов как положительную черту русского исторического процесса. По его мнению, русское дворянство «не феодального происхождения ⟨...⟩ ибо приобрело свои отличия службой отечеству» [95]. В этом заявлении ярко выступало своеобразие политической позиции «плебея» Погодина, который сочетал консервативно-монархические убеждения с недоверием к знати. С революционно-демократических позиций подошел к этому вопросу Белинский. С его точки зрения, отсутствие майоратов будет способствовать более быстрому «издыханию» русского дворянства [96].

Совершенно иной была позиция Орлова. Поражение восстания 1825 г. вернуло его к дворянско-фрондирующим настроениям, ранее нашедшим выражение в программе «Ордена русских рыцарей». В проекте учреждения майоратов он увидел возможность осуществления планов образования «дворянства в настоящем его значении». Подобно многим дворянским публицистам и социологам, Орлов видел в майоратах средство создания имущественно, а значит и политически независимой аристократии, не пресмыкающейся перед троном и способной ограничить самодержавие монарха [97]. Орлов предлагал также «облагородить» дворянское сословие и с этой целью «затворить двери дворянства для этой толпы приказных, которые из пера сделали род промышленности, а из безнравственности — средство к своему обогащению». Трудно с большей четкостью выразить барское пренебрежение к чиновно-разночинному элементу. Но наряду с этим, обнаруживая

[94] «Архив Мордвиновых», т. VIII. СПб., 1903, стр. 227.

[95] М. Погодин. Историко-критические отрывки. М., 1846, стр. 7.

[96] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 149.

[97] Следует отметить, что взгляды Пушкина по этому вопросу приближались к воззрениям Орлова. Вообще для нас нет никакого сомнения в том, что Пушкин был знаком с разбираемым сочинением Орлова и что многие его замечания в набросках «О дворянстве» и в материалах к «Путешествию из Москвы в Петербург» представляют собой отклики на «Мысли о современном состоянии кредитных установлений в России» Орлова.

буржуазные черты своего мировоззрения, Орлов предлагал «звание дворянское сделать доступным для капиталистов и людей образованных». Одновременно Орлов хотел «облагородить» и русскую буржуазию путем включения в «средний класс» младших сыновей дворян.

Известна еще одна работа Орлова по финансовому вопросу: неопубликованная записка «О курсовых явлениях на российских рынках», связанная с обсуждавшимися в то время планами упорядочения бумажно-денежного обращения. Это было в 1839 г., т. е. непосредственно перед тем, как была проведена так называемая денежная реформа Канкрина. По мнению специалиста, в этой записке были правильно определены причины образования лажа на серебро [98].

Однако работа над финансовыми трактатами не могла исчерпать энергии Орлова.

Он продолжал заниматься своей фабрикой цветного стекла, преследуя этим не столько коммерческие (фабрика работала в убыток), сколько художественные задачи. В течение нескольких (начиная с 1832 г.) лет Орлов был директором художественных классов, созданных Московским художественным обществом [99].

М. С. Лунин, до которого в далекой сибирской ссылке доходили какие-то сведения об общественной жизни Москвы, иронически оценивал деятельность Орлова. В одном из своих писем (1838 г.) он говорил, явно имея в виду последнего, что некоторые из «помилованных» «берут на себя роль угнетенных патриотов и возбуждают к себе удивление в своем околодке изданием книг, которых никто не читает, и попечительством над школами живописи» [100].

Отдавая дань семейным традициям, как племянник А. Г. Орлова, который прославился и как выдающийся «зоотехник, опережавший свой век, создавший орловскую рысистую породу» [101], Орлов стал одним из активнейших деятелей Московского скакового общества, и это тоже оставило след в его литературном наследии в виде опубликованных и неопубликованных работ по коневодству.

Примечательной страницей последней главы биографии Орлова является его деятельность в Московском обществе испытателей природы. Это старейшее научное общество России было в те годы одним из немногих центров культурной жизни Москвы. Орлов вступил в Общество еще в

---

[98] А. Дурьян. О некоторых особенностях бумажно-денежного обращения в России накануне реформы 1839—1843 гг.— «Уч. зап. Ростовского н/Д финансово-экономического ин-та», т. 1, 1941, стр. 168 и сл.

[99] «История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 702—704.

[100] М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 44. Ср. С. Б. Окунь. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, стр. 160.

[101] В. Витт. Из истории русского коннозаводства. М., 1952, стр. 32.

1831 г., т. е. сейчас же по возвращении в Москву [102]. Среди членов Общества было несколько лиц, в прошлом причастных к декабризму,— Н. Н. Раевский, В. П. Зубков, который, как и Орлов, недолго просидел в Петропавловской крепости [103], и др.

Действуя как в свое время в «Арзамасе», Орлов попытался внести свежую струю в жизнь московских натуралистов. Он предложил пересмотреть устав Общества, чтобы придать ему «большее соответствие современному состоянию науки и опыту и успехам, которое Общество приобрело за тридцать лет существования». Была создана комиссия, в которую, наряду с Орловым, вошел упомянутый только что Зубков, а также Львов, Чертков и др. [104]. Но Уваров сразу же почуял в этом что-то крамольное, и пересмотр устава был запрещен [105].

В ноябре 1836 г. Орлов выступил на заседании Общества с докладом «Некоторые философские мысли о природе». К сожалению, текст этого доклада не дошел до нас.

В общественной жизни России 30-х годов, в первую очередь во «фрондирующей» Москве, в обстановке николаевского режима, не дававшего выхода к подлинному делу живым силам, в условиях цензурного террора, не пропускавшего на страницы печати смелой мысли, споры в гостиных и в Английском клубе становились отдушиной, какой-то заменой политической деятельности, парламентской или университетской трибун.

В этой атмосфере знаменитых московских споров, в которой созревали молодые Герцен и Огарев, братья Аксаковы, А. С. Хомяков и другие, где выступает перед нами трагическая фигура П. Я. Чаадаева, признанным «львом» и своеобразным виртуозом стал Орлов.

Он неутомимо спорил, говорил; пожалуй, слишком много говорил... Недоброжелательно настроенный по отношению к нему Грановский, очевидно, все более расходящийся с ним в философско-общественных воззрениях, отозвался как-то о нем зло и, конечно, несправедливо: «самый несносный болтун в мире» [106]. Его разговоры стали утомлять и близких к нему людей,

---

[102] В. Варсанофьева. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955, стр. 39.

[103] По утверждению Б. П. Козьмина, В. П. Зубков есть тот «московский либерал „В", о котором так язвительно писал Герцен в „Былом и думах"» (ч. I, гл. VIII). См.: «„Московский либерал" из „Былого и дум"».— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1950, вып. 1, стр. 85—87. Однако Ф. Родичев в своих воспоминаниях о встречах с Огаревым, опубликованных в «Современных записках» (Париж, 1927, т. XXXII, стр. 412—417), утверждает, что «В» — это Васильчиков, как думали старые комментаторы Герцена (см. «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 167).

[104] «Bulletin de la Societé imp. des naturalistes de Moscou», v. IX, 1836, p. 477.

[105] В. Варсанофьева. Указ. соч., стр. 40.

[106] «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 382 (письмо от 18 февраля 1840 г.).

например А. И. Тургенева: «Ввечеру,— писал он в октябре 1836 г.,— Свербеев, Орлов, Чаадаев спорили у меня так, что голова ⟨...⟩ сильнее разболелась» [107].

Орлов томился по настоящему делу, его неуемная энергия бесплодно растрачивалась в утомительных и нескончаемых словесных битвах.

Его основным антагонистом был, очевидно, Чаадаев. Между ними было много общего — принадлежность к дворянской верхушке, блестящее гвардейское прошлое, разностороннее европейское образование, резко отрицательное отношение к николаевской действительности, прошлая связь с тайными обществами и, наконец, одинаковая позиция «опальных», но не смирившихся [108]. Но, пожалуй, еще больше было такого, что их разделяло. Пассивный, созерцательный, медлительный Чаадаев был так не похож на стремительного, необычайно активного Орлова. Если Чаадаев в мучительных поисках точки опоры пытался найти ее в католицизме, то Орлов, ученик иезуита Николя и бывший поклонник Де Местра, все больше приближался к материалистическому мировоззрению.

О том, что их непрекращающиеся дебаты шли главным образом вокруг основного вопроса философии, как нам думается, ясно говорит письмо Грановского: «...был раза два у Чаадаева ⟨...⟩ там всегда встретишь генерала Орлова ⟨...⟩ Орлов доказывает теперь „que la science est athée“ ⟨наука безбожна⟩» [109].

Каких взглядов придерживался по этому вопросу Чаадаев, т. е. какую концепцию оспаривал тогда Орлов,— это становится ясным из следующих слов Чаадаева (в его письме А. И. Тургеневу от 30 октября 1837 г.): «Ветхое разделение, которое противопоставляет науку религии, вовсе не философское, и позволь мне также сказать, несколько пахнет XVIII столетием, которое, как тебе самому известно, весьма любило провозглашать неприступность для ума нашего истин веры и, таким образом, под притворным уважением к учениям церкви скрывало вражду свою к ней...» [110]

В этих спорах Чаадаев, очевидно, не сдавал своих позиций. Он пытался увлечь Орлова своими мистическими настроениями [111].

Близость Орлова и Чаадаева была настолько широко известна, что

---

[107] «Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, стр. 336; ср. также стр. 337.

[108] Об этом написал очень выразительно сам Чаадаев в письме к Орлову (1837): «Да, мой друг, отдадимся нашей славной дружбе ⟨...⟩ Оба, побитые бурей, возьмемся за руки и твердо станем между волнами. Не склоним обнаженных голов пред свистящим вокруг нас вихрем...» (П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I. М., 1913, стр. 217. Оригинал на франц. яз.).

[109] «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 382.

[110] П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I, стр. 209.

[111] М. И. Жихарев. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника.— «Вестник Европы», 1871, № 9, стр. 42.

даже распространились слухи, что Орлов якобы перевел на русский язык философическое письмо и что адресатом последнего была жена Орлова [112].

Живя в Москве, Орлов поддерживал дружеские отношения с Пушкиным, который во время своих приездов туда навещал Орлова, а также встречался с ним у Чаадаева и у других общих знакомых. Как известно, между ними велась и переписка.

В период торжества последекабрьской реакции Орлов стал центром притяжения для передовых людей Москвы. Жандармский полковник Шубинский доносил в 1835 г., что Орлов, «показывая себя прежде гордым в обращении, ныне переменил свое обращение и обходится очень ласково, особенно с молодыми людьми» [113].

Т. П. Пассек вспоминала, что «большая часть молодого поколения того времени поклонялась ему» [114]. А близкий к этому кружку молодой Герцен занес в свой дневник: «Молодое поколение кланялось ему, но шло мимо» [115].

Я. П. Полонский рассказывает, что «вся тогдашняя московская знать, вся московская интеллигенция как бы льнула к изгнаннику Орлову; его обаятельная личность всех к себе привлекала ⟨...⟩ Там, в этом доме, я встретил впервые Хомякова, проф. Грановского, Чаадаева, И. Тургенева» [116].

Общественная позиция Орлова тех лет определялась не только сочувствием передовых людей, но и враждебным отношением консервативных кругов. Приведем такой характерный факт. Отличавшийся «охранительными» взглядами Погодин отказывался встречаться с ним. В своем дневнике (в 1840 г.) он записал: «Получил приглашение от Павлова ⟨...⟩, но не поеду, ибо там, верно, будут Орлов, Чаадаев» [117].

Орлов все время оставался под сильным «подозрением». Недоброжелательное отношение к нему шло от самых «верхов». По личному требованию Николая I, М. Н. Загоскин написал в 1835 г. пьесу «Недовольные», представляющую собой грубый пасквиль на Чаадаева и Орлова [118].

---

[112] См. неопубликованное письмо Орлова к Бенкендорфу от 29 октября 1836 г., в котором Орлов опровергал эти слухи (ИРЛИ).

[113] Н. П. Чулков. Указ. соч., стр. 318.

[114] Т. П. Пассек. Воспоминания, т. II. СПб., 1906, стр. 297.

[115] А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. II. М., 1954, стр. 202. На допросе в 1834 г. среди лиц, с которыми он общался, Герцен назвал и Орлова (ЛН, т. 63, 1956, стр. 273).

[116] Я. П. Полонский. Мои студенческие воспоминания.— «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1956, стр. 229.

[117] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5. СПб., 1892, стр. 478.

[118] Ю. Г. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, стр. 112—113.

Пока настоящее издание находилось в производстве, вышла в свет статья Т. И. Усакиной, специально посвященная этому вопросу,— «Памфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова».— «Декабристы в Москве. Сборник статей». М., 1963, стр. 162—184.

В этой пьесе, впервые поставленной на московской сцене 2 декабря 1835 г., Орлов был выведен под именем князя Радугина, который недоволен положением дел в России. Он, например, говорит: «А мне кажется, что мы идем назад» (стр. 46), или «что все у нас идет рассудку вопреки» (стр. 51).

В пьесе подвергаются осмеянию экономические идеи Орлова. Пасквилянт не остановился и перед тем, чтобы «обыграть» запрещение Орлову покидать Москву.

Пасквиль Загоскина вызвал негодующий отклик Белинского [119], а также «строгий приговор» московских журналистов (слова Пушкина) — Н. Ф. Павлова и Н. А. Мельгунова. С ними солидаризировался и Пушкин. По его словам, люди, выведенные в этой комедии, «не смешны и не естественны» [120].

До конца дней Орлову не разрешали приезд в Петербург. Когда за год до смерти, в 1841 г., он обратился с такой просьбой к Бенкендорфу, тот ответил, что докладывал государю. Однако «я должен сказать вам, что разрешение на свободный ваш въезд в С. Петербург необходимо отложить еще на некоторое время» [121].

19 марта 1842 г. Орлов умер [122]. По словам Герцена, «все путное в Москве» проявило большое сочувствие к больному Орлову, а потом проводило его в последний путь [123]. Но для властей Орлов продолжал оставаться «непрощенным». Некролог, написанный С. П. Шевыревым, «умная и благородная» статья, по отзыву Чаадаева [124], не был пропущен цензором, назвавшим Орлова «каторжным» [125].

Услышав о смерти Орлова, Герцен тогда же записал в дневнике (26 марта 1842 г.) несколько строк, в которых по-герценовски проникновенно нарисовал Орлова последних лет жизни во всей противоречивости и трагичности его позиции: «Возвращенный из ссылки, но непрощенный, он был в очень затруднительном положении в Москве. Снедаемый самолюбием

---

[119] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1953, стр. 231—232.

[120] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 11. Подробнее см.: Ю. Г. Оксман. Указ. соч., стр. 113.

[121] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1826, д. 61, ч. 177, л. 48.

[122] Едва ли не единственным откликом в печати на смерть Орлова была короткая информация в «Бюллетене» Общества испытателей природы, выходившем на французском языке («Bulletin de la Societé imp. des naturalistes de Moscou», v. XV, 1842, p. 499). Интересно отметить, что Шнитцлер в своей «Секретной истории России», вышедшей в 1847 г., ссылаясь на книгу Н. И. Тургенева, опровергал слух о смерти Орлова (S. H. Schnizler. Histoire intime de la Russie, v. II. P., 1847, p. 444).

[123] А. И. Герцен. Указ. изд., т. II, стр. 220.

[124] П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I, стр. 246.

[125] «Остафьевский архив», т. IV, стр. 232.

и жаждой деятельности, он был похож на льва, сидящего в клетке и не смевшего даже рычать ⟨...⟩ Подавленное честолюбие, глубокая уверенность, что он мог бы действовать с блеском на высших правительственных местах, и воспоминание прошедшего, желание сохранить его как нечто святое ставило Орлова в беспрерывное колебание ⟨...⟩ От этого Орлов делал беспрерывные ошибки ⟨...⟩ В сущности, он сохранял много рыцарски доблестного до конца жизни, в нем была бездна гуманного, доброго» [126].

Сложной и глубоко трагичной была жизнь М. Ф. Орлова. Начавший ее как баловень судьбы, рано достигший вершин военно-дипломатической и придворной карьеры, позднее активный участник движения декабристов, в расцвете умственных и физических сил он был обречен на пассивное «доживание» в двусмысленной и горькой роли «полупрощенного», но навсегда отодвинутого от общественной и политической деятельности.

Каждая глава жизненного пути Орлова отразилась, как мы проследили, в его литературном наследии в виде книг, статей, воспоминаний, писем и т. д., имеющих не только первостепенное биографическое значение, но и представляющих собой ценные литературные памятники, важнейшие документы общественно-политической борьбы тех лет.

Но судьба Орлова-писателя оказалась, пожалуй, еще более трагичной, чем судьба Орлова — государственного и общественного деятеля. Его богатое и разнообразное литературное наследство оказалось почти полностью забытым, не вошло в литературно-научный оборот. Его имя как ученого, писателя, мемуариста, мастера эпистолярного жанра осталось совершенно неизвестным широкому кругу читателей.

Хотелось бы верить, что эта книга, представляющая первую попытку собрать и представить читателю основной корпус сохранившегося литературного наследия Орлова, вернет Орлову то место в истории русской литературы и русской культуры, которое принадлежит ему по праву.

С. Я. Боровой

[126] А. И. Герцен. Указ. изд., т. II, стр. 202—203.

ПРИМЕЧАНИЯ

Многочисленные работы и письма М. Ф. Орлова до сих пор оставались несобранными, были затеряны в различных изданиях, уже давно превратившихся в библиографическую редкость; некоторые его сочинения и письма вообще никогда не публиковались; часть их безвозвратно утрачена.

При жизни Орлов печатался редко и почти всегда анонимно. Так, только совсем недавно было установлено, что ему принадлежит замечательный антинаполеоновский памфлет, опубликованный Главной квартирой русской армии в 1813 г.

На долю Орлова выпала честь принять от имени союзного командования капитуляцию французских войск в Париже в 1814 г. Этот момент величайшего военного триумфа России он описал с исключительным литературным мастерством, однако его очерк «Капитуляция Парижа», который занимает почетное место в русской мемуарной литературе об Отечественной войне 1812 г., почти сто лет не переиздавался.

Капитальная работа Орлова — книга «О государственном кредите» — была опубликована без имени автора в 1833 г. со значительными цензурными купюрами, которые, несомненно, приглушили ее общественно-политическое звучание; с тех пор по-русски она не печаталась. В настоящем издании этот труд впервые появляется в полном, неискаженном виде. Таким образом, лишь сейчас в широкий научный оборот вводится одно из значительных общественно-экономических произведений декабристов.

Несомненный интерес вызовут у читателя такие выдающиеся памятники литературно-общественной борьбы тех лет, как выступления Орлова в «Арзамасе», его речь в Библейском обществе, его приказы по 16-й дивизии, представляющие образец декабристской пропагандистской литературы, его письма к друзьям (Пушкину, Вяземскому, А. Н. Раевскому и др.), в которых ставились актуальные политические, социологические и литературно-эстетические проблемы.

Публикация важнейших работ Орлова и его избранных писем отвечает давно назревшей потребности. Надеемся, что наше издание поможет раскрыть разносторонний облик Орлова, одного из выдающихся представителей дворянского периода русского революционного движения.

Все помещенные в этой книге произведения Орлова публикуются по рукописям (когда последние сохранились). Некоторые произведения впервые появляются в печати или впервые публикуются в полном виде.

В квадратные скобки заключены слова, зачеркнутые Орловым, в ломаные — слова от редакции.

Комментарий составлен С. Я. Боровым и М. И. Гиллельсоном.

Подготовка текстов (по рукописям и первым публикациям) осуществлена М. И. Гиллельсоном. Ему же принадлежат переводы впервые публикуемых французских писем.

* * *

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Печатные источники

Гершензон — М. Гершензон. История молодой России. М., 1908.

ЗОР — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (М.).

ЛН — «Литературное наследство».

РА — «Русский архив».

РС — «Русская старина».

Сб. РИО — «Сборник Русского имп. исторического общества» (СПб.).

Архивы

ГЛМ — Государственный литературный музей (М.).

ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Л.).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Л.).

ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (М.).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (М.).

ЦГВИАЛ — Центральный государственный военно-исторический архив (Л.).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Л.).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (М.).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Воспоминания *

В литературном наследии Орлова большое место занимают произведения, связанные с Отечественной войной 1812 г. Хотя Орлов и не оставил воспоминаний, в которых полностью отразилось бы его участие в войнах с Наполеоном, все же отдельные его работы этого жанра принадлежат к лучшим образцам русской мемуарной и памфлетной литературы. Орлов был видным участником крупнейших сражений (Аустерлиц, Смоленск, Бородино, Люцен, Лейпциг, Париж и др.); главное военное командование давало ему сложные, требующие большого личного мужества задания; он выполнял ответственные военно-дипломатические поручения. Вот почему произведения Орлова об отдельных событиях Отечественной войны 1812 г. представляют исключительный интерес.

К этому циклу примыкают и некоторые другие произведения Орлова, в которых непосредственно отразился его военный опыт. Несомненно, что в критическом выступлении по поводу книги Д. П. Бутурлина «Военная история походов россиян в XVIII столетии» Орлов широко использовал и обобщил наблюдения и раздумья военных лет. С еще большей категоричностью это можно утверждать об его приказах по 16-й дивизии, пронизанных чувством глубокого доверия к лучшим качествам русского солдата, его патриотизму, мужеству и верности долгу.

В данный раздел нами включено два произведения Орлова: «Капитуляция Парижа» и «Некрология генерала Н. Н. Раевского». Кроме того, в приложениях печатается русский перевод антинаполеоновского памфлета Орлова «Размышления русского военного о 29-м „Бюллетене"».

КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

Печатается по тексту первой публикации — «Утренняя заря. Альманах на 1843 год» (стр. 3—65) — с исправлением нескольких мест с явными следами цензурной правки по французскому автографу (ЦГАОР, ф. 1711, № 49) и тексту РС (1877, № 12, стр. 633—656). Примечания Орлова, написанные в 1835 г., печатаются также по тексту РС (стр. 657—662). Местонахождение русского оригинала неизвестно. В ЦГАОР сохранился французский автограф Орлова и две писарские копии записок, которые имеют следующий заголовок: «Fragment extrait de Memoires inédits le Michel Orloff.— Traduit du Russe... par l'auteur» **.

---

* В комментариях, как правило, не даются сведения об упоминаемых в текстах Орлова лицах. Краткие сведения о них приведены в указателе имен.

** «Отрывок, выбранный из неизданных воспоминаний Михаила Орлова.— Переведен с русского ... автором» (франц.).

Как явствует из этого заголовка, первоначально текст «Капитуляции Парижа» был написан по-русски.

При жизни Орлова «Капитуляция Парижа» напечатана не была. После его смерти русский текст записок, как и все бумаги покойного, был опечатан и увезен в Петербург, что видно из «Краткого разбора рукописных сочинений, найденных в кабинете генерал-майора Орлова после его смерти» (см. стр. 262 наст. изд.). Бенкендорф высказал мнение, что записки следует опубликовать. Николай I согласился, и рукопись была передана в военную цензуру, которая внесла в текст несколько незначительных изменений. Затем Бенкендорф отдал записки издателю альманаха «Утренняя заря» В. А. Владиславлеву, который их и опубликовал.

В 1864 г. в «Военном сборнике» (№ 6, стр. 287—309) был напечатан русский перевод «Капитуляции Парижа» с французского авторизованного перевода; инициалы переводчика — «М. Б.». В 1877 г. М. И. Семевский, получивший от сына Орлова русский и французский тексты «Капитуляции Парижа», должен был напечатать оба их, но ограничился изданием лишь русского текста (к сожалению, текст записок не сохранился в архиве РС, поступившем в ИРЛИ).

Первоначальная редакция «Капитуляции Парижа» была значительно более пространной, чем дошедшая до нас,— об этом свидетельствуют следующие строки текста: «Здесь пропущено все, что в записках относится к движению обеих сторон, и в извлечении сохранена только дипломатическая часть рассказа». Из этого примечания можно сделать и еще один вывод: «Капитуляция Парижа» была написана Орловым по горячим следам событий в середине 10-х годов XIX в., когда он хорошо помнил все детали военного характера. Это подтверждается сличением русского текста с французским авторизованным переводом, которые идентичны, за исключением двух мест, вычеркнутых Орловым из французского текста. Так, Орлов исключил колоритный рассказ старого французского гренадера и свой ответный рассказ о князе Багратионе (см. стр. 18 наст. изд.). Эти подробности, в 10-е годы казавшиеся Орлову важными, затем потеряли актуальность и были удалены им из французского перевода. Указанную датировку подтверждает и детальность описания, почти протокольная точность в записях слов не только важнейших исторических лиц (Александра I, Талейрана, французских маршалов и др.), но и второстепенных участников событий.

Во французском автографе примечания 1835 г. даны не в виде приложения к основному тексту записок, а под строкой, что позволяет этот авторский перевод датировать 1835 г.

Датировка первоначального текста «Капитуляции Парижа» серединой 10-х годов, естественно, вызывает вопрос о причине столь запоздалой публикации этого произведения. Надо думать, что идейная эволюция Орлова во второй половине 10-х годов, приведшая его в лагерь декабристов, изменила его взгляды на роль и значение Александра I, вследствие чего он не захотел публиковать свои записки, в которых Александр I обрисован благородным и великодушным государем. Позднее, в середине 30-х годов, когда фигура Александра I отошла в прошлое. Орлов, по-видимому, пришел к мысли о публикации своих записок во Франции и сделал перевод. Из письма сына Орлова к М. И. Семевскому известно, что один французский экземпляр «Капитуляции Парижа» находился у герцогини Дино, племянницы Талейрана. Однако по неизвестным нам причинам французское издание записок Орлова не было осуществлено.

[1] Поведение Талейрана, столь удивившее Орлова, объясняется тем, что к этому времени Талейран уже установил тайные сношения с союзниками и торопил их поход на Париж, готовя реставрацию Бурбонов. Подробнее об этом см.: Е. В. Тарле. Сочинения, т. XI. М., 1961, стр. 103.

[2] Цитата из стихотворения Жуковского «Послание императору Александру» (1814).

[3] В этом примечании с необычайной отчетливостью сказалась внутренняя противоречивость мировоззрения Орлова. Читатель не может не заметить, что многое в этих

высказываниях трудно согласовать с тем, что нам известно о взглядах и общественной позиции Орлова в 30-е годы. Здесь он выступает противником «философического сомнения, систематически превращенного в безбожие», а между тем в эти же годы в спорах с Чаадаевым отстаивает противоположную точку зрения.

[4] Портрет Талейрана, нарисованный Орловым, явно идеализирован. Ср. характеристику этого политического деятеля у Е. В. Тарле (Сочинения, т. XI, стр. 12—13).

[5] Орлов имеет в виду записку Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина» (1819).

[6] На протяжении всей жизни Орлов оставался противником предоставления независимости Польше. Он опасался, что самостоятельная Польша может быть использована западными державами как плацдарм в борьбе против России. Кроме того, его отрицательное отношение к плану восстановления независимого польского государства объяснялось тем, что большинство польских политических деятелей мыслило восстановление Польши в ее старых границах, т. е. со включением белорусских, украинских и литовских земель.

[7] Орлов неточно цитирует высказывание Шамфора, содержащееся в его «Maximes et pensées» (Chamfort. Oeuvres. P., 1857, p. 339).

НЕКРОЛОГИЯ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ Н. Н. РАЕВСКОГО

Печатается по тексту первого издания (СПб., 1829). «Некрология» была издана анонимно по цензурным соображениям; она была разослана подписчикам «Русского инвалида» при № 318 от 15 декабря 1829 г. и сразу же перепечатана в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 152—154 от 20—23 декабря 1829 г.). Местонахождение автографа неизвестно.

Известен краткий отзыв Пушкина о «Некрологии», напечатанный (без подписи) в начале 1830 г. в «Литературной газете» (№ 1).

Более пространно отозвался на «Некрологию» Д. В. Давыдов, издавший книгу «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского» (М., 1832). Вместе со своими замечаниями Давыдов перепечатал (с разрешения автора) и текст самой «Некрологии». Как и при первой отдельной публикации в 1829 г., авторство Орлова в этом издании не было раскрыто, конечно, также из опасений, связанных с цензурой. В конце книги Давыдова приложен русский перевод замечаний Раевского на сочинение Д. П. Бутурлина о войне 1812 г. Эти замечания существенно дополняют «Некрологию» Орлова.

Основной упрек, который делает Давыдов автору «Некрологии», заключается в том, что Раевский изображен им только как военный: «Конечно, вольному воля — но нельзя, однако, довольно надивиться жалкому обыкновению почти всех некрологов и биографов нашего времени, представляющих знаменитых вождей не иначе, как, так сказать, в мундирах и застегнутых на все крючки и пуговицы» (указ. соч., стр. 18). Сравнивая Раевского с античными героями, Давыдов указывает, что его скромность, благородство и великодушие особенно ярко проявлялись в мирные годы, в семейном кругу. Эзоповским языком повествует Давыдов о непоколебимой стойкости Раевского при испытаниях, выпавших на его долю после восстания декабристов; «Неожиданная гроза разразилась на главе, уже седевшей. Новый Лаокоон, обвитый, теснимый изгибами жадного злополучия, он не докучал небу воплями, не унижал себя молением сострадания ближнего. Ни единого ропота, ни единого злобного слова не вырвалось из уст его; ни единым вздохом, ни единым стенанием не порадовал он честолюбивую посредственность, всегда готовую наслаждаться страданием человека по мере его достоинства» (там же, стр. 24—25).

[1] Раевский был двоюродным внуком Г. А. Потемкина.

[2] Точное название полка; Конный полк булавы Великого гетмана.

[3] Раевский попал в армию не под Очаковом, а под Бендерами, на следующий год после взятия Очакова (1789).

[4] В сражении под Ломиттеном Раевский не участвовал, так как в это время войска Багратиона, под начальством которого он состоял, атаковали Альткирх, деревню вблизи Гутштата.

[5] Подробности сражения под Дашковкою детально изложены самим Раевским («Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», стр. 37—46).

Сводку свидетельств современников об участии А. Н. Раевского и Н. Н. Раевского (младшего) в сражении под Дашковкою в 1812 г. см.: «Архив Раевских», т. I. СПб., 1908, стр. 154—166.

[6] Давыдов замечает, что дивизия Неверовского прибыла к стенам Смоленска «...хотя с уроном, но не в смешении, как говорит Некролог, а в устройстве, и непобедимою 〈...〉 Каждый штык ее горел лучем бессмертия».

[7] Подробности сражения под Смоленском отражены в заметках Раевского (см. «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», стр. 50—61).

[8] Раевский приводит текст записки, полученной им от Багратиона в начале сражения под Смоленском: «Друг мой! Я не иду, я бегу; желал бы иметь крылья, чтобы поскорее соединиться с тобою. Держись! Бог тебе помощник!» («Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», стр. 60).

[9] Давыдов пишет: «Слово: *окруженный со всех сторон* — не выражает положения, в коем тогда Раевский находился. Можно сказать, что он поглощен был приливом большей части французской конницы, нахлынувшей на средину союзных армий, и отражая усилия оной, не уступил ни пяди земли, пока громады сии, обращенные вспять резервами нашими, позволили всей нашей линии возвратиться на оставленное ею место и примкнуть к кареям Раевского, как к гранитным редутам» («Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», стр. 31).

[10] Давыдов дополняет: «Поэт Батюшков не подскакал к нему на помощь, ибо он и гвардии Егерского полка поручик Лев Давыдов стояли почти рядом с Раевским». «Как Батюшков, так и Давыдов носили звание адъютантов, но не Раевского, а генерала Бахметева, лишившегося ноги под Бородином, и служили в сей должности при Раевском по собственному их желанию» («Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», стр. 32).

[11] Двустишие из трагедии Вольтера «Eriphile», причем вторая строка в подлиннике несколько отличается от текста, приведенного Орловым, а именно: «Il a dans les combats, coulé pour la patrie» (цит. по изд.: Voltaire. Eriphile. P., 1779, p. 29). Описание этого эпизода Батюшковым см.: К. Н. Батюшков. Сочинения, т. II. СПб., 1885, стр. 329—331.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ. ПИСЬМА. ПРИКАЗЫ. ПОКАЗАНИЯ

В этом разделе собраны произведения Орлова, в которых он выступает как политический мыслитель и публицист, откликавшийся на важнейшие вопросы современности.

Историческая обстановка и особенности жизненного пути Орлова обусловили разнообразие форм его публицистического творчества. Тут мы встречаем и речи, прочитанные на публичных собраниях, и некоторые письма, хотя и имевшие индивидуального адресата, но являвшиеся, по существу, выступлениями, рассчитанными на широкую огласку. И действительно, из воспоминаний и эпистолярного наследия современников известно, что эти письма, равно как и речь в Библейском обществе, распространялись в списках и были предметом оживленного обсуждения в передовых кругах русского общества.

В публицистическое наследие Орлова следует включить и такого рода документы, которые на первый взгляд необычайно далеки от нашего представления об этом жанре: мы имеем в виду его приказы по дивизии.

Мы публикуем и документ, связанный с наиболее трагическим моментом биографии Орлова,— его показания Следственной комиссии во время процесса декабристов, имеющие исключительное историческое значение.

Публицистические произведения открывают большие возможности для изучения идейной эволюции Орлова. В данном разделе печатаются важнейшие из них, а в настоящей заметке дается краткое описание как невключенных работ, так и произведений, принадлежность которых Орлову не может быть с точностью установлена.

В архиве П. Д. Киселева, с которым Орлов с молодых лет был дружески связан, сохранилась рукопись (на франц. яз.) «Проект представления» (датирована 25 августа 1808 г.). По предположению Н. М. Дружинина, она, «очень возможно», принадлежит перу Орлова. На эту мысль наталкивают совпадения некоторых утверждений «Проекта» с уставом «Ордена русских рыцарей», о котором речь пойдет дальше.

Автор «Проекта», обращаясь к Александру I, самыми черными красками рисует положение страны. Он осуждает не только постыдный мир, но говорит и о разброде среди министров, засилии бюрократии, состоящей в значительной части из иностранцев, о забвении привилегий дворянства, о расстройстве финансов, дороговизне и т. д. По характеристике Н. М. Дружинина, этот проект отличается еще крайней незрелостью политической мысли. «Перед нами — памятник начинающегося брожения политической мысли, горячей реакции на возмущающие явления, но слабого знакомства с наукой о государстве» (подробнее см.: Н. М. Д р у ж и н и н. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М., 1946, стр. 257—259).

У нас нет данных для вынесения окончательного решения по вопросу о том, был ли Орлов автором этого документа, и поэтому мы не сочли возможным включить «Проект представления» в корпус произведений Орлова. Авторство «Проекта», распространявшегося в списках, приписывалось и другим лицам, например Н. С. Мордвинову (см. «Архив Мордвиновых», т. III. СПб., 1902, стр. 615—624), А. Чарторыжскому, гр. Ростопчину и др. Подробнее об этом см.: А. П р е д т е ч е н с к и й. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. М.— Л., 1957, стр. 224—229.

Хронологически наиболее ранним документом этого раздела является письмо к Де Местру 1814 г. (кстати сказать, это единственное произведение данного раздела, опубликованное при жизни Орлова), в котором содержалось еще много несамостоятельных мыслей, но видны уже были напряженные искания в области философии истории.

Более оригинальным мыслителем, уже определившим свое место в общественно-политической борьбе, Орлов предстает перед нами как автор программных речей в «Арзамасе» и в Библейском обществе.

Еще острее и четче его отношение к важнейшим общественно-политическим вопросам русской современности сформулировано в письмах к П. А. Вяземскому о труде Карамзина «История государства Российского» и в письмах к Д. П. Бутурлину о военной истории России. В этих письмах Орлов с декабристских позиций критиковал консервативные концепции обоих авторов.

Блестящий памятник военной декабристской публицистики — приказы Орлова по 16-й дивизии. Архивные поиски выявили много ранее неизвестных приказов и инструкций Орлова по дивизии. В настоящем издании, которое включает лишь избранные произведения Орлова, мы сочли нецелесообразным давать исчерпывающую публикацию этих документов.

Среди бумаг Орлова, поступивших в составе архива «Русской старины» в Отдел рукописей ИРЛИ, сохранилась толстая тетрадь, в которой писарским почерком переписаны важнейшие приказы и инструкции по 16-й пехотной дивизии.

Материал этой тетради можно условно разбить на три группы:

1. Приказы, связанные с искоренением в дивизии аракчеевских порядков. Помимо уже известных материалов, в эту группу документов входят следующие приказы:

Приказ № 5 от 6 августа 1820 г., в котором Орлов предупреждал офицеров о том, что нарушившие закон и дисциплину (пьяницы, воры) должны предаваться суду: «Преступника спасти от мзды закона есть также преступление закона».

Приказ № 9 от 19 августа 1820 г. о взысканиях за рукоприкладство, имевшее место в 1-й роте 31-го егерского полка, с приложением рапорта по этому делу на имя генерал-лейтенанта И. В. Сабанеева.

2. Инструкции, связанные с постановкой учебного дела в 16-й дивизии. Среди этих документов находятся:

Предписание командирам полков 16-й дивизии от 29 сентября 1820 г. с приложением трех записок: о музыкальной школе, о юнкерской и солдатской школах. Предлагая устроить солдатскую школу по ланкастерской системе взаимного обучения (об успешном применении этой системы в Киеве Орлов писал еще в рапорте на имя А. А. Закревского 10 октября 1817 г.), Орлов заявлял: «Сии школы будут основанием нового устройства во всей дивизии и введения новой дисциплины. Образование человека почти всегда служит залогом его нравственности».

Руководство для управления учебным батальоном, состоящим при дивизионной квартире, от 21 ноября 1820 г. В этом руководстве, наряду с чисто военными вопросами (о фронтовой службе), Орлов обращал особое внимание на гуманное отношение к солдатам, на соблюдение прав нижних чинов. Так, в этом документе говорится: «*1-е правило.* Первая ваша обязанность есть справедливость; не наказывайте никогда солдата без строгого исследования его вины, но когда доказано, что он виноват, тогда взыщите, мера же наказания после будет определена. *2-е правило.* Смотрите за вашими подчиненными, чтоб все принадлежащее солдатам в точности к ним доходило; не спускайте никому, кто отвратит хотя малейшую часть в свою пользу, солдаты будут уметь ценить сии поступки и они вскоре увидят в вас истинного их отца».

Постановление для учебного юнкерского заведения при 16-й пехотной дивизии, согласно которому обучение разбивалось на три класса: нижний, верхний и дополнительный. В нижнем классе, наряду с арифметикой, грамматикой, законом божьим, баснословием, началами военного рисования и географии, преподавался также такой предмет, как «*понятие* всеобщей истории и история отечественная». В верхнем классе при продолжающемся изучении математических дисциплин (лонгометрия, плангеометрия, стереометрия, алгебра) Орлов намечал углубленное преподавание истории: «*история всеобщая древняя и новая* с подробностями». Понятно, что вся постановка учебного дела в 16-й дивизии и такая широкая программа занятий были беспримерным вызовом аракчеевским порядкам и служили укреплению декабристского влияния в армии. Из п. 16 постановления следует, что русский язык, географию, тактику военную и артиллерию преподавал В. Ф. Раевский, а историю и баснословие (мифологию) — К. А. Охотников; в п. 23 читаем: «Все учебное заведение препоручается г. майору Раевскому, которому в помощники определяется капитан Охотников». Таким образом, во главе учебного заведения в 16-й дивизии Орловым были поставлены наиболее активные участники Кишиневской управы Союза Благоденствия.

3. Приказы и рапорты военно-административного характера. В эту группу материалов входят:

Приказы № 24 и № 25 от 6 и 8 октября 1820 г. о разделении на пять разрядов унтер-офицеров; приказ № 30 от 21 октября 1820 г. о военном обучении; приказ № 52 от 24 декабря 1820 г. о состоянии полковых лазаретов; приказ № 76 от 23 июля 1821 г. о порядке инспекторского смотра; краткая выписка о состоянии полков 16-й

пехотной дивизии при осмотре 1821 г.; три рапорта командиру 6-го корпуса И. В. Сабанееву об осмотре охранительной линии.

Кроме того, в тетрадь включено сочинение по военно-теоретическому вопросу: «Краткое понятие о когортах» (с приложением чертежей).

Произведения публицистического жанра, написанные в последекабрьский период жизни Орлова, до нас не дошли. Конечно, во многом это объясняется сугубой осторожностью, которую он вынужден был соблюдать, находясь под жандармским надзором. Однако известно, что и в эти годы Орлов не отказался полностью от выступлений на темы, имевшие известное общественно-политическое значение. В этом плане особый интерес представляют его выступления в Московском обществе испытателей природы, о которых мы знаем очень немного. Особенно приходится сожалеть о том, что до сих пор не обнаружен текст доклада Орлова «Некоторые философские мысли о природе». Самая тема этого выступления представляется нам очень знаменательной, так как она находится в русле философских исканий, столь характерных для передовых русских мыслителей 30-х годов. Достаточно вспомнить Герцена, начавшего свой писательский путь статьей «О месте человека в природе».

Внимательное изучение публицистического наследия Орлова показывает, что он был выдающимся представителем русской политической литературы первой трети XIX в.

РЕЧЬ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В «АРЗАМАС»

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, № 115). Впервые опубликовано не совсем точно в кн.: «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, стр. 206—210.

Речь Орлова, произнесенная в «Арзамасе» 22 апреля 1817 г., произвела сильное впечатление на современников.

Некоторые подробности этого выступления передает в своих воспоминаниях Ф. Ф. Вигель: «Показалось Орлову, что свободная стихия достаточно наполняет „Арзамас", чтобы сделаться в нем преобладающею. Он задумал приступить к его преобразованию и дать ему новое направление. В один прекрасный весенний вечер собрались мы на даче у г. Уварова; заседание открыто было в павильоне Штейна, как в месте особенно вдохновительном. В приготовленной им речи, правильно по-русски написанной, Орлов, осыпав всех нас похвалами, с горечью заметил, что превосходные дарования наши остаются без всякого полезного употребления. Дабы дать занятие уму каждого, предложил он завести журнал, коего статьи новостию и смелостию идей пробудили бы внимание читающей России. Расширив таким образом круг действия общества, он находил необходимым и умножить число его членов, сверх того, предлагал каждому отсутствующему члену предоставить право в месте пребывания его учреждать небольшие общества, которые бы находились в зависимости и под руководством главного» (Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, ч. V. М., 1892, стр. 51—52).

[1] Орлов имеет в виду писателей, объединившихся вокруг консервативной «Беседы любителей российского слова».

[2] Намек на «Похвалу женам» И. С. Захарова.

[3] *Г* — вероятно П. И. Голенищев-Кутузов, член «Беседы».

[4] Российская академия, деятельность которой в то время в основном была посвящена изучению русской словесности, оторванная от актуальных проблем современного литературного развития, вызывала критику со стороны передовой общественности. Как известно, монополия на издание адрес-календаря принадлежала тогда Академии, что и использовано Орловым для иронической оценки ее деятельности.

[5] Литературно-общественная позиция Державина вызывала двоякое отношение со стороны арзамасцев. Если публично они отдавали должное поэтическому таланту

Державина (достаточно вспомнить хвалебный некролог Вяземского. написанный сразу же после смерти поэта), то между собой порицали его участие в организации и собраниях «Беседы».

[6] Орлов имеет в виду публичные чтения, которые устраивались ежегодно 2 января, в день открытия Публичной библиотеки. Так, 2 января 1817 г. в годичном собрании, на котором присутствовало около 300 именитых гостей, были прочитаны следующие сочинения: поэма Н. И. Гнедича «Рождение Гомера», «Обозрение российской словесности 1815 и 1816 годов» Н. И. Греча, басни Крылова «Кукушка и горлинка», «Сочинитель и разбойник», «Похороны» (см. «Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою за 1817 год». СПб., 1818, стр. 5—8).

[7] И. А. Крылов был библиотекарем Публичной библиотеки с 1812 г.

[8] В 1817 г. «Сын отечества» был еще в какой-то мере передовым журналом, но его литературно-общественное направление не удовлетворяло Орлова.

[9] *«Северная почта»* — правительственная официозная газета, издававшаяся Почтовым департаментом в 1809—1819 гг.

[10] *«Дух журналов*, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и пр.» — журнал, издававшийся Г. М. Яценко в 1815—1820 гг.

Журнал уделял много места экономическим вопросам, выступая защитником дворянского землевладения и противником промышленного развития России. Уподобляя «Дух журналов» пчеле, собирающей ядовитый сок, Орлов не мог, конечно, иметь в виду газету «Северная пчела», основанную только в 1825 г.

[11] *«Русский пустынник*, или Наблюдатель отечественных нравов» — журнал, издававшийся П. А. Корсаковым (1817).

[12] Имеются в виду следующие два издания произведений Д. И. Хвостова: «Избранные притчи из лучших сочинений российскими стихами» (СПб., 1802) и «Избранные притчи из лучших сочинений стихами» (СПб., 1816). В 1817 г. начало выходить «Полное собрание стихотворений» Хвостова в четырех частях, что, по-видимому, и побудило Орлова включить в свою речь упоминание об этих изданиях. Хотя Орлов и пишет, что он прощает «великодушно Хвостову оба издания его басен», но, по сути дела, это была замаскированная издевка, которая была понятна его слушателям: в литературном мире было известно, что Хвостов тратит крупные суммы на издание своих произведений, рассылая их в качестве дара своим многочисленным знакомым и в учебные заведения.

[13] *«Российским Ротру»* Орлов называет А. А. Шаховского.

[14] *Мешков* — кличка А. С. Шишкова, данная ему арзамасцами.

[15] *Громобой* — герой одноименной баллады Жуковского (1810).

[16] *Рейн* — арзамасское прозвище Орлова.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ КИЕВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА 11 АВГУСТА 1819 г.

Печатается по списку, сохранившемуся в архиве Орлова (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1923), под названием: «Речь, произнесенная вице-президентом Киевского отделения Библейского общества Михаилом Федоровичем Орловым в торжественное собрание 11 августа 1819 года». Впервые (не совсем точно) опубликована в Сб. РИО, т. 78, 1891, стр. 519—528.

[1] Речь Орлова в защиту просвещения и его резкие нападки на политических ретроградов нашли горячий отклик у его современников. В недозволенной к печати

статье Вяземского «О новых письмах Вольтера» (1819) мы встречаем мысли, которые полностью совпадают с суждениями Орлова: «В политике, науках, искусствах, словесности вы всегда найдете их поперек дороги истины: они в безумной отваге силились заслонить небеса от Коперника и Невтона, поверенных небесных тайн; навстречу к Расину, грядущему в храм бессмертия с Федрою, они подвигли Прадона; они — те *недоброжелатели*, от коих Ломоносов, как видно из письма к Шувалову, не имел покоя...» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, стр. 67).

[2] *«Правда Ярослава»* — древнейшая часть «Русской правды», памятника права Киевской Руси; датируется позднее первой половины XI в.; возникла при Ярославе Мудром, великом князе Киевском.

[3] Орлов называет *сеймом* Комиссию для составления Нового уложения, созванную Екатериной II в июле 1767 г. В декабре 1768 г. по приказу императрицы, якобы ввиду невозможности продолжать работу в условиях начавшейся войны с Турцией, Комиссия была распущена и больше не возобновляла своей деятельности.

[4] С этими словами Орлова интересно сопоставить его рапорт генералу А. А. Закревскому от 10 октября 1817 г., в котором он подробно излагает успехи Киевской школы, пропагандируя введение ланкастерской системы в армии. Орлов писал: «Честь имею донести вашему превосходительству об опыте, сделанном для образования воспитанников по ланкастеровой методе.

Взято было *сорок* воспитанников, не умевших ни читать, ни писать. Они разделены были на пять отделений, каждое из 8-ми человек, и размещены за пятью столами под надзором одного старшего, более знающего ученика, имеющего по сему случаю звание смотрителя.

Сии столики сделаны были в виде не весьма покатистых пульпетов с возвышенными краями. Во внутренности насыпан песок, по которому ученики пишут пальцем литеры до тех пор, пока совершенно выучатся. У правого бока каждого столика поставлена линейка с гвоздем наверху. Впереди, на малом расстоянии от первого стола, поставлена черная доска с гвоздем наверху.

Смотритель классов имеет при себе литеры в большом виде, написанные просто на бумаге. Помощники его, стоящие каждый у линейки, числом пять, имеют каждый такие же литеры.

Глубочайшая тишина наблюдаема в классе. Смотритель по известному знаку вывешивает литеру. Помощники повторяют и также вывешивают каждый ту же букву у своей линейки, все воспитанники пишут оную на песке, после чего каждый помощник идет перед своим столом и поправляет написанную литеру. Тут делается, по знаку помощника, на каждом столе перемещение с места на место, т. е. те, которые лучше писали, берут и высшее место.

Чтение букв таким же образом преподается, равномерно учение двойным и тройным складам. Сей класс называется первым, или нижним, классом.

Успех совершенно оправдал принятые труды для сего опыта. По прошествии четырех недель из числа 40 воспитанников 24 выучили весьма твердо читать всю азбуку не только тогда, когда покажут им какую-нибудь литеру, но знают ее на память и могут довольно хорошо написать пальцем и палочкою на песке всякую литеру без вывески оной. Они также выучились складывать и выговаривать почти все односложные склады. Остальные 16 человек, переходя с одного нумера на другой, остались на двух последних столах. Половина их знает довольно твердо азбуку читать и читать по вывешенным литерам, а другая еще знает слабо.

Второй класс, или высший, учрежден из 16 воспитанников, умевших уже разбирать слова, но не знавших еще писать. К ним определено два частных и один главный смотритель из воспитанников же.

В сем классе на место пульпетов восьмерных, как в первом, следует построить для каждого ученика особенный пульпет со скамейкой. Расстоянием между каждым

пульпетом определяется место, достаточное, дабы воспитанник, который за пульпетом сидит, мог бы по знаку идти вперед к черной доске, где вывешена пропись.

Смотритель класса дает сигнал и называет нумер отделения. Помощник его по означенному отделению повторяет сигнал, все ученики того отделения встают с места, имея на шее повешенные аспидные дощечки, и идут в ногу до доски, становятся в полукружие и читают повешенную пропись таким образом, что учитель называет только нумера учеников того отделения, а сии подхватывают сказанное их товарищем слово или склад, дабы повсечастно примечательность учеников была бы напряжена на предлагаемый им предмет к чтению. Окончив, таким образом, чтение, отделение в таком же порядке возвращается на свои места и ученики, севши, приготовляются списывать на аспидных досках ту же самую пропись, которая повешена была на доске и которую помощник смотрителя вывешивает на линейке во вверенном ему отделении. Другие отделения класса таким же образом подходят к доске и возвращаются на свои места.

Опыт доказал, что оные 16 учеников, еще не умевших совсем писать и едва ли могущих разбирать склады, в течение четырех недель выучились хорошо и правильно складывать, читать и писать задаваемые прописи и даже изрядно читают книги гражданской печати, чему они вовсе не обучались. Столь сильно влияние порядка и примечательности над умом молодых детей, еще не испорченных нескладным и вздорным учением» (Гершензон, стр. 11—13; подлинник рапорта не сохранился).

Восторженный отзыв о школе Орлова содержится в «Записке» И. Р. Мартоса («Киевская старина», 1897, № 7-8, прилож., стр. 65—69).

Интерес Орлова к педагогическим проблемам виден и в его «Письме членам Общества по ланкастерскому воспитанию в Париже от 11 марта 1818 г.» («Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 год». СПб., 1900, стр. 192—195). В первой четверти XIX в. ланкастерская система обучения имела широкий успех в Западной Европе (см. Л. Н. Модзалевский. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен, ч. II. СПб., 1899, стр. 365—372).

О КНИГЕ «РАССУЖДЕНИЯ О ФРАНЦИИ»
(письмо к Ж. Де Местру от 24 декабря 1814 г.)

Печатается по тексту первой публикации: Joseph de Maistre. Considérations sur la France. P., 1821, p. IX—XIV. В настоящем издании впервые публикуется в русском переводе. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Граф *Жозеф Де Местр* (1754—1821) — один из самых талантливых публицистов католической реакции и легитимизма, противопоставлявший свои концепции идеям Французской революции 1789 г. В качестве посла фактически не существовавшего Сардинского королевства прожил много лет в России, где пользовался большим влиянием в правительственных кругах. Вместе с тем его красноречие, стремление к философскому осмыслению исторических событий, дипломатический опыт привлекали к нему внимание и некоторых либерально настроенных дворян, ставших впоследствии декабристами. Как справедливо отмечает в своей новейшей работе итальянский ученый Д. Берти, «...молодые русские друзья Де Местра, как, например, окончивший иезуитскую школу молодой генерал М. Ф. Орлов, которому Де Местр переслал свои „Considérations sur la France“ и который воспринял их с энтузиазмом и внимательно прочитал, придерживался еще более левой ориентации, чем Чаадаев; другим декабристом, начавшим с идей Де Местра, был Лунин» (Д. Берти. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1960, стр. 278).

[2] *«Монитёр»* — французская правительственная газета, основанная 5 мая 1789 г. Она давала наиболее подробную информацию о событиях во Франции в период революции.

[3] Письмо Орлова и эти строки в особенности показывают, что он глубоко интересовался событиями Французской революции и понимал ее огромное значение. Любопытно отметить, что впоследствии Орлов даже утверждал в разговоре с С. Д. Полторацким, что его первое политическое впечатление — падение Робеспьера («première impression politique — chute de Robespierre») (ЛБ, ф. 233, к. 39, ед. хр. 8). В этой связи необходимо отметить, что среди бумаг Орлова находился список «Марсельезы» (см. факсимиле на стр. 14—15 наст. изд.). Судя по бумаге, его следует датировать первым десятилетием XIX в.

[4] В 1795 г. (после смерти сына казненного Людовика XVI) роялистами был провозглашен королем Франции брат Людовика XVI — граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII. Провозглашение было оформлено особой декларацией.

[5] Речь идет о Наполеоне.

[6] Орлов имеет ввиду папу римского Пия VII, который короновал Наполеона.

ОБ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

(письма к П. А. Вяземскому от 4 мая и 4 июля 1818 г.)

I. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 2480, л. 1—2). Впервые: ЛН, т. 59, 1954, стр. 565. Это письмо, как и остальные письма Орлова к Вяземскому, опубликованные в ЛН (т. 59 и 60), вновь сверены с автографами. Общую оценку письма Орлова см. на стр. 289—290 наст. изд. а также в статье М. В. Нечкиной «Декабрист Михаил Орлов — критик „Истории“ Н. М. Карамзина» (ЛН, т. 59, стр. 557—564).

До нас не дошел ответ Вяземского, но по записи в «Старой записной книжке» можно судить о его мнении по этому поводу: «Умный и образованный, Михаил Орлов был также недоволен трудом Карамзина: патриотизм его оскорблялся и страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр 384).

[1] *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского.

[2] *Денис* — Д. В. Давыдов; *Толстой* — Ф. И. Толстой.

[3] *Мешков* — глава «Беседы» А. С. Шишков.

[4] Стремление Орлова, Вяземского, Н. М. Муравьева и Н. И. Тургенева преобразовать «Арзамас» в серьезную общественно-литературную организацию, не замыкающуюся в сфере только литературных вопросов, не имело успеха по двум основным причинам: во-первых, консервативная часть арзамасцев не сочувствовала такой реорганизации общества; во-вторых, разъезд многих арзамасцев из Петербурга затруднял общение между членами Общества, которое постепенно распалось.

[5] Имеется в виду речь Александра I на открытии первого польского сейма, произнесенная им в Варшаве 15/27 марта 1818 г. В ней Александр обещал распространить на всю Россию «законно-свободные учреждения», т. е. даровать стране конституцию. Об отношении Вяземского к этой речи, о его желании знать мнение Орлова см.: Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов.— «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 98, 1960, стр. 52—56.

[6] *Вера Федоровна Асмодеева* — В. Ф. Вяземская, жена П. А. Вяземского; *Маша* — дочь П. А. Вяземского.

II. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. Вяземских, № 195, ед. хр. 5083, т. II, л. 59—60). Впервые: ЛН, т. 59, 1954, стр. 566—567.

[1] О быстром распространении критического мнения Орлова об «Истории государства Российского» Карамзина см. комментарий Л. Я. Вильде в ЛН (т. 59, стр. 568).

[2] *Рейн* — арзамасское прозвище Орлова.

О КНИГЕ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОХОДОВ РОССИЯН В XVIII СТОЛЕТИИ»

(письма к Д. П. Бутурлину от 2 ноября 1819 г. и 20 декабря 1820 г.)

I. Печатается по тексту первой полной публикации: А. А. Сиверс. Два письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину (сб. «Декабристы и их время», I. М., ⟨1928⟩, стр. 200—202) с некоторым уточнением по списку письма, хранящемуся в ЦГАОР (ф. 109, оп. 1, № 1877). Местонахождение автографа неизвестно. Впервые отрывки из письма были напечатаны: Гершензон, стр. 15—16.

Письмо адресовано Д. П. Бутурлину (1790—1849) в связи с выходом в свет его книги «Военная история походов россиян в XVIII столетии, сочинена Д. Бутурлиным, а с французского переведена квартирмейстерской части генерал-майором А. Хатовым», т. I (СПб., 1819).

Бутурлин был сослуживцем Орлова по кавалергардскому полку, и несмотря на все углублявшиеся идейные расхождения в ту пору, они поддерживали дружеские отношения. В дальнейшем Бутурлин «прославился» как один из наиболее реакционных деятелей, был председателем секретного комитета по делам печати, созданного 2 апреля 1848 г. Яркая характеристика Бутурлина дана в «Старой записной книжке» Вяземского: «Он человек был умный и с способностями, с большими предубеждениями; сердца, полагаю, довольно жесткого и честолюбия на многое готового, но вообще одаренный тем, что выводит людей везде и всегда. Мало, кто имел бы столько прозвищ, как он. Сперва он был Бутурлин-Жомини, потому что стал известен военными сочинениями; там Бутурлин-Трокадеро, потому что находился при главной квартире герцога Ангулемского во время испанской войны; там Бутурлин-доктринер, по сгибу ума его и мнениям, цельным и порешенным однажды навсегда. Под конец прозвали его *барыней 17-го столетия* по поводу драмы, которую представляли на Александринском театре, и вследствие понятий его отсталых ⟨...⟩ Еще можно было бы прозвать его Бутурлиным-цензором, потому что, вероятно, ему обязаны учреждением этой высшей и ретроспективной цензуры, которой назначен он был председателем» (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1886, стр. 120—121).

II. Печатается по тексту указ. публикации А. А. Сиверса (стр. 202—205). Местонахождение автографа неизвестно. Впервые отрывки из письма были напечатаны: Гершензон, стр. 16.

[1] В середине XVII в. в Дании были отменены некоторые дворянские привилегии и утвердился абсолютистско-монархический строй. Орлов правильно подметил, что Бутурлин выступает в данном рассуждении с реакционно-монархических позиций.

О ВОЕННОМ ВОСПИТАНИИ

(письмо к И. И. Дибичу от 1 сентября 1820 г.)

Печатается впервые по списку, сохранившемуся в архиве Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 44). Местонахождение автографа неизвестно.

Письмо к генерал-адъютанту Дибичу представляет собой ответ Орлова на предложение изложить его мысли о военном воспитании. Орлов считал необходимым значительно расширить как количество учащихся, так и курс обучения, включив в него и гражданские науки (словесность, история). Показательно, что свою просветительскую программу Орлов непосредственно связывал с образовательной политикой Петра I. Естественно, что программа военного обучения, предложенная Орловым, не была принята Главным штабом русской армии, ибо ее просветительский пафос был несовместим с царившей в армии аракчеевщиной. С другой стороны, сам Орлов, будучи назначен начальником 16-й дивизии, ревностно принялся осуществлять перестройку военного обучения, о чем красноречиво свидетельствуют его приказы и инструкции

о постановке учебного дела в дивизии (обзор этих документов см. выше, стр. 324—325).

[1] Эта мысль Орлова получила свое дальнейшее развитие в написанном им «Постановлении для учебного юнкерского заведения при 16-й пехотной дивизии», где изложена программа нижнего, верхнего и дополнительного классов (публикуется в извлечении впервые):

«О нижнем классе.

5. Условия для вступления в нижний класс суть умение читать скоро и без остановки, писать четко, чисто и без грубых ошибок и считать основательно по четырем правилам арифметики.

6. Предметы учения суть:

Арифметика с дробями и сложными числами; *грамматика русская и синтаксис; география древняя* вкратце и *новая* довольно подробно; *закон божий* и священная история; *понятие* о всеобщей истории и история отечественная; *баснословие* вкратце; начало военного рисования.

7. Сей класс несколько распространен единственно для того, чтобы те, кои какимнибудь случаем, сделав хорошие успехи, принуждены будут оставить курс наук, могли получить некоторое общее понятие о вещах и продолжать усовершенствование своих познаний чтением книг.

О верхнем классе.

8. Условия для принятия в сей класс суть познание всего того, что составляет предмет преподавания в нижнем классе.

9. Предметы учения суть:

Геометрия, то есть лонгомегрия, плангеометрия и стереометрия; *алгебра* до уравнений второй степени; *география* математическая и подробная новая; *история всеобщая древняя и новая* с подробностями; *словесность российская* и сочинения на русском языке; *продолжение военного рисования.*

10. Все сии познания суть основания всякого образования и необходимы для человека, к какому бы состоянию он ни готовился, и могут быть полезны и на службе и в самой отставке.

О дополнительном классе.

11. Условия для сего класса суть основательное понятие о всех познаниях, преподаваемых в двух других классах, и способность, засвидетельствованная учителями к дальнейшим успехам.

12. Предметы в сем классе суть:

Тактика простая, то есть понятие по уставу о движении войск; *тактика* военная, то есть употребление войск на войне; *фортификация* полевая и часть долговременной; *артиллерия,* часть употребительная в поле; выписки и сочинения из истории всеобщей; составление военных бумаг; часть российского права; состав российской армии; военное судопроизводство и обязанности каждого лица в армии...» (ИРЛИ, ф. 255. № 44).

ПРИКАЗЫ И ИНСТРУКЦИИ ПО 16-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Приказ № 3 от 3 августа 1820 г. Печатается по тексту тетради Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 44). Впервые опубликован: Гершензон, стр. 30—32. Вторично напечатан в кн.: «Декабристы. Сборник отрывков из источников». Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М., 1925, стр. 60—63.

[1] Массовое дезертирство из армии было естественной реакцией солдат на аракчеевский режим, на казнокрадство начальства, в результате которого солдаты вели полуголодное существование. Вполне понятно, что в полках корпуса И. В. Сабанеева, расположенного в пограничной местности, побеги приобретали угрожающие размеры. Как свидетельствовал Сабанеев, за 5 лет, с 1816 по 1821 г., в его корпусе умерло около 4 тысяч солдат и примерно такое же количество бежало (Сб. РИО, 1890, т. 73, стр. 578).

Приказ № 27 от 18 октября 1820 г. Печатается по тексту тетради Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 44). Впервые опубликован в ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 8—9 по копии, хранящейся в ЦГВИАЛ.

[1] Общеизвестно, как широко распространены были в русской армии в период аракчеевщины истязания солдат и жесточайшие телесные наказания (палки, шпицрутены и т. д.). До вступления в должность Орлова не была исключением и 16-я дивизия — об этом свидетельствует показание В. Ф. Раевского: «Принявши в командование в 32-м егерском полку 9 роту, я нашел, что некоторые из унтер-офицеров, как то Карелин, Лаптев, давали солдатам по 200 и по 300 ударов палками в лежачку; следственно, и другие унтер-офицеры имели то же право, и так мудрено ли, что солдат, особенно рекрут, измеря 25-летний срок и видя в одной только роте 24 человека, которые имеют право давать ему почти ни за что по 200 и 300 ударов палками,— решается на побег?» (Цит. по кн.: В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Л.—М., 1949, стр. 59).

〈*Секретное предписание*〉 командиру 1-й бригады 16-й пехотной дивизии господину генерал-майору и кавалеру Болховскому за № 788 от 13 ноября 1820 г. Печатается впервые по тексту тетради Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 2).

Секретная инструкция для полковых командиров за № 791 от 13 ноября 1820 г. Полностью печатается впервые по тексту тетради Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 44). Отрывок из инструкции приведен впервые в книге В. Г. Базанова «Владимир Федосеевич Раевский» (Л.—М., 1949, стр. 58).

Приказ № 50 от 21 декабря 1820 г. Печатается впервые по тексту тетради Орлова (ИРЛИ, ф. 255, № 44).

Приказ № 26 от 29 марта 1821 г. Печатается по тексту ЛН (т. 60, кн. 1, 1956, стр. 9—10), где было опубликовано впервые (по копии ЦГВИАЛ).

Приказ от 8 января 1822 г. Печатается по тексту: Гершензон, стр. 32—33, где был опубликован впервые. Перепеч.: «Звенья», IX, 1951, стр. 72—73.

ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА 1-го

Печатаются по автографу (ЦГАОР, ф. 48, оп. 48, № 83). Впервые опубликовано: М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 1—20.

[1] Возвращение Орлова в Россию из заграничных походов относится к концу 1816 г. В данном месте показаний Орлов подразумевает свое кратковременное пребывание на родине в конце 1814 и в начале 1815 г.

[2] Орлов имеет в виду раннюю преддекабристскую организацию «Орден русских рыцарей», в которую входили он, М. А. Дмитриев-Мамонов, Н. И. Тургенев, М. Н. Новиков, а также, по-видимому, Д. В. Давыдов, И. М. Бибиков. Подробнее об «Ордене русских рыцарей» см. статью Ю. М. Лотмана «Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель» («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1959, вып. 77, стр. 19—22).

[3] В отличие от большинства декабристов Орлов был противником создания независимой Польши. Как справедливо полагает Л. Я. Вильде, «вероятнее всего, Орлов писал „Протест" и собирал под ним подписи в конце апреля или в самом начале мая 1815 г., когда была решена судьба Польши на Венском конгрессе и Александр I делал намеки на то, что даст Польше „внутреннее расширение"» (ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 25).

[4] Надо думать, что под «обстоятельствами 1815 года» Орлов подразумевает возвращение Наполеона («Сто дней»), в связи с чем он был отозван в действующую армию, а затем остался в составе оккупационных войск.

[5] Речь идет о разговоре Орлова с Александром Муравьевым в начале 1817 г. Во время беседы Муравьев сообщил Орлову о существовании Союза Спасения и предложил ему присоединиться к этому тайному обществу. Однако Орлов не дал своего согласия.

[6] *Иллюминаты* — тайное общество, созданное в 1776 г. А. Вейсгауптом в Баварии. Конечной целью общества была замена христианства деизмом и монархического правления республиканским. В организационном отношении иллюминаты много заимствовали от иезуитов; с 1780 г. происходит сближение иллюминатов с масонами.

[7] А. М. Муравьев был арестован по личному распоряжению Александра I во время военного парада 1818 г. за мелкое служебное упущение. Его арест взволновал членов Общества, предположивших, что правительству стало известно о существовании Союза Благоденствия.

[8] Новейшие исследователи считают, что датировать вступление Орлова в Союз Благоденствия следует 1818 г. Договорившись в 1817 г. с Александром Муравьевым о том, что Союз Спасения и «Орден русских рыцарей» будут действовать самостоятельно, Орлов вскоре убедился, что «Орден» фактически перестал существовать. Свидетельство Н. М. Муравьева убедительно показывает создавшуюся для него обстановку: «Г⟨енерал⟩ Орлов не успел в своем намерении составить общество. Представитель его в Петербурге Николай Тургенев вступил в С⟨оюз⟩ Бл⟨агоденствия⟩, и он сам последовал сему примеру в Москве, где принял его Александр Муравьев, вышедший в отставку и поселившейся там». Отсюда следует, что Орлов дал расписку о вступлении в Союз во всяком случае не позже начала сентября 1818 г., так как вышедший в отставку Александр Муравьев, по собственному показанию, в начале сентября уже уехал из Москвы в деревню (М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 220).

[9] По понятным причинам Орлов назвал не всех офицеров дивизии, входивших в состав Кишиневской управы; кроме упомянутых Орловым лиц, в нее входили генерал П. С. Пущин, майор И. М. Юмин, поручик Н. С. Таушев и некоторые другие офицеры 16-й дивизии.

[10] Подробнее о московском съезде см. стр. 293—296 наст. изд.

[11] Орлов явно преуменьшает количественный состав Союза Благоденствия. Хотя общее количество членов этого тайного общества не может быть точно установлено однако оно, несомненно, было значительно больше; судя по свидетельствам Н. И. Тургенева, М. К. Грибовского, И. Д. Якушкина и др., в него входило не менее 200 человек.

[12] Книга Дестю де Траси «Комментарий к Духу законов Монтескье» (впервые напечатана в 1811 г. в переводе на англ. яз.; первое авторское издание на франц. яз.— в 1822 г.) критикует установленное Монтескье разделение форм правления (республика, монархия, деспотия). По Монтескье, демократия возможна лишь в малых государствах, а в странах с большой территорией может быть оправдана и деспотия. Понятно, что утверждение Монтескье о зависимости формы правления от географических условий не могло быть принято передовыми русскими мыслителями того времени, ибо, исходя из этого тезиса, можно было оправдать и русское самодержавие. Идеал парламентаризма, с защитой которого выступил де Траси, более соответствовал поли-

тическим исканиям декабристов, нежели теория Монтескье о трех формах правления. Высказывание Орлова о широком влиянии книги де Траси имеет существенное значение для понимания политических концепций декабристов. Об использовании декабристами взглядов де Траси на организацию верховной власти см.: В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 545—549.

[13] Как известно, южные декабристы установили связь с польским патриотическим обществом и провели с его представителями (Яблоновским, Градецким) несколько встреч, последняя из которых состоялась в Киеве во второй половине января 1825 г. Темой переговоров были планы совместных действий и вопрос о польско-русской границе, по которому не удалось достигнуть соглашения. Подробнее об этом см.: П. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.

[14] Орлов имеет в виду свой труд «О государственном кредите».

[15] Подробнее о встречах Орлова с московскими декабристами в тревожные дни восстания см. на стр. 298—299 наст. изд.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ

Печатается по первому и единственному изданию (М., 1833) с внесением рукописных вставок, опубликованных в ЗОР, вып. 17 (М., 1955, стр. 192—213).

Книга «О государственном кредите», самое крупное произведение Орлова * — выдающийся памятник русской социологической мысли. Книга была опубликована анонимно, а на ее титульном листе значилось: «Сочинение, писанное в начале 1832 года». Необычное для заглавного листа пояснение имело свой смысл: Орлов хотел подчеркнуть для цензуры (для которой имя автора не было секретом), что данная книга принадлежит не Орлову — члену тайного общества, а якобы написана лишь через семь лет после разгрома декабристов. Однако в письме к Вяземскому (от 10 января 1832 г.) он сообщал, что этими вопросами он занимается семь лет. Но и эту датировку можно оспаривать. По свидетельству декабриста Муханова, с которым Орлов встречался за несколько лет до восстания, последний «занимался 〈...〉 все время химией и сочинением новой системы финансов» («Восстание декабристов», т. III. М.— Л., 1927, стр. 141).

Сам Орлов на следующий день после ареста сообщал московскому генерал-губернатору, что у него отобрана рукопись главы книги, которую он писал «вот уже год». Орлов просил возвратить рукопись, так как его труд может быть «*очень полезен* для отечества» («Красный архив», 1925, № 6, стр. 152). В записке от 13 января 1826 г. он опять говорил об этом труде (М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр. 14). Конечно, и в письме и в записке речь шла о труде по финансово-кредитным вопросам.

Орлову и активно помогавшему ему в этом Вяземскому пришлось столкнуться с чрезвычайными цензурными трудностями **. Орлов надеялся на содействие своих бывших товарищей по «Арзамасу» — Д. В. Дашкова (ставшего министром юстиции) и С. С. Уварова (ставшего президентом Академии наук, министром просвещения, а зна-

* Подробнее см.: С. Боровой. Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» (ЗОР, вып. 17, 1955, стр. 159—190). В настоящем очерке в результате новых архивных розысканий в цензурную историю книги внесены некоторые уточнения и дополнения.

** Хлопоты Вяземского отражены не только в его письмах к Орлову, но и в переписке с женой, опубликованной в сб. «Звенья», т. IX. М.—Л., 1951 (комментатор, не разобравшись в существе дела, не расшифровал данные, относящиеся к изданию книги Орлова).

чит, и главою цензурного ведомства). По совету Вяземского, Орлов обратился также за поддержкой к Бенкендорфу, в надежде, что тот доложит об этом царю. Этот ход, а главное, надо думать, вмешательство всесильного Алексея Орлова дали результаты. По докладу Бенкендорфа, Уварову «высочайше» было поручено рассмотреть труд Орлова, «прежде нежели дать оному гласность».

Отзыв Уварова был весьма благоприятен. Он указал, что «сочинитель в дельном труде своем извлек из разных сочинений по части политической экономии довольно полную и ясную систему о государственном кредите...», что книга «за исключением самых незначительных, немногих мест и нескольких строк, ближайший разбор коих принадлежит цензуре, имеющей пропустить оное сочинение к напечатанию, являет благонамеренную цель автора» (ЦГАОР, ф. 1717, оп. 1, ед. хр. 120, л. 84—85).

Вместе с тем, по просьбе Орлова, рукопись была направлена в Академию наук, где была передана на отзыв признанному корифею русской экономической науки академику А. К. Шторху.

Один из виднейших представителей «вульгарной политической экономии», хотя он и считал себя последователем Адама Смита, Шторх отнесся крайне отрицательно к теоретическим построениям Орлова. По словам академика, сочинение Орлова «содержит в себе хотя много нового, но мало полезного», он утверждал, что «автор не только не усовершил ⟨так!⟩ теории кредита, но точные и ясные понятия заместил ложными и сбивчивыми»; он находил, что «практические результаты мнимого его учения были бы столь же пагубны для государства, сколько его теория вредна для науки» (Архив Академии наук СССР, ф. 1, оп. 2, 1832, § 462, л. 17—29).

Рецензия Шторха не оказала влияния на судьбу книги. Еще до ее представления, на совещании, в котором участвовали Алексей Орлов, Бенкендорф и Уваров, было решено разрешить книгу к печати при условии исключения некоторых мест.

Московский цензурный комитет не нашел в себе смелости высказаться о книге, в которой, по словам цензора Цветаева, «рассматриваются вопросы, важнейшие в государственном управлении» (ЗОР, вып. 17, стр. 223). Рукопись была направлена на рассмотрение члена Главного управления цензуры барона Ф. И. Брунова.

Брунов, впоследствии видный дипломат, в 1823—1826 гг. служил в канцелярии М. С. Воронцова в Одессе, где встречался с Пушкиным. По Одессе он, несомненно, должен был знать и Орлова. Но это знакомство нисколько не пошло последнему на пользу.

Брунов оказался достаточно проницательным, чтобы заметить, что Орлов в своей будто бы сугубо специальной книге попытался подвести читателя к рассмотрению острых политических проблем. Подытоживая свои соображения по поводу мыслей Орлова о зависимости постепенного гражданского преобразования от «развития государственного кредита», Брунов заявлял, что находит «выражение сей мысли не только само по себе совершенно неосновательным, но даже вредным. Брунов потребовал исключения из книги целых разделов. Но самым злокозненным было предложение получить согласие на ее издание от министра финансов Е. Ф. Канкрина (ЗОР, вып. 17, стр. 224—227). Ведь внутренний пафос труда Орлова заключался как раз в отрицании теоретических воззрений и всего направления кредитно-финансовой политики Канкрина. Брунов это, несомненно, понимал. Но, к счастью для Орлова, Главное управление цензуры, согласившись с большинством предложений Брунова, прошло мимо этого совета.

Таким образом, хотя книгу и удалось издать, она дошла до читателя со значительными цензурными купюрами.

В тех случаях, когда из изложения Орлова ясно, о каких явлениях и событиях идет речь, мы не считали нужным давать развернутый комментарий (например, о курсе ассигнатов, о конфискации феодальных земель в годы Великой буржуазной революции во Франции и т. д.). Исходя из того, что современного читателя книги интересует

лишь концепция Орлова, а научное освещение описываемых им явлений и событий дано в широко известных советскому читателю марксистских трудах по этим вопросам, мы не сочли целесообразным отмечать все ошибки Орлова в оценке тех или иных фактов.

[1] Под «преспеянием» Орлов понимал «успех», «развитие». В немецком издании это слово переводится «Vorschritt», «Gedeihen».

[2] *«Эдинбургское обозрение»* («Edinburgh Review») — старейший английский журнал; основан в 1802 г.; орган вигов.

[3] Кредитные вопросы особенно оживленно обсуждались во Французской палате в 1831—1832 гг. Так, 11 февраля 1831 г. министр Лаффит выступил в защиту плана выпуска займа на 200 млн. фр.; на заседании 18 ноября 1832 г. он выступил с большой речью о роли французского банка.

[4] Термин *«отвержденный долг»* Орлов употреблял вместо принятого термина «консолидированный долг», т. е. государственный долг, принявший форму бессрочного процентного займа.

[5] Отстаивая принцип безвозвратности капитальной суммы государственных займов, Орлов отрицал необходимость погашения государственного долга. Вместе с тем он признавал, что курс облигаций займов на фондовом рынке имеет тенденцию к понижению. Поэтому он считал очень важным предотвратить падение курса облигаций. Для этой цели, по его мнению, служили кассы погашения, которые должны были покупать и продавать облигации займов. Таким же средством поддержания курса облигаций займов он считал биржевые операции. Вопросу о кассах погашения Орлов уделял много внимания и в других разделах книги (оценку взглядов Орлова на роль касс погашения см. в «Истории русской экономической мысли», т. I, ч. 2. М., 1958, стр. 200—201).

[6] Речь идет об изгнаниях в средние века евреев из некоторых стран Западной Европы (например, из Англии в 1290 г., из Франции в 1324 и 1394 гг., из Испании в 1492 г.), сопровождавшихся конфискацией их имущества и аннулированием долговых государственных обязательств, выданных евреям-ростовщикам.

[7] *Монтезума* (ок. 1466—1520) — верховный вождь ацтеков и глава союза индейских племен в Мексике. Был захвачен в плен испанскими конквистадорами, которые, вымогая золото, подвергли его чудовищным пыткам.

[8] Орлов имеет в виду законы о конфискации феодальной земельной собственности, изданные во время революции 1789 г. во Франции.

[9] В годы французской революции и в наполеоновский период Англия широко субсидировала своих союзников по антифранцузским коалициям.

[10] *Базельский мир* между Францией и Пруссией был заключен в 1795 г., после военного поражения последней.

[11] В 1825 г. был принят закон о выплате бывшим эмигрантам компенсации в размере 1 млрд. фр. за конфискованные во время революции земли.

[12] Война за испанское наследство (1701—1714) между Англией, Австрией, большинством немецких государств, с одной стороны, и Францией и Испанией, с другой, закончилась победой антифранцузской коалиции.

[13] *Семилетняя война* (1756—1763) между Австрией, Францией и Россией, с одной стороны, Пруссией и Англией, с другой. Лишь неожиданное прекращение Петром III военных операций спасло Пруссию от полного разгрома.

[14] Соединенные Штаты Америки были признаны независимым государством в 1783 г.

[15] *Амьенский мир* 1802 г. был заключен между Францией и ее союзниками и Англией. В 1803 г. Англия вновь объявила войну Франции.

[16] *Тонтина* — не практикующийся сейчас вид страховой операции, при которой сделанный одним лицом взнос распределяется между теми из участвующих в опера-

ции, которые останутся в живых ко времени смерти этого лица. Название получила по имени неаполитанского банкира Тонти, по предложению которого во Франции в 1653 г. тонтины были использованы как средство пополнения государственной казны.

[17] *Векселями* Орлов называет государственные долговые обязательства.

[18] Р. Прайс в своем труде «Appeal to the public on the subject of the national debt» выдвинул план создания погасительного фонда для постепенного сокращения государственного долга. Под «Завещанием» Франклина, близкого друга Прайса, Орлов, надо думать, понимал его «Советы молодому торговцу» (В. Франклин. Избранные произведения. М., 1956, стр. 82—83), в которых излагались мысли о чудодейственном влиянии кредита, весьма близкие к воззрениям Орлова.

[19] Идеолог буржуазного либерализма, «утилитарист» И. Бентам считал, что единственным двигателем человеческой деятельности является «польза». Поэтому цель законов должна сводиться к тому, чтобы под воздействием наказаний или поощрений человек сам шел к достижению собственной пользы и этим достигалось бы «наибольшее счастье наибольшего числа людей». К. Маркс называл Бентама «оракулом пошлого буржуазного рассудка XIX века» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 623).

[20] Период процветания Афин Орлов относит ко времени между 449 и 405 гг. до н. э.

[21] По Орлову, период «преспеяния» Спарты падает на время между 480 и 371 гг. до н. э.

[22] *Эпаминонд* (ум. в 362 г. до н. э.) — греческий полководец, прославившийся в войнах со Спартой.

[23] *Пелопид* — греческий государственный и военный деятель IV в. до н. э., участник войн со Спартой.

[24] Имеется в виду период между 338 и 330 гг. до н. э. Тут Орлов допустил неточность: распад империи Александра Македонского относится к 323 г. до н. э

[25] Время расцвета эллинистических монархий Орлов ограничивает царствованием Селевка I (312—280 гг. до н. э.), первых трех Птоломеев (312—221 гг. до н. э.) и Митридата (121—64 гг. до н. э.).

[26] Орлов определяет период процветания Испании временем между 1525 и 1557 гг.

[27] *Вестфальский мир*, завершивший Тридцатилетнюю войну, был заключен в 1648 г.

[28] В Спарте в обращении были только громоздкие и неудобные железные деньги. Говоря о «черной похлебке», Орлов имел в виду суровый спартанский образ жизни.

[29] По условиям морского союза, образовавшегося в 478 г. до н. э., в период греко-персидских войн, общесоюзная казна должна была храниться при храме Аполлона на о. Делос. Господство Афин в союзе дало им возможность бесконтрольно ею распоряжаться.

[30] Персия предоставила Спарте субсидию на постройку флота. Стоявший во главе спартанского флота Лисандр нанес афинянам поражение в 407 г. до н. э.

[31] Богатства храма в Дельфах попали в руки Филиппа Македонского после окончания так называемой «Священной войны» (355—346 гг. до н. э.).

[32] См. прим. 27.

[33] Журнал «Biblioteque britannique» издавался в Женеве в 1796—1815 гг. С 1816 г. он выходил под названием «Biblioteque universelle».

[34] Орлов имел в виду издаваемый Ферюсаком «Bulletin universel des sciences et de l'industrie».

[35] *«Revue britannique»* — журнал, издававшийся в Париже с 1821 г

[36] См. прим. 2.

[37] *«Quarterly review»* — орган тори, основанный в 1809 г.

[38] См. прим. 13.

[39] Цитата из тома II книги Ганиля (Ch. Ganilh. Essai politique sur le revenu des peuples de l'antiquité du Moyen Age, etc... P., 1806).

[40] Орлов осуждает принятый якобинским конвентом 29 сентября 1793 г. декрет об установлении всеобщего максимума цен.

[41] Государственный переворот, осуществленный Наполеоном 9 ноября 1799 г.

[42] См. прим. 15.

[43] *Тильзитский мир* 1807 г. между Францией, с одной стороны, Россией и Пруссией — с другой.

[44] Цитата из книги Фена, секретаря и историографа Наполеона: «Manuscrit de 1813, contenant le precis des evenements de cette année pour servir à l'histoire de Napoleon». P., 1824.

[45] Битва под Лейпцигом в октябре 1813 г., закончившаяся поражением Наполеона.

[46] Первое восстановление Бурбонов было в 1814 г.

[47] О кредитных планах Лаффита см. также в письме Орлова к Вяземскому от 20 июля 1833 г.

[48] В 1823 г. произошла французская интервенция в Испанию.

[49] См. прим. 11.

[50] Реставрация Стюартов состоялась в 1660 г.

[51] Стюарты были изгнаны в 1688 г.

[52] Английская *Ост-Индская* компания была основана в 1600 г.

[53] *Английский банк* был учрежден в 1694 г.

[54] См. прим. 12.

[55] *Утрехтский трактат* 1713 г. положил конец войне за испанское наследство.

[56] В результате Семилетней войны Англия увеличила свои колониальные владения, в частности приобрела Канаду, ранее принадлежавшую Франции.

[57] Очевидно, имеется в виду Парижский трактат 1763 г. между Англией и Францией.

[58] Под «общим возмущением» Орлов подразумевает американскую войну за независимость (1774—1782).

[59] *Сент-Жемский кабинет* — в книге Орлова правительство Англии.

[60] Под «знаменитым полководцем» понимался, надо полагать, Наполеон, которому приписывалось цитированное Орловым изречение. Орлов иронизирует по поводу того, что пожелание Наполеона было осуществлено не им, а его злейшим врагом — Питтом.

[61] «Именовательными долгами» Орлов называл именные облигации займов, т. е. выписываемые на имя определенного лица, в отличие от так называемых «анонимных». Впоследствии именные облигации почти совершенно вышли из практики.

[62] Англия вступила в войну с Францией и Испанией в 1778 г.

[63] *«Вооруженный нейтралитет»* был провозглашен Россией и рядом присоединившихся к ней стран в 1780 г. Он был направлен против стремления Англии установить неограниченный контроль над морскими путями.

[64] Имеется в виду послание Жуковского «Императору Александру I» (1814).

[65] См. прим. 57.

[66] *Навигационный акт 1651 г.*, закрывавший английские порты для иностранных кораблей, был отменен в 1849 г.

[67] *Веронский конгресс 1822 г.* — последний конгресс Священного союза. На нем обсуждались планы интервенции в Испании, итальянские дела, восстание в Греции и другие международные вопросы, связанные с оживлением национально-освободительного и революционного движения.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Впервые некоторые отрывки из писем Орлова были использованы в печати в 1882 г. в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время». Более широкое знакомство с эпистолярным наследием Орлова началось после революции 1905 г. В статье М. О. Гершензона «Семья декабристов» («Былое», 1906, № 10 и 11), а также в его книге «История молодой России» (М., 1908) были опубликованы многочисленные отрывки из писем Орлова к жене, сестре, А. Н. Раевскому, А. М. Безобразову. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, широко раскрывшей исследователям недоступные ранее архивы, в научный оборот было введено большое количество писем Орлова. Так, например, в двух декабристских томах «Литературного наследства» (т. 59 и т. 60, кн. 1, 1954 и 1956), а также в «Записках Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (вып. 17, 1955) были опубликованы важнейшие письма Орлова к П. А. Вяземскому и к другим корреспондентам. В нашем издании впервые публикуются письма Орлова к невесте, А. Н. и Н. Н. Раевским, а некоторые письма, известные ранее лишь в выдержках, впервые печатаются в полном виде. Письма Орлова, носящие сугубо личный или деловой характер (например, по имущественным вопросам и т. д.), в настоящее издание не включены. Кроме того, в этот раздел не включены некоторые публицистические выступления Орлова, оформленные в виде писем, — они публикуются в разделе политических сочинений.

При рассмотрении эпистолярного наследия Орлова обнаруживаются значительные пробелы. Нет сомнения, что до нас дошла только ничтожная часть его писем — по понятным причинам оказалась уничтоженной его переписка с друзьми-декабристами; из его переписки с Пушкиным сохранилось лишь одно небольшое письмо.

Несмотря на несколько случайный характер сохранившегося корпуса писем Орлова, он представляет значительный интерес как в биографическом, так и в общественном плане. В письмах декабристского периода мы встречаем многочисленные рассуждения об европейских делах, о революционных событиях в Западной Европе, о восстании Ипсиланти, о коренных проблемах внутренней политики России (о крепостничестве, о Польше, о кавказских планах царизма). В эти годы даже в письмах, имеющих чисто семейный характер, прорываются признания большого политического звучания. Так, в письме к сестре Орлов писал: «Я вижу славу вдали ⟨...⟩ Жить с пользою для своего отечества и умереть оплакиваемый друзьями — вот что достойно истинного гражданина, и если мне суждена такая доля, я горячо благодарю за нее провидение» (цит. по кн.: М. О. Гершензон. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 13).

Чрезвычайно примечательно письмо к свояку, в котором говорится: «..сколь трудно тебе бороться с устроенным неустройством нашего внутреннего правления, и что система злодеев, соединенных тесно для избежания несчастья, сильнее, нежели порывы одного от всех оставленного гражданина...» (там же, стр. 14).

Естественно, что в письмах последекабрьского периода Орлов с большей осторожностью высказывался по политическим вопросам. Однако и в них значительное место занимают общественно-литературные и экономические проблемы.

Особенности общественно-политического и литературного развития России в первой трети XIX в. способствовали расцвету эпистолярного жанра. Обсуждение острых политических проблем из-за цензурных препятствий часто не могло отразиться на страницах журналов. В этих условиях частная переписка заменяла собой печатную трибуну. Писатели пушкинского круга, и в первую очередь сам Пушкин, были первоклассными мастерами эпистолярии. Письма Орлова по своей образности и афористичности не уступают лучшим образцам этого жанра.

1. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 22 августа 1819 г.

Все письма к Вяземскому печатаются по автографам из архива Вяземских (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2480 и 5083); впервые: ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 21—46; письма № 25, 27, 28, 30 впервые: ЗОР, вып. 17, стр. 214—218, 220—221, 229, 233—234.

[1] По-видимому, Орлов имеет в виду летние военные маневры 4-го пехотного корпуса, начальником штаба которого он был в это время, а также польские политические дела, в которых участвовал Вяземский, служивший в те годы в Варшаве.

[2] Об отношении Орлова к введению конституции в Польше см. на стр. 282—283 наст. изд.

[3] Речь Орлова в Киевском отделении Библейского общества см. на стр. 45—52 наст. изд.

[4] *Денис* — Д. В. Давыдов, который весной 1819 г. женился на С. Н. Чирковой.

2. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 28 февраля 1820 г.

[1] Это письмо Вяземского неизвестно.

[2] О неудачной попытке Орлова издать свою речь в Библейском обществе и об обвинении его в нарушении цели Общества, выдвинутом министром народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицыным, см.: «Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, стр. 306—307.

[3] *Прекрасная Софья* — С. С. Потоцкая. О ней см.: Л. П. Гроссман. У истоков «Бахчисарайского фонтана».— В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 53—73.

[4] В речи Александра I, произнесенной им при открытии Польского сейма, имелись намеки на возможность присоединения к Царству Польскому украинских, белорусских и литовских земель. Орлов, как и многие другие, принял всерьез обещания Александра I и был крайне ими встревожен. Более скептически отнесся к словам царя Вяземский, который на вопрос Орлова: «На чем сия надежда основана?» — отвечал ему: «На двусмысленности слов двуличного Януса».

[5] Орлов просит Вяземского прислать ему протоколы Польского сейма за 1818 г.

[6] Ответ Вяземского на это письмо от середины марта см.: «Архив бр. Тургеневых», вып. 6. Пг., 1921, стр. 377—380.

3. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 22 марта 1820 г.

Письмо написано под диктовку. Рукой Орлова сделаны только вставки, дата и подпись.

[1] Д. В. Дашков и С. И. Тургенев состояли в это время при русской миссии в Константинополе.

[2] Д. Н. Блудов служил в русском посольстве в Англии (1817—1820).

[3] Как видно из настоящего письма, Орлов вплоть до 1820 г. не оставлял мысли об издании журнала. Он особенно настойчиво писал об этом Вяземскому, так как знал, что и тот был горячим сторонником этого проекта. Однако по не зависящим от Орлова и Вяземского обстоятельствам стать редакторами и издателями журнала им не удалось. В 1820 г. Вяземский предпринимал шаги для создания журнала в Варшаве, но и в этом потерпел неудачу. 18 сентября 1820 г. Вяземский писал С. И. Тургеневу: «Я было намеревался доставлять в Россию *вести о свободе* весьма умеренной и обузданной, вести о действиях здешнего сейма, нам не чуждых, ибо, как ни говори, а они

у нас не только что под носом, но часто могут быть и на носу, но, как я писал Орлову, в обширной спальне России никакие будильники не допускаются, и я намерения своего в дело привести не мог» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6. Пг., 1921, стр. 8).

4. А. Н. РАЕВСКОМУ. 30 мая 1820 г.

Все письма к А. Н. Раевскому печатаются по автографам. Настоящее письмо публикуется полностью впервые (ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, № 53). Отрывки были напечатаны: Гершензон, стр. 20.

[1] *Тургенев* — Сергей Иванович.

[2] Понимая неотвратимость революционных событий («везде огонь живет под пеплом»), Орлов недвусмысленно намекает на неизбежность социальных потрясений в России. Указанную фразу следует сопоставить с записью Пушкина 1821—1823 гг.: «O⟨rloff⟩ disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, revolution en Portugal, constitutions par ci, constitution par la... Messieurs les souverains, vous avez fait un sottise en détrônant Napoleon» * (А. С. Пушкин. Полн. собр соч., т. XII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 304).

Упоминание XX в. вместо XIX — по-видимому, описка Орлова. Однако возможно, что нарушение хронологии сделано на случай перлюстрации письма.

[3] Учитывая критическое отношение Орлова к военной деятельности Ермолова на Кавказе (см. стр. 228 наст. изд.), особое значение приобретает данная в этом письме высокая оценка личности Ермолова.

[4] Князь *Витгенштейн* был в то время командующим 2-й армией. Орлов сообщает Раевскому о своих настойчивых попытках получить командование дивизией.

5. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 15 июня 1820 г.

[1] Речь Орлова на заседании Киевского отделения Библейского общества, которая распространялась в списках, равно как и его письмо к Д. П. Бутурлину от 2 ноября 1819 г. создали ему репутацию оппозиционера. Кроме того, как видно из письма Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 16 апреля 1820 г., ходили слухи о том, что Орлов составил конституцию и обсуждал ее с друзьми. По-видимому, вести об этом дошли до Вяземского и в своем письме (которое нам неизвестно) он упрекал Орлова в неосторожности.

[2] Вероятно, Орлов имеет в виду рассуждения Вяземского о необходимости приступить к постепенной ликвидации крепостного права в России. 6 февраля 1820 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Правительство не дает ни привета, ни ответа: народ завсегда, пока не взбесится, дремлет. Кому же, как не тем, которым дано прозрение неминуемого и средства действовать в смысле этого грядущего и тем самым угладить ему дорогу и устранить препятствия, пагубные и для ездоков, и для мимоходов, кому же, как не тем приступить к делу или, по крайности, к рассмотрению дела, коего событие неотменно и, так сказать, в естественном ходе вещей? Ибо там, где учат грамоте, там от большого количества народа не скроешь, что рабство — уродливость, и что свобода, коей они лишены, так же неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце ⟨...⟩ Рабство — на теле государства Российского нарост; не закидывая взоров вдаль, положим за истину, что нарост этот подлежит срезанию, и начнем толковать о средствах, как его срезать вернейшим образом и так, чтобы рана затянулась скорее...» («Остафьев-

---

* О⟨рлов⟩ говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона (франц.).— *Ред.*

ский архив», т. II. СПб., 1899, стр. 15—16). В марте 1820 г. Вяземский, ссылаясь на это письмо, писал Орлову: «Я напишу к Тургеневу, чтобы он тебе мое письмо прислал» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, стр. 377). Надо думать, что Вяземский исполнил свое обещание и что Орлов в комментируемом письме высказывает свое отношение к мыслям Вяземского.

[3] *Тургенев* — Сергей Иванович.

[4] Под «плодом пера» Вяземского Орлов подразумевает секретный «Проект российской конституции», над которым работал Вяземский. Запись в дневнике С. И. Тургенева свидетельствует, что Вяземский ознакомил его с этим проектом в январе 1820 г., когда тот был проездом в Варшаве (Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 98, 1960, стр. 57—58).

6. А. Н. РАЕВСКОМУ. 19 июня 1820 г.

Печатается полностью впервые. Отрывки из письма были опубликованы: Гершензон, стр. 21.

[1] После долгих хлопот и неоднократных отказов Орлов 3 июня 1820 г. был назначен командиром пехотной дивизии, стоящей в Кишиневе.

[2] С августа 1817 г. Орлов занимал должность начальника штаба 4-го пехотного корпуса, находившегося под командованием генерала Н. Н. Раевского.

[3] Орлов был старше А. Н. Раевского на 7 лет.

[4] *Алексей Петрович* — Ермолов.

7. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 23 июня 1820 г.

[1] См. письмо Орлова к П. А. Вяземскому от 15 июня 1820 г. в наст. изд.

[2] См. прим. 1 к письму 6.

8. А. Н. РАЕВСКОМУ. 27—29 июня 1820 г.

Печатается полностью впервые. Отрывок из письма был опубликован в изд.: «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962, стр. 162.

[1] *Микалаша* — воспитанник А. Н. Раевского.

[2] Орлов подразумевает оживление оппозиционных настроений во Франции и убийство Лувелем племянника французского короля, герцога Беррийского, 1/13 февраля 1820 г.

[3] Речь идет о восстании, поднятом в 1820 г. янинским пашой Али. Поскольку его войска преграждали путь турецкой армии в Морею, это сепаратистское движение объективно помогало грекам. Эта часть письма свидетельствует об особом интересе Орлова к положению дел на Балканах, в первую очередь в Греции, где назревало восстание против турецкого господства.

[4] *Белая Церковь* — поместье жены М. С. Воронцова, Е. К. Воронцовой.

9. А. Н. РАЕВСКОМУ. 8 июля 1820 г.

Печатается полностью впервые. Отрывок из письма опубликован в статье В. В. Пугачева «Декабрист М. Ф. Орлов и московский съезд Союза Благоденствия» («Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. LXVI, 1958, стр. 99—100).

[1] В 1819—1820 гг. в Имеретии происходило восстание, вызванное мероприятиями царского правительства по упорядочению земельных прав грузинского духовенства и вы-

селению безземельных дворян на казенные земли. Грузинское дворянство пыталось найти поддержку у крестьян, используя их недовольство деятельностью русских чиновников.

[2] «Русский инвалид» — официозная газета Военного министерства.

[3] Орлов называет Пушкина юным Вольтером — по его имени Аруэт.

10. А. Н. РАЕВСКОМУ. 13 октября 1820 г.

Печатается полностью впервые. Отрывок из письма был опубликован: Гершензон, стр. 21.

[1] Это письмо не дошло до нас.

[2] По-видимому, Орлов имеет в виду военную деятельность А. П. Ермолова на Кавказе в 1817—1820 гг. Подробнее об этом см.: Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI. СПб., 1888, стр. 284—744.

11. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 15 октября 1820 г.

[1] Письма Вяземского, о которых пишет Орлов, неизвестны.

[2] Вероятно, Вяземский переслал Орлову свое «Послание к М. Т. Каченовскому».

[3] Орлов имеет в виду речь Александра I на открытии второго польского сейма в Варшаве 1/13 сентября 1820 г. Текст этой речи он, вероятно, получил от Вяземского, который перевел ее с французского на русский язык (текст речи см.: «Остафьевский архив», т. II, стр. 411—414).

[4] Речь Т. А. Мостовского, министра внутренних дел и полиции Царства Польского, произнесенная 1/13 сентября 1820 г. на сейме, была напечатана в петербургской газете «Le Conservateur impartial» (1820, № 76).

[5] В архиве Орлова (ИРЛИ) сохранился его рапорт от 5 ноября 1820 г. на имя Сабанеева об осмотре охранительной линии.

12. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. Январь 1821 г.

Письмо датируется январем 1821 г., когда Орлов приезжал в Москву на съезд Союза Благоденствия.

13. Е. Н. РАЕВСКОЙ. 9 марта 1821 г.

Печатается впервые по автографу (ЦГАОР, ф. 1711, оп. 1, № 58).

[1] Валахским возмущением Орлов называет восстание, поднятое Александром Ипсиланти весной 1821 г.

[2] *Орлова* — Анна Алексеевна, двоюродная сестра Орлова.

14. Е. Н. РАЕВСКОЙ. 21 марта 1821 г.

Печатается полностью впервые по автографу (ЦГАОР). Отрывок из письма был опубликован в изд.: «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962, стр. 162.

[1] Как и в предыдущем письме от 9 марта 1821 г., Орлов сообщает подробности восстания Ипсиланти. Из этих писем видно, что он был отлично осведомлен в подробностях этого движения.

15. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 9 сентября 1821 г.

[1] Летом 1821 г. во время отпуска, который он проводил в Москве, Вяземский был извещен о приказе Александра I, запрещавшем ему возвращение на службу в Варшаву. Получив известие об этом приказе, Вяземский демонстративно подал в отставку. Ответ Вяземского на письмо Орлова см.: П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, стр. 108—110.

[2] Эта часть письма Орлова показывает, что он пристально следил за общественно-политическими событиями во Франции и в Англии, осуждал консервативных деятелей (Виллель, Корбьер) и сочувствовал представителям либеральной оппозиции (Мануэль, Фокс).

[3] Орлов имеет в виду предисловие Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» к первому изданию сочинений Озерова (1817).

16. П. А ВЯЗЕМСКОМУ. 25 ноября 1821 г.

[1] Эти утверждения очень симптоматичны, так как показывают, что еще до ареста В. Ф. Раевского в феврале 1822 г. Орлов знал о слежке, которая была установлена за кишиневскими декабристами.

[2] Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов. О нем и о его близких отношениях с Орловым см. статью Ю. М. Лотмана «М. А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель» («Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 78, 1959, стр. 19—92).

[3] Это письмо Орлова неизвестно.

[4] Орлов. очевидно, предполагал, что обострение отношений России с Турцией (29 июня 1821 г. русское посольство покинуло Константинополь) приведет к войне.

17. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 9 ноября 1822 г.

Впервые было опубликовано неточно П. П. Вяземским в статье «А. С. Пушкин 1816—1825 по документам Остафьевского архива».— «Берег», 1880, № 74 от 6 июня (см. также отдельный оттиск: СПб., 1880, стр. 53—55); исправленный текст: ЛН, т. 60, кн. 1, стр. 37.

[1] Письмо Вяземского неизвестно.

[2] Письмо Пушкина к Вяземскому, посланное вместе с письмом Орлова, до нас не дошло.

[3] Орлов высоко ценил творчество Пушкина. Однако эпилог «Кавказского пленника» вызывал его возражения: он не был согласен с прославлением завоевательной войны на Кавказе и в этом отношении полностью сошелся с Вяземским; последний писал А. И. Тургеневу 27 сентября 1822 г.: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести 〈...〉 Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны, и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны быть никогда славословием резни» («Остафьевский архив», т. II, стр. 274—275). По-видимому, и строки письма Орлова: «От Пушкина, разбраненного тобою»,— имеют прямое отношение к оценке Вяземским эпилога «Кавказского пленника».

Поэт-лауреат — английский поэт Роберт Соути.

[4] «*Дело мое*» — в феврале 1822 г. Орлов фактически был отстранен от командования 16-й дивизией и находился под следствием (подробнее см. стр. 296—297 наст. изд.).

[5] 14 августа 1822 г. во французской газете «Constitutionnel» была опубликована статья «О возмущении солдат 16-й пехотной дивизии и о мятежном духе во всех полках корпуса генерала Сабанеева».

18. А. Н. РАЕВСКОМУ. 30 июля 1823 г.

Печатается впервые; год письма определяется по почтовому штемпелю.

[1] Лицо неустановленное.

[2] В настоящее время нет возможности установить, какие именно мемуары, относящиеся к английской революции, были приобретены Орловым, так как к 1823 г. уже было издано большое количество мемуарной литературы по этому вопросу (см. А. А. Крушинская. Библиография.— В кн.: «Английская буржуазная революция», т. II. Под ред. Е. А. Косьминского и Я. А. Левицкого. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 254—298 и 317—318). Однако свидетельство о том, что Орлов и его друзья (в их число входили многие декабристы и Пушкин) располагали данным собранием мемуаров, представляет большой интерес.

[3] *Николай* — Н. Н. Раевский (младший).

19. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 20 июня 1826 г.

Это письмо Орлова к Вяземскому, первое после восстания декабристов и освобождения Орлова из-под следствия, свидетельствует, как и последующая их переписка, о дружеских чувствах Вяземского к опальному приятелю. Более подробно об отношении Вяземского к декабристам см.: Н. Кутанов (С. Н. Дурылин). Декабрист без декабря.— Сб. «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 201—290; М. И. Гиллельсон. Письмо А. Х. Бенкендорфа к П. А. Вяземскому о «Московском телеграфе».— «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 418—429; Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 98, 1960, стр. 24—142.

20. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 26 января 1827 г.

Письмо Орлова — приписка на письме Е. Н. Орловой к В. Ф. Вяземской от 26 января 1827 г., что и служит основанием для датировки (ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 39).

[1] Конечно, слово «благонамеренность» употреблено Орловым в переносном смысле: «Московский телеграф», руководимый Вяземским и Н. А. Полевым, оставался в те годы оппозиционным журналом, что вызывало резкое недовольство Николая I и Бенкендорфа, с одной стороны, и явное удовлетворение Орлова — с другой.

[2] Похвальный отзыв Орлова относится к переводу статьи Ж.-Б. Сея «Сущность политической экономии» («Московский телеграф», 1827, № 1, отд. I, стр. 33—57; № 2, отд. I, стр. 101—121). Она была раскритикована Бенкендорфом в письме к Вяземскому («Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.— Л., 1960, стр. 418—429).

[3] В № 1 «Московского телеграфа» напечатана анонимная рецензия на три книги по географии (стр. 80—88).

[4] Орлов имеет в виду сатирическую статью Вяземского «О злоупотреблении слов» («Московский телеграф», 1827, № 1, отд. II, стр. 6—23), в которой тот в условиях последекабрьской реакции смело выступал против крепостничества.

21. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 6 июня 1827 г.

[1] *Зозо* — персонаж статьи Ф. В. Булгарина «Нравы. Рецепт, как разориться из приличия» («Северная пчела», 1827, № 31 и 32).

[2] А. Ф. Воейков был редактором газеты «Русский инвалид» (1822—1838) и журнала «Славянин» (1827—1830).

[3] Орлов имеет в виду заметку Вяземского «Журналистика», напечатанную за подписью «Журнальный сыщик» в «Московском телеграфе» (1827, № 3). В этой заметке Вяземский намекнул на то, что псевдоним Н. И. Греча Д. Р. К. означает «дурак».

[4] Одобрительный отзыв Орлова относится к статье Н. А. Полевого о книгах по юриспруденции («Московский телеграф», 1827, № 4, отд. I, стр. 309—325; № 5, отд. I, стр. 62—84).

[5] Речь идет о переводе труда Франца-Иосифа Моне «Историческое обозрение мифологии северных народов Европы» («Московский телеграф», 1827, № 7, отд. I, стр. 167—190; № 8, отд. I, стр. 251—278; № 9, отд. I, стр. 25—34).

[6] Вяземский относился весьма скептически к немецкой философии, пропагандистом которой на страницах «Московского телеграфа» неоднократно выступал Н. А. Полевой.

[7] Пушкин печатался в журнале «Московский вестник», официальным редактором которого был М. П. Погодин, ограниченный в своих действиях контролем главных сотрудников этого издания. Вяземский, как и Орлов, был сторонником участия Пушкина в «Московском телеграфе»; но отрицательное отношение Пушкина к статьям Полевого препятствовало такому сотрудничеству.

[8] «Единоборство Арганта с Танкредом» (из шестой песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо) в переводе С. Е. Раича и стихотворение Пушкина «Княгине З. А. Волконской» были напечатаны в майском номере «Московского вестника» (1827, № 10).

22. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 18 февраля 1828 г.

[1] Орлов имеет в виду роман ирландского писателя Шарля-Роберта Матюрена «Мельмот-скиталец» (1820).

[2] Явная описка — речь идет о свадьбе Екатерины Николаевны Карамзиной и П. И. Мещерского, которая состоялась 27 апреля 1828 г.

[3] Орлов имеет в виду исторический роман Н. А. Полевого «Симеон Кирдяпа», который печатался в январских и февральских номерах «Московского телеграфа» 1828 г.

[4] В «Невском альманахе на 1827 год» (за подписью «Порфирий Байский») был напечатан рассказ О. М. Сомова «Гайдамак. Малороссийская быль», положительный отзыв о котором дал Вяземский в своей рецензии на этот альманах («Московский телеграф», 1827, № 3, отд. I, стр. 249—250).

[5] С 1826 г. и до конца своих дней Орлов был под строгим секретным надзором и не имел права переезжать без разрешения царя. Свидание Орлова с братом А. Ф. Орловым в Твери также было связано с неприятностями, как и поездка его к тестю Н. Н. Раевскому в имение Болтышка Киевской губ. На него поступил донос, что он собирается без разрешения поехать в Одессу, и он вынужден был вернуться в Милятино Подробнее об этом см.: ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 44.

23. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 23 сентября 1828 г.

[1] Враждебное отношение со стороны правительства, а также усиливающиеся расхождения с Полевым вынудили Вяземского в конце 1827 г. отойти от журнальной деятельности и уехать в деревню.

Упомянутые письма Орловых к Вяземскому неизвестны.

[2] «*Петрида*» — незаконченная поэма А. Д. Кантемира.

[3] По-видимому, Орлов в это время работал над трактатами на экономические темы, в частности и над трудом «О государственном кредите».

[4] Постепенный отход от сотрудничества в «Московском телеграфе» побудил Вяземского думать о создании нового печатного органа. 12 ноября 1827 г. он писал А. И. Тургеневу: «Я хотел бы, кроме журнала, издавать „Современник" по третям года, соединя-

ющий качества „Quarterly Review" и „Annuaire historique". Я пустил это предложение в Петербург к Жуковскому, Пушкину, Дашкову» («Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, стр. 166). Как видно из письма Орлова, Вяземский поделился и с ним своими планами издания трехмесячного обозрения.

24. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 28 марта 1829 г.

[1] *Батюшка* — Николай Николаевич Раевский (старший), гостивший в то время у Орловых.

[2] Орлов имеет в виду фарфоро-хрустальный завод, который находился в его имении Милятино.

[3] Сын Орлова Николай.

[4] Дочь Орлова Анна.

[5] «*Галатея*» — литературный журнал, издававшийся С. Е. Раичем в 1829—1830 гг. В этом второстепенном московском журнале пропагандировалась идеалистическая философия и романтическая литература; в критических статьях журнала печатались резкие выпады против Пушкина.

[6] «*Бабочка*» — петербургская газета (1829—1831).

25. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 10 января 1832 г.

[1] Письмо Вяземского, о котором говорит Орлов, нам неизвестно, но ясно, что в нем заключалось предложение оказать Орлову содействие в получении разрешения на издание книги о кредите. Об этом шла уже речь во время встреч Вяземского с Орловым тотчас же после возвращения последнего в Москву («Звенья», IX. М., 1951, стр. 216).

[2] О снижении банковских процентов было объявлено в специальном манифесте, опубликованном 1 января 1830 г. Это была новая льгота дворянству, облегчившая ему бремя платежей по ссудам под заложенные души.

[3] Указом 1830 г. удлинялся также срок ссуд, выдававшихся банком землевладельцам. Если раньше максимальный срок был 24 года, то теперь он был продлен до 37 лет.

[4] Очевидно, тогда распространились слухи, что должники банка будут лишены права частично погашать свой долг. Но такое решение не было принято.

[5] Слухи о возвращении вкладов были лишены основания.

[6] Об отношении Орлова к проблеме майората подробнее см. на стр. 307 наст. изд. Отметим лишь, что закон о майоратах не был принят. Лишь в 1845 г. было утверждено «Общее положение о заповедных имениях», но оно предусматривало чрезвычайно сложную процедуру и почти не применялось.

[7] Это утверждение Орлова неверно. См. стр. 331 наст. изд.

[8] Министром юстиции был тогда Д. В. Дашков, знакомый Орлова и Вяземского по «Арзамасу».

[9] Пост министра финансов в те годы занимал Е. Ф. Канкрин.

[10] Орлов перечисляет здесь основные банковские учреждения, из которых складывалась тогда кредитная система: Государственный заемный банк (образованный в 1786 г. на базе основанного в 1754 г. Банка для дворянства), Сохранные казны опекунских советов воспитательных домов в Петербурге и Москве (основаны в 1772 г.), Приказы общественного призрения (основаны в 1775 г.), которые тоже выполняли кредитные функции. Все эти банки занимались почти исключительно кредитованием дворянского землевладения, а часть средств предоставляли казне в виде долгосрочных ссуд. Показательно, что Орлов не упомянул здесь Государственный коммерческий банк (1818—1860) — единственное кредитное учреждение, предназначенное обслуживать торговлю

[11] Вопрос об ассигнациях был тогда исключительно актуальным. Впервые бумаж-

ные деньги (ассигнации) появились в России в 1769 г. С конца XVIII в. курс ассигнаций стал падать. После наполеоновских войн в 1814 г. курс рубля ассигнацией составлял лишь 20 коп. серебром. Начиная с 1823 г. курс ассигнаций несколько поднялся, но до денежной реформы 1839 г. (когда были введены разменные на серебро кредитные деньги) он держался на уровне 3 руб. 40 коп.— 3 руб. 70 коп. за рубль серебром. Существование двух параллельных денежных счетов (на ассигнации и на серебро) и колебания курса ассигнаций вносили большие осложнения в хозяйственную жизнь. С конца 20-х годов правительство принимало некоторые меры к упорядочению денежного обращения. С 1827 по 1832 г. выдвигались разные проекты, отражавшие дворянские и буржуазные классовые позиции. Из замечаний Орлова видно, что в этом вопросе он был сторонником М. М. Сперанского, сформулировавшего свои взгляды в «Плане финансов» (1810), который рассматривал ассигнации как часть государственного долга. Эта точка зрения была для своего времени очень прогрессивной. Консервативно-дворянскую точку зрения ярко выразил Карамзин. Он, например, писал: «...если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей 〈...〉 то мы взяли бы и щепки» («Записка о древней и новой России». СПб., 1914, стр. 87—88).

[12] См. прим. 4 к книге «О государственном кредите».

[13] При Екатерине II начался неумеренный выпуск ассигнаций, приведший к падению их курса. Инфляция была тогда вызвана не только военными нуждами, но громадными расходами на содержание двора, выдачу «пособий» фаворитам и т. д. Таким образом, утверждение Орлова лишено оснований.

[14] Хотя, как видно, в представленном конспекте Орлов говорил о раскрепощении одной лишь группы крестьян (на большее он тогда, по-видимому, не рискнул), все же была совершенно ясна антикрепостническая направленность его проекта. Поэтому не удивительно, что Вяземский в письме к жене от 27 марта 1832 г. выразил уверенность, что Уваров при докладе царю о содержании проекта Орлова, когда дело дошло до «вопроса об освобождении крестьян», не мог не представить свои «мнения возразительные» («Звенья», IX, стр. 268.— Публикатор датировал письмо 27 января. Исправление даты обосновано: ЗОР, вып. 17, стр. 242).

[15] Вяземский не ответил Орлову. Но в письме к жене от 26 января 1832 г. («Звенья», IX, стр. 266) он подробно рассказал, что намерен сделать в связи с поручением Орлова, а также поделился некоторыми соображениями по этому вопросу и просил жену обо всем этом информировать Орлова.

26. А. С. ПУШКИНУ. Октябрь 1832 г.

Печатается по тексту изд.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 165.

В академическом издании Пушкина письмо Орлова датировано: «Первая половина мая 1831 г.». Однако Орлов не мог встречаться с Пушкиным в Москве в 1831 г., так как тот уехал из Москвы 15 мая, а Орлов возвратился в нее из деревенской ссылки лишь в июне 1831 г. (см. «Звенья», IX, стр. 216). Следовательно, письмо Орлова должно быть приурочено к последним дням последующих пребываний Пушкина в Москве, скорее всего, к октябрю 1832 г.

[1] Письмо М. Ф. Орлова к брату А. Ф. Орлову неизвестно.

27. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 3 февраля 1833 г.

[1] Об отрицательном отзыве на работу Орлова, данном академиком Шторхом, см. на стр. 332 наст. изд.

[2] Очевидно, Орлов не осуществил своего намерения представить возражения Академии наук.

[3] Эта часть работы Орлова не сохранилась, но ее содержание известно из публикуемого в наст. изд. обзора оставшихся после смерти Орлова рукописей (см. стр. 262—265). Подробнее о предполагаемом содержании второй части труда Орлова см. стр. 306—308 наст. изд.

[4] *Надин* — кн. Надежда Федоровна Святополк-Четвертинская, сестра В. Ф. Вяземской.

[5] *Севинье* упомянута здесь как признанный мастер эпистолярного жанра.

28. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 20 июля 1833 г.

[1] Письмо Вяземского к Орлову неизвестно.

[2] Второго издания книги Орлову не удалось осуществить. Но немецкое издание, вышедшее в Лейпциге в 1840 г., включало большинство мест, вычеркнутых цензурой.

[3] Парафраза слов из монолога Фигаро в комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» (д. V, явл. 3).

[4] *Жак Лаффит* — французский банкир и государственный деятель, сыгравший видную роль в революции 1830 г. Одно время был министром финансов. После установления июльской монархии заявил, что «отныне господствовать будут банкиры». По словам Маркса, этим Лаффит «выдал тайну революции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 8). Лаффит был автором нескольких книг по вопросам кредита: «Réflexions sur la réduction de la rente et sur l'état du credit». P., 1824; «Dix millions de profits à garder ou million d'intérêts a gagner». P., 1832. Но Орлов, очевидно, имел в виду не эти книги, а выступления Лаффита в палате депутатов в 1832—1833 гг. по вопросам государственного кредита и роли банков, в частности его выступления на заседаниях палаты 7 и 24 мая 1833 г. («Archives parlementaires». Série 2-me, v. LXXXIII, p. 491; v. LXXXIV, p. 182).

29. Н. Н. РАЕВСКОМУ. 22 января 1834 г.

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1664).

[1] *Александр* — А. Н. Раевский.

[2] *Софи* — С. Н. Раевская, незамужняя сестра А. Н. и Н. Н. Раевских.

[3] Орлов имеет в виду свой труд «О государственном кредите».

[4] В библиотеке Пушкина, хранящейся в ИРЛИ, есть экземпляр книги Орлова «О государственном кредите». На листе перед шмутц-титулом написано рукой Орлова: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от сочинителя М. Орлова в знак дружбы и уважения». После первой главы вплетены рукописные вставки (цензурные купюры), о которых Орлов пишет в настоящем письме. Дата письма позволяет несколько уточнить время, когда Орлов подарил свою книгу Пушкину: по-видимому, это было в конце января или в начале февраля 1834 г.

30. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. 18 апреля 1834 г.

[1] Николай Иванович *Кривцов*, брат декабриста С. И. Кривцова; в 20-х годах был губернатором в Воронеже, Туле, Нижнем-Новгороде; с 1827 г. — в отставке. Письмо, посланное с ним Вяземским Орлову, неизвестно.

[2] Иван Максимович *Ястребцов* — врач, доктор медицины, воспитатель детей Орлова; с ноября 1829 г. — член Московского общества испытателей природы; почетным членом этого общества с сентября 1832 г. стал Орлов.

[3] Речь идет о книге Н. В. Кукольника «Торквато Тассо. Большая драматическая фантазия в стихах. Сочинение Н. К.». СПб., 1833.

[4] Орлов цитирует стихи из трагедии А. С. Хомякова «Димитрий Самозванец» (А. С. Хомяков. Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях, в стихах. М., 1833, стр. 92—93.

[5] *Дмитрий Васильевич* — Дашков.

[6] Орлов передал Дашкову «Мнение о курсовых явлениях на российских рынках» Копия этой записки хранится в ЦГИАЛ.

ДОПОЛНЕНИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ РУССКОГО ВОЕННОГО О 29-м «БЮЛЛЕТЕНЕ»

Печатается в переводе с французского оригинала (листовки), сохранившегося в архиве Булгаковых (ЛБ), в архиве С. Д. Полторацкого (ЛБ) и в архиве Орлова (ИРЛИ). В оригинале текст дан двумя столбцами: слева воспроизведен 29-й «Бюллетень» Наполеона, справа — памфлет.

«Размышления русского военного о 29-м „Бюллетене"» опубликованы анонимно. Принадлежность этого публицистического произведения перу Орлова доказана А. Г. Тартаковским в его статье «Листовка эпохи Отечественной войны 1812 года» (ЗОР, вып. 20, 1958, стр. 205—282), в которой полностью перепечатан французский текст листовки. В дополнительной небольшой публикации А. Г. Тартаковский указывает, что в авторитетных библиографических заметках С. Д. Полторацкого (ЛБ) прямо сказано, что ответ на 29-й «Бюллетень» написан Орловым (ЗОР, вып. 23, 1960, стр. 68—71). Таким образом, авторство Орлова можно считать твердо установленным.

Впервые по-русски текст «Размышления» (с некоторыми разночтениями) появился в «Востнике Европы» (1813, № 7, стр. 286—307). Мы печатаем перевод из ЗОР с уточнением ряда мест.

«Размышления» Орлова являются одним из документов, выпускавшихся в свет Главной квартирой русской армии. Эта листовка была написана и напечатана в январе 1813 г., вскоре после изгнания армии Наполеона из пределов России. Сличение сохранившихся экземпляров листовки, напечатанных разными шрифтами, указывает на то, что Главная квартира русской армии придавала большое значение этой листовке и усиленно ее размножала.

Сопоставив этот документ с другими откликами русской прессы на 29-й «Бюллетень», А. Г. Тартаковский пришел к справедливому выводу, что Орлов «глубже и проницательнее других постиг реальную пропагандистскую опасность этого последнего наполеоновского официоза», что «он все свое внимание сосредоточил на опровержении фальсификаторских тенденций 29-го „Бюллетеня", еще могущих затруднить процесс прояснения европейского общественного мнения» (ЗОР, вып. 20, стр. 232).

[1] Орлов полемизирует со следующими утверждениями «Бюллетеня», авторы которого пытались объявить мороз главной причиной поражения французской армии: «До 6 ноября погода стояла великолепная и движение армии совершалось как нельзя более успешно. 7-го начались морозы, и после этого мы каждую ночь теряли сотни лошадей, которые замерзали на бивуаках. Ко времени прибытия в Смоленск мы уже лишились значительной части кавалерийских и артиллерийских лошадей ⟨...⟩ Морозы, начавшиеся 7 числа, внезапно усилились, и 14, а также 15 и 16 термометр показывал от 16° до 18° ниже нуля. На дорогах образовалась гололедица. Кавалерийские, артиллерийские и обозные лошади гибли каждую ночь уже не сотнями, а тысячами, особенно же французские и немецкие; за несколько дней пало более 30 тысяч лошадей; наша конница спешилась, наша артиллерия и обозы остались без упряжек. Пришлось бросить и уничтожить значительную часть орудий, снаряжения и провианта».

Разоблачение официальной французской версии о том, что мороз послужил главной причиной поражения армии Наполеона, было затем продолжено другом Орлова — Д. В. Давыдовым в статье «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 г.».

[2] Современные исследователи определяют общую численность армии Наполеона, сосредоточенной у границ России, в 640 тыс. человек, из которых 440 тыс. предназначены были для вторжения, а остальные 200 тыс., вначале оставленные за Вислой и в Пруссии, впоследствии, в ходе войны, также были двинуты в Россию. См. Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 23; П. А. Жилин. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., Воениздат, 1953, стр. 65—66.

[3] Орлов имеет в виду рапорт Кутузова царю о сражении под Красным, который был напечатан в прибавлениях к «С.-Петербургским ведомостям» (1812, № 92, от 15 ноября). Перепеч. в кн.: «М. И. Кутузов. Сборник документов», т. IV, ч. 2. М., 1955, стр. 307—309.

[4] Орлов иронизирует над следующим местом «Бюллетеня»: «Неприятель, видя на дорогах следы ужасного бедствия, постигшего французскую армию, стремился этим воспользоваться. Он окружал все колонны своими казаками, которые, подобно арабам в пустыне, отбивали отставшие повозки и целые обозы. Эта жалкая конница, которая только производит шум и неспособна справиться даже с одной ротой вольтижеров, сделалась грозною по воле обстоятельств. Однако неприятелю приходилось раскаиваться в каждой сколько-нибудь серьезной своей попытке; оказавшись перед вице-королем, он был опрокинут и понес при этом большие потери».

Приказ об образовании отрядов польских казаков был отдан Наполеоном в конце 1812 г. при его проезде через Варшаву. Однако к марту 1813 г. войско польских казаков уже распалось.

[5] Опечатка в листовке: в тексте «Бюллетеня» напечатано не 2, а 3 тыс. человек.

[6] Отповедь Орлова относится к следующим строкам «Бюллетеня»: «16 числа. Волынская армия вступила в Минск и двинулась на Борисов. Генерал Домбровский с 3-мя тысячами человек оборонял предмостное укрепление у Борисова. 23 под напором неприятельских сил он вынужден был оставить эту позицию. Тогда неприятель переправился через Березину, держа направление на Бобр; дивизия Ламберта составляла авангард. Второй корпус под командой герцога Реджо стоял в Черее; он получил приказание идти к Борисову, чтобы обеспечить армии переправу через Березину. 24-го герцог Реджо столкнулся с дивизией Ламберта в 4-х милях от Борисова, напал на нее, разбил, взял 2 000 пленных, захватил 6 пушек, 500 повозок со снаряжением Волынской армии и отбросил неприятеля на правый берег Березины. Генерал Беркейм с 4-м Кирасирским полком отличился в превосходно проведенной атаке. Неприятель смог спастись, только предав огню мост длиною более 300 туазов».

[7] О движении дивизии Партонно «Бюллетень» писал: «Дивизия Партонно ночью вышла из Борисова. Одна бригада этой дивизии, которая составляла арьергард и которой поручено было сжечь мосты, выступила в 7 часов вечера; она прибыла на место между 10 и 11 часами. Она искала свою первую бригаду и своего дивизионного генерала, которые выступили на 2 часа ранее и которых она не догнала по дороге. Поиски были тщетны, и это вызвало беспокойство. Впоследствии удалось выяснить только, что первая бригада, выступившая в 5 часов, в 6 заблудилась, повернула направо и удалилась в этом направлении на 2 или 3 лье, что ночью, окоченев от холода, она направилась к кострам неприятеля, приняв их за костры французский армии, была обнаружена и таким образом выбыла из строя. Эта жестокая ошибка стоила нам, по-видимому, 2 000 человек пехоты, 300 лошадей и 3 пушек. Прошел слух, что дивизионный генерал не был со своей колонной, а двигался отдельно».

[8] Орлов высмеивает следующее утверждение «Бюллетеня»: «Генерал Думерк, командующий 5-й Кирасирской дивизией, которая входила во второй корпус, оставшийся

на Двине, отдал приказание 4-му и 5-му Кирасирскому полкам предпринять кавалерийскую атаку в момент, когда Вислинский легион углубился в лес, чтобы нанести удар в самый центр расположения неприятеля. В результате последний был опрокинут и обращен в бегство. Доблестные кирасиры прорвали одно за другим 6 каре пехоты и обратили в бегство вражескую кавалерию, шедшую на помощь пехоте; в наши руки попало 6 000 пленных, 2 знамени и 6 пушек.

Герцог Беллунский со своей стороны также стремительно атаковал неприятеля, разбил его, взял в плен от 500 до 600 человек и не давал ему подойти к месту на расстояние пушечного выстрела. Генерал Фурнье весьма успешно атаковал неприятеля своей конницей».

[9] «Бюллетень» писал о французской гвардии: «При всех передвижениях армии император всегда шел со своей гвардией. Конницей командовал маршал герцог Истрийский (превосходный полководец), а пехотой — герцог Данцигский. Его величество был весьма удовлетворен бодрым духом, который выказывала гвардия; она всегда была готова двинуться туда, куда требовалось по обстоятельствам, но последние неизменно были всегда таковы, что одного ее присутствия было уже достаточно и она не имела повода вступать в сражение».

[10] Эта фраза Орлова комментирует следующие строки из «Бюллетеня»: «Наша конница была настолько расстроена, что, собрав всех офицеров, у которых еще оставалось по одной лошади, можно было составить всего только 4 роты по 150 человек каждая».

[11] Саркастическое замечание Орлова относится к заключительным словам «Бюллетеня»: «Здоровье его величества было как никогда превосходным».

КРАТКИЙ РАЗБОР РУКОПИСНЫХ СОЧИНЕНИЙ, НАЙДЕННЫХ В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ОРЛОВА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

Печатается полностью впервые по подлиннику (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., № 61, ч. 177). Частично опубликовано: ЗОР, вып. 17, 1955, стр. 234—237.

[1] «Капитуляция Парижа» была впервые опубликована посмертно в 1843 г.

[2] Эта работа не была опубликована, и рукопись ее не сохранилась. Об оценке Орловым русской кредитной системы см. стр. 306—308 наст. изд.

[3] Об отношении Орлова к майоратам, об его плане «облагораживания» дворянства и о других вопросах, затронутых в этом несохранившемся сочинении, см. стр. 307—308 наст. изд.

[4] Это место несколько расшифровывается в письме Орлова к Вяземскому от 10 января 1832 г.

[5] Записка о налоге на сахар не сохранилась.

[6] Очевидно, речь идет о записке Орлова «Мнение о курсовых явлениях на российских рынках», хранящейся в ЦГИАЛ.

[7] О деятельности Орлова в Московском скаковом обществе см. стр. 308 наст. изд.

[8] Об участии Орлова в руководстве Московским художественным обществом см. стр. 308 наст. изд.

СПИСОК СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ОРЛОВА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

Печатные источники

Отчет о посещении главной квартиры французской армии в июне 1812 г.— «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962, стр. 431—434.

Письмо членам Общества по ланкастерскому воспитанию в Париже от 11 марта 1818 г.— «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 год». СПб., 1900, стр. 192—195.

Замечания на перевод статьи: «Краткое обозрение военной истории со времен Людовика XIV до наших времен...» — «Благонамеренный», 1825, № 10, стр. 362—371.

Показание от 29 декабря 1825 года.— В публикации П. С. Попова «М. Ф. Орлов и 14 декабря» — «Красный архив», 1925, № 6, стр. 148—173 (приведен русский текст; французский автограф находится в ЦГАОР).

Мнение действительного члена Московского скакового общества Михайлы Орлова. 10 июля 1833 г.— В кн.: «Изложение мнений г-д членов Московского общества скаковой охоты, последовавших по случаю назначения для призов ежегодно тридцати тысячи рублей». М., 1833, стр. 20—55.

Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год, читанный в годичном собрании директором М. Ф. Орловым.— «Московский наблюдатель», ч. II, 1835, май, кн. 2, отд. III, «Искусство», стр. 161—174.

Из неизданного сочинения М. Ф. Орлова (Об учреждении вольного банка в Москве).— РА, 1874, VI, стр. 1578—1579.

Письма к П. А. Вяземскому от 20 февраля 1832 г., 4 мая 1833 г. и б. д. ⟨1833 г.⟩; В. Ф. Вяземской от 21 декабря 1832 г.; А. М. Безобразову от 20 декабря 1833 г. и от 9 января 1834 г.— ЗОР, 1955, № 17.

Письма к Н. И. Селявину от 23 июня 1820 г., 23 июля 1822 г., 2 мая 1823 г., 26 ноября 1825 г.— «Русская литература», 1962, № 2, стр. 159—162.

Рукописные источники

ИРЛИ

Приказы по 16-й дивизии (ф. 255, № 44):

Приказ № 5 от 6 августа 1820 г.

Приказ № 9 от 19 августа 1820 г.

Рапорт командиру 6-го пехотного корпуса г. генерал-лейтенанту Сабанееву от августа ⟨1820 г.⟩ за № 126. О музыкальной школе. О юнкерской школе. О солдатской школе. Предписание ко всем командирам полков 16-й пехотной дивизии от 29 сентября ⟨1820 г.⟩ за № 435, 436, 444—447.

Приказ № 24 от 6 октября 1820 г.— о разделении на пять разрядов унтер-офицеров.

Приказ № 25 от 8 октября 1820 г.— о том же.

Приказ № 30 от 21 октября 1820 г.— о военном обучении.

Приказ № 52 от 24 декабря 1820 г.— о состоянии полковых лазаретов.

Руководство для управления учебным батальоном, состоящим при дивизионной квартире. Ноября 21 дня 1820 г. № 883.

Постановление для учебного юнкерского заведения при 16-й пехотной дивизии.

Приказ № 76 от 23 июля 1821 г.— о порядке инспекторского смотра.

Краткая выписка о состоянии полков 16-й пехотной дивизии, найденном при осмотре 1821 г.

Три рапорта И. В. Сабанееву об осмотре охранительной линии (от 23 августа, 5 ноября и от ноября 1820 г.)

Краткое понятие о когортах с приложением чертежей (1821) (ф. 255, № 44).
Копии писем (2) к Джонсону (1816) (ф. 255, № 45).
Копия письма (с приложением инструкции) к Морену (1816) (там же)
Черновик письма к гр. И. А. Каподистриа (1817) (ф. 255, № 11).
Копия письма к С. Г. Волконской (1820) (ф. 57, оп. 5, № 72).
Черновик письма к А. А. Аракчееву (1824) (ф. 255, № 3).
Черновик письма к В. Ф. Чаадаеву (1827) (ф. 255, № 33).
Черновик письма к Николаю I (1827) (ф. 255, № 7).
Черновик письма к А. Ф. Орлову (1827) (ф. 255, № 6).
Черновик письма к И. И. Дибичу (1827) (ф. 255, № 5).
Черновик ответа по поводу показаний Иордана (1827) (ф. 255, № 4).
Черновик прошения на имя Николая I (1831) (ф. 255, № 8).
Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1835) (ф. 527, № 131).
Письма (5) к А. Н. Раевскому (1835—1839) (ф. 253, № 51).
Черновики (2) писем к А. Х. Бенкендорфу (1836) (ф. 255, № 9 и 10)

ЦГИАЛ

Мнение о курсовых явлениях на российских рынках (1833) (ф. 1152, оп. 2, т. II, 1834, д. 9).

ГПБ

Копии донесений (2) о переговорах с французами на имя Нессельроде (1814) (ф. 859, к. 18, № 7).
Письмо к Л. Л. Беннигсену (1814) (ф. 859, к. 34, № 71).
Письмо к ⟨Морену⟩ (1817) (ф. 124, № 3187).
Письмо к С. П. Шевыоеву (1833) (ф. 850).
Письмо к А. Н. Оленину (1834) (ф. 542, № 268).

ГЛМ

Письмо к В. А. Репниной (б. д.) (ф. 1, № 2390).

ЛБ

Предписания (2) И. П. Липранди (1821) (ф. 18, п. 8554, № 76).
Письмо к И. П. Липранди (1823) (там же).
Письмо к А. А. Писареву (1825) (ф. 226, к. 5, № 44).
Письма (2) к П. Я. Чаадаеву (1837, 1840) (ф. 103, п. 1032, № 39).

ЦГАОР

Материалы по дипломатической миссии в Норвегии (1814) (ф. 1711, оп. 1)

Черновик письма к Х. А. Ливену (№ 24).
Черновик письма к Г. А. Строганову (№ 26).
Черновик ноты шведскому генералу И. И. Тавасту (№ 29).
Черновик письма к датскому принцу Христиану-Фридриху (№ 31).
Черновики писем (2) к В. Г. Лизакевичу (№ 34).
Черновики писем (3) к датскому министру иностранных дел Розенкранцу (№ 21).

Черновик нот ⟨рукою Орлова⟩ уполномоченных союзных держав датскому принцу Христиану-Фридриху (№ 32).

Черновик письма к де Брюне (№ 30).

Черновик письма к маршалу Эссену (№ 35).

Черновик донесений на имя К. В. Нессельроде (№ 18).

Черновик письма к Августу Фостеру (№ 39).

Черновые записки о дипломатической миссии (№ 20).

Черновик обращения ⟨рукою Орлова⟩ русского командования к местному населению (1815) (№ 43).

Письма к А. Ф. Безобразовой (1816, 1817, 1821, б. д.) (№ 51).

Письма к А. М. Безобразову (1819, 1826, 1833, 1834) (№ 50 и 52).

Письма к А. Н. Раевскому (1819—1825) (№ 53).

Письма к Е. Н. Орловой (Раевской) (1819—1841) (№ 58 и 59).

Письма к Н. Н. Раевскому (старшему) (1821, 1828) (№ 54).

Копия письма к В. Л. Давыдову (1825) (ф. 279, оп. 1, № 334).

Письма (2) к Д. И. Шульгину (1826) (ф. 1711, оп. 1, № 4).

Письма (6) к А. Х. Бенкендорфу (1829, 1830, 1833, 1841) (ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 177 и ф. 109, оп. 1, № 38).

Письма к Г.-К.-Ф. Штейну (1812—1820) (микрофильм; подлинники в ФРГ).

ЦГАЛИ

Письма (14) к П. А. Вяземскому (1821—1837) (ф. 195, оп. 1, № 2480).

Письма (6) к В. Ф. Вяземской (1827—1832) (там же, № 3402).

Письмо к неизвестному (1825) (там же, № 5879).

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ОРЛОВЕ

А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, т. II, 1954 (по указателю); т. VIII, 1956 (по указателю).

Н. М. Орлов. Михаил Федорович Орлов.— РС, 1872, № 5, стр. 775—781.

Е. И. Якушкин. Съезд членов «Союза Благоденствия» в Москве, 1821 г. (Ответ Н. М. Орлову).— РС, 1872, № 11, стр. 597—602.

Н. М. Орлов. Съезд членов «Союза Благоденствия». 1821 г.— РС, 1873, № 3, стр. 371—375.

П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VIII—IX. СПб., 1883—1884 (по указателю).

Пав. Дмитр. Киселев и Мих. Фед. Орлов. <Выписка из письма Киселева к Орлову 1819 или 1820 г. > Сообщ. Д. А. Милютин.— РС, 1887, № 7, стр. 231—233.

С. Д. Полторацкий. Русские достопамятные люди.— РС, 1892, № 5, стр. 223. (Библиографические заметки С. Д. Полторацкого об Орлове хранятся в ЛБ).

И. Р. Мартос. Ланкастерское училище в Киеве (ок. 1820 г.).— «Киевская старина», 1897, июль-август, прилож., стр. 65—69.

«Остафьевский архив князей Вяземских», т. I—V. СПб., 1899—1913 (по указателю).

К. Н. Батюшков. Письмо к М. Ф. Орлову (1818).— РС, 1901, № 3, стр. 742.

М. О. Гершензон. Семья декабристов (По неизданным материалам).— «Былое», 1906, № 10, стр. 288—317; № 11, стр. 162—189.

М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908, стр. 1—74. Изд. 2-е. М.— Пг., ГИЗ, 1923, стр. 9—78.

В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909 (по указателю).

«Восстание декабристов», т. VIII. Алфавит декабристов. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., ГИЗ, 1925, стр. 73, 122, 142—143, 369—370.

С. Н. Чернов. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года.— «Уч. изв. Саратовского ун-та», т. IV, вып. 3, 1925 (вошло в кн.: С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Изд. Саратовского гос. ун-та, 1960, стр. 46—95).

«Арзамас и арзамасские протоколы». Вводная статья, ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой. Предисловие Д. Д. Благого. Л., 1933 (по указателю).

Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды.— «Звенья», V. М.— Л., 1935, стр. 50—58.

А. Н. Шебунин. Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи.— В кн.: «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». Л., 1936 (по указателю).

М. И. Боголепов. Первая русская книга о государственном кредите.— «Советские финансы», 1945, № 5, стр. 35—39.

В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Л.— М., 1949.

В. Г. Базанов. Декабристы в Кишиневе (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев, 1951.

С. Я. Боровой. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите».— «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, вып. 1, стр. 46—60.
«Дневник Долгорукова». Публ. и прим. М. А. Цявловского. Вступ. статья М. А. и Т. Г. Цявловских.— «Звенья», IX. М., 1951 (по указателю).
Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., Изд-во АН СССР, 1953 (по указателю).
М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор.— ЛН, т. 59, 1954 (по указателю).
«Декабрист Михаил Орлов — критик „Истории" Н. М. Карамзина». Публ. и коммент. Л. Я. Вильде. Вступ. статья М. В. Нечкиной.— ЛН, т. 59, 1954, стр. 557—568.
Ф. М. Морозов. О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» (Письмо в редакцию).— «Вопросы экономики», 1954, № 10, стр. 122—127.
Ю. Г. Оксман. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX в.— В сб. «Очерки из истории движения декабристов». М., Госполитиздат. 1954, стр. 459—474.
М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1955 (по указателю).
«Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова „О государственном кредите"». (Вступ. статья С. Я. Борового. Археографическое описание книги и публ. А. В. Аскарянц. Прилож.: дело Моск. цензурного комитета о книге Орлова и его письма. Публ. Л. Я. Вильде, коммент. С. Я. Борового и Л. Я. Вильде).— ЗОР, вып. 17, 1955, стр. 159—247.
В. В. Пугачев. Из пропагандистской деятельности декабриста М. Ф. Орлова в 1820—1822 годах.— «Научный ежегодник Саратовского гос. ун-та за 1954 год», 1955, стр. 90—94.
В. В. Пугачев. Политические взгляды декабриста М. Ф. Орлова.— «Научная конференция Саратовского юридического ин-та». Тезисы докладов, 1955, стр. 47—51.
Два приказа М. Ф. Орлова по 16-й дивизии (1820—1821). Публ. С. С. Волка и П. В. Виноградова.— ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, стр. 7—12.
Письма М. Ф. Орлова к П. А. Вяземскому (1819—1829). Публ. и коммент. Л. Я. Вильде. Вступит. статья М. В. Нечкиной.— Там же, стр. 13—46.
В. Ф. Раевский. Воспоминания. Публ. и вступит. статья М. К. Азадовского.— Там же (по указателю).
Б. В. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1824). М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956 (по указателю).
В. Тарасова. К вопросу о ранних преддекабристских организациях.— «Уч. зап. Марийского гос. пед. ин-та», т. 15 (Йошкар-Ола), 1957.
М. П. Алексеев. Пушкин и проблема «вечного мира».— «Русская литература», 1958, № 3, стр. 3—39.
С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958 (по указателю).
Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., Гослитиздат, 1958 (по указателю).
Ф. М. Морозов. Разработка М. Ф. Орловым новой теории государственного кредита.— В кн.: «История русской экономической мысли», т. I, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 193—202.
В. В. Пугачев. Декабрист М. Ф. Орлов и московский съезд Союза Благоденствия.— «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. 66, вып. исторический, 1958, стр. 82—115.
А. Г. Тартаковский. Листовка эпохи Отечественной войны 1812 года.— ЗОР, вып. 20, 1958, стр. 205—282.
Ю. М. Лотман. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 78, 1959.

Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 98, 1960, стр. 25—27, 40—41, 44—52, 116—117, 122, 126—127; 135.
А. Г. Тартаковский. Новые данные о листовке-памфлете на 29-й «Бюллетень» французской армии.— ЗОР, вып. 23, 1960, стр. 68—71.
С. Я. Боровой. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.— «Пушкин и его время», вып. 1. Л., 1962, стр. 246—264.
С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова).— Там же, стр. 67—231.
«Листовки Отечественной войны 1812 г. Сборник документов». М., 1962, стр. 128—144.
А. П. Могилянский. М. Ф. Орлов и драматург Н. И. Селявин.— «Русская литература», 1962, № 2, стр. 158—162.
В. В. Пугачев. Из предыстории Союза Благоденствия. (Попытка Н. И. Тургенева и М. Ф. Орлова создать тайное общество в 1817 г.) — раздел в статье «Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода „Вольность“».— «Пушкин. Исследования и материалы», т. IV. М.—Л., 1962, стр. 96—123.
А. Г. Тартаковский. «Бюллетень» М. Ф. Орлова о поездке во французскую армию в начале войны 1812 г.— «Археографический ежегодник за 1961 г.». М., 1962, стр. 416—438.
Т. И. Усакина. Памфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова.— Декабристы в Москве. Сборник статей. Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1963, стр. 162—184.
Л. А. Ястржембский. Московский некрополь декабристов.— Там же, стр. 271.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ

«Восстание декабристов. Библиография». Сост. Н. М. Ченцов. Ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., ГИЗ, 1929, стр. 457—461.
«Движение декабристов. Указатель литературы. 1928—1959». Сост. Р. Г. Эймонтова при участии А. А. Соленниковой. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. М., Изд. Всесоюзн. книжной палаты, 1960, стр. 240—243.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Составил М. И. Гиллельсон

---

* Прямым шрифтом напечатаны страницы текста, курсивом — страницы приложений.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Приложения

Михаил Федорович Орлов

Капитуляция Парижа

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Издательства Академии наук СССР

Редактор издательства *К. П. Богаевская*
Художник *М. С. Эльцуфен*
Технический редактор *П. С. Кашина*
Корректор *К. Н. Сытина*

Сдано в набор 15/XII 1962 г.
Подписано к печати 15/IV 1963 г. Формат 70×90¹/₁₆
Печ. л. 23,5 + 1 вкл. = 27,49 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 25,5
Тираж 6000 экз. Изд. № 1080. Тип зак. 1472

Цена 1 р. 68 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

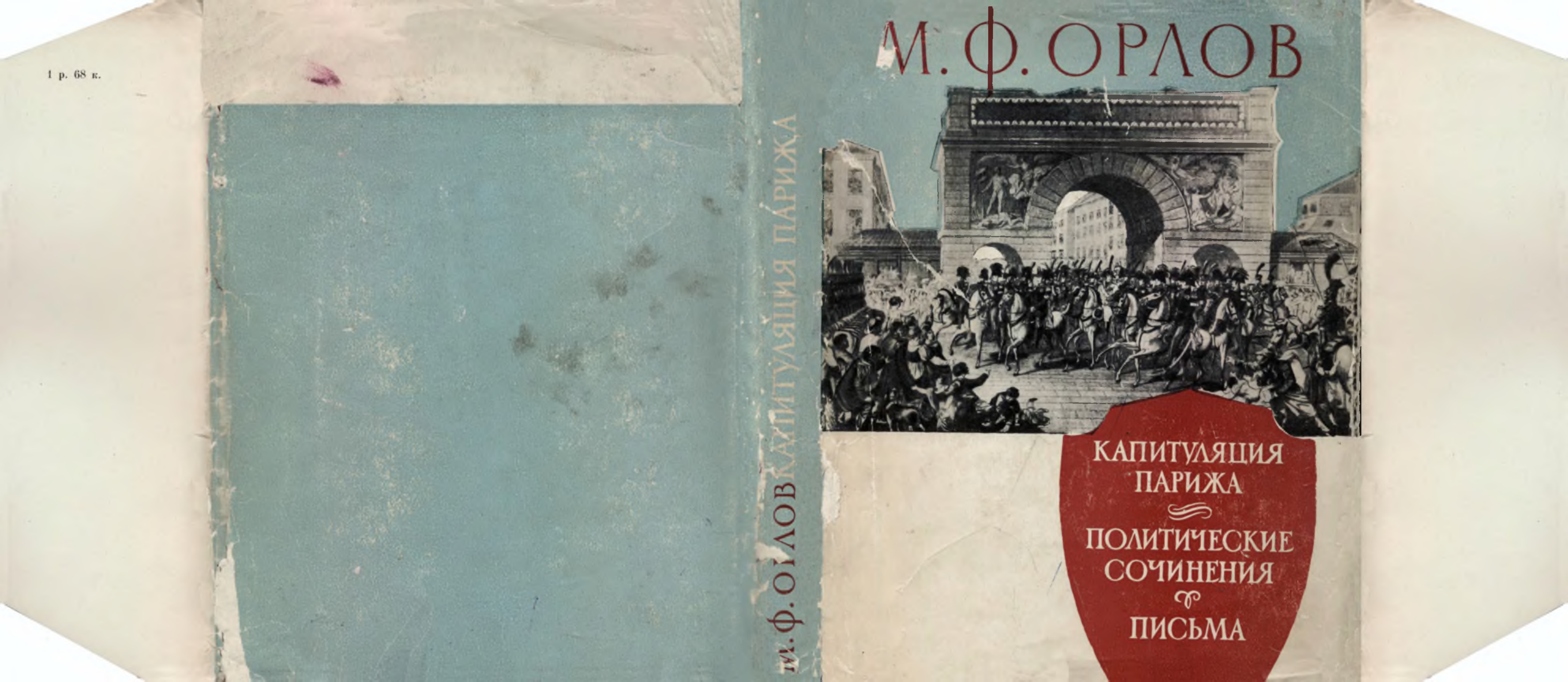
2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
37	1 сн.	И. Ф. Соколов	П. Ф. Соколов
272	20 св.	констатирующем	контрастирующем
285	10 сн.	А. М. Муравьевым	А. Н. Муравьевым
295	11 св.	1812 г.	1821 г.
330	19 св.	А. М. Муравьев	А. Н. Муравьев
343	15 сн.	как и поездка	вызванные поездкой

Зак. 1472

1 р. 65 к.

1 р. 68 к.
М. Ф. ОРЛОВ КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА
М. Ф. ОРЛОВ
КАПИТУЛЯЦИЯ
ПАРИЖА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
ПИСЬМА